

НОВЫЙ
МИР

12

МОСКВА 1938

НОВЫЙ МИР

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

ДЕКАБРЬ

МОСКВА
1938

Уполн. Главлита Б—46075.
Объем 18 печ. л. по 64.000 знаков.
Сдано в набор 4/XI—38 г. Подписано к печати 13/XII—38 г.
Тираж 80.000. Зак. 980.
Технический редактор А. И. Гессен.
Типография «Известий Советов депутатов трудящихся СССР»,
Москва, Пушкинская площадь, 5.

ПОД ЗНАМЕНЕМ СТАЛИНСКОЙ КОНСТИТУЦИИ

Два года тому назад — 5 декабря 1936 года — Чрезвычайный VIII Всесоюзный Съезд Советов, выражая могучую волю и радостные чувства всех народов Советского Союза, принял Сталинскую Конституцию.

Затаив дыхание, слушала тогда вся наша страна, каждый честный трудящийся проникновенные гениальные слова родного и великого Сталина о Конституции.

«Это будет исторический документ, трактуемый просто и сжато, почти в протокольном стиле, о фактах победы социализма в СССР, о фактах освобождения трудящихся СССР от капиталистического рабства, о фактах победы в СССР развернутой, до конца последовательной демократии.

Это будет документ, свидетельствующий о том, что то, о чем мечтали и продолжают мечтать миллионы честных людей в капиталистических странах, — уже осуществлено в СССР.

Это будет документ, свидетельствующий о том, что то, что осуществлено в СССР, вполне может быть осуществлено и в других странах».

И вся наша страна, каждый честный трудящийся, с восторгом впитывая слова вождя, учителя и друга товарища Сталина, переживали всю свою жизнь, окидывали взором всю советскую действительность с тем, чтобы всей душой, всем разумом и сердцем заявить:

— Сталинская Конституция — это кодекс завоеваний, итог блестящих побед, одержанных советским народом

под руководством партии Ленина—Сталина.

«Главную основу проекта новой конституции СССР составляют принципы социализма, его основные устои, уже завоеванные и осуществленные: социалистическая собственность на землю, леса, фабрики, заводы и прочие орудия и средства производства; ликвидация эксплуатации и эксплуататорских классов; ликвидация нищеты большинства и роскоши меньшинства; ликвидация безработицы; труд, как обязанность и долг чести каждого трудоспособного гражданина по формуле: «Кто не работает, тот не ест». (Из доклада товарища Сталина на Чрезвычайном VIII Съезде Советов).

Сталинская Конституция высоко подняла человека социалистического общества. Она гарантировала гражданам СССР право на труд, право на образование, право на отдых, право на материальное обеспечение в старости, уравнение женщины в правах с мужчиной во всех областях политической, хозяйственной и культурной деятельности, равноправие граждан, независимо от их национальности, от их имущественного и служебного положения.

За эти два года, минувшие со дня утверждения Съездом Советов и принятия всем советским народом Сталинской Конституции, на основе Конституции одержаны новые грандиозные победы.

Социалистическая промышленность СССР уже к концу 1937 года по срав-

нению с довоенным уровнем выросла более чем в семь раз. Вторая пятилетка промышленности была выполнена в 4 года и 3 месяца.

За первые десять месяцев 1938 года по сравнению с соответствующим периодом прошлого года продукция крупной промышленности выросла на 12,5 проц., т.-е. на семь миллиардов сто пятьдесят миллионов рублей. А среднегодовой прирост промышленной продукции в период первой пятилетки составлял пять с половиной миллиардов рублей. Так велик под'ем нашей крупной промышленности!

По уровню валовой продукции наша промышленность стоит на первом месте в Европе и на втором месте в мире. Каждый школьник у нас знает, что только один Днепрогэс имени Ленина вырабатывает электроэнергии больше, чем все электростанции царской России.

Мы победно осваиваем неисчерпаемые своими богатствами недра земли. По запасам нефти наша страна занимает первое место в мире, по запасам угля — второе. У нас нефти и угля больше половины всех мировых запасов. А пока изучена только треть всей территории СССР.

Наше социалистическое сельское хозяйство также завершило эти два года величайшими победами. Уже в 1937 году было осуществлено указание товарища Сталина о сборе урожая в 7 миллиардов пудов зерна. В этом году, несмотря на засуху в Поволжье и других районах, собран урожай больше, чем в 1935 и 1936 годах, и лишь немногим меньше, чем в прошлом — рекордном — году. Наша страна сейчас настолько богата хлебом, что нам не страшны ни засуха, ни любые неожиданности.

На наших социалистических полях — около полумиллиона тракторов, мощностью больше 10 миллионов лошадиных сил. У нас 243 тыс. колхозов, в которых состоят 93 проц. крестьянских хозяйств и которые имеют 99 проц. всей посевной площади крестьянских хозяйств.

Советский колхозный хлопок и лен полностью обеспечивают нашу легкую промышленность.

Год от года зажиточнее и культурнее становятся наши колхозы и колхозники.

Наша страна — великая железнодорожная держава. Сеть дорог возросла почти в полтора раза по сравнению с дореволюционной. Дороги царской России, как известно, были построены в течение девятиста лет.

Грузовое движение против 1913 года возросло в 4 раза по тоннажу. Наши железные дороги сейчас грузят больше 90 тысяч вагонов в сутки.

Могучий под'ем народного хозяйства, под'ем промышленности и колхозного производства сопровождался ростом благосостояния трудящихся Советского Союза.

Товарооборот увеличился только за десять месяцев этого года на 9 миллиардов рублей, т.-е. на 8,5 проц. против соответствующего периода прошлого года. Сейчас уже совсем нет недостатка в продовольственных продуктах. В отношении промышленных товаров ведется упорная работа, чтобы поскорее и полностью удовлетворить все потребности трудящихся.

О росте благосостояния народа красноречиво говорит то, что только за прошлый год заработки рабочих увеличились на десять с половиной миллиардов рублей.

На базе под'ема всего народного хозяйства и роста благосостояния трудящихся развернулось величайшее культурное строительство.

Почти четвертая часть населения Советского Союза — свыше 38 миллионов человек — учится в наших учебных заведениях. Девять миллионов человек учатся в общеобразовательных школах для взрослых. Около шести с половиной миллионов человек — рабочих и колхозников — учатся на различных специальных курсах. За годы двух сталинских пятилеток построено около пятидесяти тысяч новых школ.

Свыше шестисот тысяч студентов учатся в 705 высших учебных заведениях. А в 23 капиталистических государствах Европы, в том числе в Англии, во Франции, в Германии, в Польше и в Италии, студентов около 540 тысяч всего! И в то время, как за границей мо-

лодые люди с высшим образованием не могут найти себе работу, — у нас все еще не удовлетворяется потребность народного хозяйства в кадрах специалистов. И это, несмотря, например, на тот факт, что только за годы второй пятилетки вузы и техникумы Советского Союза выпустили свыше 611 тысяч специалистов промышленности, транспорта и сельского хозяйства.

Для советской молодежи построено заново больше 600 прекрасно оборудованных вузов. И в национальных республиках есть свои университеты, институты, техникумы, воспитывающие советские национальные кадры специалистов.

Дело народного здравоохранения получило у нас грандиозный размах. Медицинская помощь всем трудящимся у нас оказывается бесплатно. Только на советских курортах у нас действуют сотни санаториев с 97 тысячами коек. В 1937 году в санаториях было 800 тысяч и в домах отдыха — 2 миллиона человек. Органы здравоохранения имеют более чем девять тысяч стационарных врачебных учреждений с 500.000 коек. Кроме того, имеется 120 тысяч коек для рожениц. Действуют почти 18 тысяч амбулаторий, поликлиник, диспансеров и т. д. В сельских местностях работают 23.000 фельдшерских амбулаторных пунктов и др. Только в 1938 году было направлено в сельские местности более 3 тысяч врачей и 6 тысяч фельдшеров.

Советская женщина, пользующаяся всеми правами наравне с мужчиной, во всех областях строительства принимает активнейшее участие.

Страна знает и любит женщин — героинь социалистического труда, стахановок города и деревни. Народ выбрал многих заслуженных дочерей своих депутатами Верховных Советов.

С чувством гордости и радости встретила вся страна сообщение о подвиге отважных летчиц В. Гризодубовой, П. Осипенко и М. Расковой и награждение их званием Героя Советского Союза.

Совсем недавно страна узнала о новом замечательном подвиге. Зинаида Троицкая, выдвинутая на ответственный пост начальника Московской Окружной железной дороги, предложила и осуществ-

ствила лозунг: женщина на паровоз. И уже десятки женщин встали у управления паровозом, сотни готовятся к тому же.

Трудящаяся женщина-мать пользуется в нашей стране глубоким уважением и вниманием. Только пособий многодетным матерям выдано с 27 июня 1936 года, когда было издано постановление правительства, до 1 ноября 1938 года — 1 миллиард 913,2 миллиона рублей.

Граждане Советского Союза — больные, нетрудоспособные, престарелые — пользуются социальным обеспечением. Только по одной РСФСР в 1938 году на социальное обеспечение отпущено государством около полутора миллиардов рублей.

В нашей стране нет безработицы, и трудящиеся на веки вечные избавлены от самого большого несчастья — от безработицы.

Сталинская Конституция — самая демократическая конституция в мире. Она ввела — впервые в истории человечества! — действительно всеобщее избирательное право без всяких ограничений, действительно равное для всех граждан, действительно прямые выборы и тайное голосование.

Свобода слова, собраний, печати записаны в Основном Законе социалистического государства и гарантирована трудящимся всеми необходимыми материальными средствами: помещениями для собраний, полиграфической базой, бумагой и др.

Выборы в Верховный Совет СССР и в Верховные Советы союзных и автономных республик, прошедшие на основе Сталинской Конституции, являются мощным выражением всего величия социалистического демократизма.

Выборы показали всю силу единства советского народа, его сплоченности вокруг советского правительства и коммунистической партии и вождя товарища Сталина.

С исключительной силой и ясностью выборы показали роль коммунистической партии, как передового отряда, трудящихся в их борьбе за победу социалистического строя, за победу коммунизма. Единство и мощь советского

народа нашли свое блестящее выражение и в горячей дружбе всех народов нашей страны, во главе с великим русским народом, начавшим борьбу всех народов за свое освобождение. Эта великая сталинская дружба нерушима, она крепнет все больше, сказываясь во всех областях жизни.

Пушкин и Горький, Шота Руставели и Шевченко, Калевала и вогульский Мадур Ваза и киргизский Манас стали достоянием всех народов нашей страны, открывшей дорогу Гомерам XX века — Сулейману Стальскому и Джамбулу. Мы гордимся этим замечательным явлением — процессом взаимного духовного обогащения, создания единой советской культуры.

Единство и мощь советского народа, все более крепнущие, ставшие огромной, великой силой, выражаются и в росте стахановского движения, в росте замечательных деятелей и героев во всех областях строительства — в области культуры, техники, науки, искусства и литературы.

Каждый день приносит изумительные известия о новых и новых подвигах трудящихся, героев, растущих всюду, везде по нашей стране.

«Не имущественное положение, не национальное происхождение, не пол, не служебное положение, а личные способности и личный труд каждого гражданина определяют его положение в обществе» (Сталин).

Труд давно стал делом чести, делом доблести, делом славы и геройства в нашей стране. И народ прославляет все новые имена своих героев, которые своим трудом, знаниями, подвигом прославляют нашу родину.

Папанин и папанинцы, Стаханов и стахановцы, летчики — Герои Советского Союза, пополнившие свои ряды славными товарищами Коккинаки и Бряндинским, Серовым и Рычаговым, первыми Героинями Советского Союза В. Гризодубовой, П. Осипенко, М. Расковой, и многие, многие другие любимцы народных масс; рост их числа, их примеры, зажигающие миллионы сердец, — все это новая, яркая, замечательная жизнь в нашей стране.

И весь народ, сплоченный вокруг партии и вождя товарища Сталина, беззаветно любит могучую свою родину.

«Защита отечества есть священный долг каждого гражданина СССР. Измена родине: нарушение присяги, переход на сторону врага, нанесение ущерба военной мощи государства, шпионаж — караются по всей строгости закона, как самое тяжкое злодеяние».

Эти огненные слова Сталинской Конституции горят в сердцах и в сознании многих и многих миллионов советских людей — верных патриотов. Усилиями советского народа разбиты на-голову троцкистско-бухаринские, буржуазно-националистические и прочие наймиты иностранных фашистских разведок, все эти заклятые враги народа, шпионы и диверсанты.

Все они пытались сорвать строительство социализма, реставрировать в нашей стране капитализм, подорвать мощь и обороноспособность Советского Союза.

От их подлых рук погибли знаменитый трибун революции, один из руководителей партии, Сергей Миронович Киров, великий русский писатель Алексей Максимович Горький, преданнейший чекист В. Менжинский, государственный деятель В. Куйбисhev.

С чувством глубокого удовлетворения и живейшей радости встретил весь советский народ справедливый приговор суда, по которому были уничтожены Бухарин, Рыков, Ягода и вся прочая мразь.

На-голову разбиты враги. Советский народ лишь тронул пальцем, и враги были низринуты в бездну.

В победе над врагами решающую роль сыграли указания партии и товарища Сталина.

«... чем больше будем продвигаться вперед, чем больше будем иметь успехов, тем больше будут озлобляться остатки разбитых эксплуататорских классов, тем скорее будут они идти на более острые формы борьбы, тем больше они будут пакостить советскому государству, тем больше они будут хвататься за самые отчаянные средства

борьбы, как последние средства обреченных».

Эти слова товарища Сталина, сказанные еще на февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП(б) в 1937 году, сохранили всю свою силу, всю свою остроту и сейчас.

Обреченный на гибель капитализм судорожно ищет выхода из тисков противоборечий в войне. Вторая империалистическая грабительская война на деле уже началась и уже успела втянуть в свою орбиту более полумиллиарда населения земного шара.

Войну эту начали в разных концах мира фашистские правящие круги Германии, Японии и Италии, — эти каннибалы XX века.

Все прогрессивное человечество с глубоким уважением следит за героической борьбой испанского и китайского народов, отважно ведущих справедливую войну против наглой и зверской фашистской интервенции. Все прогрессивное человечество с беспредельным негодованием и омерзением относится ко все нарастающему зверству, каннибализму фашистской мрази, бомбардирующей и уничтожающей мирные, трудолюбивые народы Абиссинии, Испании, Китая, организующей кровавые погромы еврейского народа в Германии, перед которыми бледнеют ужасы средневековой инквизиции.

Советский народ все свои симпатии и братские чувства отдает народам, подвергшимся варварскому нападению фашизма, народам, угнетаемым и унижаемым фашизмом.

Советский народ категорически высказывается за полное уничтожение каннибализма, что и сделано в Советской стране.

На митинге советской интеллигенции в Москве писатель-орденоносец, депутат Верховного Совета СССР А. Н. Толстой выразил мысли и чувства всего советского народа:

—... Предела нет нашему возмущению. На земле Германии, залитой еврейской кровью, возникнет во весь гигантский рост «красный призрак» — суровый и беспощадный к врагам человечества... И он взглянет смертельным взо-

ром в твои звериные глаза, фашизм, и ты умрешь, фашизм, ты станешь грязью под ногами сотен миллионов трудящихся, на победном знамени которых начертан знак единения и победы — серп и молот».

В резолюции митинга интеллигенции города Москвы сказано:

«...Мы, интеллигенция социалистической страны, знаем, что фашисты способны на всякие мерзости и злодеяния, что нынешняя фашистская расправа над евреями является одним из звеньев кровавой цепи преступлений фашистских мракобесов.

Мы, представители советской интеллигенции, счастливы, что живем в стране, основанной на братском содружестве народов, сплоченных в единую семью под великим знаменем Ленина—Сталина.

Мы присоединяем к голосу всего человечества свой голос сочувствия жертвам еврейских погромов в Германии.

Мы знаем, что германский народ, создатель величественной культуры, народ, выдвинувший великих мыслителей, писателей и ученых, непричастен к зверствам фашистских изуверов. Вместе с германским народом мы верим, что развееется та кромешная ночь, в которую фашизм погрузил сейчас Германию и в какую он стремится ввергнуть все человечество».

В дни фашистского погромного разгула взоры трудящихся всех стран обращены с надеждой и любовью к СССР — маяку разума, человечности и дружбы народов.

С тем большей враждой и ненавистью готовят войну против СССР фашисты, сколачивая «антикоминтерновские» блоки, засылая к нам своих наймитов, шпионов и диверсантов.

Оголтелая японская фашистская клика, организовав подлый налет на советскую территорию у озера Хасан, хотела втянуть весь японский народ в войну против Советского Союза.

Советский Союз — верный и могучий оплот мира. И в боях у озера Хасан всему земному шару было очевидно доказано, как можно и надо бороться за дело мира.

«Ни одной пяди чужой земли не хотим. Но и своей земли, ни одного вершка своей земли не отдадим никому».

«... мы не боимся угроз и готовы ответить ударом на удар поджигателей войны».

Вдохновленные этими словами товарища Сталина, с именем великого и родного вождя и друга на устах, герои боев у озера Хасан ответили сокрушающим ударом на удар фашистских самураев.

Радостно и восторженно выполнили пограничники и бойцы, командиры и политработники Красной Армии свой священный долг — защиту родины.

Разгром японских фашистских самураев у озера Хасан — лучшее подтверждение все возрастающей мощи советского социалистического государства — главного оружия в руках рабочих и крестьян для победы социализма и для защиты социалистических завоеваний трудящихся от капиталистического окружения.

Но это еще раз говорит нам о том, что «надо держать порох сухим», надо быть революционно бдительным, надо быть в состоянии боевой готовности и всемерно укреплять государство и его боевую мощь, чтобы разгромить врага на его же территории, чему неустанно учит нас великий и родной товарищ Сталин.

Советский народ уже вступил в полосу завершения строительства социалистического общества и постепенного перехода ко второй, высшей фазе коммунизма.

Но это значит — надо бороться за еще большее, небывалое развитие производительных сил, это значит — надо провести гигантскую работу по обобщению разнообразного и богатейшего опыта социалистического строительства, по разработке теоретических и практических проблем коммунизма.

Создание глубокого научного труда — «Истории ВКП(б)» — при ближайшем личном участии товарища Сталина открывает безграничные просторы идейного развития всего советского народа, в первую очередь — советской интел-

лигенции. Выход «Истории ВКП(б)» — сильнейшего оружия овладения большевизмом — встречен единодушным восторгом всего народа.

Историческое постановление ЦК ВКП(б) о постановке пропаганды, принятое вслед за выходом курса «Истории ВКП(б)», кладет начало новому мощному подъему и идейно-политической жизни партии и всего советского народа, в движении его к коммунизму.

В Советской стране выросла новая советская интеллигенция, при помощи которой рабочий класс, советское государство ведут свою внутреннюю и внешнюю политику.

Все наши кадры, работающие в различных отраслях строительства, — это могучая советская народная интеллигенция, выращенная партией Ленина—Сталина, кровно связанная с рабочим классом и крестьянством.

Постановление ЦК ВКП(б) о партийной пропаганде отмечает огромную роль и значение деятельности советской интеллигенции, без которой не может обойтись наше социалистическое государство; оно со всей силой ставит перед советской интеллигенцией задачу овладения большевизмом; оно категорически требует изжития, прекращения недооценки роли интеллигенции, пренебрежительного, «махаевского» отношения к ней, дикого и даже опасного для нашего государства.

Все это ставит перед советской интеллигенцией вопрос об огромной и радостной ответственности своей перед народом.

Под сенью Сталинской Конституции, закрепившей величайшие завоевания социалистической революции, одержаны новые величайшие победы советским народом. Под знаменем Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина, во главе с партией и вождем товарищем Сталиным, овладевая большевизмом, монолитно сплоченный советский народ строит коммунизм и возглавляет революционное движение к коммунизму всего человечества.

О постановке партийной пропаганды в связи с выпуском „Краткого курса истории ВКП(б)“

Постановление ЦК ВКП(б)

I

Выход в свет «Краткого курса истории Всесоюзной коммунистической партии (большевиков)» является крупнейшим событием в идейной жизни большевистской партии. С появлением «Краткого курса истории ВКП(б)», партия получила новое могучее идейное оружие большевизма, энциклопедию основных знаний в области марксизма-ленинизма. Курс истории партии — научная история большевизма. В ней изложен и обобщен гигантский опыт коммунистической партии, равного которому не имела и не имеет ни одна партия в мире.

«Краткий курс истории Всесоюзной коммунистической партии (большевиков)» является важнейшим средством в деле разрешения задачи овладения большевизмом, вооружения членов партии марксистско-ленинской теорией, т. е. знанием законов общественного развития и политической борьбы, средством повышения политической бдительности партийных и непартийных большевиков, средством поднятия дела пропаганды марксизма-ленинизма на надлежащую теоретическую высоту.

Создавая «Краткий курс истории Всесоюзной коммунистической партии (большевиков)», ЦК ВКП(б) исходил из следующих задач:

1). Необходимо было дать партии единое руководство по истории партии, руководство, представляющее официаль-

ное, проверенное ЦК ВКП(б) толкование основных вопросов истории ВКП(б) и марксизма-ленинизма, не допускающее никаких произвольных толкований. Изданием «Курса истории ВКП(б)», одобренного ЦК ВКП(б), кладется конец произволу и неразберихе в изложении истории партии, обилию различных точек зрения и произвольных толкований важнейших вопросов партийной теории и истории партии, которые имели место в ряде ранее изданных учебников по истории партии.

2) Создавая «Краткий курс истории ВКП(б)», ЦК ВКП(б) ставил своей задачей ликвидировать вредный разрыв в области пропаганды между марксизмом и ленинизмом, который образовался за последние годы и который привел к тому, что ленинизм стали преподавать как самостоятельное учение в отрыве от марксизма, в отрыве от диалектического и исторического материализма, в отрыве от истории партии, забывая, что ленинизм вырос и развился на основе марксизма, что марксизм есть основа ленинизма, что, не зная этой основы ленинизма, нельзя понять ленинизм.

Создавая «Курс истории ВКП(б)», ЦК ВКП(б) ставил своей задачей дать такое руководство по теории и истории ВКП(б), в котором были бы воссоединены в одно целое искусственно расщепленные составные части единого марк-

систско-ленинского учения — диалектический и исторический материализм и ленинизм, а исторический материализм был бы связан с политикой партии, — руководство, в котором было бы показано неразрывное единство, целостность и преемственность учения Маркса и Ленина, единство марксизма-ленинизма, и изложено то новое, что внесено Лениным и его учениками в марксистскую теорию на основе обобщения нового опыта классовой борьбы пролетариата в эпоху империализма и пролетарских революций.

3) В противоположность некоторым старым учебникам, излагавшим историю ВКП(б) прежде всего вокруг исторических лиц и имевшим в виду воспитание кадров на лицах и их биографиях, — «Краткий курс» излагает историю партии на базе развертывания основных идей марксизма-ленинизма и имеет в виду воспитание партийных кадров, в первую очередь, на идеях марксизма-ленинизма.

Создавая «Краткий курс истории ВКП(б)», ЦК ВКП(б) исходил из задачи преподать учение марксизма-ленинизма на основе исторических фактов. ЦК ВКП(б) имел в виду, что такое изложение марксистско-ленинской теории наиболее отвечает интересам дела, так как на исторических фактах лучше, естественнее и понятнее продемонстрировать основные идеи марксизма-ленинизма, так как сама история ВКП(б) есть марксизм-ленинизм в действительности, так как правильность и жизненность марксистско-ленинской теории проверены практикой, на опыте классовой борьбы пролетариата, и сама марксистско-ленинская теория развивалась и обогащалась в теснейшей связи с практикой, на основе обобщения практического опыта революционной борьбы пролетариата.

4) Создавая «Краткий курс истории ВКП(б)», ЦК ВКП(б) ставил задачу освободить марксистскую литературу от упрощенчества и вульгаризации в толковании ряда вопросов теории марксизма-ленинизма и истории партии.

Такого рода вульгаризация и упрощенчество нашли выражение, напри-

мер, в распространенных до последнего времени, явно антимарксистских и давно осужденных партией, взглядах о роли личности в истории, когда вопрос о роли личности в истории излагался некоторыми лже-теоретиками и пропагандистами с полу-эсеровских позиций.

К такого рода вульгаризаторству и упрощенчеству марксизма-ленинизма относится неправильное толкование вопроса о победе социализма в нашей стране.

Широкое распространение приобрели извращения марксистско-ленинских взглядов по вопросу о характере войн в современную эпоху, непонимание различия между войнами справедливыми и несправедливыми, неправильный взгляд на большевиков как на своего рода «пацифистов».

В исторической науке до последнего времени антимарксистские извращения и вульгаризаторство были связаны с так называемой «школой» Покровского, которая толковала исторические факты извращенно, вопреки историческому материализму освещала их с точки зрения сегодняшнего дня, а не с точки зрения тех условий, в обстановке которых протекали исторические события, и, тем самым, искажала действительную историю.

Антиисторическая фальсификация действительной истории, антиисторические попытки приукрасить историю, вместо правдивого ее изложения, приводили, например, к тому, что в нашей пропаганде история партии изображалась иногда, как сплошной путь побед, без каких бы то ни было временных поражений и отступлений, что явно противоречит исторической правде и, тем самым, мешает правильному воспитанию кадров.

Антимарксистская вульгаризаторская путаница сказалась также в распространении неправильных взглядов на советское государство, в принижении роли и значения социалистического государства, как главного оружия в руках рабочих и крестьян для победы социализма и для защиты социалистических завоеваний трудящихся от капиталистического окружения.

«Краткий курс истории ВКП(б)» кладет конец этой и тому подобной вулгаризации и опошлению марксизма-ленинизма, восстанавливая установки марксизма-ленинизма.

5) Создавая «Краткий курс истории ВКП(б)», ЦК ВКП(б) ставил своей задачей наглядно продемонстрировать силу и значение марксистско-ленинской теории, научно раскрывающей законы развития общества, — теории, которая учит применять эти законы для руководства революционной деятельностью пролетариата, — теории, которая, как и всякая наука, непрерывно развивается и совершенствуется и которая не боится заменять отдельные устаревшие положения и выводы новыми выводами и положениями, соответствующими новым историческим условиям.

ЦК ВКП(б) исходил из того, что без знания теории марксизма-ленинизма, без овладения большевизмом, без преодоления своей теоретической отсталости, наши кадры будут хромать на обе ноги, ибо задача правильного руководства всеми отраслями социалистического строительства требует овладения со стороны практиков основами марксистско-ленинской теории, требует умения руководствоваться теорией при разрешении вопросов практической деятельности.

Ошибочно думать, будто задача овла-

дения теорией посильна лишь небольшому кругу работников. Овладение марксистско-ленинской теорией — дело жизненное. Именно теперь, при Советской власти и победе социализма в СССР, созданы неограниченные возможности для того, чтобы наши руководящие кадры успешно овладевали марксистско-ленинской теорией, изучили историю партии, труды Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина. Для того, чтобы овладеть теорией марксизма-ленинизма, надо лишь проявить желание, настойчивость и твердость характера в достижении этой цели. Если можно успешно овладеть такими науками, как, например, физика, химия, биология, то тем более нет оснований сомневаться, что можно полностью овладеть наукой марксизма-ленинизма.

6) Создавая «Курс истории ВКП(б)», ЦК ВКП(б) ставил задачу помочь кадрам, ведущим теоретическую и пропагандистскую работу, перестроиться, улучшить качество работы, начать ликвидировать свою теоретическую отсталость, устранить недостатки и пробелы в своей идеологической подготовке и поднять пропагандистскую работу на должную высоту.

Все эти задачи, поставленные ЦК ВКП(б), нашли свое разрешение в «Кратком курсе истории ВКП(б)».

II

Каковы основные недостатки пропагандистской работы?

В каком направлении необходимо перестроить пропагандистскую и теоретическую работу партии?

1) Основным недостатком постановки партийной пропаганды является отсутствие необходимой централизации руководства партийной пропагандой и вытекающие отсюда кустарщина, неорганизованность в деле пропаганды.

Кустарничество и неорганизованность в области партийной пропаганды выразились прежде всего в том, что партийные организации основной формой пропаганды избрали устную пропаганду через кружки, забывая, что кружковый метод пропаганды был свойственен пре-

имущественно нелегальному периоду партии, в силу условий работы партии в то время, и что в условиях Советской власти и при наличии в руках большевистской партии такого мощного орудия пропаганды, как печать, созданы совершенно новые условия и возможности для неограниченного размаха пропаганды и для централизованного руководства ею.

Вместо того, чтобы использовать эти возможности, партийные организации продолжают цепляться за старые формы пропаганды, не учитывая того, что кружки в нынешних условиях уже не могут являться главным методом обучения наших кадров большевизму, что основным методом обучения кадров

марксизму-ленинизму должен являться испытанный на опыте старшего поколения большевиков метод самостоятельного изучения истории и теории большевистской партии, а партия должна притти на помощь кадрам в этом отношении через печать и централизованную высококвалифицированную консультацию по возникающим у них в процессе изучения вопросам, через лекции, доклады и т. п.

Избрав основным методом пропаганды устную пропаганду через кружки, партийные организации увлеклись ошибочной затеей объединить в кружки всех коммунистов, поставив ставку на количественное расширение сети партийных кружков, на погоню за огульным «охватом» и при том в обязательном порядке всех без исключения коммунистов партийными кружками.

В погоне за количеством кружков, партийные организации выпустили из рук главное звено — качество пропаганды.

Обилие кружков, лишив партийные организации возможности контролировать пропагандистскую работу по существу, привело к тому, что партийные организации выпустили из своих рук руководство пропагандой, сведя свою деятельность главным образом к собиранию канцелярско-статистических сведений об «охвате» коммунистов учебой в кружках, их численности и посещаемости. В результате кружки превратились в автономные и бесконтрольные организации, ведущие работу на свой риск и страх.

Обилие кружков привело, далее, к тому, что кадры пропагандистов оказались переполненными малоподготовленными теоретически, а зачастую политически неграмотными и непроверенными людьми, которые не только не могут помочь членам партии и беспартийным овладеть большевизмом, но способны лишь подменить изложение марксистско-ленинской теории вредным упрощенчеством и запутать своих слушателей.

В погоне за количеством пропагандистов партийные организации выпустили из своих рук теоретическое руководство подготовкой и переподготовкой пропа-

гандистских кадров и контроль за работой пропагандистов в кружках. Вместо того, чтобы централизовать руководство пропагандистами и обеспечить тем самым подъем качества работы с пропагандистами, парторганизации и в этом деле ошибочно взяли курс на количество, распылив дело помощи пропагандистским кадрам путем создания большого количества парткабинетов при предприятиях, семинаров пропагандистов, краткосрочных курсов пропагандистов и т. д. Погоня за количеством этих учреждений в ущерб качеству привела к тому, что парткабинеты и семинары пропагандистов оказались лишены необходимого партийного руководства, а недостаток квалифицированных кадров руководителей пропсеминаров и парткабинетов привел к снижению качества их работы, к неудовлетворенности пропагандистов постановкой дела в них, превращая посещение семинаров и кабинетов в формальную повинность.

Превратив посещение кружков в обязанность для членов партии, рассматривая партийцев как вечных школьников начальных классов, неспособных к самостоятельному изучению марксизма-ленинизма, парторганизации прибегли к целому ряду административных ухищрений для вовлечения и удержания членов партии в кружках, встали на путь мелочной опеки и регламентации работы коммунистов в кружках.

В работе кружков укоренились неправильные и тормозящие идейно-политический рост членов партии школярские методы, выразившиеся в насаждении «единых дней» учебы для всех кружков, единых регламентов их работы, в изгнании из кружков метода беседы и живой товарищеской дискуссии.

Не ограничиваясь этим, парторганизации задалась бюрократической и вредной затеей «контролировать» каждого читающего марксистско-ленинскую книгу и заставлять отчитываться в прочитанном.

В результате этих неправильных установок в пропагандистской работе, у коммунистов, обязанных в течение ряда лет заниматься в одних и тех же круж-

ках и лишенных надлежащей помощи в изучении марксистско-ленинской литературы у себя дома, теряется интерес к теоретической подготовке, а посещение занятий кружков зачастую превращается в тягостную обузу.

Нарушение принципа добровольности при вступлении в кружки, бюрократически-административная практика механического, принудительного зачисления членов партии в кружки, неправильный взгляд на кружки как на единственную форму партийного просвещения, подорвали у партийцев веру в то, что они могут успешно изучать марксизм-ленинизм путем самостоятельного чтения. Тем самым нанесен ущерб делу глубокого, самостоятельно-го усвоения коммунистами основ марксизма-ленинизма, идейному росту партийных кадров.

Необходимо восстановить коммунистам веру в свои силы и способности к овладению марксистско-ленинской теорией.

Необходимо разбить вредный предрассудок, будто учиться марксизму-ленинизму можно только в кружке, тогда как в действительности главным и основным способом изучения марксизма-ленинизма является самостоятельное чтение.

2) Одной из основных причин непомерного раздувания кружковой работы и устной пропаганды вообще, в ущерб пропаганде через печать, явился вредный разрыв в организации печатной и устной пропаганды, нашедший свое выражение в раздельном существовании отделов пропаганды и отделов печати как в обкомах, крайкомах и ЦК нацкомпартий, так и в аппарате ЦК ВКП(б).

В пропаганде марксизма-ленинизма главным, решающим оружием должна являться печать—журналы, газеты, брошюры, а устная пропаганда должна занимать подсобное, вспомогательное место. Печать дает возможность ту или иную истину сразу сделать достоянием всех, она поэтому сильнее устной пропаганды. Расщепление же руководства пропагандой между двумя отделами привело к принижению роли печати в

пропаганде марксизма-ленинизма и, тем самым, к сужению размаха большевистской пропаганды, к кустарничеству и неорганизованности.

Отделы партийной пропаганды и агитации, ограничив свою деятельность устной пропагандой, погнавшись за количеством кружков, не использовали для дела пропаганды партийную печать, и в результате лишили себя возможности руководить пропагандой по существу.

В свою очередь отделы печати, будучи лишены необходимых квалифицированных кадров пропагандистов, которые почти целиком ушли в устную пропаганду, оказались неспособными вести пропаганду марксизма-ленинизма через печать.

3) Важнейшим недостатком в деле партийной пропаганды является пренебрежение со стороны партийных организаций к делу политической подготовки, к делу марксистско-ленинской закалки наших кадров, нашей советской интеллигенции, — кадров партийных, комсомольских, советских, хозяйственных, кооперативных, торговых, профсоюзных, сельскохозяйственных, просвещенских, военных, то-есть кадров партийного, государственного и колхозного аппарата, при помощи которых управляют рабочий класс и крестьянство Советской страной. Практика нашей партийной пропаганды, сосредоточившись на охвате, главным образом, рабочих от станка, упустила из виду командные кадры — нашу советскую, партийную и непартийную интеллигенцию, состоящую из вчерашних рабочих и крестьян.

«Краткий курс истории ВКП(б)» ставит одной из своих задач положить конец этому дикому, антиленинскому, пренебрежительному отношению к нашей, советской интеллигенции и к нуждам ее политическому, ленинского воспитания.

«Краткий курс истории ВКП(б)» обращен, в первую очередь, к руководящим кадрам партийных, комсомольских, хозяйственных и иных работников, ко всей нашей партийной и непартийной интеллигенции как в городе, так и в деревне.

Наши партийные, советские, хозяйственные и другие руководящие ленинские кадры, занятые практической работой, сильно отстали в области теории. Создавая курс истории партии, ЦК ВКП(б) ставил задачу начать ликвидацию этой теоретической и политической отсталости наших кадров.

ЦК ВКП(б) исходил из того, что «...если бы мы смогли, если бы сумели наши партийные кадры, снизу доверху, подготовить идеологически и закалить их политически таким образом, чтобы они могли свободно ориентироваться во внутренней и международной обстановке, если бы мы сумели сделать их вполне зрелыми ленинцами, марксистами, способными решать без серьезных ошибок вопросы руководства страной, то мы разрешили бы этим девять десятых всех наших задач» (Сталин).

ЦК ВКП(б) исходил из того, что искусство большевистского руководства требует знания теории, т. е. законов развития общества, законов развития рабочего движения, развития пролетарской революции, развития социалистического строительства и умения пользоваться этими законами в практической работе по руководству социалистическим строительством.

Все наши кадры составляют огромную армию советской интеллигенции. Советская интеллигенция всеми своими корнями связана с рабочим классом и крестьянством. Это совершенно новая интеллигенция, подобной которой нет ни в одной стране мира.

Ни одно государство не могло и не может обойтись без своей интеллигенции, тем более не может обойтись без своей интеллигенции социалистическое государство рабочих и крестьян. Нашу интеллигенцию, выросшую за годы Советской власти, составляют кадры государственного аппарата, при помощи которых рабочий класс ведет свою внутреннюю и внешнюю политику. Это — вчерашние рабочие и крестьяне и сыновья рабочих и крестьян, выдвинувшиеся на командные посты. Особое значение имеет интеллигенция в такой стране, как наша, где государство направляет

все отрасли хозяйства и культуры, в том числе и сельское хозяйство, и где каждый государственный работник, чтобы сознательно и с успехом выполнять свою работу, должен понимать политику государства, его задачи во вне и внутри страны.

Следовательно, задача марксистско-ленинского воспитания советской интеллигенции является одной из самых первоочередных и важнейших задач партии большевиков.

ЦК ВКП(б) констатирует, что несмотря на столь важную роль интеллигенции в советском государстве, до настоящего времени еще не преодолено пренебрежительное отношение к нашей интеллигенции, представляющее из себя вреднейшее перенесение на нашу советскую интеллигенцию тех взглядов и отношений к интеллигенции, которые были распространены в дореволюционный период, когда интеллигенция находилась на службе у помещиков и капиталистов.

Это пренебрежительное отношение к интеллигенции находит свое выражение в запущенности идейно-воспитательной работы с кадрами, в забросе политической работы среди интеллигенции, служащих, учителей, врачей, студенчества, колхозной интеллигенции и т. д., в пренебрежительно-высокомерном отношении к партийному и непартийному интеллигенту, как к человеку второго сорта, хотя бы это была вчерашний стахановец, выдвинутый в силу своих заслуг на руководящий пост советского государства.

Такое антибольшевистское отношение к советской интеллигенции является диким, хулиганским и опасным для советского государства. Необходимо понять, что именно заброшенность политической работы среди интеллигенции, среди наших кадров, привела к тому, что часть наших кадров, оказавшаяся вне политического влияния партии и лишенная идейной закалки, политически свихнулась, запуталась и стала добычей иностранных разведок и их троцкистско-бухаринской и буржуазно-националистической агентуры.

ЦК ВКП(б) считает, что этому «ма-

хаевскому», антиленинскому отношению к интеллигенции необходимо положить конец.

Необходимо воспитать советскую интеллигенцию в духе марксизма-ленинизма.

Без такой интеллигенции советское государство не может с успехом руководить страной.

«Краткий курс истории ВКП(б)» является средством такого воспитания советской интеллигенции.

III

ЦК ВКП(б) постановляет:

1. Считать неправильной практику погони за количественным охватом коммунистов кружками сети партпросвещения в ущерб качеству пропаганды, приводящую к дроблению сил и снижению уровня пропагандистской работы.

2. Обязать партийные организации ликвидировать организационное кустарничество в деле партийной пропаганды, установить необходимую централизацию в руководстве ею и перестроить организацию партийной пропаганды таким образом, чтобы обеспечить подъем ее качества, ее идейного уровня.

3. В основу пропаганды марксизма-ленинизма положить «Краткий курс истории Всесоюзной коммунистической партии (большевиков)».

Дифференцировать изучение истории ВКП(б) следующим образом:

Для низового звена кадров, в числе которых имеется значительная часть недостаточно подготовленных товарищей, целесообразно изучать курс в сокращенном объеме по трем основным этапам истории партии: 1) борьба за создание большевистской партии (I—IV главы), 2) партия большевиков в борьбе за диктатуру пролетариата (V—VII главы), 3) партия большевиков у власти (VIII—XII главы).

Для среднего звена, состоящего из сравнительно более подготовленных товарищей и являющегося наиболее многочисленным звеном наших кадров, ЦК ВКП(б) рекомендует изучение «Курса истории ВКП(б)» полностью, по 12 содержащимся в нем главам.

Для высшего звена, т. е. для наиболее подготовленных товарищей целесообразно изучать «Краткий курс истории ВКП(б)» по подразделам каждой главы, одновременно с изучением соответ-

ствующих произведений Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина по первоисточникам.

4. Исходя из того, что главным методом изучения марксизма-ленинизма должен стать метод самостоятельного изучения, предложить обкомам, крайкомам и ЦК нацкомпартий сократить количество кружков партийного просвещения.

Вместо существующих ныне на каждом крупном предприятии, в учреждении, в вузе многих десятков, а иногда и сотен кружков, при правильном подходе к делу окажется целесообразным иметь на крупном предприятии, в крупном учреждении, примерно, 2—3 кружка для низовых кадров, 2—3 кружка среднего уровня и 1 повышенный кружок для самых развитых и подготовленных людей, а в вузах несколько кружков среднего и повышенного типа.

В сельских районах при наличии желающих изучать «Краткий курс истории ВКП(б)» в кружках и при наличии квалифицированных пропагандистов можно иметь несколько кружков для сельской интеллигенции: партийного и советского актива, учителей, торгово-кооперативных работников, колхозного актива и т. д.

При сокращении количества кружков необходимо исходить из задачи обеспечить их действительно квалифицированными пропагандистами.

5. Ликвидировать административно-бюрократическую практику принудительного зачисления коммунистов в кружки партийного просвещения.

Разъяснить каждому коммунисту, что участие в кружках является делом исключительно добровольным.

6. Работа кружков должна быть построена на основе живой беседы и товарищеской дискуссии. Из кружков долж-

ны быть решительно изгнаны вредные школярско-административные методы, казенщина и схематизм, тормозящие идейное воспитание партийных и непартийных большевиков. Пропагандисты должны давать товарищеское разъяснение по интересующим членов кружка вопросам.

Необходимо покончить с формально-бюрократической регламентацией работы кружков (единый день партийной учебы, двухчасовые занятия сразу же после работы, отказ от постановки практических вопросов, интересующих участников кружка и т. п.). Расписание занятий каждого кружка должно устанавливаться его участниками вместе с пропагандистом, исходя из местных условий. Каждое занятие должно продолжаться столько, сколько участники кружка сочтут необходимым для основательного обсуждения поставленных вопросов.

Работа кружков должна быть организована так, чтобы не растягивать занятия на слишком долгий период времени. Необходимо избежать одного из коренных недостатков теперешних кружков, когда неограниченное количество времени уделяется первым темам, а послеоктябрьский период, имеющий важнейшее значение в истории партии, остается неизученным.

Кружки по изучению истории партии должны формироваться так, чтобы обеспечить более или менее однородный уровень общеобразовательной и политической подготовки их участников. По уровню подготовки целесообразно иметь три типа кружков в соответствии с дифференцированным характером изучения «Краткого курса истории ВКП(б)»:

а) кружки для низового звена наших кадров, изучающие «Краткий курс истории ВКП(б)» в сокращенном объеме и с более доступным изложением вопросов теории;

б) кружки для среднего звена, изучающие полностью «Краткий курс истории ВКП(б)» по отдельным главам;

в) кружки для наиболее подготовленных товарищей, изучающие «Краткий курс истории ВКП(б)» по подразделам

каждой главы с одновременным чтением первоисточников.

7) Ввести в практику лекции, являющиеся важным методом пропаганды марксизма-ленинизма. Хорошо подготовленная, содержательная лекция должна явиться серьезной помощью товарищам, самостоятельно изучающим «Краткий курс истории ВКП(б)» и произведения классиков марксизма-ленинизма. Необходимо также ставить лекции по вопросам международного положения и по отдельным теоретическим и политическим вопросам. Считать целесообразным, чтобы после лекции лектор отвечал на заданные вопросы. Вести в практику организацию открытых лекций с небольшой платой за посещение.

8. Ликвидировать кустарщину и бесконтрольность в работе с пропагандистами, выразившиеся в погоне за огульным насаждением парткабинетов и семинаров пропагандистов. Обязать парторганизации в двухмесячный срок изучить и пересмотреть сеть парткабинетов, сократив их количество, оставив парткабинеты для помощи пропагандистам и консультации для занимающихся политическим самообразованием, как правило, при горкомах и райкомах партии. Не обеспеченные квалифицированными консультантами, партийные кабинеты на предприятиях и в учреждениях должны быть сокращены, или использованы в качестве читален и библиотек для занимающихся самообразованием. Обязать парторганизации сократить количество пропагандистских семинаров, сосредоточив работу семинаров пропагандистов при крупных городских райкомах, при горкомах, обкомах и крайкомах ВКП(б).

Работа семинаров пропагандистов по истории ВКП(б) должна быть построена применительно к трем основным формам изучения истории ВКП(б) и, при этом, с таким расчетом, чтобы семинары пропагандистов при изучении «Краткого курса истории ВКП(б)» шли значительно раньше кружков.

Семинар не может быть местом для «накачивания» пропагандистов. Занятия в семинарах пропагандистов надо поста-

вить таким образом, чтобы была обеспечена творческая работа каждого участника семинара, велось живое обсуждение теоретических вопросов, чтобы была обеспечена товарищеская дискуссия по теоретическим и методическим вопросам.

9. Обязать Отдел агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) объединить наиболее квалифицированных пропагандистов нашей партии, лекторов, докладчиков, консультантов, которые должны сотрудничать в теоретических журналах, в центральных газетах, выступать с лекциями и докладами на местах, оказывать действительную помощь местным партийным организациям в пропаганде марксизма-ленинизма.

Считать необходимым собирать и систематически публиковать на страницах печати опыт лучших пропагандистов, их занятия, консультации, лекции.

Рекомендовать горкомам, обкомам, крайкомам и ЦК нацкомпартий практиковать регулярный созыв пропагандистов и работников печати для обсуждения основных вопросов пропаганды.

10. Ликвидировать недооценку значения печати как важнейшего орудия марксизма-ленинизма и всесоюзной трибуны пропаганды.

Поднять роль печати в деле пропаганды марксизма-ленинизма. С этой целью обязать редакции «Правды», «Красной Звезды», «Комсомольской Правды», а также республиканских, краевых и областных партийных и комсомольских газет систематически помещать на страницах газет статьи по теоретическим вопросам марксизма-ленинизма, консультации, лекции лучших пропагандистов, «ответы» на «вопросы» читателей. Организовать в составе редакций «Правды», «Красной Звезды», «Комсомольской Правды», а также республиканских, краевых и областных партийных и комсомольских газет, отделы пропаганды, поставив во главе их теоретически подготовленных товарищей, и привлечь к работе в отделах пропаганды редакций лучших пропагандистов.

Считать необходимым перестроить журнал «Большевик» с тем, чтобы он являлся теоретическим органом партии и всесоюзной консультацией по вопросам

марксизма-ленинизма, давая на своих страницах ответы и разъяснения по интересующим членов партии и беспартийных теоретическим и политическим вопросам.

Обязать Отдел партийной пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) и Госполитиздат обеспечить издание популярных брошюр в помощь пропагандистам и особенно низовому активу, изучающему историю партии, а также разработать план издания пособий по истории партии.

11. Осудить как дикость и хулиганство пренебрежительное отношение к советской интеллигенции и к задачам ее идейно-политического воспитания в духе марксизма-ленинизма. Обязать партийные организации восстановить правильное большевистское отношение к советской интеллигенции и развернуть идейно-политическую работу среди интеллигенции, среди служащих, студенчества и колхозной интеллигенции. Считать первоочередной и главной задачей парторганизаций в области пропаганды ликвидацию теоретической и политической отсталости кадров партийной и непартийной интеллигенции, обеспечив всяческую помощь советской интеллигенции в овладении большевизмом, в изучении истории ВКП(б) и произведений классиков марксизма-ленинизма.

12. Отметить серьезное отставание работников теоретического фронта, проявляющееся в их теоретической слабости, в их боязни смело ставить актуальные теоретические вопросы, в распространении начетчиства и буквоедства, в вульгаризации и опошлении отдельных положений марксизма-ленинизма, в отставании теоретической мысли, в недостатке теоретического обобщения громадного практического опыта, накопленного партией на всех участках социалистического строительства. Призвать всех работников теоретического фронта решительно и быстро выправить нетерпимое отставание теоретического фронта, покончив с боязнью смелой постановки теоретических вопросов,двигающих марксистско-ленинскую теорию вперед, покончив с буквоедством, начетчиством, схоластикой, вульгаризацией и опошле-

нием отдельных положений марксистско-ленинской теории.

13. Ликвидировать запущенность идеологического хозяйства, которая нашла, в частности, свое выражение в неудовлетворительной работе Института Маркса—Энгельса—Ленина, допустившего ряд искажений и неточностей при переводах на русский язык сочинений Маркса и Энгельса, а также грубейшие политические ошибки вредительского характера в приложениях, примечаниях и комментариях к некоторым томам сочинений Ленина.

14. Обязать Институт Маркса—Энгельса—Ленина в кратчайший срок исправить искажения, допущенные в переводах сочинений Маркса—Энгельса на русский язык, а также грубейшие политические ошибки, содержащиеся в приложениях и примечаниях к сочинениям В. И. Ленина, например, к XIII тому.

Обязать Институт Маркса—Энгельса—Ленина ускорить переиздание сочинений Маркса—Энгельса и В. И. Ленина.

15. Отметить оторванность наших теоретических журналов от насущных вопросов жизни и борьбы нашей партии, их самозамыкание и тенденции к академизму.

Обязать редакции теоретических журналов перестроить свою работу, обеспечив на своих страницах постановку актуальных теоретических вопросов, обобщение опыта социалистического строительства, обслуживание теоретических запросов наших кадров, разработку новых теоретических проблем и творческую дискуссию по вопросам теории.

16. В дополнение к системе политической переподготовки руководящих партийных кадров, установленной февральско-мартовским пленумом ЦК ВКП(б), провести следующие мероприятия по переподготовке и подготовке квалифицированных пропагандистских кадров партии:

а) Организовать годовые курсы переподготовки пропагандистов и газетных работников в следующих центрах: 1) Москва, 2) Ленинград, 3) Киев, 4) Минск, 5) Ростов, 6) Тбилиси, 7) Баку, 8) Ташкент, 9) Алма-Ата, 10) Новосибирск. Годичные курсы пере-

подготовки пропагандистов, организованные в этих центрах, должны обслуживать не только данную область, край, но и смежные области, края, республики. Программа годичных курсов пропагандистов должна быть составлена применительно к программе «Ленинских курсов», а занятия должны быть построены так, чтобы развивать навыки пропагандистской работы и самостоятельного глубокого изучения произведений Маркса и Энгельса, Ленина и Сталина.

Общий контингент слушателей всех годичных курсов переподготовки пропагандистов установить в количестве 1500—2000 человек, с тем, чтобы в этом составе, примерно, половину составляли газетные работники.

б) Организовать Высшую школу марксизма-ленинизма при ЦК ВКП(б) с трехгодичным курсом для подготовки высококвалифицированных теоретических кадров партии.

17. Построить преподавание марксистско-ленинской теории в высших учебных заведениях на основе глубокого изучения «Краткого курса истории ВКП(б)». В связи с этим:

а) Взамен самостоятельных курсов ленинизма, диалектического и исторического материализма, ввести в вузах единый курс «Основы марксизма-ленинизма», сохранив в учебном плане общее количество часов, отводившееся ранее на социально-экономические дисциплины. Преподавание основ марксистско-ленинской теории в вузах должно начинаться с изучения «Краткого курса истории ВКП(б)», с одновременным изучением первоисточников марксизма-ленинизма. Преподавание политической экономии должно проводиться после изучения «Истории ВКП(б)».

б) Вместо ныне существующих отдельных кафедр диалектического и исторического материализма, ленинизма и истории ВКП(б) создать в вузах единую кафедру марксизма-ленинизма.

в) В университетах и институтах, где имеются факультеты философские, исторические, литературные, сохранить на этих факультетах преподавание курса

диалектического и исторического материализма.

г) Поручить Отделу пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) и Всесоюзному Комитету по делам высшей школы отобрать к началу учебного 1939—40 года руководителей кафедр марксизма-ленинизма и представить их на утверждение ЦК ВКП(б). Предложить ЦК нацкомпартий, крайкомам, обкомам и горкомам ВКП(б) отобрать теоретически подготовленных и политически проверенных преподавателей основ марксизма-ленинизма.

д) Организовать при Высшей школе марксизма - ленинизма шестимесячные курсы переподготовки преподавателей марксизма-ленинизма для вузов.

В целях коренного улучшения партийного руководства пропагандой марксизма-ленинизма, ЦК ВКП(б) постановляет:

18. Об'единить отделы партийной пропаганды и агитации и отделы печати и издательств ЦК ВКП(б), ЦК нацкомпартий, крайкомов и обкомов ВКП(б), создав единые отделы пропаганды и агитации.

19. Сосредоточить в отделах пропаганды и агитации всю работу по печатной и устной пропаганде марксизма-ленинизма и массовой политической агитации (партийная пресса; издание пропагандистской и агитационной литературы; организация печатной и устной пропаганды марксизма-ленинизма; контроль за идейным содержанием пропагандистской работы; подбор и распределение пропагандистских кадров, политическая переподготовка и подготовка партийных кадров; организация массовой политической агитации).

В основу работы отделов пропаганды и агитации положить практическое проведение в жизнь настоящего решения ЦК ВКП(б).

20. Для поднятия качества пропаганды марксизма-ленинизма считать необходимым, чтобы в деле пропаганды парторганизации опирались впредь, как правило, на кадры освобожденных от всякой другой работы товарищей, могущих полностью посвятить себя этой работе и неустанно повышать свою теоре-

тическую и пропагандистскую квалификацию.

В связи с этим поручить обкомам и крайкомам ВКП(б) отобрать лучших пропагандистов на постоянную пропагандистскую работу.

21. Работники отделов пропаганды и агитации должны подбираться парторганами из числа наиболее квалифицированных пропагандистов-профессионалов и партийных литераторов.

В составе отделов пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), ЦК нацкомпартий, обкомов, крайкомов и горкомов ВКП(б) должны быть организованы лекторские группы.

22. В связи с тем, что сокращение количества кружков, а также партийных кабинетов на предприятиях и в учреждениях высвободит часть пропагандистских работников в городах, предложить обкомам, крайкомам и ЦК нацкомпартий передвинуть наиболее подготовленных из числа этих работников для усиления пропагандистской работы в сельские районы.

23. Реорганизовать существующие культпропы горкомов и райкомов партии в отделы пропаганды и агитации. Считать необходимым создание отделов пропаганды и агитации также и в тех райкомах, где в настоящее время не имеется культпропов. Установить, что создание отделов пропаганды и агитации в райкомах партии разрешается ЦК ВКП(б) для каждого района в отдельности по мере подбора квалифицированных работников, по представлению обкомов, крайкомов. ЦК нацкомпартий.

Включить в состав отделов пропаганды и агитации горкомов, райкомов партии городских и районные партийные кабинеты с тем, чтобы заведующие партакabinetами одновременно являлись заместителями заведующих отделов пропаганды и агитации.

24. Установить, что заведующие отделами пропаганды и агитации обкомов, крайкомов, ЦК нацкомпартий, окружкомов, горкомов и райкомов партии утверждаются ЦК ВКП(б), а все остальные ответственные работники отделов пропаганды и агитации этих комитетов утвер-

ждаются бюро обкомов, крайкомов и ЦК нацкомпартий.

Обязать обкомы, крайкомы, ЦК нацкомпартий в двухмесячный срок полностью подобрать и утвердить работников отделов пропаганды и агитации.

25. Ввиду тесной связи работы Института Маркса—Энгельса—Ленина с пропагандой марксизма-ленинизма, считать необходимым передать Институт Маркса — Энгельса — Ленина в ведение Отдела пропаганды и агитации ЦК ВКП(б).

26. ЦК ВКП(б) обязывает все партийные комитеты серьезно заняться пропагандой марксизма-ленинизма — кровным делом большевистской партии. Комитеты партии обязаны руководить делом пропаганды по существу, глубоко вникая в ее содержание. Обкомы, крайкомы и ЦК нацкомпартий должны взять

в свои руки руководство перестройкой всего дела организации пропаганды марксизма-ленинизма в соответствии с настоящим постановлением.

Указывая всем партийным организациям, что перестройка всего дела партийной пропаганды в духе настоящего решения ЦК потребует от партийных органов особого внимания и заботы, ЦК предупреждает парторганизации от опасности механически-формального подхода к перестройке пропаганды, от каких бы то ни было попыток огульного охаивания всего прошлого опыта пропагандистской работы.

В целях улучшения руководства делом партийной пропаганды установить, что в каждом горкоме, обкоме, крайкоме и ЦК нацкомпартии должен быть специальный секретарь, занимающийся исключительно вопросами организации и содержания пропаганды и агитации.

★ ★ ★

ЦК ВКП(б) предлагает райкомам, горкомам, обкомам, крайкомам и ЦК нацкомпартий разъяснить настоящее решение партийному активу и всем членам партии.

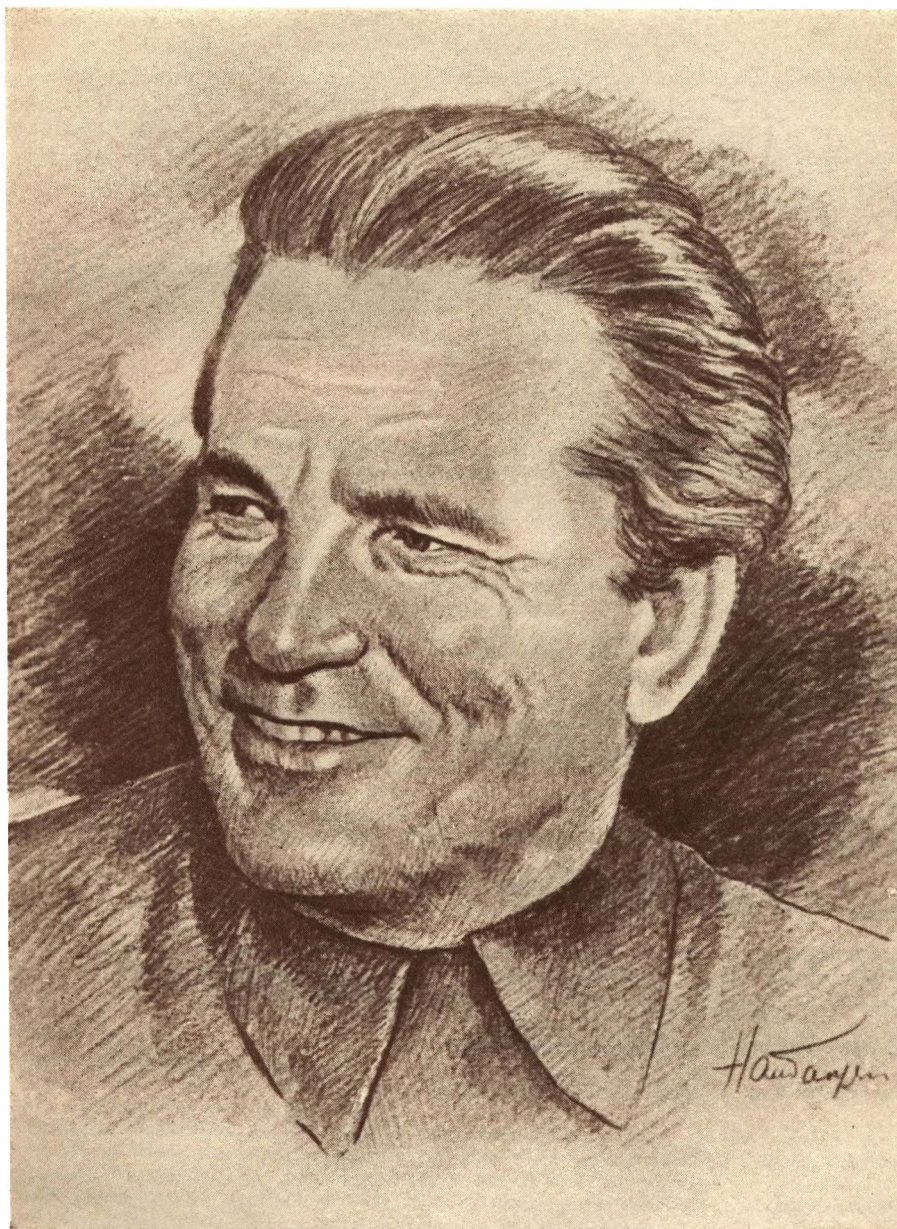
ЦК ВКП(б) подчеркивает, что выход в свет «Истории Всесоюзной коммунистической партии (большевиков)» должен стать началом поворота наших кадров — партийных, комсомольских, советских, профсоюзных, хозяйственных, культурных работников, кадров всей советской интеллигенции, — к ликвида-

ции своей теоретической отсталости.

«Краткий курс истории ВКП(б)» кладет начало новому мощному идейно-политическому подъему в жизни нашей партии и советского народа.

Овладевая теорией марксизма-ленинизма, вооружающей знанием законов общественного развития, наши кадры станут действительно непобедимыми и еще успешнее поведут под знаменем этой теории, под руководством партии Ленина—Сталина весь советский народ к победе коммунизма.

14 ноября 1938 года.

*Сергей Миронович Киров
(1886—1934)*

Пламенный борец за коммунизм

★

Четыре года назад, 1 декабря 1934 года, троцкистско-бухаринские бандиты, гнусные и презренные наемники фашизма, злодейски убили пламенного борца за коммунизм, одного из славных руководителей большевистской партии, любимца партии и рабочего класса — Сергея Мироновича Кирова.

Светлая память о товарище Кирове вечно будет жить в сознании советского народа.

Всю свою прекрасную жизнь Сергей Миронович Киров отдал борьбе за коммунизм.

Ближайший соратник, ученик и друг Сталина, Сергей Миронович Киров был крупным политическим деятелем ленинско-сталинского типа.

«Товарищ Киров представлял из себя образец большевика, не знавшего страха и трудностей в достижении великой цели, поставленной партией. Его прямота, железная стойкость, его изумительные качества вдохновенного трибуна революции сочетались в нем с той сердечностью и мягкостью в личных товарищеских и дружеских отношениях, с той лучистой теплой и скромностью, которые присущи настоящему ленинцу».

В этих словах из скорбного письма по поводу трагической гибели товарища Кирова великий Сталин и его боевые соратники дали яркий образ Сергея Мироновича Кирова.

Партия, массы знали товарища Кирова, как бесстрашного бойца, пламенного трибуна революции, неустанного и вдохновенного пропагандиста идей марксизма-ленинизма.

Он глубоко и непрерывно изучал революционную теорию и призывал к тому же каждого большевика.

«Каждая страница, каждая строка истории нашей партии — это не просто хроника событий, это огромная глубокая наука, не зная которой нельзя делать пролетарскую революцию» — говорил С. М. Киров.

Руководствуясь всегда марксистско-ленинской теорией, Сергей Миронович Киров защищал от всех и всяческих врагов учение Ленина—Сталина о возможности победы социализма в одной стране, страстно боролся за сплоченность и единство и монолитность партии Ленина—Сталина.

Сергей Миронович Киров разоблачал троцкистско-бухаринских бандитов, оберегал коммунистические ряды от предателей.

Героическая жизнь С. М. Кирова — яркий пример для каждого коммуниста, для каждого трудящегося нашей родины.

Злодейское убийство С. М. Кирова, совершенное заклятыми врагами народа, троцкистско-бухаринской мразью, проклятым на веки вечные извергом Троцким, показало всему миру гнусное обличье этих презренных фашистских наймитов.

Под руководством партии Ленина—Сталина советским народом наголову разбиты троцкистско-бухаринские банды убийц, шпионов и диверсантов.

Над гробом Сергея Мироновича Кирова советский народ поклялся помнить о бдительности, всегда помнить указания товарища Сталина о капиталистическом окружении.

Бдительность — это необходимое качество большевика — должна подкрепляться идейной вооруженностью.

Память о товарище Кирове — это призыв к бдительности, к ликвидации политической беспечности, к овладению большевизмом.

★

Бессмертный герой

СЕРГЕЙ МИРОНОВИЧ КИРОВ

МАМЕД РАГИМ

★

Я не был рядом с тобой в часы боевых годин,
Но по твоим путям насквозь я прошел Кавказ,
Но горы, потоки, ветра, селенья, где ты проходил,
Твердят о тебе, Сергей, правдивый большой
рассказ.

Я слушал каждую весть, и сладко было душе.
Среди враждовавших племен ты кровопролитье
пресек,
Ты встал среди осетин, хевсуров и ингушей,
Кавказ от кровавой резни ты вылечил, вождь,
навек.

Ты им сказал: «Я принес о будущем светлую весть».
Так ты говорил, горя. И понял народ Кабарды,
Что свист этих пуль в горах — не родовая месть,
Что только богатый — враг, что нет меж голодных
вражды.

Когда белых псов орда обрушила зверский гнев
И в городе Грозном жертв нельзя было перечесть, —
Ты сердца не удержал, ты ринулся в пламя,
как лев,
Ты крикнул: «За это зло великая будет месть!».

И голос могучий твой кровавую ночь осветил.
Огнем грядущей весны горело твое лицо,
И словом «Киров» клялись чеченец и осетин,
Миллионы твоих друзей, соратников и бойцов.

Любовь к тебе так сильна, что, если бы ты пожелал,
Иль если б на это твой приказ решительный был,

Любой бы чеченец отдал и жизнь, и коня, и кинжал, —
Легко ли остаться орлу без легких могучих крыл?!

О, ты никогда не знал усталости, — никогда!
Спешил ты с фронта на фронт, учил, как брать города,
Не хмурясь и не дрожа, стоял под свинцовым дождем;
Плечом к плечу свою жизнь прошел ты с нашим вождем.
Со Сталиным!

И, трудясь подобно рабочей пчеле,
Ты помнил ссылки года. Ты видел будущий свет.
Великая к жизни любовь цвела на твоём челе.
Меж смертью и тобой — навеки общего нет.

Но сказано слово твое, но вдаль открыты пути.
И поняли наши враги, что прошлого не вернуть.
Еще б тебе жить и жить, итти бы тебе и итти,
Такой пред тобой лежал широкий и ясный путь.

Мы думали: враг убит, а он шевелился в пыли.
Ты жало ему отсек, о, партии нашей меч!
Как шумный весенний сад, мечты твои зацвели,
Ты каждый малый цветок хотел поддержать
и сберечь.

Ты столько великих дел свершил на своем веку,
Что имени твоему пылать и песней звенеть.
Высокое солнце взшло, — когда ты входил в Баку.
Проснулись сердца людей, проснулась подземная
нефть.

И подняла травы земля, торжественно-горяча.
И пламенный город ветров ожил и пышно расцвел.
И первый декрет Москвы и первый привет Ильича
С твоих вдохновенных уст дошел до далеких сел.

И с той поры холодов не знали цветы садов.
И тот, кто счастья не знал, узнал, что такое смех.
Вставай, Мироныч, вставай, послушай рост городов,
Послушай, как песни поет каждый завод и цех!

Не знавший лица твоего имя твое берег,
С тобою пришла для нас великих деяний пора.
Вставай, Мироныч, тебя приветствует горный
поток,
Лепечет имя твое стремительная Кура.

И вот мы пришли к тебе, как дети приходят к отцу,
Зачем ты не видишь нас, зачем ты не слышишь нас?
Вставай, Мироныч, вставай! Покой тебе не к лицу,
Вставай и согрей друзей веселою ласкою глаз.

Клянемся, что имя твое и дело твое не умрет.
Твой юный клокочущий дух, твой облик остался живым.
Сплотимся еще тесней и смело пойдем вперед,
В том клятву друг другу даем именем светлым твоим.

Клянемся еще и еще на всех языках земли.
Лети в мировой простор, разгневанный ураган!
Клянемся помнить тебя, — и ты нашей клятве **внемли**.
Клянемся зоркими быть, — и не прощать врагам.

*Перевели с азербайджанского
М. АЛИГЕР и П. АНТОКОЛЬСКИЙ.*

★

Великий летчик
нашего времени
В. П. ЧКАЛОВ.

У гроба Чкалова

С. ГУРЕВИЧ

Любимого друга семьей провожая
К Кремлевской стене, уходящей в века,
Стоит в карауле орлиная стая
У гроба орла-вожака.

Седого Дедала прославленный правнук,
Победно сжимая послушный штурвал,
В спокойном бесстрашии, первый среди равных,
Он взлетам орлят обучал.

Прыжком через полюс, сквозь льдистые тучи,
Связал континенты дорогой прямой,
И следом на крыльях Советов могучих
Орлы полетят чередой.

Он Сталинский путь проложил от столицы
В далекий, но «нашенский» край,
И славным путем полетели орлицы,
Любимицы сталинских стай.

Над гробом героя величье безмолвья,
Сурово спокоен орел-великан.
Застыла решимость в изломе надбровья,
Недвижна стальная рука.

Стоит караул в многодумном молчаньи
И гордые головы скорбно склонив,
И, кажется, слышится крыл трепетанье,
Последний прощальный призыв:

— Готовыми будьте, орлы боевые,
На подвиг отважный за родину-мать,
Сражаться бесстрашно с любой стихией,
Любого врага побеждать.

Валерий Чкалов

М. ЗЕНКЕВИЧ

★

На красных крыльях — белый лед
Фарфоровым обледенением
Полночный полюс не прервет
Полета к дальним поколениям.

И ты, держа штурвал, летишь
По солнцу курсом неуклонно
Сквозь замороженную тишь,
Сквозь толщу снежного циклона.

«Пора... Смени меня, Егор» —
С улыбкой скажешь Байдукову
И сдвинешь ледяной простор,
Как складку меж бровей, сурово.

И Беякову дашь приказ
— Ну, Саша, поскорей радируй.
Москва... Кремль... Сталину...
Сейчас

Перелетели крышу мира.

— Стучи, что до конца штурвал
Держал в руках Валерий Чкалов
И что полета не прервал,
Пока земля в глазах мелькала...

Прекрасен путь большевика!
Со смертью мы не раз боролись,
И сталинский маршрут в века
Проложен доблестно чрез полюс!

★

За доблесть ^и наших
родины, за дело
Сталина! Мы
осваиваем
безопасными
перелетами наши
советские арктические
базы.

Автограф В. П. Чкалова

Великий летчик нашего времени

ИВАН РАХИЛЛО

★

Впервые в истории научных завоеваний советский самолет, под командой летчика Чкалова, пересек Северный полюс и достиг берегов Америки. Это была крупная победа советской авиации.

Великий и родной товарищ Сталин и его соратники, выражая мысли и чувства советского народа, в телеграмме, посланной пилотам, писали:

«Горячо поздравляем Вас с блестящей победой.

Успешное завершение героического

беспосадочного перелета Москва — Северный полюс — Соединенные Штаты Америки вызывает любовь и восхищение трудящихся всего Советского Союза.

Гордимся отважными и мужественными советскими летчиками, не знающими преград в деле достижения поставленной цели.

Обнимаем Вас и жмем Ваши руки». Весь мир приветствовал выдающееся достижение советских летчиков.

Крупнейшие газеты США отозвались на героический перелет отважной тройки. «Совершив в течение двух с половиной дней свой полет на специально сконструированном самолете, покрыв свыше 5.500 миль по самому неизведанному и опасному маршруту, который только можно найти на земном шаре,—писала одна из центральных американских газет, — пробившись через северный магнитный полюс и преодолев связанные с этим навигационные трудности, — Чкалов и его спутники осуществили трудный и блестящий подвиг...».

«Несмотря на то, что мы живем в век развития связи, — сообщалось в другой статье, — несмотря на наличие

газет, телеграфа и радио, Октябрьская революция продолжает оставаться новинкой. Для рядовых американцев Октябрьская революция только начинает выявляться в захватывающих образах фактах. Через Северный полюс пришло к нам осязаемое доказательство существования нового общества... Двадцать лет прошло с момента победы в 1917 году. Это были двадцать лет ложной информации о СССР. Но сейчас пробита брешь... Полет через Северный полюс, осуществленный сынами рабочего класса, вызывает новый рой мыслей в умах миллионов американцев...».

Этот полет, кроме спортивных и научных достижений, имел и огромное

политическое значение. На крыльях своего самолета тройка бесстрашных пилотов донесла дружбу великого советского народа народам Америки.

Душою подвига был Валерий Чкалов, сын котельщика, бывший молотобоец. Человек железной воли, широкого ума и предприимчивости, он смело провел самолет по намеченному маршруту. Путь, о котором мечтало человечество, был проложен...

★

Его любили дети. Ни одно приглашение посетить школу или пионерский сбор не оставалось без ответа. В этом он был похож на другого великого человека нашей эпохи — поэта Владимира Маяковского.

Чкалов любил детей искренно, с юношеской непосредственностью. Они платили ему нежной привязанностью. На наших глазах имя Чкалова стало нарицательным. Его героический образ наделен лучшими человеческими качествами — волей, отвагой, смелостью, бесстрашием. Рожденный на Волге, Чкалов нес в себе национальные черты великого русского народа — силу, прямоту, горячее и отважное сердце.

Его смерть кажется неправдоподобной. За день до катастрофы мы провели вечер на представлении в московском цирке. Валерий Павлович был в добродушном настроении, шутил, смеялся, рассказывал разные истории. Глядя на работу укротителя со львами, он удивленно пожимал плечами.

— Вот это работенка! Я бы ни за что не согласился, — опасная профессия!

Свою профессию он не считал опасной.

И вот, спустя день, это печальное событие... Еще стоит перед глазами его широкоплечая, богатырская фигура, еще гремит в ушах его добродушный голос. Не верится, что он умер... Он любил жизнь во всех ее проявлениях. Каждый его поступок, каждое слово и движение были полны любви к человеку и ко всему живому.

★

Вначале Чкалов производил впечатление неповоротливого, флегматичного человека. Но первое впечатление обманчиво: достаточно было увидеть его хоть раз в полете или поговорить с ним, чтобы определить в нем тонкого, наблюдательного и умного собеседника, обладающего широким мышлением и высокоорганизованной волей. Валерий был прекраснейшим товарищем, правда, иногда резким, но под этой резкостью скрывалось доброе, застенчивое сердце.

Чкалов родился в 1904 году в селе Василево, на Волге. Подростком он работал судовым кочегаром на землечерпалке, масленщиком на катере, молотобойцем.

— Каждый день по десять-двенадцать часов я поднимал и опускал тяжелый молот. Эта работа укрепила и закалила меня.

Четырнадцать лет он окончил сельскую школу. Ему страстно хотелось стать летчиком. Но в то время на всю Россию была лишь одна авиационная школа. Попасть в нее было невозможно. Шла гражданская война. Валерий завел дружбу с летчиками и мотористами, усиленно читал специальную литературу, не оставляя своей мечты поехать в авиационную школу.

И в тысяча девятьсот двадцать первом году он, наконец, командировается в город Егорьевск, в школу военных пилотов. Учился он хорошо. В награду его отправляют в Московскую высшую школу авиации. Он быстро постиг искусство высшего пилотажа. И в ноябре 1923 года его выпускают военным летчиком, со званием истребителя.

Он пользовался уважением среди летчиков как несравненный мастер своего дела. Чкалов выбрал себе самую тонкую, опасную и благородную профессию летчика-испытателя. За свою практику он опробовал более семидесяти систем самолетов самых различных конструкций. Не раз ему приходилось смотреть в глаза смерти, но опыт и хладнокровие всегда выручали его, помогали выйти

из любого, казалось бы, самого безнадежного положения.

Имя Чкалова задолго до всенародного признания было известно каждому летчику нашей страны. О Чкалове ходили легенды. Это он пролетел в Ленинграде под Троицким мостом и выжил вокруг купола Исаакиевского собора. Однажды, в присутствии зрителей, Чкалов ринулся вниз, желая проскочить на самолете в узкий пролет между двух деревьев, росших в конце аэродрома. Все думали, что катастрофа неизбежна. Но твердая рука пилота поставила машину на ребро, и самолет с ревом «пролез» в этот узкий коридор.

Он был из той породы русских богатырей, которые не знали, куда приложить им свою силу. Товарищ Сталин первый по-настоящему обратил внимание на этого талантливого самородка. Чкалову была дана возможность испытать свою силу в полный размах. И он с честью оправдал эти надежды.

Валерий Павлович был непримиримым борцом за дело партии. Он был предан Сталину.

— Сталин увидел во мне человека.

Чкалов выражал свои мысли просто, откуда-то из самой души он доставал простые, задушевные слова, теплые, полные удивительной силы и вы-

разительности. Несмотря на огромную загруженность по своей специальности, Чкалов вел постоянную общественную работу. Он интересовался не только авиацией. Он председательствовал на автомобильных гонках, он — главный судья спортивных состязаний, выступает на литературных диспутах, обсуждает новые театральные постановки и художественные выставки. Он успевал прочитать новую книгу и побывать на спектакле.

Популярность Чкалова народна, в полном смысле этого слова. Он встречался с летчиками, политическими деятелями, писателями, учеными, артистами, художниками, спортсменами, охотниками и товарищами по работе. Его основной установкой была борьба за все человеческое. Он любил жизнь и неумолимо ломал все, что мешало ее расцвету.

Валерий Павлович любил классическую музыку. В последний вечер перед полетом через Северный полюс Чкалов с задумчивым восхищением слушал арию «князя Игоря».

Чуткий и отзывчивый товарищ, Валерий Павлович всегда находил время выслушать и поддержать человека. Помню, несколько вечеров подряд я встречал его у композитора Б. Композитор

был болен. Его угнетала душевная тоска. Каждый вечер Чкалов приезжал к нему и своим присутствием, разговорами будил в нем волю к жизни и работе.

— Надо работать... Вот, я. Что, кажется бы, мне еще нужно? И молодость, и почет, и слава! Кажется, достаточно было бы одного нашего полета по Сталинскому маршруту, чтоб быть счастливым. Успокоиться и жить себе, припеваючи. Нет, чорт возьми!.. Через год мы полетели в Америку. А на будущий год полетим еще куда-нибудь подальше... Ты неустанно должен стремиться вперед. В этом смысл жизни. А то напишет человек одну книжку или песню и уж успокаивается на лаврах. А что, если бы я успокоился?.. Уже давно был бы забыт. А мы — и я, и Байдуков и другие Герои Советского Союза — ни на минуту не останавливаемся на достигнутом, а ведем на заводе повседневную, черновую работу. Страна нуждается в нас, — значит, надо работать. Пиши новые песни. Народу нужна песня...

★

Однажды я позвонил к Чкалову по телефону.

— Приезжай! — раздался в ответ его жизнерадостный голос. Он сидел за столом в новой рубашке и брился.

— Поздравь, брат!

— Поздравляю, но с чем?

Валерий Павлович был в приподнятом настроении, весело намыливал подбородок, выглядел настоящим именинником.

— Такие дни бывают раз в жизни...

— Не понию... Ты — Герой Советского Союза, у тебя ордена...

— Это, брат, поважнее. И гораздо!.. Еду получать партийный билет! — торжественно заявил он. И в его голосе прозвучало столько гордости, что невозможно было не пожалеть ему руки, не поздравить его с таким днем.

Он надел новый костюм.

— Всю жизнь я ждал этого дня! Сегодняшний день у меня самый праздничный!..

★

Погиб великий летчик нашего времени, храбрейший из храбрых, чудесный человек и непревзойденный мастер своего дела... Образ Чкалова — это дерзновенная воля, бесстрашие, сила и большевистское упорство. Испытывая самолеты новейших конструкций, он старался дать нашей стране надежные боевые машины.

— Я буду держать штурвал самолета до тех пор, пока в моих руках имеется сила! — сказал однажды Валерий Павлович товарищу Сталину. И он твердо выполнял свое обещание.

Тяжела утрата, понесенная семьей советских летчиков. Но тысячи питомцев и друзей Валерия Чкалова подхватят его боевое незапятнанное знамя борца за передовые идеи человечества и пронесут его в наше будущее.

И тронет печальные струны домбры сухая рука акына Джамбула, поэты сложат о нем новые песни, и скульпторы высекут из камня его сильную голову, и мощно зазвучат симфонии композиторов, чтобы отобразить и оставить в веках образ Валерия Чкалова, русского богатыря, человека сталинской эпохи.

Гражданин

КИНОПОВЕСТЬ

АЛ. МАЛЫШКИН

★

1

Это было в напряженные, суровые годы первой пятилетки.

Где-то на полустанке, закинутом далеко от жилья...

Ночь. Осенний ветер шатает могучие оголенные вязы над полустанком.

Одинокий фонарь на пустых путях. Силуэт водокачки.

Над взвизгивающей дверью полустанка вывеска: «Глухая падь».

Из двери выбрел сторож. Нашупав веревку, ударяет в колокол: сначала один раз, потом часто-часто.

Двери полустанка распахиваются, вываливается, тесня друг друга, народ с мешками, сундуками.

Из ночи, из степи к полустанку под'езжает телега.

Громыхая по мостику, в'езжает в станционный двор — под мутные, шатающиеся деревья.

Словно пошатываясь вместе с ними, порывами налетает сигнальный звон.

Из телеги торопливо соскакивает сидок, — в толстом пиджаке, в сапогах, — роется в карманах.

— Поезд подходит... на-ка, беги, доставай билет.

Лицо его оборачивается к свету. Человеку на вид лет 35—38. Облезлая шапчонка. Выражение лица загнанное, жалобное.

— Это какво: ночью... из родного своего гнезда... как вору, бежать... За что?

Извозчик ободряюще:

— Ты, Петра, выходку смелее делай, виду не давай. Тебе только до вагона доскочить.

Берет деньги, убегает.

Народ бурно ломится из дверей полустанка на перрон.

Дальний гудок. Надвигается могучий гул поезда.

Из толпы выпирает вперед Тишку, парня лет 18—19, с матерью. За спиной у него тощая торба. Он худой, длинношей, в деревенской дерюжке, перепоясанной веревкой, в лаптях. Пугливо смотрит в сторону приближающегося поезда. Старуха судорожно вцепилась ему в плечо.

Гул все ближе, все грознее. Лица повернуты ему навстречу. Иные из ожидающих отступают боязливо.

За полустанком к Петру подбегает извозчик. У сидока за плечами уже вздет сундучок. Извозчик подталкивает озирающегося Петра.

— Иди, только выходку смелее делай, я доглядел: из нашего району никого не видно.

Петр протягивает ему руку.

— Спасибо. Я тебе, Васяня, никогда не забуду, а им...

Оборачивается в сторону степи. Угрожающе выпрямляется.

— Им... тоже все вспомню!

Исчезает в гудящей темноте.

Огненные глаза паровоза наплывают из темноты, несутся над перроном, над скопищем сундуков и шапок.

Тишка с матерью отшатываются. Тишка изумленно глядит на пронсящие огни.

— Мамынька... Это и есть чугушка?

— Чугушка, Тиша, чугушка. Горюшко ты мое, горе...

Припадает к нему, причитает в голос:

— Спокидаешь ты меня, уезжаешь в чужу-дальню, люту сторонушку...

Поезд остановился, начинается свалка.

Тишка, утерев кулаком глаза, тоже лезет к вагону. Парня подхватывает сумасшедший поток посадки.

Старуха не отстает, всхлипывает, приговаривает:

— Хлебца-то горбушку... на крайний случай побереги, не ешь. Лучше у людей попроси, да помирнее, — смиренному скорее дадут.

Тишку возносит вместе с народом вверх по ступенькам в вагон.

Внизу, в толпе, словно утопающее, — отчаянное старухино лицо.

Около вагона пустеет. Свисток. Поезд трогается.

На перроне появляется Петр. Бежит.

Старуха горюет одна. Вагоны плывут. Петр на бегу отшибает старуху в сторону, ловко вскакивает на плывущую ступеньку, зорко оглядывается.

Вагоны пролетают.

Петр пробирается внутри поезда, в полутьме, вдоль полок, тесно набитых спящими и просто сжившимися людьми. Приютиться негде.

Перешагнув через чье-то тело, созерцает темную глубь купе. Зажигает спичку.

Во вспыхе света — жесткие, пронзительно высматривающие глаза.

Среди спящих в углу привалился Тишка, мигает пугливо. Петр шагает в купе.

Вцепившись парню в грудь, встряхивает его.

— Чего развалился, тут тебе не плацкартный... вставай!

Поднимает Тишку, выталкивает на середину купе, а сам пропихивается на его место. Сняв сундучок с плеч, пристраивается поудобнее, чтоб уснуть.

Тишкины губы жалобятся:

— Чего ты, дядя...

Петр, не обращая внимания, укладывается.

Тишка опускается на пол и, скорчившись, усаживается у кого-то в ногах.

2

День. Под усыпительную музыку колес кружатся на экране осенние поля, перелески, путевые будки, кусты, сгибаемые ветром.

По стеклу струятся дождевые капли. Пейзаж мутнеет.

Окно отходит вглубь. На верхней полке спит девушка в майке, прикрыв лицо полуголой рукой. Одета стеганым ватником. Под головой холщевая, набитая чем-то торба. Ноги в чулках открылись до колен.

Внизу, на правой скамье, упав головой на стол, спит человек в кепке.

Молодая женщина, рабочего обличья, качивает грудного ребенка.

Пожилая крестьянка, во многих шалях, подремывает.

На левой скамье, с краю, Судков с каким-то сурово-осуждающим видом читает газету. Он важен. Одет в оленью куртку и такую же кепку, в роговых очках.

Подремывает пожилой мужик.

Петр откинулся в угол. Думающие, быстрые глаза.

У ног его согбенный Тишка смотрит зверком.

Судков складывает газету, вытаскивает из-за спины чемодан и, пристроив его на коленях, открывает.

Начинает раскладывать на крышке всяческие яства.

Подремывающие соседи приоткрывают глаза, исподтишка приглядываются.

Петр обращается к Судкову развязно:

— Дозвольте газетку посмотреть.

— Прошу.

Петр берет газету с вежливо-слащавым поклоном. С выражением некоего превосходства озирает он остальных обитателей купе. Как бы дает знать Судкову, что только они двое здесь более или менее ровня.

На крышке чемодана множатся новые и новые яства. Кусок курицы, копченая селедка, масло, яйца, белый хлеб.

Мужик и пожилая женщина косят на невиданную жратву вороватыми, голодными глазами.

Снизу тянется посмотреть Тишка.

Таращит туманные глазенки грудной младенец.

Скашивается из-за газеты Петр. Медовым голосом говорит Судкову:

— А вы, извините, далеко едете?

Судков, набивая себе рот едой:

— На Красногорское мм... строительство. Мм... слышали, конечно? Перебрасываюсь туда мм... на профсоюзную работу.

— Как же про этот гигант не слышать! Я сам туда еду.

Судков ест, отправляя в рот большие, аппетитные куски, изводяще-медленно двигая челюстями. Ему ни до чего нет дела.

Мужик и пожилая женщина томятся, отворачиваются и опять смотрят.

Не выдержав томления, мужик достаёт из мешка черствый кусок хлеба, половину отламывает и протягивает женщине. Очевидно, это его жена.

Тишка алчно тянется снизу.

Младенец тоже смотрит, губки его движутся... Он оборачивается к материнской груди, теребит ее.

Поднимает голову спавший человек в кепке. Смотрит на Судкова, спросонок тоже жуёт губами; опять бухается головой на стол.

Судков насыщается со сладострастием.

Мужик и женщина жуёт свое, не отрывая от него глаз.

Тишка, приподнявшись, глотает слюну.

Младенец с аппетитом начмокивает материнскую грудь, кося глазенками в сторону: возможно, на Судкова.

Петр то закрывается газетой, то алчно подсматривает. Ему, как и всем, невмоготу. Спрашивает мужика:

— От колхоза, что ль, ускребся, отец?

Мужик в замешательстве жуёт еще усилнее.

— Знаю дело...

Петр, поглядывая на Судкова, как бы и его приглашая посочувствовать:

— Полны вагоны вас, таких-то. А отчего? Оттого, что очень большая трудность у нас везде настала. Даже, скажем, в деревне...

Петр подчеркнуто-двусмысленно, может быть, даже с издевкой, кивает на чемодан Судкова.

— ... Не говоря уже о том, что ни курочки тебе, ни маслица, ни яичек, — хлеба, и того за деньги не допросишься!

Судков, уписывая курицу, согласливо кивает:

— Конечно, мм... есть у нас ошибки, недоучет... которые ведут... мм... в некоторой степени... к подрыву... мм... производственных сил деревни.

Петр восторженно подхватывает:

— Правильно! Именно, что к подрыву!

Судков, закинув кверху глаза, вдруг изумленно цепенеет, курица вываливается у него из рук.

У девушки, спящей наверху, майка неловко сдвинулась, обнажив плечо и часть груди. Юное лицо, красивые, спокойные дуги ресниц...

Судков не может оторваться от видения. Очки его сползли на нос. Рот его, рот сладены, полуоткрыт.

Мужик и пожилая женщина с тревогой созерцают эту перемену с Судковым. Руки их застыли, не донеся куса до рта.

Тишка с разинутым ртом.

Младенец, бросив сосать, смотрит на Судкова.

Спящий человек тоже поднимает голову и дико вперяется в Судкова.

Упоенный Судков.

Петр понимающе щерится.

Девушка ворочается во сне, поправляет на себе ватник.

Судков гаснет. Поправляет очки. Начинает складывать в чемодан свои яства.

Человек в кепке опять рухает головой на стол.

Младенец жметя к материнской груди.

Укачивая его, молодая женщина сердито говорит:

— Больше всех о голоде сытые боятся.

Петр резко:

— А ты голодная?

Женщина со сдержанным достоинством:

— Нет, у меня муж ударную карточку получает, нам хватает.

Петр внезапно смягчается.

— Значит, у тебя муж из нашего брата, из рабочих?

— Был рабочим, а теперь на инженера учится.

Для Петра это неожиданно. Неприятная, глумливая улыбка.

— На ин-же-не-ра? Ну да, понимаем... Срочного выпуска! Вот тоже у нас теперь чайники выпускают...

Трогает чей-то чайник на столике.

— В него один раз кипятку нальешь, глядь, дудочка и отвалилась, ха-ха-ха!

Женщина с негодованием отворачивается.

Судков, занятый своим чемоданом, еле различимо улыбается.

Петр нагибается к Тишке. В голосе его ненавидящая, ядовитая ласковость:

— Вот тоже... Смотрите, какой сиротой сидит. А через годик в комсомол запишется... И я, скажет, тоже на инженера хочу!

Ласковый оскал зубов его страшен. Тишка невольно вбирает голову в плечи.

Девушка наверху просыпается, зевает, свешивает голову вниз.

Тишка отвечает, заикаясь от смирения:

— Эти комсомольцы... Они Игната Коновалова угнали, у которого я в рабочих-то жил. И нас с маманькой без куска оставили. Через них и поехал...

Девушка сверху задорно кричит:

— Темный ты, парень, темный! Батрак, а рассуждаешь, как самый последний подкулачник.

Судков тоже смотрит на парня строго, карающе. От негодования пальцы его не могут сразу застегнуть чемодан.

— Его видать!

Тотчас взгляд Судкова устремляется вверх. Мечгательное, взыскующее выражение

— Комсомолка?

Девушка молча кивает.

— Не в Красногорск?

Девушка кивает.

— На какую работу?

Девушка простодушно:

— А сама еще не знаю.

Судков грациозно важничает:

— Тогда, если что понадобится...

Тишка слушает, насторожившись.

— ... заходите в рабочком строительстве коксовых печей, спросите там Судкова. Это я.

Девушка цветет радостной улыбкой, глаза ее и зубы искрятся.

— Спасибо!

Тишка робко, просяще приподнимается.

— Дяденька, я тоже в Красногорск...

Судков безразлично отворачивается, прячет чемодан.

Петр кладет руку Тишке на плечо, усаживает его обратно. Наклонясь, подмигивает ему секретно-дружески.

Тишка взирает на него удивленно.

Стук колес замедляется. Гудок приближения. Рамка окна приближается, увеличивается, вбирает в себя весь экран.

Проносится рельсовая гладь, железнодорожные постройки. Окраины крутятся на пригорке. Большая станция.

В вагоне суматоха. Петр встает, надевает шапку. Говорит с достоинством:

— Пойду на вокзал чего-нибудь горяченького перекусить.

Толкает коленом Тишку. Непонятная улыбка змеится на губах.

— Пойдем, малый, и тебя подкормлю.

Тишка, не веря этой ласке, поднимается с пола, нерешительный, боязливый, алчущий.

★

Петр и Тишка идут по перрону.

Он движется им навстречу своей кочевой многолюдной сутолокой, которой Тишка не видел еще ни разу в жизни. Оглушенный, еле поспекает он за Петром.

Трое безпризорных, чудовишно вымазанных в саже, в свисающих до земли, похожих на космы лохмотьях, по-

дьявольски скалясь и приплясывая, преграждают Тишке путь.

Он испуганно кидается к Петру.

Вход в вокзал. Толчея.

Петр оглядывается, зовет Тишку за собой.

Широко раскрытые двери буфета. Огромные окна и пальмы в глубине. Петр с Тишкой проталкиваются в зал.

За длинными столами поспешно обедают люди, много людей. Пар от кушаний.

Тишка обозревает это пиршество, его скулы начинают ходить.

Петр ведет его к одному из столов. Шопотом:

— Стой здесь.

Сам Петр отходит шагов на пять дальше, становится за спинами обедающих и начинает внимательно читать газету.

Лицо Петра. Зоркие глаза его следят за чем-то поверх газеты.

Затылки обедающих. Спешная еда. Разрушаемые вилками порции котлет с гарниром.

Тишка, обливаясь, то заглядывает на стол — через головы обедающих, то посматривает на Петра.

Обедающие спереди. Дама в шляпке, в пенсне, со стародевьим, испитым лицом, медленно и чопорно черпает ложкой суп.

Через стул обедают двое широкоплечих красноармейцев.

Сзади — блистающий глазами Тишка.

Один из обедающих около Петра встает. На тарелке остается недоеденная котлета с чем-то вроде пюре, хлеб.

Петр ловко подсаживается на пустое место и начинает доедать.

Тишка с изумлением и завистью смотрит на Петра. Он теперь понимает кое-что.

Пробирается к Петру, улетающему котлету.

— Дяденька... от этих битюгов (на красноармейцев) ничего не останется, я пойду за тетенькой встану, за щупленькой?

Петр, с набитым ртом, одобрительно кивает.

Дама в шляпке кончила тарелку с супом и придвигает к себе котлету. Сзади вожделеющий Тишка.

Дама энергично отделяет вилкой от котлеты крупные куски и отправляет в рот. Порция тает.

На лице Тишки страх, обида.

Красноармейцы, занятые едой, искоса наблюдают за Тишкой, пересмеиваются, переговариваются.

Дама в шляпке прикончила свою порцию. Даже кусочком хлеба провела по тарелке.

Встает и уходит под ненавидящим взглядом Тишки.

Рядом с грохотом отодвигаются стулья. Один из красноармейцев, смеясь, манит Тишку пальцем.

— Эй, стрелок, иди сюда, налетай!

Тишка недоверчиво оглядывается. Лицо его вдруг меняется: на нем радость, боязнь.

Две тарелки: на одной чуть тронутая котлета, на другой половина. Хлеб.

Тишка с жадностью, оттаживая красноармейцев, бросается к столу.

Он воровато и с блаженством уплетает ни разу еще в жизни не пробованное кушанье. В сторону уходящих красноармейцев — Петру:

— Сы-ы-тые...

Петр, перегибаясь через стол, тянет к себе еще тарелку с остатками. Забирает остатки вместе с хлебом — про запас.

Тишка, торопливо насыщаясь, в то же время стреляет глазами вдоль стола.

Подтягивает к себе еще тарелку.

По платформе Петр с Тишкой возвращаются к своему вагону. У Тишки умильно-молящее выражение лица.

— Дядя, можно мне завсегда с тобою вместе? Я один-то ничего не знаю, боюсь...

Петр внимательно смотрит на него. Жесткая усмешка.

— Говоришь, тебя комсомол без ку-ска оставил?

Тишка боязливо:

— И меня, и маманьку...

Петр, нахмурившийся, с важным видом:

— Ну, ладно, держись за меня. За мной не пропадешь. Только совесть всегда имей! И — чтоб слушаться!

Тишка елейно, по-нищенски:

— Спасибочко, дяденька!

Вагон. Обитатели купе дремлют. Петр усаживается на свое место в углу.

Тишка у его ног. Он взирает на Петра с преклонением и ожиданием.

Петр потягивается и бормочет:

— Что-то ноги заскучали.

Наклоняется, чтоб снять сапоги, они не сразу поддаются.

Тишка услужливо бросается к нему, бросается, как за спасением.

— Дай я, дядя!

Петр согласен, отваливается назад.

Встав на колени, Тишка бережно разувает его.

3

Ночь. Неоглядно раскинулись огненные поля строительства. Неистовство огней. Они подрагивают и вспыхивают, иные движутся.

Это наводнение огней медленно кружится вместе с горизонтом.

На гребне холма прямой, резкий силуэт Петра. За спиной сундучок. Рядом — согбенный, придавленный Тишка.

— Вот и доехали.

Петр зорко всматривается в огни, в ту, в другую сторону.

— Нам на слободу, на церковь надо держать. Там у меня тетенька знакомая есть. Аккурат против церкви живет.

Снимает сундучок из-за спины.

— Вот возьми-ка.

Тишка покорно принимает сундучок, пристраивает его себе за спину, рядом с торбой.

Петр уверенным шагом трогается. За ним согнувшийся в три погибели Тишка.

Трель молотков, лязги. Проходят по мостику через глубокую пропасть котлована.

Идут под какой-то необъятно-высокой огромной, заделанной доверху в пере-

плет лесов. Прорывается ослепительное сияние тысячечувечных ламп. Тишка замороженно останавливается, он словно во сне.

Оглушительный лязг.

Тишка, с'ежившись, в трепете бежит за Петром.

На окраине гигантского строительства ютилась старая слобода. Она жила по-своему, с базарами и колоколами.

И делались в ней ночные дела...

Из темноты проступают очертания церкви и полукруг деревянных домишек. Окна черны. Только в одном месте через ставни пробивается свет — у Аграфены.

Дом Аграфены вблизи. Палисадник, крылечко, деревянные ворота. К воротам под'езжает груженная телега.

Рослый мужик соскакивает с воза и, осторожно оглядевшись, стучит в калитку.

За воротами рвутся с цепи собаки. Злобный лай.

Мужик отходит на дорогу, опять вглядывается в обе стороны. Ясно, что это предосторожность.

Ворота распахиваются. Возчик бьет лошадь, воз влетает во двор галопом. Ворота тотчас же закрываются.

Во дворе. Налево — сенцы, в глубине — темный силуэт неогороженного сарая, за которым кучатся, переливаются недалекие огоньки. Хозяйка, полногрудая, наскоро укрывшаяся шалью, успокаивает псов. Кричит сквозь ветер приежнему:

— К бане, к бане давай, иль не знаешь?

Воз, на мгновение остановившийся, опять помчался вглубь двора.

За сараем — огороженный пустырек, на отлете — банька. Ожерельчато переливаются недалекие и многие огни. В зареве их и люди, и строения чернеют резко, почти обугленно.

Воз останавливается около бани. Мужик начинает раскутывать привезенное.

Иногда, попадая в отсвет огней, проступает его наружность. Это — гориллообразный, заросший волосом человек. Очевидно, большой физической силы. Маленькие глазки. Верхняя губа рассе-

чена надвое. Прозвище его — Трегубый.

Он выволакивает из двери огромную коровью тушу, взваливает на спину и скрывается в дверях бани.

Таким же порядком оттаскивает туда пятипудовый, туго набитый мешок.

Аграфена наблюдает, то-и-дело осторожно оглядываясь. Шаль ее вьется по ветру.

Шорохи, вой ветра.

Петр и Тишка идут вдоль барачков, окна которых горят поздним светом.

Из-за угла вырывается грохот. Тишка опасливо приостанавливается.

Вылетают два огненных глаза грузовика.

Чудовищная пятитонка мчится на Тишку, который в ужасе шарахается в сторону.

Машина, громоподобно сотрясая землю, пронесется мимо. Тишка всем телом припал к стене барака. Ужаснувшийся, задыхающийся голос:

— Дядя Петр... Чего это такое?

— Эх, деревня! Машина, прозывается грузовик. Что стал-то?

— Дядя... мож-быть, домой... вернуться?

— Иди, иди.

Тишка оправляет кладь на себе и опять понуро плетется за Петром.

Во дворе Аграфены. Возчик подводит лошадь с пустой телегой к сеним. Хозяйка идет следом.

Остановившись, возчик угрюмо переминается. Глухой голос:

— За труды, Аграфена, прибавить надо...

— Опять прибавить?

Голос ее звучит резко, по-базарному. Движения размашисты. Угадывается выражение лица — решительное, норостивое.

— Провозить-то с опаской приходится. Рабочие патрулей наставили.

Аграфена негодуя стонет:

— У-у... Жить не дают, ок-кайные...

Глухой стук в калитку. Оба замолкают, прислушиваются. Тишина.

Бешено лязгают цепи, псы вдруг срываются на середину двора, кидают-

ся, злобно взывают. Стук повторяется явственней.

Аграфена крестится, со страхом смотрит на Трегубого.

Возчик, сбывшись, направляется к калитке.

Спрашивает, не открывая:

— Кто?

Сквозь завывания псов слышен человеческий крик, похожий на лай. Трегубый оборачивается.

— Земляки.

Аграфена в тревожном ожидании, приложив руки к груди, делает несколько шагов вперед.

— Какие-такие?

Трегубый всем телом ложится на калитку и осторожно, чуть-чуть приоткрывает ее. Просовывает голову в щель.

Аграфена в волнении ждет.

Трегубый приоткрывает калитку пошире. В нее пролезает Петр, за ним навьюченный Тишка.

Петр делает шаг вперед, всматривается. Все молчат, насторожившись.

Тишка робко прилип у ворот.

Трегубый напряжил плечи, он — наготове.

Петр идет на Аграфену, она отступает.

Петр смело срывает с себя шапчонку.

— Признаете личность, Аграфена Ивановна?

Она все отступает, нервно запахивая на себе шаль.

Трегубый — в напряженной позе; он озирается то на Тишку, то на Петра.

Петр, нагибаясь к женщине вплотную, прерывистым шопотом:

— Когда-то на базаре соседями были...

Смотрят пристально друг другу в глаза. Аграфена всплескивает руками.

— Петруша!

Петр горько:

— Вот он, Петруша... Весь тут!

Теребит на себе пиджачишко. Опять переходит на шопот:

— Вы-то догадливые оказались: во время из родных мест ускреблись...

Трегубый, уже успокоенный, но однако не спускающий глаз с Петра, запирает калитку.

Забывший у ворот Тишка.

Аграфена торопливо подталкивает Петра к крыльцу.

— Пойдем-ка, дома расскажешь...

Петр, обернувшись, делает Тишке знак пальцем: жест властелина.

Тишка послушно бежит, шатаясь, сгорбившись под ношей.

★

В темноте раздвигается огненный четырехугольник двери. Разухабистый звон гармоники, пенье налетают шквалом.

В дверь проходят три силуэта: хозяйка, Петр, Тишка. Шум враз обрывается. Тишина.

Обычная мещанская горница. Комодик под вязаной скатерткой, с открыточками в выпиленных рамках. Тюлевые занавески. Фикусы в банках. Но что-то трактирное есть в этом столе, который стоит посредине, с бутылками и закусками. Может быть, потому, что сидящие за ним люди — одеты, как бы присели на ходу; иные даже в кепках...

Их трое. Враждебное удивление. Один из них, выбритый наголо, в кожаном пиджаке и матросской тельняшке, угрожающе поднимается.

Второй — пышнобородатый мужик, в закапанном известкой пиджаке и картузе — наблюдает угрюмо, выжидающе.

Третий — гармонист; один глаз затянут черной повязкой, другой — смотрит, не мигая, пронзительно, исподлобно...

Аграфена кидает успокоительно:

— Свои.

Человек в тельняшке медленно опускается на место. Гармонист опять заводит потихоньку прерванную, тоскливо-надрывную песню.

Теперь всю Аграфену видно на свету. Это женщина лет 38—40, дородная, с яблочными щеками. В лице, в ухватках — что-то бывалое, базарное. Подбоченясь, движением головы зовет за собой Петра.

Уходят в раскрытую дверь каморки.

Тишка в нерешительности остается у порога. Опускает на пол сундучок, торбу.

Гармоника все громче, все надрывней. Бородатый разливает водку по стаканам, человек в тельняшке упоенно, с какой-то злобой выводит:

Истерзан-най... измучен-най...
Наш бр-рат... масте-ро-вой.

Тишка тоскливо слушает. Ноги его почти подламываются, он опускается на сундучок.

Гармоника гремит. Человек в тельняшке и бородатый с отвращением, с плевками выпивают, закусывают.

Тишке мрачно и страшно. По жалким глазам видно, как голод и усталость терзают его.

За загородкой у Аграфены. Петр развалился за столом. Через раскрытую дверь виден Тишка, прикурнувший у порога. Аграфена Ивановна расставляет на столе всякую снедь.

Она поясняет, кивая головой на дверь:

— Это все «ударники» сидят.

Поднимает бутылку водки со стола.

— На строительстве эта штука строго воспрещена, только из-под полы... Ну, а им надо где-нибудь погулять-то...

Петр хитро прищуривается.

— По-ни-маю...

Гармоника оборвалась. Человек в тельняшке в горнице допрашивает Тишку:

— А ты, гражданин, кто такой есть?

Тишка, сбывшись:

— Я не гражданин...

— А кто же?

— Я — так...

Все трое гогочут.

Тишка загнанно озирается.

Бородатый, продолжая потеху:

— За длинным рублем приехал?

Гармонист глумливо кричит:

— Шел бы в барак, там тебя давно ждут, самовар поставили!

Гогочут.

Тишка пугливо никнет.

Человек в тельняшке вскакивает в пьяном надрыве.

— Вот у меня папаша действительно назывался гражданин... Почетный! Свою паровую мельницу имел! А я вот...

Гармонья опять рывкнула, гармонист упал ухом на меха.

Человек в тельняшке заносит похужее на стон:

С утра-а... до по-оздней ноченьки
С больно-ою... га-а-алавой...

Песня эта стоном висит и за загородкой. Аграфена размашисто наливает водки себе и Петру. Спрашивает, указывая на сидящего вдалеке, у порога, Тишку:

— А это что с тобой за убогий?

Петр приосанивается.

— Он у меня заместо холоуя. Нам, Аграфена Ивановна, дурачки еще очень сгодятся.

Женщина напряженно силится понять его.

— Мне, самое первое, на работу определиться, для документа... Я уж тут с одним сговорился дорогой.

Он понижает голос:

— Строительство большое, человека в нем, как иголку, не найти...

Аграфена мрачнеет.

— Большое-то большое, да вредное оно для нас, Петруша. На нашей на слезе строят...

Голос ее начинает звучать зловеще, гарающе:

— И все умные люди говорят, что строиться на этом месте нельзя. Тут такие ветра, каких нигде на земле нет... А они бараков да лесов нагородили... От одного уголька иль от цыгарки... Впору будет только ноги унести!

У Петра многознающее лицо.

— Это не только здесь... Повсеместно так. Еще страшнее будет! Ехал я, дорогой насмотрелся: вся земля с корнями пошла...

Он переходит на таинственный шопот:

— Надо, Аграфена Ивановна, загодя до решительного момента партию искать.

Аграфена полуиспуганно, осовело хлопает глазами.

— Какую партию?

— Такую.

Петр загадочно и многозначительно молчит. Пьяная, мутная жалоба песни.

Тишка, с'ежившийся у порога.

Петр наставительно:

— Слыхали, в Москве суд-то был? Партия открылась тайная, даже министров загодя выбрали. Но эта партия— ерунда...

Опять пауза. Аграфену едва не сводит судорога от любопытства и тревоги.

— Есть другая, поглавнее да позлее, я кругом ее чую...

Он встает, наклоняется близко к Аграфене, к пышущей ее шее, он прижимается к ней грудью, шепчет в самое ухо; пальцы играют по налитым ее плечам.

— Глазам ничего не видно, а кто-то точит и точит... и придет срок...

Аграфена, не противясь, взирает на него с восхищением.

— А тебе, я вижу, Петяша, крылья-то не совсем поотшибли!

Петр самодовольно:

— Доживем, Груня, вспомним кое-кому!

Садится около нее.

— Ну, а ваши как дела?

— Дела?

Аграфена через плечо оглядывается подозрительно.

У порога, привалившись головой к косяку, спит мертвым сном измученный Тишка.

— Дела у нас вот какие...

4

Многоголосый шум барака. Чья-то хриплая, задиристая песня.

Потолок барака. Керосиновая лампа-молния. Над окнами гирлянды хвои. Портреты.

Во всю длину стен плакаты:

*Привет передовым пролетариям,
строящим мировой гигант!*

и —

*Дадим пролетарский отпор дезертираж,
прогульщикам, пьяницам, подпевалам
классового врага!*

Широкий проход между койками. Обычное пестрое многолюдие барака.

На койке сидят рядом, голова с головой, два паренька, читают книгу.

Нескладная песня мешает им, они досадливо оглядываются, морщатся.

Заложив руки под голову, лежит Петр, думает с открытыми глазами.

Рядом пустая койка, на которой заплата ташкина торба.

В проходе появляется кастелянша Поля, та самая комсомолка, которая ехала на верхней полке вагона.

Один из пареньков раздраженно:

— Кастелянша, опять у тебя пьяные в бараке!

Поля свирепо оборачивается в сторону поющих.

— Это прямо сил моих нет! Сейчас пойду про это пьянство уполномоченному заявлю.

В проход вываливается полупьяный сезонник, тот самый, бородатый.

— А ты меня поила?

Поля кричит:

— Товарищ Подопригора!

Сезонник, приметив кого-то, трусливо улепетывает обратно.

Подходит уполномоченный рабочкома, Подопригора. Ему лет сорок, он широкоплеч, крепок, смугло лицо его, как бы сызмальства прокопченное коксом.

За ним виднеется Судков.

Поля, раскосматившаяся от волнения.

— Товарищ уполномоченный, здесь опять пьяные!

Далеко в дверях показывается Тишка. Он одет, в шапке.

Тишка сторожко заглядывает в барак, прислушивается, не решаясь войти.

Поля кричит возмущенно:

— Я вот только дознаюсь, кто сюда водку носит... Я дознаюсь, я этого врага сдам, куда надо!

Тишка отступает за дверь, в полутьму. Он устрaшен.

Расстегивает дерюжку свою, вынимает из одного кармана бутылку, прячет за пазуху. Вынимает из другого бутылку, тоже лихорадочно прячет...

Подопригора:

— Это все свобода: там притоны, самый гной отобрался... Кто-то лазит от туда, работку ведет...

Раздраженно обращается к Судкову:

— Это твое дело! Ты в обрат должен культурой развернуто ударить, а не бумажки писать, не хныкать: того нет, другого нет...

Судков вспыхливо:

— Не учите меня, пожалуйста, не учите!

Подопригора подходит к нему вплотную. Он говорит тихо — слышит только Судков — и с язвительной подчеркнутостью:

— Почему же не учить, дорогой товарищ Судков, если мы знаем, что тебя сюда именно подучиться послали? Не все у тебя ладно...

Судков колюче смотрит на него в упор.

— У нас здесь, товарищ Судков, люди не только строят. У нас воспитываются граждане, которые будут жить при социализме.

Судков с явным вызовом зевает, нехотя прикрывая рот.

Подопригора, насупившись, обрывает речь.

— Ладно...

Проходит мимо Судкова, делая ему знак головой.

— Идем, дело есть.

Оба сидят за столом в боковушке кастелянши.

Поля стоит сзади.

Подопригора говорит, не глядя на Судкова:

— На строительство прислали тридцать новых грузовиков. Организуются срочные курсы шоферов. Для наших коксохимовских ребят есть две вакансии. Я думаю на одну из них послать...

Лукаво-добродушно поворачивается к девушке.

— ... вот — Полю.

У Поли на лице радостное изумление.

Судков искоса, с аппетитом оглядывает ее. Одобрительно:

— Мм... не возражаю.

Подопригора:

— Девушка боевая!

Поля сконфуженно сияет.

Подопригора:

— И еще думаю парнишку одного: батрак, только-что из деревни, с матерью там чуть не побирался...

К кастелянше:

— Поля, кликни Куликова.

★

Барак. Петр все так же неподвижно лежит на своей койке. Скашивает глаза.

Медленно приближается Тишка. Одетый в прежнюю сермяжку, парень, как-то странно придерживая руками карманы, подходит, вернее, почти подкрадывается, к койке и садится. Его глаза неотрывно устремлены на Петра.

Не отводя взора от него, Тишка вытаскивает осторожно из одного кармана бутылку, прячет ее под подушку. Вынимает из другого, тоже прячет. Распахивает сермягу: на груди у него торчат несколько винных горлышек. Поочередно прячет бутылки под подушку.

Когда дело доходит до последней бутылки, Петр повелительно останавливает его глазами и произносит несколько коротких беззвучных слов.

Тишка покорно встает, уходит.

Петр, соблюдая видимое равнодушие позы, зорко следит за ним.

Поднимается, присаживается на койке.

Тишка возвращается и, скрывая свой жест от людей, передает Петру деньги.

Петр хмуро и деловито прячет деньги в карман. На ладони отсчитывает какую-то мелочь, сует Тишке.

Тот отступает, качая головой.

— Дядя Петр, не буду я больше... боязно.

— Поди сюда.

Петр за рукав подтягивает Тишку ближе, усаживает на койку.

Вкладывает ему в руку деньги, Тишка подчиняется одеревянело.

— К Аграфене... возы приезжали?

— Приезжали.

Петр наклоняется ближе, дружественнее.

— Дурак, своей пользы не видишь! Ты вот на черной работе, доски подносишь, сколько зарабатываешь?

Тишка молчит.

— Рублей сорок с копейками. А

здесь еще полсотни в месяц имеешь! Когда ты это в жизни видал?

У Петра сурово-доброе, отцовское лицо.

— Деньги-то маманке посылай! Глядишь, месяца через два она себе хибарку сколотит, а там еще через полгодика лошадку купит. А там к лету работничка — какого-нибудь безродного — принаймает. А ты знай только — через письма распоряжения давай!

Тишка, заслушавшись, кладет в карман деньги.

Петр:

— А домой поедешь, мы с Аграфеной за труды во окопируем тебя! Шапкучанку с золотым верхом, бешмет — по грудям патроны, пояс серебряного набора...

Заслушавшийся Тишка.

... Деревенская улица. Тишка в каких-то ернических лаковых сапожках, в бешмете, в шапке-кубанке, из-под которой взвихрен чуб, идет с цыгаркой в углу рта, лихо поплеывает. А через плечо — гармонья.

Голос Петра:

— Эх! Деревня-то ахнет!..

... Девки, обнявшись, прижавшись друг к другу, провожают взорами Тишку с каким-то осатанелым изумлением.

Тишка, довольный, улыбается, но колебания не покидают его.

— Кабы только не забрали за это...

— Вот еще! Партейному ни одному и в голову про тебя не придет!

Поля появляется неожиданно.

— Куликов, тебя уполномоченный зовет.

Тишка потрясен. Он медленно поднимается, подавленно глядя на Петра. Но тот уже отвернулся и равнодушно, как посторонний, крутит цыгарку. Тишка опускает голову и бредет за Полей.

Едва он исчезает, Петр хищно привстает. Бросает ненужную цыгарку.

Осторожно присматриваясь, пробирается в ту же сторону, куда удалился Тишка.

★

Каморка кастелянши. Тишка трепетно останавливается в дверях.

Подопригора зовет его ободряюще:

— Иди, Куликов, садись.

Тишка омертвело присаживается между Подопригорой и Судковым.

Судков, приподняв очки к бровям, пренебрежительно озирает его.

Подопригора:

— Хотим забрать тебя, Куликов...

Тишка ежится, словно перед ударом.

— ... с работы.

Судков, наконец, узнает Тишку. Прозрительная, неприязненная усмешка.

— А-а, вот это что за птица! Помню, помню...

Тишка пугливо отводит глаза.

— А скажи, ты... э-э, грамотный?

Тишка бормочет:

— Грамотный, да не шибко.

Судков с затаенным ехидством:

— Та-ак. Объясни нам, Куликов, за чем ты на строительство приехал?

Тишка молчит. Потом угрюмо:

— Кормиться...

— Та-ак!

На лице Судкова победное торжество.

Подопригора вступается — попрежнему ободряюще:

— Скажи, Куликов, ты учиться хочешь?

Тишка некоторое время смотрит на него с удивлением и недоверием. Оживает.

— Хочу... Я бы на плотника...

В то время, когда Подопригора задает свой вопрос, в полураскрытой двери показывается Петр. Тайком прислушивается.

Подопригора:

— Так вот слушай, Куликов. Мы хотим тебя на шофера выучить, чтобы ты машину, автомобилем управлял. Видал эту машину?

Тишка вспоминает, в глазах повторенный страх. Он без особого удовольствия кивает головой.

Подопригора:

— Дело очень интересное! Ты как на это смотришь?

— Н-не знаю...

Петр встревожен. Протиснувшись в дверь, чтобы Тишка его видел, он, как бы подсаживая Тишке, отрицательно трясет головой.

Подопригора:

— А когда выучишься, тебе ко всякой другой машине будет легче подойти. Станешь ты у нас квалифицированным рабочим, а впоследствии, может быть, и инженером!

Кладет ему руку на плечо.

— Ты подумай, только поскорее. Подумай и скажи нам, ладно?

Тишка, подымаясь и искоса поглядывая на грозного Петра:

— Л-ладно...

Когда он проходит мимо Петра, тот сурово нашептывает ему что-то.

Тотчас Петр опять показывается в дверях.

Подопригора радостно, почти с восторгом — к Судкову:

— Нет, ты пойми, друг: парня, который в первый раз в жизни по железной дороге проехал, ни одной машины никогда не видал, — оторвать эту темноту от его, как говорится, деревенской стихии и на машину поставить... Проблеск, смелость ему дать!

Судков резко:

— Товарищ Подопригора, я считаю это вредной затеей.

Подопригора хмурится.

— Почему вредной затеей?

— Невежественного и совершенно тупого парня ставить к сложному и дорогому механизму! Есть же у нас люди в какой-то мере... более культурные!

Подопригора:

— Почему ты думаешь, что Куликов тупой? Конечно, парень забитый, потому что всю жизнь батрачил. А мы его выправим, так выправим, что ты через полгода Куликова и не узнаешь!

— Нет, с наску не выправишь!

— Знаешь, Судков, я вот рабочий с коксовых печей, а меня, пока здесь печи строятся, на профсоюзную работу послали, которой я не обучался. Что же, работаю!

В горячности Подопригора встает.

— А ты забыл, что мы сейчас именно деревню на трактор сажаем? Нет, ты свою панихиду брось! Мы эти панихиды слышали, понимаем, откуда они.

Судков презрительно:

— Ты рассуждаешь, как невежда, голубчик мой. Культуры... как и иного прочего... с наскою не возьмешь!

Подопригора тихо и многозначительно:

— А чего еще прочего наскою не возьмешь?

Судков насмешливо молчит.

Подопригора:

— И это нам тоже знакомо. Как ни прячь рыльце, а оно вот и вылезет! Покаялись ваши вожди, и вы вместе с ними, да, видимо, не надолго!

Судков в гневе вскакивает.

— Товарищ Подопригора, я поставлю вопрос... знаешь, где?

Подопригора спокоен.

— Давай поставим.

— Там поговорим.

— Поговорим.

Судков срыву нахлобучивает кепку, хватая портфель.

— Т-тупица!

Выскакивает в дверь.

Подопригора делает резкое движение ему вслед, смотрит, прищурившись...

★

Барачные сени. Судков бешено влетает, направляясь к выходным дверям.

Его догоняет Петр.

— Товарищ Судков... Товарищ...

Судков оглядывается раздраженно.

— Что вам?

Петр льстиво:

— Я... разговорец ваш нечаянно слышал. Очень правильно вы все сказали... Я Тишку Куликова хорошо знаю: верно, малахольный он, нукудышный.

Судков смягчается.

— Ну?

— Куликову-то я заместо старшего брата.

— Ну?

Петр придвигается поближе с таинственным видом.

— А вы вправду... партийный?

Судков сухо:

— Я коммунист.

— Коммуни-ист?

Петр вдруг начинает подмигивать Судкову, нагло подмигивать всей скулой, всей половиной лица.

Судков отступает в изумлении.

— Что такое, я не понимаю...

Петр, воровато оглядевшись, наклоняется к нему еще ближе.

— Мне бы, как рабочему человеку... поговорить с вами (с издевкой)... о международном положении и прочем...

Судков отстраняется, хочет сделать оскорбленный жест. Но, пристальнее всмотревшись в Петра, угадывает в нем что-то.

В свою очередь сторожко оглядывается.

Еще раз обмеривает испытующим взглядом Петра. Коротко кивает на дверь:

— Пойдемте.

Петр обрадованно, в бегучей готовности.

— Оденусь... сей минутой.

★

В бараке. Тишка, то-и-дело озираясь, приподнимает свою подушку, старается поглубже упрятать бутылки.

В проходе между коек шествует Подопригора.

Тишка видит его, судорожно бросает подушку, приваливается к ней спиной.

Подопригора подходит к Тишке, садится рядом.

— Думаешь, Куликов?

Тишка, спиной отодвигая подушку подальше:

— Угу.

— А чего долго думать? Ты только представь, что в деревне-то будет, когда узнают!

Тишку разговор заинтересовывает, даже рот раскрывается.

— Как это, дескать: наш Куликов, который у нас самый нукудышный вроде был, и вот на машине ездит!

У Тишки глаза устремлены вперед — недоверчиво, мечтательно.

... Тишка в дерюжке своей и в лаптишках около огромного клокочущего грузовика.

Тишка ловко вскакивает в машину.

Машина мчится. Машина летит с неопикуемой, дьявольской быстротой по деревенской улице, летит смерчем грохота и пыли.

Те же девки — они приседают от страха и удивления.

Парни, окосевшие от зависти.

Баба, за нею ребяташки в испуге выгладывают в окошко...

Тишка делает неловкое движение спиной, бутылки звякают.

Из-под подушки вылезает горлышко.

Тишка в страхе пытается незаметно засунуть бутылку обратно, но сам все-таки слушает.

Подопригора, ничего не замечая, с увлечением продолжает:

— А мать-то, мать-то увидит... Как она тебя зовет?

Тишка, не отрывая от него очарованных глаз:

— Тишкой.

— Посмотрит: да кто это, никак мой Тишка летит! И сам правит, батушки! Знаешь, что...

Подопригора сам не может усидеть спокойно от радостного возбуждения.

Тишка скалится заранее.

— Знаешь, давай матери не будем писать, что ты на шофера учишься. Пускай придет к тебе на побывку, ничего не зная. Что со старухой-то будет... А, чорт!

Полуобняв, трясет восхищенного Тишку.

Сзади подходит Петр, надевает шапку, пиджак, слушает.

— А еще, вообрази, встречаешь ты своего прежнего хозяина...

Отуманенное тишкино лицо.

... По деревенской улице шествует его хозяин, Игнат Коновалов. Он хмур, бордат, осанист. Какой-то беспокоящий грохот летит на него.

Голос Подопригоры:

— ... на которого вы с маменькой хребет-то гнули. Как загудишь ему: прочь с дороги, мусор!

... Грохот, бешеная сирена. У Игната Коновалова глаза выпучились.

Голос Подопригоры:

— Это я, Тихон Куликов, еду!

Смерчем проносится дьявольский грузовик. Тишка скалится из него торжествующе.

Игната отшибает в сторону. Шапка его слетела.

Он поднимает шапку, лицо перекошено от бессильной злобы.

Подопригора и Тишка ржут, качаясь в обнимку.

— Ха-ха-ха, чорт!

Бутылка из-под подушки вываливается до половины, того гляди, упадет.

Петр мрачнеет.

Подопригора спрашивает:

— Ну, согласен?

Тишка, счастливый, кивает:

— Согласен.

И вдруг ловит взгляд Петра, грозный, карающий.

Под этим взглядом темнеет, отворачивается, опуская голову.

5

Помещение барачного типа. Тесовые длинные столы, сидят слушатели — в полубубках, ватных пиджаках, шапках.

Преподаватель стоит у стола, на котором разложены части мотора.

— Спервоначалу, конечно, вам покажется, что это дело — жуткая механика. Потом — ничего...

Первый ряд сидящих. Поля напряженно слушает. Рядом — парни бойкового, смышенного обличья.

Где-то в задних рядах Тишка вытягивает шею.

— Ну-с... Что у нас самое основное в машине? Это мотор, или двигатель... Вот тут на столе.

Преподаватель приподнимает одну из частей мотора.

Передние привстают. Поля тянется к мотору рукой, щупает.

Задние ряды парт. Тишка почти в самом углу. С ним рядом — тоже паренек деревенского вида. Оба привстали, алчно тянутся вперед.

Но впереди спины других—они мучительно мешают видеть.

Голос учителя:

— Это называется цилиндрический блок двигателя.

Тишка к соседу обидчиво:

— Они, комсомольцы-то, городские-то, хитрые, хваткие... на самый перед за сели... им-то все видно!

Тишка и его сосед и весь класс—сзади. Скопище спин и голов. Видно, как Поля опять привстает впереди, трогает рукой деталь. Спрашивает:

— Это и есть цилиндры?

Учитель одобрительно:

— Правильно.

Тишка соседу со злобой:

— Ишь, в глаза лезет. Все чтоб ей одной было... Завтра я ей, чорту, не дам, на самый перед сяду.

★

Барак. Вечер. Подопригора беседует с нахмуренным Тишкой:

— Учишься, Куликов?

— Угу.

— Что же вы сейчас учите?

— Ци... цилиндры.

— Ну как, выходит дело?

— Угу.

— Ты скажи, если что...

Тишка потупляется. Подопригора лукаво:

— Маманьке-то не писал?

— Нет.

Подопригора треплет его ладонью по спине и, добро усмехаясь, отходит.

Тишка смотрит ему вслед исподлобья. Он хочет кинуться за Подопригорой, делает шаг, но останавливается.

★

Шоферские курсы. На переднем плане стол преподавателя.

Помещение перед началом занятий еще пусто.

Позади парт открывается дверь, толпой врываются слушатели.

Тишка впереди всех, торопливый, лихорадочный. Отталкивая прочих, бросается к передней скамье, занимает место с краю, у прохода, прямо против стола преподавателя, кладет локти на стол. В

движениях его — цепкость, жадность, торжество.

Постепенно заполняются остальные места.

В проходе идет Поля. Дойдя до Тишки и не видя поблизости свободного места, наклоняется к нему.

— Подвинься-ка, Куликов.

Опускается рядом с Тишкой на краешек скамьи. Направо от Тишки достаточно места, чтобы потесниться. Но он со злобой толкает Полю локтем в бок, та оседает со скамьи на пол.

Поднимается, ошеломленная.

— Ты... что это?

Показывается учитель.

Поля растерянно оглядывается.

Ее зовут из первого ряда, подвигаются, дают место.

Учитель у стола.

В первом ряду Тишка, еще взволнованный только-что происшедшим.

Учитель:

— Надо вас сначала немного поспрошать. Ну вот... ты.

Останавливается перед Тишкой.

— Скажи, чем движется наша машина?

Тишка полувстает, окаменелый.

Сбоку Поля в нетерпении, горячо шепчет ему что-то губами.

Тишка не слышит. Бормочет подавленно:

— Чем?.. Колесами.

Общий негромкий смех. Поля иступленно тянет руку вверх к учителю.

— Я скажу! Я скажу!

Тишка смотрит на нее вбок: зубы сцеплены, стыд, бессильная ненависть в глазах.

★

Барак. Тишка пристроился у общего стола, пишет письмо. Писанье его трудное, тоскливое. Иногда украдкой утирает кулаками глаза. На экране письмо:

Дарая мамынька и пишу вам как издесь в чужадалный старане погибают мои маладыи годы и весь народ издесь хваткий наривит себе урвать. И делу мне дали непонятную все смеются только один есть самый добрый и то камунист и я робюю ему сказать...

Откуда-то возвращается Петр, одетый. Манит Тишку.

Тишка, спугнутый, прячет письмо за пазуху, понуро идет к своей койке за Петром.

Петр, не спеша, разоблачается. Он деловит, жёсток, спокоен. Искося устремляет взгляд на Тишку.

— Ты вот что... одевайся-ка. Пойдешь, Аграфене поможешь к базару да и сюда... запас принесешь.

Тишка молча и угрюмо отворачивается.

Петр:

— Ну?

Тишка бурчит глухо:

— Не пойду я... туда.

Петр, присев на койку, внимательно шурится: для него это ново... Тихо, угрожающе переспрашивает:

— Что?

— Не пойду.

Петр встает, вплотную подходит к Тишке. Кулаки сжаты, голос нисходит до зловещего шопота.

— Что... ты... сказал?

Петр напряжен, глаза выкачены, в них собрана, из них исходит вся приказывающая сила, какая есть в Петре.

Тишка охвачен беспамятным истерическим припадком,—это и гнев, и мольба; скулы и рот его дергаются.

— Не пойду! Измываетеесь тут... на чужой стороне. Вот уеду домой, все равно!

Визг его может сорваться в рыданье.

— А то пойду... расскажу все...

На ближних койках оборачиваются на крик, любопытствуют люди.

Искаженное, перекошенное лицо Тишки.

Петр, струсив, мигает, утирает пот. Побежденно, в бессильной злобе, отступает.

Шипит сквозь зубы:

— Тиш-ше, чорт!..

6

На базаре, раскинувшемся в воскресенье между слободой и строительством, произошло чрезвычайное событие.

Немолчно гудит шарманка. За многоголовьем барахолки, за верхушками

ларьков маячит слободская церковь. Ходят, толкаются люди разного обличья, неся свой товар на руках.

Показался на минутку Тишка в толпе.

Гуляя, прошла Поля, окруженная товарищами — курсантами.

Свирепо, как попало, расталкивая народ, пробегает Аграфена. Рот ее ощерен от беззвучного плача, волосы вкосмачены, шлык сбит на сторону. Глаза рыщут, в отчаянии разыскивая кого-то.

За нею, не отставая, мрачно шагает Трегубый с кнутом в руках.

Они проходят, вернее, мнутся так по улице между галантерейными, увешанными ленточками, ларьками.

Мимо фантастически расписанной декорации бродячего фотографа, рядом с которым завывают вразброд десятки горластых граммофонов...

Другой конец базара. Пустые мясные столы, какие-то подозрительные возы за ними.

Облокотясь на столы и у возов беседуют или проделывают осторожные таинственные манипуляции с покупателями некие личности, густо заросшие волосом и с явно базарными ухватками.

Шествует Петр. Он в новом облачении, щеголеват, развязен. Раскланивается по очереди с торговцами.

Те истоиво отвечают ему, как близкому знакомому.

Иные на минуту подбегают перешептаться.

Из толпы дико вырывается Аграфена. Она увидела Петра, с воплем вскидывает руки.

— Петру-ша!

Петр удивленно, беспокойно оглядывается.

Аграфена, сопровождаемая Трегубым, мчит к нему. Задыхаясь:

— Петруша... ограбили... И твое, и мое...

У Петра встревоженно сдвигаются брови.

— Мы вот с ним (показывает на Трегубого)... едем с возом... уж на базар везжаем (хватается за грудь)... ох, душенька моя!

— Ну, ну!!

— В'езжаем... а тут патруль... Будто аккуратно на нас и метил... Стой, говорят. Весь воз (всхлипывает)... и отобрали!

Трегубый мрачно:

— И лошадь увели.

Петр темнеет.

— Знаю, чья работа...

Аграфена вдруг впадает в иступление, грозит кому-то.

— Погодите! Вот ветра ударят, все попалит господа! Живыми вам отсюда не вырваться!

Петр, зорко заметив кого-то в стороне, дергает ее за рукав.

— Пойдем.

Трегубый угрюмо двигается за ними.

— А за лошадь мне кто ответит?

★

Декорация базарного фотографа. Тишка беседует с хозяином.

Фотограф:

— Вам для посылки в деревню снимочек?

Тишка, насупясь:

— Нет, я сам в деревню уезжаю... С собой.

— На память, значит? Пожалте, сейчас устроим вам... в дикаденском вкусе!

Фотограф подводит послушного Тишку к декорации, надевает на него поверх армяка кавказский бешмет с газырями, а на голову кубанку набекрень.

Перед декорацией он выдвигает фанерный самолет.

Тишка осторожно садится в самолет, но фотограф заставляет его встать.

В правую руку он дает Тишке кривую шашку, в левую револьвер. Обе руки на отлет.

Несколько раз отбегая, фотограф примеривается.

Сбоку показывается Поля с товарищами. Наблюдают за фотографом, пересмеиваются.

На фоне невиданных дворцов, голубых озер и лебедей Тишка, стоя, размахнувшись, летит на самолете, остолбенелый, выпученный.

Фотограф снимает.

— Готово, одну минуту!

Поля с товарищами пересмеиваются.

Тишка, злобно глядя на них, сходит

на землю, неумело теребит пуговицы бешмета.

В стороне показывается Петр, Трегубый и Аграфена. Петр, указывая ей на Тишку, говорит на ухо:

— Дохлый, ему дать раза...

Аграфена яростно устремляется к декорации.

Подбегает к Тишке, злобно спрашивает:

— Это ты, поганец, назвонил?

Поля и окружающие ее парни наблюдают за сценой.

Тишка с угрюмой ненавистью:

— Уйди, не приставай.

Аграфену сотрясает бешенство.

— Как это — уйди? Ах, ты...

Она топчется, не зная в ярости, чем бы поразить его до конца. Вдруг покликушьи вопит:

— Граждане!.. Деньги вынули!.. Граждане, вот этот сейчас... деньги вынул!

Останавливаются любопытные.

Поля и парни, посерьезнев, торопятся подойти поближе.

Тишку и Аграфену обступают базарные. За их спинами — насупившийся, готовый к драке Трегубый, злорадная физиономия Петра.

Заросший волосом базарник хватается Тишку за ворот бешмета, рычит:

— Этот?

Фотограф силится вырвать Тишку из его рук, в отчаянии упрашивает:

— Погодь, в костюмчике не бей! Пушай сначала костюмчик сымет!

Поля внезапным толчком в грудь отпихивает базарника от Тишки. За нею решительные лица ее товарищей.

— Не трогай! Мы видали. Брешет она... кулацкая морда!

Аграфена истошно вопит:

— Граждане! Одна банда!.. Вместе работают!

Волосатые, полузвериные хари базарных обитателей мрачно налезают из толпы, окружившей Тишку. Крик:

— Бей их!

Парни-рабочие легонько отталкивают Тишку назад, за себя. Плечом к плечу выступают вперед.

Напряженные груди, глаза. Пылающее гневом лицо Поли.

Против них, сжав кулаки, надвигаются базарные.

Кусок базара. Сумятица. Мечется народ.

С лотками, с палками бегут к месту скандала люди базарного обличия.

Парень-строитель, в коротком пиджаке, в кепке, яростно машет кому-то рукой.

— Ребята!.. наших... кулачье бьет!

Две грозных человеческих стены друг против друга. Еще мгновение и — одна из них обрушится на другую. Среди базарных крутится раскосматившаяся Аграфена.

Первый ряд наступающих рабочих. Подбегают новые, стараются стать впереди. Сжатые челюсти, прицеленные глаза.

В волне рабочих несет и Полю.

Замешательство среди базарных.

Лица рабочих. Неостановимо, сплоченно надвигающаяся сила.

Толкая друг друга, трусовато озираюсь, базарные начинают отходить назад. Юркнула за их спины Аграфена. Где-то милейский свисток.

Петр поднимает воротник, зарывается в него с головой, исчезает.

Отступление кулачья переходит в смятение, в бегство.

Тишка в наспех накинутом армяке своим около декорации. Он бледен, ошеломлен.

Поля с товарищами подходит к нему.

По-сестрински оглядывает Тишку, оправляет на нем армяк.

— Давай застегну.

Тишка, сбычившись, отвертывается.

Поля настойчиво берет его за руку.

— Пойдем с нами.

Тишка — уже не так отчужденно — подымает глаза на нее, на парней, он как бы проверяет. Трогается вместе со всеми.

★

Глухая окраина стройки. Железнодорожная насыпь, путевой железный мост.

Под насыпью по тропинке спешно пробирается куда-то Судков с портфелем подмышкой.

Из-под моста показывается Петр.

Раньше, чем выйти оттуда, осматривается кругом.

Выходит и, приложив ладонь ко рту, негромко зовет:

— Товарищ Судков!

Судков, вздрогнув, оглянулся. Остановился, ждет.

Петр подходит ближе. Шаги крадущиеся, с оглядкой.

— Товарищ Судков, разговорец к вам есть...

Судков хмур. У Петра льстивая и вместе с тем неприятная улыбка. Оба медленно идут рядом.

— Нашелся один гад, неприятность мне крупную подложил. Такую неприятность, товарищ Судков, что уж ни на прежнюю работу, ни в барак возвращаться мне нельзя.

По насыпи с гулом проносится поезд.

Судков переживает, когда оборвется гул. Глаза под очками бегают беспокойно.

— Значит, уезжать надо, товарищ. отсюда.

Петр словно того и ждал, чтобы провратиться по-настоящему. Он прижимает руки к груди, голос его дрожит взволнованно, но нечто наглое, глумливое — по отношению к Судкову — то-и-дело проскальзывает в игре его лица.

— Вот уж этого, товарищ Судков, сделать мне никак невозможно. У меня, товарищ Судков, насчет данного строительства свои интересы имеются. Я в скорости здесь, может быть, больших делов ожидаю. Никак невозможно. Опять же кое с кем... рассчитаться надо... На вас, товарищ Судков, вся надежда!

Видно, что Судкову этот разговор внушает неприятную тревогу, что ему хочется поскорее отделаться от собеседника. Он сухо пожимает плечами.

— Что я могу сделать?

Петр продолжает изливаться горячо и двусмысленно льстиво:

— Потому что имели вы со мной беседы, и из них я понял, что товарищ Судков — он друг. А я, ведь, про дружбу хорошо разумею. Я, ведь, не простой, товарищ Судков, я не только торговляшкой занимался, а и книжки из библиотеки, романы и статейки вся-

кие почитывал! Правда, примяли мне крыльшки...

Петром овладевает какое-то злоещее вдохновение. Он искренен.

— ... но временно уничтожаюсь, товарищ Судков, и обратно воскресаю. И вот, когда в скорости совсем воскресну, придете вы ко мне и скажете: теперь ты меня укрой, Петруша, по старой дружбе дай защиту! Так как же мне товарища Судкова в смертельную минуту не укрыть!

С ехидной усмешкой наклоняется к уху Судкова:

— А про те беседы не беспокойтесь, докладать пока никому не буду.

Судков, в крайней степени волнения, хрипло спрашивает:

— Так чего же вы хотите?

Петр вкрадчивым голосом:

— Вы на строительстве цирка участвуете. Там складик есть на отлете... Заведующий требуется. Будьте уверены, до поры до времени носу никуда не покажу...

Судков подавленно думает.

★

Внутренность огромного гаража при строительстве. На заднем плане в полутьме силуэты высоких грузовых машин. Иногда проходят люди. На переднем плане остановившийся грузовик.

Перед ним в нерешительной позе Тишка. Он в прежней дерюжке, но уже не в лаптях, а в валеных сапогах.

Из кабинки вылезает Поля.

Открывает капот мотора, начинает что-то поправлять в механизме. Тишка глазает через ее плечо, как посторонний.

Поля указывает ему на кабинку.

— Садись.

Тишка мнется, Поля приказывающе смотрит на него.

Под ее взглядом, он мешкотно, как бы с опаской приближается к кабинке.

Влезает туда, втискивается за руль.

К машине подходит Судков — церемонной и какой-то танцующей походкой.

Поля приветливо ему улыбается.

— Здравствуйте, Поля!

— Здравствуйте, товарищ Судков.

Поздоровавшись, Поля принимается опять за мотор. У Судкова грациозная улыбка.

— Пришел вас проведать... Чем-нибудь помочь.

Поля, стесненная в движениях, снимает с себя ватник, бросает на капот. Она теперь в одной майке. Копается в моторе.

— Вот с подачей буза. Сбилось. Может, наладите?

Судков величаво качает головой в знак отказа: это не его дело. Он придвигается ближе, глаза неотрывно и сладостно устремлены на голое плечо.

— Нет, я по линии культурного...

Судков не может одолеть соблазна и со вздохом, нежно поглаживает ладонью руку.

— ... обслуживания.

Поля выпрямляется, досадливо встряхивает кудрями.

— Погодите. Некогда.

Судков неохотно отдергивает руку.

Поля снова наклоняется к мотору. Помедлив, то же делает и Судков.

Тишка за рулем, выпрямленный, естественно напряженный. Наблюдает через стекло за Судковым. Сердитые, колючие глаза.

Головы Судкова и Поля рядом, почти касаются друг друга.

Судков задумчиво:

— Я всегда говорил, Поля...

Рука его потихоньку обвивает ладонью талию.

— ... что из вас выйдет толк.

Сердитый взгляд Тишки.

Поля делает резкое движение.

— Знаете что? (Указывая на мотор.) Оно взорваться может. И вам тоже не поздоровится!

Судков, мигая, опасливо отступает.

Поля продолжает копаться в моторе. Выпрямившись, делает знак Тишке.

— Куликов, заводи!

Судков только сейчас замечает за стеклом кабинки Тишку.

Высокомерно поправляет очки, критикуется.

Тишка за рулем старательно производит нужные действия и руками, и ногами: нажимает стартер, дергает рычажок

на руле. Напрасно. Утирает пот. Машина мертва.

Высовываясь из кабинки, растерянно:
— Не заводится.

Поля, поправив что-то в моторе:

— А ну еще!

Тишка старается отчаянно, во-всю. На губах Судкова едкая улыбка. Он торжествует.

— Я предупреждал... что из этого... ник-какого толку не выйдет...

Внезапный взрывной грохот. Дым.

Судков прядает в сторону, прикрываясь портфелем.

Поля бежит, садится в кабинку рядом с Тишкой.

Машина трогается — прямо на Судкова.

Тишка, стиснувший зубы, судорожно вцепившийся в руль. Он едет!

Судков, всплескивая руками и портфелем, бросается в сторону.

— Стой!

Машина, неуклюже виляя, нечаянно (а может быть, и умышленно?) сворачивает опять на него.

Судков кидается в другую сторону.

— Стой!

Взбешенное, перепуганное лицо Судкова.

Поле весело. Но она настороже, готова притти на помощь Тишке в любую минуту.

Тишка, в упоении, за рулем. По лицу его хлещет пот.

Зигзагообразное метанье Судкова и машины. И не понять: не то машина хочет обехать Судкова, не то она просто играет с ним, как кошка с мышью.

Судков, наконец, опрометью выбегает через ворота гаража на улицу.

Поля хохочет.

Машина останавливается.

Оба вылезают из кабинки. Тишка почти в беспамятстве от того, что произошло.

Поля берет ватник с капота, надевает. С хитринкой косится на Тишку.

— Что же, Куликов, для первого раза ничего.

Подходит к нему ближе, протягивает руки.

— Дай я тебя застегну

Тишка делает невольное защитное, почти грубое движение в сторону.

Отворачивается и сам наскоро застегивает петельки своей дерюжки.

Поля, задержав на нем пристально-усмешливый взгляд, уходит.

Тишка один. Он думает.

Смотрит на петельки своей дерюжки, глатит их, застегивает, расстегивает опять.

Медленно поворачивается, туманными глазами глядит в ту сторону, куда ушла Поля.

★

На разные лады протяжно переключаются гудки, альтовые, баритональные. За ними отдаленный фон из воя и свиста пурги.

Завод, один из могучих первенцев пятилетки, готовился к пуску.

На строительство обрушились бесноватые ветры.

Гудки постепенно гаснут, отчетливее прорываются свист и вой.

Дорога в сугробах. Вскипает метель, летит, кудрявится. В сугробах крутятся снеговые смерчи.

Люди бредут, сгибаясь, почти падая.

Облака снеговой пыли. Они затемняют все видимое. Вой.

Сквозь них проступают высокие, неоглядные силуэты домен. Одна, вторая...

В прорывах бурана видно, как суетятся внизу, у подножия, люди.

Ребристый фасад коксовых печей. В выси — сложная конструкция барельета. Пурга бьется об это здание, напоминающее что-то от афинского Акрополя, вздымает вверх полотнища снеговой пыли.

На коксовых печах вступала в действие батарея мастера Подопригоры.

Фасад печей, пурга.

Бетонная площадка, — в нескольких метрах над землей, — опоясывающая фасад печей. На ней кишат люди.

Для пуска надо было поднять температуру в печах до 1.000 — 1.100 градусов.

Бетонная площадка вблизи. Пламенеющая топка, яростно швыряемые с размаху лопаты с углем. Истопники, под-

возчики угля в толстых, одутло подпоясанных пиджаках, в малахаях, изпод которых виднеются концы деревенских платков. Иногда обтирают рукавом лица, которые жжет пурга.

С грохотом лавирующие в узине, по мосткам, груженные углем тачки.

Шкала измерительного прибора (пирометра). Стрелка показывает 650 градусов.

Перед прибором мастер Подопригора и пожилой инженер, начальник цеха. Оба хмуры.

Инженер глухо:

— А вчера было семьсот... Опять понижение. Так мы можем сорвать пуск доменного цеха, которому необходим кокс... довести завод до катастрофы.

Стрелка пирометра на 650 градусах.

Голос инженера:

— Надо принимать меры. Уменьшить тягу, регулировать...

Подопригора:

— Все сделано, товарищ начальник цеха. Это ветра проклятые... Я ночь не спал, голову ломал. Это же прямо смешно, чтобы нам против ветров ничего не удумать!

Инженер смотрит на него вопрошающе. Подопригора кивком головы зовет его за собой.

Оба поднимаются по винтовой лестнице на верхнюю площадку — потолок коксовых печей.

Идут, пошатываясь от ветра, по вышке коксовых печей. В пурге — сложные конструкции барельета; за ними — мутный от метели простор строительства, силуэты огромных агрегатов.

Подходят к краю, к решетке барельета.

Сверху — вкось — виден фронт коксовой батареи, нижняя бетонная площадка, на которой снуют и шуруют рабочие. Прибоем бьет пурга.

Подопригора с улыбкой:

— Я бы такую вещь предложил. Ветра, главное, в этот фасад ударяют. И если взять да сшить десяток, другой брезентов и весь этот фасад на время завесить... Вроде как одеяльцем его прикрыть... И нагрев печей будет происходить нормально.

Инженер смотрит на него удивленно, недоверчиво, но это только в первые секунды. Он озабочен, думает.

— Это мысль. И очень простая мысль... Позвольте, но где же вы столько брезента достанете?

Подопригора с хитро-виноватой усмешечкой:

— А я уже с утра в рабочкоме полазил. Правда, немного, но дают. Главное, женщин нам срочно командируют, чтоб шивать. А насчет брезента... Тут цирк строится, но еще не достроен... У него брезента — завались! И я же только взаймы, на время, дня на три просил...

Инженер:

— Ну?

— Говорят: присылайте машину, отпустим.

Инженер задумчиво:

— Конечно, это исключительная мера, но...

Он ласково сжимает плечо Подопригоры.

— Вы, товарищ Подопригора, настоящий командир промышленности! Делайте!

Подопригора бурно сбегает по винтовой лестнице.

Кричит вниз:

— Поля!

Внизу, у подножия печей, то же кипучее многолюдье. Видны два бревенчатых строения со смежными дверьми и вывесками: *Контора Коксохима* и *Столовая Коксохима*. Поля с трудом прорывается сквозь движущийся двойной поток тачек. На ней ватник, берет.

Она спешит к ожидающему ее Подопригоре.

— Поля, сейчас же Куликова ко мне. Срочный рейс — к цирку. А ты побудешь в резерве.

Поля, кивнув, хочет кинуться обратно, но Подопригора удерживает ее.

— Да... Ты Куликову не говорила, что мы мать-то выписали?

Поля лукаво:

— Нет.

— Не говори пока. Я было хотел его с машиной к поезду послать... Навстречу. Порадовать нечаянно, в виде премии. Но поезд в такую пургу все равно опоздает...

Смотрит на ручные часы.

— К приходу Куликов вполне обернется. Вот тогда парня и порадуем!

Оба, заговорщически улыбаясь, расходятся.

Но поезд пришел во-время...

Перрон. Медленно движутся и останавливаются вагоны, облепленные снегом.

По ступенькам вагона сходит народ со всяческой поклажей. Показывается мать Тишки, с клюкой, в полушубке, лапотках, с торбой за спиною.

Пышнобородый сезонник, тот самый, что пировал у Аграфены, с сундуком на горбе, глазет на пришедший поезд.

Старуха выходит на передний план, растерянно озирается.

Примечает бородатого. По обличью — это свой человек, деревенский. Несмело трогает его за рукав.

Бородатый досадливо оглядывается.

Старуха торопливо достает из-за пазухи бумажку, протягивает плотнику и — видно по губам — что-то лепечет просительно. Бородатый, глянув мельком на записку, небрежно машет рукой в сторону.

— Туда прямо иди.

Отворачивается. Старуха прячет обратную записку, но нечто невысказанное волнует ее, хочется ей разговориться с бороватым, утешиться.

— Слышь-ка...

Опять трогает его за рукав.

— К сынку я приехала, да боязно мне... Не сам сынок-от написал, люди написали. Уж не беда ли какая...

Бородатый слушает внимательнее.

— Сторона-то лютая, чужая, народ-от писал он, злобный... Вдруг хворь какая его, одинокого, схватила...

Бородатый грубо:

— Не только хворь, а, мож-быть, уж и закопали давно. Тут это недолго!

Старуха слушает его с трепетом. Бородатый продолжает:

— Я вот пожил-пожил, да давай отсюда бог ноги, пока цел.

Ужаснувшуюся старуху относит боком-бокком.

Около коксовых печей. Огромный грузовик-пятитонка; только-что захлопнулась дверь кабинки, где смутный очерк чьей-то головы. Подопригора стоит подле, напустивленно кричит:

— Помни, Тихон, задание срочное и серьезное. Поддержи звание лучшего ударника!

Машет рукой:

— Давай!

Грузовик трогается.

Удаляющийся зад грузовика. Крупная надпись: *Коксохим № 222.*

Старуха бредет сквозь пургу, почти падая навстречу ветру.

Должно быть, прошло немало времени, пока добрела она до этих огромных, переплетенных железом, непонятных ей строений, которые высятся над нею бетонными этажами. Кое-где огоньки.

В зияющем окне треск, яркая вспышка автогенной сварки. Старуха шарахается в сторону.

Но впереди еще большая опасность. Рев, могучий гул нарастают за поворотом. Старуха жметя к стене.

В полусумерках, вдруг воспламенясь двумя горящими глазами, валится на нее слоноподобное рычащее чудище.

Старуха, почти падая, цепляется за стену. На секунду закрывает ее тень пролетевшего стремительно грузовика.

Старуха, раскосматившись от страха, провожает его глазами, крестится.

На удаляющемся заду грузовика надпись: *Коксохим № 222.*

★

Комната при складе (на строительстве цирка). На бревенчатых стенах висит телефон, наколоты счета. За столом — Петр, он виден с затылка; вероятно, что-то пишет.

В окне — гудок машины, просверкнули фары. Петр настораживается.

В дверь входит Трегубый. Плечи, шапка его в снегу. Вид озабоченный.

— Там за брезентом приехали.

Петр встает, нахлобучивает шапку поглубже, до глаз. За это время успел обрести он тощей бородежкой.

Трегубый предостерегающе делает шаг вперед.

— Погоди...

Шепчет что-то Петру.

Петр изумленно:

— Кто-о? Он? Тишка?

Бросается к окну, но, очевидно, там трудно что-нибудь разглядеть. Гасит лампу, опять прикидается к стеклам.

Силуэт Петра метнулся к Трегубому. Обрывисто:

— Сюда не води, ни-ни... Скажи кладовщику, пускай отпустит... Да чтоб очень не торопился. А сам приходи сейчас же.

Трегубый поспешно уезжает обратно в дверь.

★

Хоровое девичье пение.

Мегелица кружит под яркими фонарями. Площадка около коксовых печей. Освещенные вывески столовой и конторы. Под прямым углом к этим зданиям кружевет в высоте, в огоньках, барельеф печей.

... Внутренность столовой. Столы, табуреты сложены кучей в углу. Буфет с цветами. Радиорупор. Портреты. Девушки в разноцветно-пестрых кофтах, присев на полу, сшивают полотнища брезента. Быстрые, спорые взмахи рук. Пение.

Подопригора проходит среди швей, поглядывая на часы, шуточно поторапливает:

— Веселее, девушки, веселее!.. Сейчас еще целый воз привезут. Закончим вовремя, такой бал отхватим!

Улыбки, смех, убыстренные движения рук.

В двери показывается Поля. Она подавлена чем-то.

Подопригора серьезно, быстро шагает ей навстречу.

— Ну что?

— Падает, товарищ Подопригора. Шестьсот сорок...

Подопригора бьет дверь ладонью, стремительно выходит.

★

В комнате при складе снова горит свет. Петр говорит в телефонную трубку:

— Они, товарищ Судков, брезентиком от ветров хотят загородиться. Да едва ли что выйдет, да-да... У меня тетенька одна знакомая есть, вроде прозорливая, она про эти ветра очень интересно говорила...

Лицо Петра, злобно-довольное.

— Да-да. Из этих ветров большие дела могут вымахнуть, товарищ Судков. Когда? А, мож-быть, и сегодня... Я молчу, молчу, помню... А вы, на всякий случай, где будете? На радиоузле дежурите?

Едкая ухмылка Петра.

— Ну, что ж, повеселите их, повеселите!

Входит Трегубый, останавливается у порога.

Петр вешает трубку, быстро гасит лампу.

На пустыре около склада ранние сумерки, пурга. Заперев дверь и осмотревшись, Петр жестом зовет Трегубого за собой.

Пригнувшись, идут, один по следу другого.

Останавливаются на краю полузанесенного сугробами оврага-котлована. Брезжат огни.

Петр зорко всматривается. Показывает рукой.

— Там поедет, больше негде... А мы отсюда, напрямик.

Скатываются по склону оврага, как попало, не жалея себя, барахтаясь в сугробах.

Пробираются по пояс в снегу по дну оврага.

По-звериному еползают на другой его склон.

★

В столовой сидят бездельно девушки на ворохах брезента, поют.

Появляется Подопригора.

Девушка кричит:

— Кончили, товарищ, где же твой воз-то?

Подопригора, стараясь скрыть беспокойство:

— Сейчас будет.

В радиорупоре щелканье, шипенье. Голос Судкова:

— Внимание, внимание! Начинаем концерт... Для ударников ночной смены...

Лицо Судкова перед микрофоном.

— ... подготавливающих пуск мирового гиганта!

Еще несколько неразборчивых, лающих слов. Девушки, бросив петь, улыбочиво переглядываются, привстают, иные, взявшись за руки, с любопытством подходят к радиорупору поближе.

Подопригора хмуро прислушивается.

Шипенье. Пробивается странная музыка, тягучая, погребальная. Что-то вроде той песни — «Истерзанный, измученный»... Липкая, беспросветная тоска.

Гаснут улыбки на лицах девушек. Опускаются головы. Распадаются сплетенные дружно руки. Тоска.

Подопригора недоуменно мрачнеет.

— Что за чортова панихида?

★

Топки печей огненно пылают в ночи. Пурга. Сливаясь с ее шумами, гремит из невидимых рупоров погребальная музыка. Лопаты шуруют медленнее.

Человек у топки все медленнее и медленнее, как бы нехотя, орудует лопатой. Вот он совсем опустил ее. Оперся плечом о край топки. В безрадостных воспоминаниях тонет, костенеет взгляд.

Льющийся вниз поток тачек — порожняка. Бег людей. Музыка все заунывнее, все ядовитее хватает за сердце. На ходу слушают.

Бег переходит в шаг. Обмякают плечи. Пропадает гордая, с выпяченной грудью, походка. Вот-вот она станет согбенной...

★

Старуха бредет по стройке среди железного, необжитого еще хаоса зданий. С беспокойством вскидывая голову, она прислушивается к заунывно-терзающим, плывущим из невидимого источника звукам. Они все зловещее. все похороннее...

Старуха, как бы подкошенная тоской, припадает на какие-то ступеньки, плачет-плачет.

— Видно, так и есть... Закопали Тишеньку... кормильца. И где твоя могилка... на чужедальней стороне...

★

Глухой угол стройки. Снеговые кучи, обрывы котлованов. Штабеля бревен, рельсов.

Болтающаяся на ухабах, идет грузовик. Бегущий свет фар впереди.

На всем ходу грузовик, рыча тормозами, внезапно останавливается. Из кабинки выскакивает шофер.

Шофер озирается. Выходит на свет фар. Это Тишка. Рассматривает дорогу.

Дорога в свете фар. Она сравнительно узка. Налево штабеля строительных материалов, направо обрыв. И поперек всей дороги лежит тяжелый швеллер (рельс).

Тишка в неприятном удивлении:

— Недавно тут ехал... ничего не было.

Нагибается, обхватывает руками швеллер, пытается его сдвинуть, но он не поддается. Несколько раз повторяет Тишка эту попытку, — безуспешно.

Встает, отряхивает затекшие руки.

Идет к грузовику, роется в кабине.

Выносит на свет небольшой железный лом.

Подходит к швеллеру.

Опустившись на колени, подсовывает конец лома под швеллер. Делает усилие. Швеллер как будто дрогнул.

Язвительно-ласковый голос:

— Здорово, Тиша!

Тишка поднимает голову, вздрагивает. Лом остался на снегу.

В полутемноте над Тишкой — Петр.

★

На циферблате пирометра стрелка показывает 610. Та же покойницкая музыка.

Подопригора мрачен, зубы стиснуты. Поля тревожно следит за ним.

Подопригора на границе ярости:

— И что это с Куликовым? Парень был, кажется, самый надежный...

Поля:

— Я поеду, товарищ Подопригора, проверю. Может быть, авария...

Подопригора отрывисто:

— Поезжай.

Бешенство овладевает им.

— И еще эта чортова музыка... Какой-то враг на все строительство провокацию разводит!..

Поля решительно:

— Товарищ Подопригора, радиоузел по дороге. Я организую троих из наших комсомольцев, подброшу туда... Пусть выяснят.

Подопригора резко кивает.

★

Тишка стоит, несколько отступив перед Петром. Петр, не спеша, закуривает папиросу.

— Трудисься, Тиша?

Перед зрителем — опять прежний запуганный, забитый Тишка. Он сгорбился, голова и руки опущены. Покорный голос:

— Тружусь, дядя Петр...

— Трудись, трудись, награду тебе дадут. Наверно, Тиша, и в комсомольцы записался?

Тишка тем же дрожащим голосом:

— Записался, дядя Петр... Силком уговорили...

— Так...

Петр покуривает. Он не спешит, он наслаждается этой жуткой игрой.

Рядом с ним в свете фар вырастает из-за штабелей фигура Трегубого. Он поднимается, словно из земли, гориллообразный, тупо вззирающий. Руки его, руки убийцы, достают почти до колен.

Голова Тишки, словно ожидая удара, уходит в плечи. Петр покуривает, мирно улыбается.

— Ну, а чему же тебя, Тиша, комсомол учит?

— Комсомол?

Тишка, кажется, оцепенел в своей беззащитности, обреченности.

— Он учит... дядя Петр...

Лом на снегу. Нога Тишки откатывает его осторожно назад.

— Он учит... если...

Тишка вдруг выпрямляется.

— ... если тебя хотят бить, то лучше сам бей первый!

Он молниеносно нагибается, хватается лом и со страшного размаха бьет Трегубого по голове. Тот хватается руками за голову, оседает на колени, вопит:

— Ой... уби-ли... уби-ли...

В беспмятстве простирается по снегу.

У Петра папироса вывалилась из рта. Отступает, ошеломленный.

— Ты... что?

Тишка бросается к нему и, перегибаясь, так же жутко размахивается.

Петр отступает, отступает, рука его шарит за пазухой.

Тишка яростно:

— Руку!

Петр, отступая, продолжает шарить, но спотыкается о швеллер и грохается навзничь.

Тишка, заноса над ним лом:

— Лежать, гад!

По дороге подходит вторая машина, останавливается сзади тишкиной.

Тишка на мгновение оглядывается. В свете фар настоящее лицо его — смелое, гневное лицо комсомольца. Зовет:

— Сюда!

Из кабинки второй машины выскакивает Поля, стремглав бежит на крик. В ее движениях — тревога, безоглядность.

Тишка, размахнувшись ломом, стоит над поверженным Петром, стережет каждое его движение.

Поля подбегает, глаза ее ширятся.

— Тихон?

Тишка — резко, повелительно, не отрывая глаз от Петра:

— Веревку!..

Поля убегает к машине.

Петр внезапным конвульсивным прыжком становится на колени. Тишка размахивается — еще секунда, и череп Петра будет раздроблен...

Петр, оцепенело подняв руки, опять опускается на снег.

Поля подбегает с веревкой. Ей нечего указывать. Она опускается около Петра, стоящего на коленях, и укручивает ему руки, грудь.

В глазах Петра бессильная, исподлбная ненависть.

Трегубый очнулся, поднимается.

При виде приближающегося Тишки он начинает выть — притворным, насильно выдавливаемым воем.

Тишка, сцепив зубы, указывает ему на швеллер:

— Двигай, ну!

Трегубый, трусливо поглядывая на него, берется за швеллер, и, напрягая все

свои силы, волоком тащит по земле. Тишка идет рядом.

Поля, словно на часах, в грозной готовности застыла около с'ежившегося, но еще опасного Петра.

Две машины, поводя огненными глазами, мчатся одна за другой в ночи.

Пронесются с победным грохотом мимо.

★

На площадке около конторы и столовой двое рабочих устанавливают «юпитера» для кинос'емки. Та же похоронная музыка. Суетится оператор.

В «юпитерах» вспыхивает свет.

Под лучами этого света, ослепительно вырванная из ночи, бетонная площадка печей, поток тачек.

Оператор прицеливается в аппарат, но потом вяло машет рукой:

— Грусть, а не ударная работа! И все эта чортова музыка!

«Юпитера» гаснут.

Вдруг музыка резко обрывается. Вместо нее из радиорупора слышатся странные шумы. Голоса. Они спорят, они громчеют.

Оператор изумленно прислушивается. Голос Судкова в радиорупоре: «Какое вы имеете право? Я буду жаловаться, хулиганы!». Отчетливый, гневный голос комсомольца. Возня, грохот падающего тела. И микрофон выключен. Тишина.

Оператор даже сбил кепку на затылок от изумления.

Через несколько секунд — снова щелканье в радиорупоре. Музыка.

Гремит, могучей волной восходит героическая, солнцем озаренная мелодия.

Оператор удовлетворенно поправляет кепку.

— Ну, это другое дело. Приготовились!

Вспыхнули «юпитера».

Коксовые печи в пожаре света. Да, движения там стали как будто оживленнее.

Но не вдалеке выбредает старушка с клюкой, с котомкой, — старушка, явно несвойственная этому индустриальному жанру. Пошатываясь, она идет, залитая светом «юпитеров».

Оператор, сложив ладони трубкой:

— Бабуся, будьте добры из кадра! Машет в сторону рукой.

Старуха не слышит и, должно быть, не видит, ослепленная. Она упрямо идет на аппарат. Оператор, в досадливом нетерпении, бежит ей навстречу.

Видно, как он уважительно отводит ее в сторону. Старуха опять вытаскивает бумажку из-за пазухи.

Вблизи: оператор, которому страшно некогда, наскоро подталкивает старуху, указывая ей в сторону конторы:

— Вон там, бабуся, все узнаете, жив или нет.

Старуха подбредает к освещенным окнам конторы. В запавших глазах — удрученная, тоскливая покорность, готовность ко всему.

Знакомый грохот заставляет ее вздрогнуть.

Огненные глаза грузовика, за ним — второго, вырываются из темноты. Слоноподобные чудища словно рухают на контору, на «юпитера».

Старуха в ужасе отшатывается к окнам.

Дверь кабинки распаивается, оттуда соскакивает Тишка. Он что-то ищет около себя глазами.

Из второй кабинки сходит Поля.

Что-то необычное чувствуется в приезде этих грузовиков, в напряженных позах обоих шоферов. Оператор, рабочие с любопытством наблюдают.

Старуха не отрывает глаз от парня в кожаном пиджаке, — от парня, который только-что вылез из дьявольской машины. Припадая плечом к стене, и страшась, и не веря еще, она подвигается к нему все ближе и ближе.

Распахивается дверь конторы, выбегает Подопригора, несколько рабочих.

Опершись на клюку, старуха клонится вперед, в страхе зовет:

— Тиша!

Тишка оглядывается.

На его лице удивление, растерянность. Сияющая радость.

— Маманя?

Он даже шапку для чего-то срывает с головы. Старуха кидается к нему, хватая руками за плечи.

Поля около взволнованного Подопригора. Она наскоро объясняет что-то ему и рабочим, то-и-дело беспокойно отбегая к машине.

Тишка через голову матери, еще потрясенный, но не знающий, где ему сейчас быть, вопросительно смотрит на Подопригору.

Тот, направляясь вместе с рабочими к машинам, успокоительно кивает ему. Это значит: управимся и без тебя.

Наблюдавший за всем этим оператор вдруг загорается, делает решительный знак своим рабочим. И поворачивает аппарат в противоположную сторону.

Погасшие «юпитера» тоже поворачиваются.

В теневой стороне машины толпа рабочих. Подбегают еще.

Из кабинки извлекают Петра и Трегубого.

Оба стоят, со скрученными руками, сбывченные, зловеще-угрюмые.

Голос из толпы:

— Изловили птичек!

Часть рабочих вскакивает на тишкин грузовик, начинает развязывать веревки, орудовать с поклажей.

Оператор, прицелившийся в аппарат.

Перед аппаратом, не замечая того, Тишка с матерью. Старуха в полубеспамятстве смотрит ему в глаза.

Голова у Тишки откинута гордо и любовно.

Старуха робко:

— Тиша, сиротка! Это взаправду ты?

Подопригора, Поля подходят сбоку. Сзади копится толпа любопытствующих рабочих, девушек. Сверху, с грузовика, заглядывают улыбающиеся рабочие.

Подопригора с ласковой усмешкой:

— Был, мамаша, сирота, а теперь гражданин своей великой родины.

Оператор все целится. К «юпитерам»:

— Приготовились!

Поля, спохватившись, бросается к Тишке:

— Слушай, гражданин, тебя для кино снимают, сколько народу будет на тебя смотреть, а ты расстегнутый! Дай застегну.

Тишка сконфуженно, но на этот раз готовно подставляет ей грудь. Поля застегивает его нежно, длительно, любовно гладя. Мать смотрит на них, не отрываясь, впервые морщины ласковой улыбки озаряют ее.

Ослепительный свет обдаёт их — троих.

Оператор яростно крутит ручку.

Поля оглядывается, ахает.

Оператор крутит.

Поля женственным, стеснительным движением закрывает лицо ладонью. Нет, за ладонью не укроешься.. Полуобнимая Тишку, она прячется за его плечо.

Застава

А. КОПШТЕЙН

★

Непуганных птиц пролетит вереница
На север, на север, сквозь легкий
дымок.
За нами страна, перед нами граница.
Наш край называется Дальний Восток.

Действительно — дальний. Какими
шагами
Измерить, какими глазами глядеть!
Ведь птиц косяки, что взлетают над
нами,
Не могут от нас до Москвы долететь

А люди летают и дальше, и выше,
Прощальный над городом делая круг.
Из нашего края — товарищ, ты
слышишь? —
На Северный полюс летел Мазурук.

Товарищ, ты видишь, — идут
звероловы
По легкому следу пугливых зверей.
Ты слышишь, товарищ, — к лишениям
готовы,
Спешат китобои в просторы морей.

И нефть устремилась наружу из
скважин,
И больше сады не боятся зимы.
Впервые людьми навсегда взбудоражен
Безмолвный простор золотой Колымы.

Спускаются люди под землю Сучана,
Сквозь льды деловито идут корабли.
Товарищ, ведь это же только начало
Великих работ, переделки земли.

Но помни всегда: впереди—заграница.
Чужая земля, не своя сторона.
Суровые люди, стальные бойницы
Не спят, чтоб спокойно трудилась
страна.

От самой Камчатки до Турьего Рога
Восточная вахта страны залегла.
Ведет к океану большая дорога,
Стальная дорога, большие дела.

Суровы слова пограничных уставов,
Бойцы на заставах крепки и верны.
Да здравствует наше великое право,
Почетная служба защиты страны!

В холодные ливни не мокнет наш порох.
Мы с вахты не сходим в мороз ледяной.
Мы здесь, мы в Гродекове, на
Командорах,
Гордимся отчизной, Советской страной.

Не только штыками отчизна хранится,—
Великая клятва здесь каждым дана.
Мы помним всегда — мы Союза
граница.
Так будь же спокойна, родная страна!

★

Портовые рассказы

ЕВГЕНИЙ ЮНГА

★

1. БОРА

«Наступил рассвет, но не принес утешения. Бора достигла апогея своей силы. Все кругом было в водяной мгле, и ничего не было видно в нескольких саженях. В девятom часу утра несколько расчистилось, и тогда представилась следующая картина...».

К. Станюкович.— «Жертвы моря».

Пароход «Имандра», которым я командую, носит обидное прозвище «Разорванный горохом». В черноморских портах его иронически именуют самым длинным кораблем в мире. Последнее не соответствует истине, однако история, происшедшая с ним, заслуживает отступления от сути рассказа.

Туманным зимним днем, приняв скалу Фальшивого Босфора за крутой мыс у входа в пролив, «Имандра» наткнулась на гряду подводных камней. Сигнал о бедствии, посланный в эфир, был адресован Эпрону. Спасательные суда немедленно снялись к месту аварии, но застали корабль в агонии. Корма и полубак оседали, а палуба между машинным отделением и трюмом вздымалась, словно ее выпирало морское дно.

Водолазы осмотрели корабль и донесли, что судно разломано напором подмокшего груза: в трюмах «Имандры» находилось около двенадцати тысяч тонн фанеры и гороха. Слова подводников, принятые всеми за неуместную шутку, заинтересовали морского инспектора. Он занялся вычислениями и, разведя руками, сказал, что водолазы правы. Горох и фанера, впитав в себя забортную воду, расперли переборки и прорвали стальной корпус.

Буксирные пароходы поволокли обе половины корабля в Севастополь. Носовая часть, более легкая, достигла гавани значительно раньше, чем кормовая. Это дало повод острякам посмеяться. С

их легкой руки среди моряков разошелся стихотворный экспромт:

«Имандра» — длинейший корабль на море.—
Нос в Севастополе, корма в Босфоре».

Капитан, повинный в аварии, был сменен. Его место предложили мне. Я принял «Имандру» в сухом доке морского завода, чьим котельщикам было поручено сшить пароход. Перерыв справочники, я нигде не отыскал даже намека на подобную работу. Сшить пароход! Будто речь шла не о корабле водоизмещением в двенадцать тысяч тонн, а о пригонке рукава к кителю. Тем не менее через девять месяцев котельщики отчеканили последние заклепки соединений корпуса, и возрожденная «Имандра» отплыла в свой первый рейс: в Новороссийске нас ждал полный груз цемента.

У входа в Цемесскую бухту, — порт, затянутый испарениями морозного утра, был чуть заметен у подножья Мархотского хребта, — к борту корабля подплыл лоцманский катер. Он помчался рядом с нами: его команда пыталась обнаружить следы перелома в корпусе. Наконец, обескураженные портовики прекратили поиски и ошвартовали катер к штурмтрапу. На палубу взобрался старый лоцман Матвей Матвееч, знакомый мне с давних пор, когда практикантом я посещал Цемесскую бухту. Сколько раз мы засиживались до-поздна в кают-ком-

пани, слушая рассказы старого лоцмана.

Время не меняло внешность Матвея Матвейча. Черные глаза его блестели задором молодости. Слегка сутулые плечи были скорее данью профессии, чем годам.

Сияя от восхищения, лоцман поздравил нас.

— Только подумать, что этакая красавица, — он нежно погладил точеную планку перил «Имандры», — чуть не погибла! Кто еще, кроме наших людей, сумеет склепать, чтобы и шва не найти!

Матвей Матвейч отвел меня в сторону.

— Рад повидать вас, но неблагоприятный момент выбрали вы для визита, — проворчал он, кивая на горы.

Корабль держал курс на портовые ворота. Я взглянул на припудренную снегом вершину хребта, окаймляющего бухту, и понял беспокойство Матвея Матвейча: дедушка норд-ост, как принято говорить в Новороссийске, показал свою бороду. Клубы тумана лавиной катились по склонам гор. Стары облаков стремглав спускались к подножию хребта, не достигнув его, внезапно меняли направление, ползли по горизонтали и там, где солнце превращало горы и море в сверкающий хаос, бесследно растворялись в ослепительной синеве неба. Так всегда было перед борой.

— Странно, что облачная прелюдия тянется третьи сутки, — прибавил Матвей Матвейч. — Мархот капризничает. Привяжу «Имандру» к Восточному пирсу и побегу звонить ветродую. Ему виднее с той кручи.

Он показал на вершину хребта, где у самого перевала, выше границы тумана, виднелся домик метеорологической станции. В дни бор станция отрезана от всего мира. Неистовые вихри норд-оста рождаются вблизи нее, в переполненных облаками ущельях. Там, в окружении замысловатых приборов, живет человек, прозванный мархотским ветродуем. Он подстерегает зарождение боры и предупреждает о ней корабли.

На четвертое утро, едва последний строп с грузом был опущен в трюмы, на порт налетели короткие порывы

норд-оста, а воды гавани вскипели фонтанами белых смерчей. Пароходы, стоящие на рейде, поспешно уходили в море.

Стиснутая голыми горами, Цемесская бухта расстилалась перед нами, точно огромный тигель, наполненный бурлящим свинцом.

Пророчество Матвея Матвейча не оправдалось: перед закатом бора стихла.

Наблюдая за бункеровкой¹, я облокотился на поручни ботдека², откуда открывался весь порт, и заметил старого лоцмана. Он торопливо семенил по набережной. Я окликнул его:

— Обошлось, Матвей Матвейч. Дедушка норд-ост милостив к нам.

— Барометр падает! — мрачно буркнул он. — Ступайте удостовериться и послушайте совета, пока не поздно, крепитесь за берег, чем только можно. Ветродуи сулит небывалую заваруху.

Мы учли предостережение Матвея Матвейча и, помимо добавочных швартов, занесли на причальную тумбу якорную цепь: прочность железных звеньев каната гарантировала безопасность стоянки.

Настал тихий вечер. Праздничной иллюминацией засверкали огни поселков на склонах Мархота. Отражения причальных люстр скользили по темным водам гавани. Дым заводских и корабельных труб прямыми, как мачты, теньями поднимался к звездам. Дремотно ворчали судовые лебедки. На береговой мачте ярко тлел рубиновый ромб: видный в каждом углу гавани, он предупреждал о грядущем урагане.

Грузчики пообещали к рассвету забить бункера³ углем. Я распорядился держать машины в готовности и, предупредив вахтенного помощника, что вздремну, отправился в каюту.

Не раздеваясь, — на пути корабля столько непогод, что для каждого капитана спать в одежде стало привычкой, — я прилег на диван, незаметно для себя уснул и во сне пережил гибель «Имандры». Бора выбросила ее на па-

¹ Погрузка угля для нужд судна.

² Шаюпочная палуба, самая верхняя на корабле.

³ Помещение для угля на судне.

рапет Каботажного мола. Перевернутый на бок корабль повис кормой на краю набережной и с невыносимым грохотом переломился...

Меня разбудил вахтенный.

Грохот, услышанный во сне, на самом деле был началом боры.

Опережая вахтенного, я выскочил на палубу. Колючий вихрь, стегнув по глазам, ослепил и швырнул меня к стене кают-компаний. Неумолчный свист, поглощая все звуки, несся над погруженным в тягостную мглу портом. Фонари на Восточном пирсе гасли один за другим. Низко, над самыми мачтами «Имандры», мчались обрывки облаков.

Ничего не видя, я наугад побрел к машинному отделению и у входа в него столкнулся с первым штурманом.

— Это вы? — задыхал он на ухо. — Швартовы пока в порядке!.. Приказал электрику осветить корабль люстрами!.. Проклятая бора!.. Поймала-таки перед отходом!.. Угля недогрузили полтораста тонн!

Вспыхнули люстры. Матросы обмотали их проволочными сетками и перенесли к борту. На причале был невообразимый хаос. Невидимая рука разрушала штабеля груза и катила бочки с цементом по асфальту. Бочки прыгали в море, как живые. Оторопев, мы смотрели на бешенство норд-оста. Зыбь, разведенная им, взмывала на стену пирса и, не успевая схлынуть, застывала на причале. Водяная пыль обмерзала на такелаже и надстройках. «Имандре» грозило обледенение. Последствия его были нам известны по рассказам Матвея Матвейча и официальным отчетам, сухо озаглавленным «случаями из практики Новороссийского порта». В них лаконично говорилось о гибели кораблей, под тяжестью льда пошедших на дно из-за потери пловучести.

— Объявите аврал, — приказал я первому штурману. — Пусть боцман и плотник следят за канатами. Остальные, не исключая подвахтенных машинистов и кочегаров, на околку льда! Одеться теплее!

Палуба мостика напоминала конькобежный каток. Ноги раз'езжались, скользя по ледяной корке. Дюймовые

стекла в иллюминаторах рулевой и штурманской рубок глухо звенели от страшного напряжения. Мостик скрипел и сотрясался. Честное слово, я думал, что бора вот-вот срежет его у основания.

Дрожащая мгла окутала бухту. Рубиновый ромб на сигнальной мачте исчез, очевидно, сбитый норд-остом. Ни один огонек не мерцал на склонах Мархота. Ледяная бора напоминала вулканическое извержение. С удивительно чистого неба, — испещренные звездными узорами куски его проглядывали сквозь завесу из цементной пыли, — падали камни и осколки ледяных глыб, дробно ударяя по надстройкам корабля.

Я провел на мостике долгую ночь. Изредка прибегал первый штурман и докладывал о ходе работ.

На рассвете бора еще бесновалась. Пелена водяной пыли превратила утро в беспросветные сумерки.

«Имандра» словно дрейфовала в зимней Арктике. Ванты, обросшие льдом, были похожи на исполинские белые бусы, подвешенные к мачтам. Сокульки, — их зубцы почти касались палубы, — торчали под реями и марсовыми площадками, как зубья чудовищных гребенок. Полуют погрузился в воду до уровня каютных иллюминаторов. Команда ничком, обвив ногами кнехты и держась за выступы светового люка, разбивала наросты льда на корме и, уловив минуту сравнительного затишья, сбрасывала их в бухту. Люди менялись каждые четверть часа: жгучие дуновения боры было невозможно вытерпеть дольше. Волны, взлетая над кораблем, обрушивались на корму. На освобожденном от льда пространстве палубы постепенно вновь нарастала белесая корка. И в конце-концов кормовые швартовы лопнули и змеями захлестнули причальные тумбы.

Подхваченная ветром корма начала отходить от берега. Нечего было мечтать, что носовые крепления долго удержат корабль у пирса. Возрастала парусность, и с нею усиливался натиск норд-оста. Нас ожидал дрейф¹ через бухту

¹ Снос судна в сторону от курса течением или сильным ветром.

на каменные массивы городских причалов. Конец дрейфа был ясен. Бора изредка пробивала окошко в стене водяной пыли, и мы различали силуэт парохода, вынесенного на мель за молом и раздираемого ураганом. Стоило ради такой перспективы сшивать «Имандру» в сухом доке?

Я рванул ручки указателей хода на машинном телеграфе и, сбив ком льда со слуховой трубки, повторил приказание:

— Левая машина полный вперед, правая полный назад!

Старший механик моментально отретировал. Стрелки телеграфа, отмечая исполнение приказа, бесшумно (в штительную погоду их дребезжащий звон слышен на полмили вокруг!) передвинулись и замерли на цветном диске.

Несколько человек, прижимаясь к стенам складов, появились на причале. Боцман бросил навстречу им тонкую веревку с деревянным набалдашником на конце, — мы зовем ее легостью. Бора возвратила ее. Вытянув веревку из воды, боцман, не в силах вытерпеть боль, спрятал обмороженные руки под полу ватника и сел на палубу спиной к ветру.

— Попытайтесь подать с полубака. Оттуда ближе! — знаками пояснил я первому штурману, как только тот взглянул на мостик.

Штурман ринулся на полубак и, перебросив один конец легости на причал, перенес другой на корму. Матросы закрепили легость на петле троса. Остальное зависело от аварийной бригады.

Восемь человек тщетно пытались извлечь трос на берег. Вместо того, чтобы достичь тумбы, они с каждым порывом ветра отступали на шаг к обледенелому краю пирса, пока не придумали оригинальный способ швартовки. Один из них исчез за стеной склада и вернулся на маневровом паровозе. Бригадники намотали легость на буфер тендера. Паровоз поволок ее за собой. Швартов, сбросив ледяную чешую, натянулся. Колеса паровоза бешено забуксовали на месте: пигмей пыжился! Машинист, боясь, что его снесет в бухту, от-

крыл регулятор доотказа. Паровоз дернулся в глубь пирса. Легость лопнула, а трос, скользнув с кормового кнехта, пошел на дно.

«Имандра» подалась назад. Расстояние между нею и пирсом возросло вдвое. Надо было сызнова приступать к швартовке, но и три тысячи лошадиных сил, накопленные в цилиндрах машин, не могли привести корабль в исходное положение. Норд-ост разворачивал его за угол пирса, чтобы затем навалить на береговые массивы.

В эту критическую минуту из-за цемента склада показались капитан порта и лоцман. Матвей Матвевич взмахнул рукой, призывая к терпению, и направился к подветренной стороне пирса, где, защищенные от ветра стеной склада, болтались на зыби моторный катер и пловучий перегружатель. Судя по страстной жестикуляции Матвея Матвевича, он уговаривал команду катера переправить его на «Имандру». Так оно и было. Старшина согласился, но запротестовал моторист. Он сослался на то, что, если зыбь захлестнет мотор, гибель катера и людей неминуема.

Тем временем аварийная бригада прикатила из склада на подветренную сторону причала две бухты новеньких манильских тросов. Размотав их и надев петли тросов на тумбы, портовики погрузили канаты на шлюпку, спущенную с перегружателя.

Не веря своим глазам, я схватился за бинокль: в шлюпке, полускрытый завесой пыли, стоял Матвей Матвевич.

Шлюпка отделилась от пирса. Лоцман галанил¹, вдев весло в выбоину от руля, снятого с кормы. Он направлялся к нам, надеясь преодолеть шестьдесят метров, разделяющих причал и борт «Имандры». Шестьдесят шагов! На каждом из них стерегла гибель, но Матвей Матвевич жертвовал собой ради спасения семидесяти моряков, корабля и одиннадцати тысяч тонн груза.

Норд-ост закружил шлюпку, едва она покинула подветренную стену пирса, и помчал в сторону от корабля.

¹ Галани́ть — грести одним веслом, спущенным в воду с кормы.

Резкий толчок потряс судно и вынул нас отвлекаться от наблюдений за лоцманом. Как рында¹, предупреждающая об опасности, зазвенела, перекрывая разноголосые вопли урагана, якорная цепь на полубаке. Выдернутая из асфальта, будто легкий колышек, чугунная тумба, которую не в состоянии обнять взрослый человек, обрушилась в море вместе с якорной цепью.

— Амба! — вбегая на мостик, безнадежно крикнул первый штурман. — Разобьет, как миленьких!

Чуть слышно пискнул свисток из машинного отделения.

— Что в небесах? — кокетничая с опасностью, справился старший механик.

— Будем спускать шлюпки. Травите пар и открывайте кингстоны². Пусть пропадет груз! Затопим корабль на время боры, но не допустим вторичного разлома! — передал я ему свое решение и поискал Матвея Матвевича. Шлюпка исчезла в клубах морозного тумана и водяной пыли.

Штурман ошеломленно уставился на меня: приказание открыть кингстоны показалось ему, в чем он впоследствии признался, чудовищно жестоким.

— Почему не отвечаете, Федор Кузьмич? — беспокоясь, спросил я в слуховую трубку.

— Оставьте в покое кингстоны! — заорал механик. — Мои молодцы нагнали столько пару, что если не взорвемся, то выгребем. Могу прибавить пять оборотов!

— В таком случае шпарьте до отсечки, дорогой Федор Кузьмич!

— Смотрите! — Штурман ткнул пальцем в серую мглу за подветренным бортом. Там, постепенно вырастая, маячил силуэт шлюпки. — Замечательный

старина! В тыл заходит! Только бы не опрокинулся!

— Нажми, нажми, папаша! — вопили, надеясь перекричать гул урагана, матросы. — Еще капельку, и — дома!

— Готовить штормтрап! Те, кто не обморожен, помогите лоцману подняться на палубу! — сбегая с мостика, командовал первый штурман.

Спустя минуту дрейф «Имандры» ослабел: пять добавочных оборотов парализовали натиск боры.

Матвей Матвевич подгрел к борту. Шлюпка была набита наполовину канатом, наполовину льдом, а сам старик сильно смахивал на сказочного ледяного деда. Влезть по штормтрапу он не смог. Привязав легость к швартовам и обмотав ее вокруг пояса, он устало попросил матросов:

— Вируйте, сынки. Без льда во мне всего шестьдесят пять килограммов.

Матросы, дружно покрякивая, втащили его на спардек¹. Корабельный врач увел старика в лазарет, отогрел коньяком, натер спиртом. Руки и пальцы ног Матвея Матвевича были обморожены.

Команда закрепила швартовы на кормовых лебедках, и корабль, совершив обратную циркуляцию, попятился к месту стоянки. Часом позже, принайтовленный дюжиной запасных канатов и чуть раскачиваясь от злобных порывов норд-оста, он прирос к Восточному пирсу.

Теперь вы имёете представление о том, что такое новороссийская бора. Знаете, что сказал лоцман в кают-компании «Имандры» в ответ на все поздравления и восторги? Он обвел нас взглядом, полным неугасимого огня молодости, и просто спросил: «Разве не так бы поступил каждый из вас на моем месте?».

Он был прав, старый лоцман Матвей Матвевич.

¹ Судовой колокол.

² Кингстон — отверстие в корпусе для впуска забортной воды.

¹ Жилая палуба в средней части судна.

II. НА ПРИЧАЛАХ

1

Черная кошка пробежала между друзьями в детстве, когда Игнат Куцевол познакомился с Витькой — племянником деда Еремы.

Дед Ерема, отставной боцман океанского парусника, имел свой моторный катер «Ласточка», на котором перевозил пассажиров из Новороссийска в Геленджик. В свободные часы он сидел на чугунной тумбе Каботажного мола, угощал бубликами вечно голодных и оборванных подростков, чьи отцы работали грузчиками в порту, и рассказывал им о своих плаваниях вокруг мыса Доброй Надежды.

Мальчишки восхищенно внимали и, едва старик умолкал, упрашивали взять их на катер. Дед Ерема, чтобы отвлечься, устраивал им экзамен.

Он ерзал на тумбе и ехидно спрашивал:

— А ну, скажите, что такое удавка¹? Кто правильно знает, того возьму в Геленджик.

Попытки проникнуть в заветные владения деда Еремы были безуспешными до тех пор, пока Куцевол не догадался познакомиться с Витькой. Витька исполнял на катере обязанности моториста и рулевого и наизусть знал хитроумную систему морских узлов. Куцевол взял у него несколько уроков, отдав за это все свое богатство — пару египетских голубей. На очередном «экзамене» он так удивил деда Ерему правильными ответами, что старик приказал Витьке уступить ему место у штурвала. С того дня Куцевол стал рулевым на катере, к негодованию Кебы, старого друга, от которого скрыл свои встречи с Витькой. Однажды Витька воспользовался отсутствием деда и, не закончив ремонта мотора, умчался на берег, где гонял голубей Куцевол. Часы стоянки пролетели незаметно. Подростки вернулись на катер перед отплытием. К их изумлению, мотор был собран. Дед Ерема, презри-

тельно брюзжа, подал племяннику искривленный болт:

— Сховай, байстрюк¹. Сколько раз говорено: не суй в машину лишние винтики. Две штуки сломались, так я смайнал² их за борт. Пробуй свой дрындулет.

Витька, обрадованный, что дело обошлось без тычков, завел мотор. Легкий корпус катера лихорадочно задрожал. Чихание мотора было нормальным. Дед Ерема хитро прищурился, будто хотел сказать: «И ничего особенного нет в этой механике. Собрать — раз плюнуть, разобрать — и плюнуть не успеешь».

Катер вышел из гавани и вскоре достиг Дообского маяка. На траверзе³ его следовало повернуть к Геленджику. Ошеломленный неожиданными познаниями деда в сборке мотора, Витька шептал приятелю, что старик надул их.

— Хитрит старый дрючок, — уверял он. — Позычил болты, чтобы посмеяться над нами.

Куцевол наивно вытаращил глаза. В этот момент мотор дико взревел и смолк. Витька бросился к нему. Пассажиры заволновались. Лицо деда Еремы посерело. Далеко за кормой насмешливо мигали портовые огни на склонах Мархота.

Витька разобрал мотор и с укоризной повернулся к старику. Тот растерянно почесывал волосатую грудь. В моторе не доставало трех деталей.

Ночь напролет болтался катер в море. На рассвете проходящий дубок⁴ взял его на буксир и приволок обратно в Новороссийск. Скопфуженный дед, не глядя на пассажиров, улизнул в кабачок и сидел в нем до самого отхода. С тех пор он больше не прикасался к мотору.

Дед Ерема славился в порту своими чудачествами. Выйдя в рейс, он обходил катер и, взимая плату, пытливо всма-

¹ Прозвище мальчишек на юге.

² Выбросил, опустил.

³ Напротив.

⁴ Небольшое парусное судно на Черном море.

¹ Морской узел, наглухо привязывающий какой-либо предмет.

тривался в лица пассажиров. Иногда он, качая головой, изрекал добродушным тоном:

— Штой-то, дядько, вы мне не нравитесь.

Пассажир отвечал ему беззаботно и весело в том же духе. Однако дед не шутил.

— Вертай обратно! — кричал он рулевому, хотя катер давно миновал портовые ворота.

Пассажиры возмущенно протестовали, но старик был неумолим. Он возвращался к причалу, высаживал неугодного ему человека и только тогда продолжал рейс.

В один из штилевых дней Куцевол привел «Ласточку» из Геленджика. Дед Ерема взглянул на Каботажный мол и обомлел. Его излюбленное место было занято. На корме нарядного катера «Молния», принадлежащего береговому боцману Баштану, стоял Федор Кеба и, созывая пассажиров, трубил в старинный почтовый рожок.

Оба катера одновременно вышли в море, и там, на потеху рыбакам, «Молния» моментально обогнала соперницу. Кеба, наученный Баштаном, поднял над головой обрывок веревки и помахал им перед Куцеволом, предлагая принять «Ласточку» на буксир.

Дед Ерема побагровел. Его ругательства были слышны на всех соседних фюлягах.

Вот при каких обстоятельствах началось соперничество двух друзей — Кебы и Куцевола.

2

Время было беспокойное. Шел великий спор о судьбе Черноморского флота. Германская военщина требовала сдачи кораблей. Часть моряков настаивала на сражении, забывая о том, что за первым выстрелом на Черном море последует всеобщее наступление вражеских полчищ на неокрепшую республику. Ленин предложил морякам потопить флот. Это казалось невозможным: своими руками пустить на дно родные корабли! Несколько миноносцев и дредноут, чьи команды были спровоцированы бело-

гвардейскими офицерами и немецкими шпионами, снялись в Севастополь, где хозяйничали германские оккупанты. Вслед им на мачтах флота взвились флаги свода: «Позор изменникам родины!».

Кеба и Куцевол работали грузчиками на Восточном пирсе и помогали военным морякам устанавливать на железнодорожные платформы флотское имущество — моторные истребители, паровые баркасы, легкие орудия и навигационные приборы. Флот разоружался перед гибелью. Толпы новороссийских рабочих тоскливо следили, как на миноносцах, ошвартованных к набережным, подходили к концу последние митинги. Тысячи рук проголосовали за потопление. Усатые парни в бушлатах и бескозырках плакали, прощаясь с кораблями. Стиснув винтовки и не пряча слез, они сошли на землю. Буксирный пароход, натужно дымя на всю гавань, потянул за собой дредноут «Свободная Россия». За ним, подняв на фалах мачт гордый сигнал: «Погибаю, но не сдаюсь!», покинули порт миноносцы и вспомогательные суда. Флот выстроился на внешнем рейде. Эскадренный миноносец «Керчь» по очереди расстрелял корабли минами и скрылся за Дообским маяком, чтобы ночью вблизи Туапсе лечь на подводное ложе. Мачты Черноморского флота исчезли под бирюзовой гладью, лишь нефтеналивной транспорт, словно тонущий человек, то погружаясь, то всплывая, держался на поверхности до сумерек. Темнота поглотила его. Утром за осиротелым портом безмятежно голубела просторная и пустынная Цемесская бухта.

Неделю спустя город заняли белые. Мстя за потопление флота, контрразведчики хватали всех, у кого на руках и груди лиловела татуировка. Немало портового люда навсегда сгнуло в подвалах контрразведки. Грузчики под конвоем работали на пароходах, привозящих амуницию и боевые припасы для денкинцев. Настали черные дни. Куцевол горько жалел, что не послушал совета матросов миноносца «Феодониси», которые звали его и Кебу с собой. Белогвардейцы ввели де-

сятичасовые смены и платили гроши. Кеба попробовал огрызнуться на окрик стражника и лишился зуба. Тех грузчиков, кто пытался защитить избиваемого товарища, конные деникинцы отстегали плетью.

Ненависть зрела в сердцах портовиков. Через полгода, когда ослаб белогвардейский надзор, они сумели немного расквитаться с деникинцами.

Артель Кебы и Куцевола разгружала английский пароход, привезший двенадцать танков. Причал, отведенный для них, был окружен двойной цепью охраны.

С полудня стена облаков ползла с перевала вниз к морю: безошибочный признак боры. Каждому портовику была отлично известна ее губительная сила. Она срывала с железнодорожных колея пирса даже пультмановские груженные вагоны и сбрасывала их в кипящие воды гавани. Грузчики многозначительно переглянулись, заметив, что на причале не принимают никаких предосторожностей против близкого урагана.

— Пойдешь работать на кран, — сказал Кебе старший артели. — Передай Зилону, чтобы ставил английские цапки ближе к воде.

Куцевола с мольбой взирал на старшего. Тот, угадав его мысли, улыбнулся в седые усы и тихо обронил:

— За дружкой тянешься? Ну, топай. Не подведите. Пусть запомнят контрики новороссийских портовиков.

Первый танк был снят с парохода вечером, едва над гаванью ярко и остро, как всегда перед норд-остом, заблестали звезды. Старшина пловучего крана Зилов, предупрежденный Кебой, выгрузил танки на край причала. Грузчики принятовали их стальными тросами, не сомневаясь, что бора порвет канаты, словно гнилые нитки. Деникинский офицер, проверявший крепления, усмехнулся такой заботливости: ему показалось забавным предположение, что ветер и шторм способны сдвинуть с места многотонные машины.

Ночью бора снесла танки в бухту, а дружка покинула порт: Кеба пешком пробрался в Анапу и оттуда уплыл в море на рыбацкой шхуне; Куцевола со

всей артелью подался в горы, в один из бесчисленных партизанских отрядов.

3

Зависть поселилась в душе Кебы. едва он вновь появился на причалах и надел спецодежду грузчика. Старые портовики радостно обняли боевого товарища: эпизод с танками давно принадлежал истории, но имя Кебы с того времени было окружено ореолом славы.

Вернувшись в родные места, он первым долгом навестил друга и узнал, что тот, как и в детстве, опередил его: женой Игната была гордячка Ирина, дочь такелажника портовых мастеров. Кеба мечтал о ней в дыму сражений у Сиваша, у польских фольварков...

После томительных лет войны и разрухи порт ожил. Закурились дымки из труб цементных заводов, помчались воздушные вагонетки над металлическими сетками Восточного пирса, тягуче закрепили ковши землечерпательного каравана, расчищая дорогу к пристаням. Все чаще за песчаной косой Станички возникали мачты кораблей.

Игнат Куцевола работал бригадиром на экспортно-импортном участке. О его производственных рекордах слышали в каждом черноморском порту. Перед ним померкла прошлая слава Кебы.

Иностранный пароход «Бони-Брук» доставил в порт мостовину парового молота. Нагрузка пловучего крана была на семнадцать тонн меньше, чем вес мостовины. В порту приуныли. Ближайшим местом, где имелись соответствующие механизмы, был Николаев. Капитан «Бони-Брука» успел прикинуть сумму демереджа¹, которую намеревался получить за простой. Но дело было не в демередже. Отгрузка в Николаеве затягивала прибытие мостовины в пункт назначения. Куцевола порекомендовал увеличить подъемную мощность крана, загрузив его корму тяжеловесами.

Кран встал на дыбы, едва на его корму уложили бетонный массив из числа тех огромных кубов, что служат фундаментом пристаней и мола. Хобот стрелы

¹ Оплата судну простоя по вине порта.

взлетел высоко над пирсом. Тросы, блоки, такелаж угрожающе закрипели, как только спеленутая стальными канатами туша мостовины повисла над трюмом парохода. Расчет был безошибочен. Кран медленно выровнялся, развернулся и осторожно, как слон, опустил мостовину на пирс. Капитан «Бони-Брука» кисло улыбнулся и поздравил старшину с небывалым рекордом. Честь порта была спасена.

Кеба глядел на успехи друга, затаив зависть.

На причалах скоро заметили холодность в отношениях друзей, но объяснили ее напряженной борьбой за первенство; Кеба повел ее с той минуты, когда был назначен бригадиром грузчиков Каботажного мола. Никто, за исключением Куцевола, не подозревал истины. Зависть раз'едала Кебу, как неизлечимая болезнь. Сталкиваясь на улице либо в клубе с Ириной и Куцеволом, Кеба торопился уйти в сторону. Ему чудилась усмешка в синих глазах Ирины. Он воспринимал победы Куцевола, как личный вызов.

4

Порт был переполнен судами, пришедшими из всех стран европейского континента. У береговых причалов нехватало мест для кораблей. Пароходы отставались на рейде и равномерно, как часовые стрелки, вращались вокруг якорных цепей. Под тентами, на спардеках, разглядывая залитый солнцем город, восседали багровые от загара и виски штурманы. Качаясь на подвесках, матросы красили пестрые от сурика корпуса и подновляли белилами облезлые корабельные имена.

Калийную соль привозили в мешках на склады Восточного пирса. Там она лежала всю зиму. О ней вспомнили в день швартовки океанского корабля под английским флагом.

К огорчению Куцевола, чьей бригаде была поручена работа на фрахтованном пароходе, грузить калийную соль оказалось значительно сложнее, чем он предполагал. За месяцы лежания на складах соль смерзлась в гигантскую глыбу. Об-

работка ее была невозможна без помощи аммонала. Кроме того, администрация парохода не принимала соль в мешках: под тяжестью груза тара могла воспламениться в трюмах. Мешки пришлось рубить топорами. Третью рабоче-го дня пропадала впустую. Впервые бригада Куцевола не выполняла норм, которые обычно перекрывала.

Слух о затруднениях на Восточном пирсе молниеносно достиг Каботажного мола, где Кеба выгружал кондитерские изделия. Известие обрадовало его: теперь он мог занять первое место в порту. Мысль о помощи другу даже не пришла в голову ему, настолько он был зол на Куцевола за свои прежние поражения.

Кеба удивился, когда дежурный диспетчер позвал его к телефону.

Говорил Куцевол.

— Людей подбавить неоткуда, — доносился в трубку знакомый голос. — На всех причалах в обрез. Одна надежда, что вырчат каботажники. Как соображаешь, Федор?

— Нет у меня лишнего народа, — сухо ответил Кеба и вернулся на судно.

— Зашился победитель, — злорадно сообщил он бригаде. — Подсобить угаривает.

Грузчики сочувственно завздыхали.

— Влетит простой в копеечку, если не вырчим ребят, — покачал головой лебедчик. — И другие лайбы задержатся. У нас полсуток экономии. Уплотниться надо. Мозгуй, товарищ бригадир.

Кеба озадаченно поглядел на него.

— Значит, отдадим дяде первое место? — угрюмо спросил он.

Лица бригадников стали отчужденными. Звеневой Рябов положил тяжелую руку на плечо Кебе.

— Так, так, товарищ бригадир, — растягивая слова, произнес он. — Тебе первое место или честь дороже? Думаешь, Игнат для себя кланяется? Он за общее дело болеет. Эх, ты, Федор!

Кеба густо покраснел. Избегая взглядов товарищей, он сошел на причал и побрел к диспетчерской.

— По личным делам звонить воспрещается, — неприятно сказал диспет-

чер, когда Кеба взялся за телефонную трубку. Диспетчер слышал его ответ Куцевола и был страшно возмущен им.

Бригадир вызывающе усмехнулся:

— А если мне срочно пирс требуется? Куцевол нужен.

— Звони, — недоверчиво смотря, разрешил диспетчер, но Кеба, хлопнув дверью, повернул обратно.

— Не надолго отлучусь, — предупредил он звеньевых, сел в катер и поплыл на Восточный пирс.

У Куцевола потептели глаза: он не ждал Кебу.

— Насколько отстали? — осведомился тот.

— Почти тысяча тонн долга! — отчаянно махнул Куцевол.

Наступило неловкое молчание. Его прервал, подходя к бригадирам, начальник участка.

— Капитан утверждает, — показал он на обрюзглого человека с капитанским вензелем на форменной фуражке, — что может сейчас назвать сумму демереджа, следующую с нас за простой.

— Иес, иес, — подтвердил англичанин и, пыхая сладким дымком из трубки, произнес длинную речь.

— Он говорит, — перевел бригадирам начальник участка, — что очень много слышал лестного о здешних грузчиках, но сам никогда не имел случая в этом удостовериться. Он всего второй раз в нашем порту и дважды сталкивается с противоположным. Ему сдается, что русские по своей натуре не могут быть хорошими работниками. В

этом, по его словам, он убедился в девятнадцатом году, привезя сюда танки, весьма нужные русским. Танки были выгружены столь небрежно, что штормом их смыло в бухту.

Куцевол, улыбаясь, покосился на Кебу.

Капитан со спокойным презрением ко всему, что выходило за пределы его суда, сосал резную трубку, — обрюзглый, сияющий золотыми галунами, важный, как обленившийся кот.

... Кеба увидел весенний вечер девятнадцатого года, шеренгу черепах—танков у края пирса, лукавое подмигивание Куцевола, когда белогвардейский офицер, проверяя работу друзей, ощупывал тросы, прикреплявшие танки к тумбам. Бора выдернула тумбы из бетонного основания причала, как репу.

— Скажите этому извозчику, — ткнул бригадир в сторону англичанина, — что в девятнадцатом году танки топили мы — Зилов, Игнат и я. Топили для того, чтобы не достались они контракам. Понятно? А насчет нынешней погрузки поговорим немного погодя. Не очень ли рано мистер капитан демередж подсчитывает?..

Он поспешил на Каботажный мол и, не теряя ни минуты, выделил в помощь другу звено лучших грузчиков своей бригады.

5

Фрахтованный пароход был погружен досрочно. Первенство осталось за бригадой Игната Куцевола.

★

III. ФОРС-МАЖОР¹

Первым из советских граждан я поднимаюсь на борт иностранных судов и последним покидаю их на границе территориальных вод. Иными словами, я — лоцман черноморского порта, именуемого преддверием Колхиды.

Поздно вечером у изголовья моей кровати раздался телефонный звонок.

¹ Форс-мажором называют в черноморских портах неожиданности, влияющие на грузовые операции.

Начальник порта извинился за беспокойство и спросил, когда я могу осуществить свое предложение. Речь шла о ночной проводке. Не знаю, какой чудак запретил грузовым судам переступать портовые ворота в ночное время, но было заведено: если пароходы не успевали достичь порта раньше сумерек, либо покинуть его до темноты, то неизбежно отсталивались на якорях на внешнем рейде и у причалов до рассве-

та. Между тем ночная проводка представляет известный риск лишь в штормовую погоду, когда зыбь, сталкиваясь с течением реки, впадающей в море у гавани, гонит корабли на ребристые выступы волнореза. В остальных случаях она вполне безопасна. Короче говоря, мое предложение было принято одновременно с проектом Васо Чочия, бригадира порталных кранов экспортного участка. Но не хочу забежать вперед.

— Получено радио от капитана «Гревзенда», фрахтованного под марганец, — продолжал начальник. — В полночь подойдет к внешнему рейду. План погрузки рассчитан на двое суток. Если возьмется провести пароход к причалу без ночной стоянки за молом, то выгадем четыре часа. Чочия обещает погрузить за сутки. На форс-мажоры кладем лишних полдня. Пограничники и таможня согласны принять пароход в неурочное время.

Спустя полчаса, подняв на мачте зыбные огни морского свода сигналов, лоцманский катер подошел к борту «Гревзенда».

— О! — изумился капитан, выяснив, что я намерен, не дожидаясь рассвета, ошвартовать корабль к причалу. — С каких пор у вас научились ценить время? Двумя годами раньше мне довелось получить здесь демередж за целую неделю.

На миг открылась дверь штурманской рубки. Пыльный луч света озарил гладко выбритые скулы и квадратный подбородок капитана. Я узнал его по рыжим лохматым бровям, нависшим над маленькими острыми глазками. Это был Кент. В позапрошлом году он командовал рудовозом «Сити оф Сидней» и со свойственным ему гонором человека, привыкшего представлять низшими существами всех, кто не родился под британским небом, посмеивался над портовыми неполадками. Они вполне устраивали его.

Корабль миновал узкий проход между створами. В конце квадратного ковша гавани виднелась прямая линия освещенной прожекторами набережной. На ней ждала нас бригада Чочия. Береговые матросы потянули швартовы к

причальным тумбам. Я застопорил машину и поздравил капитана с благополучным прибытием в Советский Союз. Кент промолчал.

Мы спустились в мрачный салон, где Чочия, путая английские слова с грузинскими и русскими, расспрашивал штурманов о расположении трюмов и баластных отсеков¹.

— За сутки управимся, — подытожил он, обращаясь к начальнику порта.

— Через тридцать шесть часов можете сняться в море, — сказал начальник англичанину.

Кент надменно рассмеялся.

— Я плаваю тридцать лет и наизусть знаю условия погрузки в любом порту мира. У вас нормы ниже, чем в Тунисе и Мексике. Тайм-чартер предусматривает грузовые операции не менее сорока восьми часов. Конечно, в нем есть примечание о диспаче² за досрочный отпуск судна, но я помню прошлую стоянку, когда на мой счет был перечислен демередж за сто шестьдесят восемь простойных часов.

Начальник не стал спорить с ним.

Чочия просмотрел каргоплан³ и покинул салон. Вскоре донеслось певучее жужжание порталных кранов. Началась погрузка.

Заинтересованный Кент вышел на спардек вслед за нами.

Не видная еще заря отражалась на остриях снежных вершин Кавказского хребта. Легкий ветерок струил на причал аромат магнолий и фикусов. Перед глазами Кента возникали клювообразные стрелы порталных кранов, мачты кораблей, верхние этажи портового холодильника и новых зданий. Я украдкой наблюдал за капитаном. В его острых глазах тлеи огоньки удивления. Не таким он запомнил наш порт. Два года назад он видел пустыри, горы развороченной земли на берегах мутного Риона. Преображенная наши-

¹ Части судна, разделенные переборками на небольшие, изолированные друг от друга отделения.

² Денежное вознаграждение, получаемое портом за досрочное окончание грузовых операций.

³ Грузовой план.

ми руками Колхида, край субтропических плантаций, расстилалась теперь перед ним. Кент смстрел на ее цветущие сады и пролегающие в них магистральные каналы жадным взором аргонанта, нашедшего, наконец, золотое руно на советском побережье Черного моря.

— Стопори, Семен! — отчаянно воскликнул за моей спиной Чочия.

Истерический скрежет железа разнесся над гаванью. Тупой удар чуть колыхнул пароход. Тяжело заскрипели швартовы. Неуклюжая туша порталного крана, зацепив хоботом стрелы соседний механизм, рухнула на причал недалеко от кормы «Гревзенда».

Я инстинктивно рванулся к борту. Грузчики опередили меня. Они окружили кабину крана и, распахнув двери, извлекли наружу перепуганного механизатора. Чочия, негодуя, прошипел:

— Разве я тебя так учил? Почему не ждал, пока стрела четвертого номера пройдет над люком к берегу? Куда спешил, людей смешить, да? Сколько времени убьем на ремонт! Ай, чудак!

Он огорченно посмотрел по сторонам. Неудача настигла его, едва он взялся за осуществление своего проекта. На каждый подьем в полторы тонны он тратил минуту с четвертью. Точнее, два крана его бригады за сорок восемь часов заполняли рудой пароход, вместимостью семь тысяч тонн. Но Чочия мечтал о шестидесяти подьемах в час для каждого механизма, о вдвое меньшем сроке погрузки рудовоза типа «Гревзенда». В возможности последнего многие из нас сомневались, ведь число порталных кранов, расставленных у борта, было строго ограничено. Тогда Чочия предложил вдвое умножить его. Это было так просто, что показалось нелепым. «При условии чередования кранов, — уверенно защищал свою мысль Чочия, — риск столкновения стрел в воздухе маловероятен. На обратном пути от люка на берег механизатор поднимает стрелу почти отвесно и пропускает встречный подьем».

После неоднократных подсчетов проект был одобрен. И вот в самый неподходящий момент торопливость бригадника вывела из строя два крана

Капитану Кенту был неведом замысел Васо Чочия. Англичанин нарочито громко зевнул, глядя на поверженный навзничь кран, и направился в каюту. Его задержал вышедший из котельного отделения старший механик.

— Долго проторчим? — поинтересовался он. — Не мешает обжать машину. Разболталась, как скелет на ниточках.

— Валяйте, чиф¹, — разрешил капитан. — По договору нас должны выкинуть в море через пятьдесят один час. Полюбуйтесь, что они называют погрузкой!

Кент иронически показал на толпу грузчиков, поднимающих кран, и важно удалился.

— Пожалуйста, смейся, мистер! — выпалил бригадир вслед капитану. — Завтра ишаком плакать будешь! Советских людей не знаешь!..

За день почти все портовики перебывали у борта «Гревзенда». Англичане недоуменно следили за паломничеством инженеров, матросов и грузчиков. Десятки болельщиков дежурили на причале, разделяя с бригадой горечь отставания. Механизмы простаивали из-за неполадок, вызванных утренней аварией. Чочия переходил от одного крана к другому и приводил их в порядок. Простой сел экономию, достигнутую проводкой, и три часа сверх того. В трюмах лежало меньше половины руды, а в распоряжении Чочия на погрузку осталось только восемь часов.

Кент еще днем засел в городском ресторане и к полночи навеселе вернулся на судно. Нетвердой походкой он обошел трюмы и, узнав цифру погрузки, приказал вахтенному не будить его до утра. Двадцать часов протекло с момента первого подьема, а корабль не был загружен и на половину своей вместимости.

Кончалась пятиминутная перекурка. Чочия, как полководец перед боем, проверил механизмы.

— Засеки время и считай! — попросил бригадир начальника участка. — Не доспать мистеру.

¹ Старший механик (англ.).

Он поднялся в кабину крана и, приглашающе махнув бригадникам, включил ток.

С этой ночи вахтенные буксирных судов, приписанных к нашему порту, стали проверять время не по часам, а по количеству под'емов, сделанных порտальными кранами. Ажурные стрелы мелькали в лучах прожекторов, словно клинки на поединке. Под'ем продолжался одну минуту. Триста восемьдесят тонн руды за час после полуночи погрузила бригада Чочия. Уходя домой и оглядываясь, я различал молниеносные взмахи стрел и слышал ритмичный гул моторов.

Утром за мной заехал начальник порта, и мы отправились на причал. Первый, кто попался нам на глаза, был капитан Кент. Он орал на матросов, закрывающих трюмы. Усталые механизаторы отдыхали на земле у кранов. Чочия сообщил:

— Погрузка закончена. Чистое рабочее время — двадцать пять часов и сорок минут.

На бледном его лице светилась гордость: он сдержал свое слово.

— Скажи, пожалуйста, какой молодец! — Начальник радостно обнял бри-

гадира. — Спасибо, Васо! Вместе с простоями потратили меньше полутора суток. Замечательный форс-мажор!

— Судно готово, капитан? — поздоровался он с англичанином. — Лоцман налицо. Разрешите пригласить пограничников и таможенных контролеров?

Кент был сражен.

— У меня не собрана машина, — растеряв апломб, прохрипел он.

— Печально, капитан, но вы были своевременно предупреждены, — возразил начальник порта.

Кент часто мигал припухшими веками.

— Придется констатировать факт, — напомнил я ему слова, произнесенные им на предыдущей стоянке. — Известите нас, когда сможете выйти в рейс.

Мы, улыбаясь, сошли на причал и об'яснили причину задержки отплытия «Гревзенда». Чочия от души засмеялся. Ему вторили грузчики и механизаторы. Немного погодя вся Колхида хохотала над самонадеянным капитаном.

Потеряв сутки по своей вине и перечислив на счет Советского Союза изрядную сумму диспача, Кент увел пароход по назначению.

Стихотворение

ВЕРА ЗВЯГИНЦЕВА

★

Красноармейцы слушают Шопена.
Играет рыжий дерзкий пианист.
Освободив чужую жизнь из плена,
Несет ее, нарядной и нетленной,
Шумящей грустью, как осенний лист.

Несет ее, кладет ее в ладони —
В сердца притихших молодых бойцов.
Она седую горлинкою стонет,
Серебряной раkitой ветки клонит
Над старым, покосившимся крыльцом.

И русский парень, подпершись рукою,
Задумался, внимателен и тих, —
Бывало, так сидел он над рекою,
Над Камою, Днeпром или Окою,
В родном селе... под сенью ив густых.

Шумит рояль. Не гонор панской Польши, —
Душа народа плачет и поет...
И жалуется все теплей и горше...
И вот уже ее не слышно больше, —
Растет прибой... гроза или поход?

И, опуская руку на колено,
Красноармеец выпрямляет стан.
В груди отвага — нежности на смену.
Далеко плещет озеро Хасан...

... Красноармейцы слушают Шопена.

★

Узбекистанские стихи

МИКОЛА БАЖАН

★

1

САДОВНИК

Крик бирюзовых птиц, шакалов тонкий плач,
Арыков плещущих недолгая прохлада.
Тяжелой башнею чернеет карагач.
Дарит благая тень прохожему отраду.

С деревьев тутовых слетают вниз плоды,
Струится сладкий дождь зернистых черных ягод.
Как освежил бы нас глоток сырой воды,
Как мирно на ковер здесь путники прилягут!

И гостя пришлого встречает добрый люд.
Узбек произнесет «салям» и усмехнется.
Растают ягоды на теплой меди блюд.
Из ковшика вода студеная прольется.

Степенно кланяясь, привстанет аксакал
И к сердцу верному прижмет он руку, стоя,
И горьковатого зеленого настоя
Предложит выкушать из маленьких пиал.

Как живы и ловки, как стройны хлопкоробы,
Как ладно скроены, — они такие все,
Как наш колхозный дед, мудрец высоколобый,
Садовник наш в земной, изысканной красе.

Почтителен и строг во вдумчивых расспросах, —
О братьях западных, идущих впереди,
О волжских яблоках, о киевских колхозах, —
Он завершает речь строфою Саади:

«Будь волос шелковинкой или еще слабей, —
Когда сплетен с другими, он крепче всех цепей»

И он волнуется. И речь, исполняясь лада,
 В двустигхья вкована, им отдана во власть.
 Она колышется, звенит, как лоно сада,
 Когда плодам его пришла пора упасть.
 Мы вслушиваемся, как в слове дышит страсть.
 И в слове том — плода созревшего услада.

Он говорит, и мы стремимся все сберечь, —
 Весь, медью кованный, раскат речитатива.
 В колхозный сад вошла надменно и учтиво
 Титана Фирдуси воинственная речь.

Стих тусского певца железом был украшен.
 Раздумий Саади живой раздался лад.
 Гафизова газель звенела в пене брашен.
 Все гости добрые вошли в колхозный сад.

Как вздох, как теплота, как трепетанье тела,
 Как мысль, они росли в могучем старике.
 И почва древняя цветами шелестела
 И плодородием вздымалась вдалеке.

Сквозь речь колхозника соединяясь с краем,
 На сотнях языков рождалась песня вновь,
 Где строфам Пушкина, гафизовым рубаям,
 Шевченковым словам достойно мы слагаем
 Навеки данные нам братство и любовь.

2

ТАНЦОВЩИЦА

Тамаре Ханум

Сверкнула золотом шелков тугая пена,
 И руки вскинулись, как языки огня.
 Затрепетав, они сникают постепенно.
 И бубен дробно бьет, во мне самой звеня.

Я слышу ритм времен, — и женщина Египта
 Проходит в лунной мгле моих ресниц густых.
 И мой цветной наряд подобен манускрипту,
 Где арабесками Гафиза вьется стих.

Вой бубна — словно клич далекий хорезмийца —
 Смолкает медленно. Им до краев полна,
 Я жду. И длинных труб звучание томится,
 Как ветер пред грозой, как сонная волна.

В лесу звучаний тех, укрыта труб стволами,
 Я вею и кружу цветочною каймой.
 Упасть и прыгнуть вверх, и взвихриться, как
 пламя, —
 О, повесть женщины, — Садр несказанный мой!

Я весь заветный мир и все уловки знаю
 Немых нерадостных праматерей моих.
 Когда-то и для них ревела пасть корная¹,
 И бубен плясовой метался и для них.

Они живут во мне тревожно и послушно,
 Они хитры еще, и все ж побеждены.
 Они идут ко мне из Согдианы душевной,
 Из глиняной Хивы, из влажной Ферганы.

Все мастерство свое, всю творческую зрелость
 Я в танце воплощу, и плотью воспою
 Счастливую любовь, работу, честь и смелость —
 Рост человеческий в моем родном краю.

Звук триумфального высокого корная
 Венчает танец мой, — живи, расти, спеши!
 Так я, танцовщица, о счастья возглашаю...
 — О, повесть женщины! Песнь молодой души!

¹ Корнай—духовой музыкальный инструмент.

3

ГРОБНИЦА ТИМУРА

Крушил он мир, сметал народы,
 Жег города и степь топтал,
 И гнал орду свою в походы
 По вечным льдам кавказских скал.

К нему за барышом и лаской
 Шли мутью вспененной реки
 Купцы Ирана и Дамаска
 И Генуи ростовщики.

Ветра пустынь над ним летели,
 Вился он призраком кривым,
 И многорукий идол в Дели
 Во прах повергся перед ним.

Из глаза идола руками
 Хан выдрал лучший диамант,
 Швырнул в мешок и взял тот камень
 В свой рыжегорбый Самарканд.

Пускай в сокровищницах скрыты
 Подарки всех племен и стран,
 Но лишь один кусок нефрита
 Читил, как свою святыню, хан.

Быть может, в черных рвах Турана
 Иль в оползнях китайских гор
 Нашли рабы в подарок хану
 Зеленый камень-дивозор.

Бесплотный лунный отблеск стынет,
 Глубины моря мреют в нем.
 Мертвящий холод в сердце хлынет,
 Лишь взглянешь в каменный излом.

Сквозь эту муть мертвеют дали
 Бесследных войн, глухих смертей.
 А хан обрел в его кристалле
 Последний тщетный свой трофей.

И приказал он тот гнетущий
 Зеленый камень забытья
 Вбить над могилою грядущей,
 Как бы печать небытия.

Все кончилось, — все смуты мира,
 Весь ненасытный жар души.
 Одна лишь прихоть Гур-Эмира
 Торчит в кладбищенской глуши.

Зеленоватый, плоскоробрый —
 Вот знак для будущих веков,
 Исчерчен грамотой недоброй,
 Словами мертвых языков.

И только в книге желтошкурой,
 Меж ярких сказок без конца,
 Найдешь ты повесть про Тимура,
 Про век Железного Хромца.

Итак, не он, владыка-воин,
 Принесший миру гнев и меч,
 Бессмертья большего достоин,
 Чем этой древней книги речь.

Он — это смерть глухонемая.
 В солончаках истерся след,
 Где разрушитель шел, хромая,
 Дорогой гибели и бед;

Где шел, хромая, тот лунатик
 В бесплодных снах бесследных дел,

Чтоб орды слать и дальше гнать их,
 Прорваться сквозь любой предел.

И торные дороги мира
 В один тупик уперлись все.
 Склеп развалился Гур-Эмира,
 Упали башни медресе.

Истлев под толстым слоем пыли,
 Меж плит, развалин и лачуг,
 Чернеет призрак черной были, —
 Хромца Железного бунчук.

И, как крыло зловещей птицы,
 Как смерти хищная рука,
 Вися над плесенью гробницы,
 Гниют лохмотья бунчука.

На своды бань, на сумрак хмурый,
 На все, что гулко и мертво,
 Ложится тенью Ленгтимура
 Тень злого знамени того.

*Перевел с украинского
 П. АНТОКОЛЬСКИЙ.*

★

Энергия

РОМАН

ФЕДОР ГЛАДКОВ

(Окончание ¹)

★

IV

ВОЗВРАЩЕНИЕ

1

Феня и Кольча приехали вечером. Вышли они из вагона прямо под дождь. Дождь был свинцовый и холодный. Огни на платформе таяли в мокрой тьме.

Грязный вокзал показался им гостеприимно-родным: он открывал двери в их мир, от которого они были оторваны на много дней. Оттуда, из колхоза, этот мир был где-то недостижимо далеко, за золотыми полями в курганах, за лиловым горизонтом, за дымами паровых молотилок.

В автобусе они почувствовали себя уже дома, а промокшие пассажиры — рабочие и домашние хозяйки — казались знакомыми и близкими.

Оба они поздоровели, огрубели (шелушилась кожа, потрескались губы), а Феня даже как будто пополнила. Кто-то поглядывал на них с любопытством и доброжелательно отмечал:

— Ишь, парочка-то... еще тепленькая...

За окнами была непроглядная темь. Стекла потели — плакали. Феня протирала их платком и вглядывалась в ночь.

— Огни — на мостах... Смотри, самые далекие — это на острове. Скорее бы!.. Вот уж черепаха какая!

Все казалось им родным и новым. Даже плакать хотелось от радости. Какие стали нарядные и яркие витрины, как много людей на улицах, хотя и — дождь, и слякоть, и ветер!..

— Втуз, Кольча... горят все окна... Не дождался тебя — открыли...

— Ничего подобного... Как это — без меня? Человек — в почетной командировке, а они открыли? Это же недопустимо в нашем обществе...

— Ах, башка ты, башка!..

— Ясно — башка: на всех фронтах — герой...

Так, радостно шутя и смеясь, они доехали до последней остановки, недалеко от шлюзового канала. Надо было иметь пропуск, чтобы пройти на тот берег через плотину. Пропуска выдавались только в управлении строительства. Решили зайти в Дом общественных организаций — в партийный комитет.

Портплед Фени нес Кольча с возвышенной радостью, как драгоценность. Ведь он заключал в себе часть этой маленькой девушки. Радость не угасала в нем с того незабываемого утра, когда он защищал Феню от напора погромщиков. Они разбили двери и хотели ворваться в школу, но Кольча стал крушить их деревянной задвижкой. Его ударили в голову, и он упал без памяти. В больнице не боль испытывал он, а благоговение перед Феней. Он ловил ее руки, плача от счастья.

— Кольча, милый, успокойся!.. Ведь теперь же нет никакой опасности.

¹ См. «Новый мир», кн. 10 и 11 с. г.

— Я — ничего... — улыбался он сквозь слезы. — Мне — хорошо... Это — оттого, что ты — здесь...

Никогда в своей двадцатилетней жизни Кольча не испытывал ничего подобного и сам изумлялся тому, что с ним происходит. До головокружения ощущал свое сердце, которое билось от ожидания какого-то большого события; хотелось распахнуться и совершить что-то необыкновенное.

И ни разу не сказал ей, что любит ее, что весь охвачен бездонным чувством благодарности к ней. За что — благодарность, почему — благодарность, — он не мог бы ответить.

Феня все время почему-то тревожилась, волновалась, была недовольна собою. Она удивляла Кольчу и внезапной задумчивостью, и беспричинным весельем. По вечерам, бывало, сядет у стола, замкнется и молчит, а то вдруг начинает играть, тормошить Кольчу, с хохотом разбрасывать вещи... Тягостной тенью вставала перед нею фигура Мирона. Кольче она ничего не говорила о Ватагине, а когда он упоминал о нем, Феня сдвигала брови и приглашала его заниматься по математике или обсуждать план культработы на ближайшую шестидневку. Впервые в своей жизни переживала она острую боль от обиды, нанесенной ей человеком, которого она уважала и которому верила.

... Они пересекли гудронную мостовую, ярко освещенную прожекторами с крыши Дома общественных организаций, а по асфальтовому тротуару прошли вдоль серогранитного фасада к высокому портику под'езда. Сияли матовые шары на фигурных столбах. Феня поднялась по ступенькам на площадку и остановилась. Она смотрела на сверкающую тысячами огней плотину, на густой лес сооружений, вышек, опалубок, кранов, вагонов, вращающихся стрел, прислушалась к водопадному шуму воды, к паровозным свисткам, и все это волновало ее до слез. Кольча встал перед нею, ступенькой ниже, и проговорил:

— Ну, вот и прибыли... Поздравляю!..

В вестибюле, просторном, залитом

электричеством, Кольча положил свою ношу около книжного киоска и строго сказал швейцару:

— Возьми, друг, под наблюдение. Это — дорожке сумок дикпурьера.

Швейцар неодобрительно взглянул и на чемоданы, и на Кольчу.

— Охрана дорожных вещей в мою обязанность не входит.

— Друг! наоборот: ты отвечаешь за них жизнью. А ты знаешь, как дорога жизнь советского гражданина?

Швейцар усмехнулся.

— Ну, ежели в таком разе, тогда другой разговор...

— Понял! — удовлетворенно кивнул на него Кольча и, взяв под локоть Феню, пошел с нею вверх по лестнице. Феня смеялась.

2

Во втором этаже они шли по широкому коридору, залитому светом матовых плафонов. Пахло свежей краской и кле-ем. На каждой двери были стеклянные дощечки с золотой надписью.

Феня отворила дверь и вдали большой комнаты с длинным столом посредине, покрытым красным сукном, увидела Гудима, а сбоку него — Пашу.

— Ух, какая роскошная комната!.. — восхищенно воскликнула Феня. — Здравствуйте, дорогие товарищи! Вот и мы!..

Она подбежала к Паше и бросилась ей на шею.

— Паша, дорогая, любимая!.. Как я по тебе соскучилась!..

Кольча подошел к Гудиму и радостно протянул ему руку. Гудим взглянул на него удивленно.

— А, уже?..

— Не уже, а три месяца, товарищ Гудим, — с неудержимой улыбкой ответил Кольча. — Помогите нам перейти на тот берег.

— Можно.

И Гудим взял трубку телефона.

А Паша обнимала и целовала Феню. В сравнении с ней она казалась массивной и высокой.

— Вот хорошо, что вы приехали: тут у нас события и большие дела... Коль-

ча! иди сюда. Ты чего это? И здороваться со мной не хочешь?

Но Кольча уже торопился к Паше.

Она схватила его за руки.

— Какой стал молодец! Так землей и пахнет.

— Ржавчиной... — поправил Кольча. — Я больше имел дела с железными инвалидами...

— Ну-ка, ну-ка, расскажи, как тебя потрепали... Встретили вас, кажется, не очень гостеприимно...

— Зато когда расставались — плакали... — проникновенно сказал Кольча.

— А башку-то все-таки здорово помолотили?

— Признаюсь тебе, Пашенька... — виновато сказала Феня. — Я очень струхнула. Думала — конец ему. Череп пробил... А ну-ка, Кольча, покажи...

— А, ерунда там!.. — совсем сконфузился Кольча и покраснел.

Гудим как будто только сейчас понял, что за люди явились к нему в кабинет: встал и заулыбался.

— Приехали, значит... Садитесь, чего торчите? Ватагина ждем со дня на день... в Москве... — сообщил он. — Без вас мы и гнилую подушку забетонировали...

— Какую подушку?

— Ты оторвалась от производства... — строго пошутил Гудим: — Исчезла и никакой связи. Это тебе надо поставить на вид.

— Родной Гудим!.. — засмеялась Феня. — Ты все такой же пунктуальный и взыскательный. И такой же хороший.

— Обязаны быть хорошими.

— Но ты — не по обязанности хорош.

— Ну, а как ты, Паша? — увлекая в сторону, тормошила ее Феня. — Почему ты такая... как будто другая?..

Паша покраснела и отвернулась. В этот миг влетел в комнату Васяй.

— Хо, ребята!.. Друзья мои!.. Прилетели орлы... Здорово, дорогие!..

И он облапил первого Кольчу, а потом бросился к Фене и закружил ее.

— Ух, черти вы веселые!.. Чем это от вас несет таким земным?..

— Навозом... — огрызнулась Паша.

— Зерном, золотом... — кричал Васяй, ликуя. — Полноте, дети, его мы сберем... как это?.. Колосьями пахнет от твоих кудрей, Феонушка, дорогая... А от него, от этого бойца...

— Кровкой немножко... — смеялась Феня.

— На то и боец, чтобы кровь проливать... — кричал Васяй.

В комнате стало шумно и беспокойно.

— Ты, Васяй, проведешь их к плотине... — сказал Гудим: — Караульного начальника я предупредил.

— Ох, рассказывать вам, ребята, рассказывать... до утра не расскажешь...

— Рассказывай им по дороге...

Паша изболочила его:

— Ведь любишь же их, Гудим... рад ведь...

Гудим насупился, но не выдержал взгляда Паши — усмехнулся и крутнул головой.

Все дружно захохотали, а Гудим опять сделал холодное лицо.

— Да, Васяй!.. — крикнула Феня: — мы, кажется, примчались в самый момент?.. Это — замечательно...

— Опоздали, ребятки. Договор давно вступил в действие. Сегодня Кряжич держал себя — во! Шлиппе и Старателев будто мучились от зубной боли. А он барсом набросился на этих фруктов.

— Барса ты не видал... — назидательно заметил Гудим. — А фруктов барс не ест.

— Зато сравнение-то какое—барс!.. — засмеялась Паша.

— Гробовщик ты!.. — ошетинился Васяй.

— И гробовщиков ты не знаешь...

Все захохотали, захохотал и Васяй. Но Гудим смотрел на них без улыбки, и от этого было еще смешнее.

3

Феня подбегала к блокам, вглядывалась в полеты бадьи и с радостным смехом встречала поезд. Звенели краны, летали стрелы, и всюду люди, люди... множество людей...

— Как здорово научились работать, Васяй!.. — восхищалась Феня: — Легко, свободно, бойко...

— У нас сейчас — муха, Феона...

— Это еще что за муха? — испугалась Феня.

— Ну, старуха, ты совсем отстала от нашей жизни... — засмеялся Васяй. — Катюшу-то, помнишь... Бычкову?

— Да ведь она же у меня работает... Ах, Катюха, родная!.. И девчухи... Не разбежались еще?

— Так вот эта муха — ее изобретение... Новая система блоков на стреле.

— Да что ты говоришь?.. Ах, милая Катюха!.. Покажи мне эту самую муху...

Кольча шел рядом и вглядывался в даль, на другой берег. По настилам досок итти было скользко: моросил дождь и строчил по лужицам, блистающим от электрических ламп. Внизу, под бычками, бурей грохотали водопады, вихрями поднимался туман; глубоко за парапетом прибойно хлестали волны, и хлопьями уносилась пена в речную ночь. В среднем протоке желтели новые опалубки, и там, в ряд друг за другом, дымилась краны. Феня отбежала в сторону и скрылась за вагонами.

— Идите, ребята!.. — крикнула она издали. — Я догоню...

— Твоих ребят, Кольча, перебросили на электростанцию...

— Сенька писал мне... — задумчиво ответил Кольча. Он остановился на миг, поглядел в ту сторону, где скрылась Феня, и побрел дальше.

— Тебе тоже придется туда перекочевать. Трудно там: борьба с иностранцами. Вакир там орудует...

— Это — кто? — насторожился Кольча.

— Вакир-то? Это, брат, новый парнюга... старый друг Братцевой... из трудовой колонии... Ты что это, браток, наохлился?.. — тряхнул его за плечо Васяй.

— Да так... ничего... — сконфузился Кольча.

Ему было радостно. За эти два месяца он пережил столько, сколько не пережил за всю свою жизнь. Он стал как-то зрелее и спокойнее. Душа его была полна Феней, и он уже жалел, что кол-

хозные дни погасли в прошлом. Здесь она — другая, такая же далекая, как летом.

— Жизнь у нас стала сложнее, Кольчуга, — деловито сообщил Васяй. — Теперь все люди строго расставлены по местам. Подогнали и квалификацию. Партизанщину и всякие там аварийные группы мы изничтожили. Мало хотеть, надо знать. Мало одной техники, надо эту технику превратить в творчество. Это, брат, не твой пожарный героизм, не просто ударный натиск. На первый план выдвигается сейчас техника безопасности. Теперь Шагаев торжествует. А к Вакиру ты приглядишься — ценный парнишка... культурный... Во втуз поступил...

— Для втуза и я неплох.

Кольча немного отвык от многолюдья, от ослепительного света и чувствовал какую-то странную тревогу в душе. Вот он опять дышит родной стихией, опять — те же люди, армии людей, опять — рядом Васяй, Сенька с его стихами... Но что-то новое, большое хлынуло на него: правда, все по-старому, все стоит на своих местах, словно уехал только вчера, а люди — не те, работа — другая, и даже дождь как будто идет не так, как раньше...

Феня догнала их, возбужденная, с изумленными глазами.

— Ах, что тут делается, ребята!.. чудеса, да и только...

Ей было как-то обидно: точно она здесь — чужая. Вот она встретила много людей, толкалась среди них, но — ни одного знакомого лица... Никто даже не заметил ее.

— Не здесь ли моя Татьянашукка?

Васяй подхватил ее под руку и потянул за собою — к краю помоста.

— Феона, изволь выполнять сквозной договор: не засорять габарита...

— Как! Я, по-твоему, — сор?

Она вырвала руку и побежала вперед.

— Я не кончил... Постой!..

Но Феня уже побежала к одинокой фигуре в плаще, которая маячила в туманце перед составом площадок. Эта фигура неподвижно стояла у вагона, опираясь о буфер.

— Голубчик, Корытин, вы? как я рада!..

Но Корытин рассеянно взглянул на нее и неохотно притронулся рукою к картузу. Потом отошел от буфера и улыбнулся, как больной.

— С приездом... Долгонько пропали..

— Ах, Корытин, какие вы молодцы!.. Сколько вы за это время сделали!.. Все изменилось, — не узнаешь..

— Да, дело пошло... Хотя восхищаться еще рано..

Феня смеялась: она в эту минуту любила всех, а Корытин — этот мрачный Корытин! — казался ей милым и близким.

— Ах, Корытин, вы же всегда были скептиком.. Я уж привыкла к вам: раз вы недовольны — значит дело идет отлично..

— Феона!.. — требовательно позвал ее Васяй издали. — Пошли!.. а то мы не выберемся до утра..

— Неважно!.. — отмахнулась Феня. — Я Корытина встретила... Это же — большое удовольствие..

Корытин зябко с'ежился и протянул ей руку.

— Спасибо за хорошее чувство. Может быть, завтра вы отнесетесь ко мне иначе..

— Это — почему? Разве что-нибудь с вами случилось? — с тревожным участием всмотрелась в него Феня.

— Нет, ничего особенного... Все — в порядке..

«Почему он такой странный, — подумала Феня: — Одинокий какой-то... отверженный...».

Васяй хотел возвратиться на правый берег, а Кольча заявил, что идет в общежитие, но Феня запротестовала:

— Как вы смеете бросать меня ночью одну?

Кольча, видимо, устал: грусть его не проходила. Его тянуло к своим ребятам, но не хотелось расставаться и с Феней. Вспоминалось, как они по вечерам делились своими мыслями, мечтами, воспоминаниями, раскрывали себя до мелочей, и, кажется, не было ни одной тайны, которую бы они не выложили

друг перед другом. И оказывалось, что и тайн-то у них заветных не нашлось, что перед жизнью и перед людьми они — самые обыкновенные, простенькие существа. Он рано ушел из семьи рабочего-слесаря, учился в ФЗУ, попал в мастерские, а потом подался на стройку. Она после смерти матери осталась безнадзорной; потом ее поместили в детский дом; из детского дома попала на рабфак, а потом — во втуз. Все — просто, буднично.

Уже в поселке, на бульваре, Васяй твердо заявил, что послушаться Гудима — это значит получить нагоняй. Гудим — точен, исполнительен; этого он требует и от других.

— Я приду к тебе завтра, Феона, поговорим... Послушаю тебя и сам расскажу много интересного. А теперь — отдыхай. Тут с Братцевой случилась злостная неурядица.

Феня испугалась:

— Что такое, Васяй?..

— Задержал тут ее угрозыск... Какие-то дураки из исследовательского института..

— Ах, знаю!.. — облегченно вздохнула Феня. — Милая Танечка!..

Васяй вдумчиво предупредил:

— Конечно, это — возмутительно. Но — сигнал!.. Сигнал-то, Феона!..

И он побежал под гору — к плотине.

4

Кольча шел по плитам тротуара, с портпледом Фени и с своим чемоданом. Он вспотел и время от времени останавливался, чтобы переменить руки. Феня умчалась вперед и покрикивала издали:

— Ну, что же ты, Кольча?.. Поживее, пожалуйста!..

Дрожащими руками Феня нажала кнопку звонка. Татьяна отворила дверь и, пораженная, отступила назад, а Феня с криком и смехом ворвалась к ней в комнату и, мокрая, бросилась ей на шею.

— Танечка моя, красавушка любимая!.. Как я счастлива!.. Радость ты моя дорогая!..

Она зацеловала ее лицо, прижимала к себе, прыгала. Татьяна смеялась, ласкала ее и отталкивала.

— Да разденься ты, Феня! Всяго в дожде... Ведь ты же промочила меня насквозь...

— Сейчас, сейчас, милушка моя!.. Конечно же — дождь... Там Кольча несет вещи... Ах, как я счастлива! Татьянуша моя!..

И опять целовала и прижималась к Татьяне. А Татьяна уже сделала строгое лицо, но радость в ее глазах не потухала.

— Ну, хватит на первый раз... Тебе говорю, Фенька!.. Сейчас же разденься! Придется из-за тебя переодеваться... Вакир, помоги усмирить эту безумную...

При имени Вакира Феня оторвалась от Татьяны. В сторонке стоял высокий парень и пристально смотрел на нее. Упрямые брови, твердые глаза, сдержанная улыбка.

— Это и есть тот самый Вакир?

— Теперь он работает у нас... познакомьтесь...

Феня живо подошла к Вакиру и с размаху пожала ему руку.

— Ну, раздевайся, Феона! С тебя течет в три ручья...

Вакир рассмеялся.

— Ну-ка, я помогу вам распеленаться...

Он бесцеремонно стянул с нее пальто и вышел с ним в коридор.

— Татьянушка, там — Кольча... Где же он пропал?.. Ах, да, ведь он, бедняга, устал!..

А Татьяна снисходительно любовалась ею.

— Ах, Татьянушка!.. Что пережито!.. Да, да! Я обомлела, когда услышала о твоей беде... Почему ты об этом не писала?

Татьяна погладила ее кудри.

— Хорошая моя!.. мальчишка мой!.. Только в разлуке с тобой я почувствовала, как я тебя люблю...

Феня смеялась сквозь слезы.

— Рассказывать не буду — скучно, — говорила Татьяна. — Я не успела еще как следует побеседовать с начальником, как ворвался целый отряд освобо-

дителей: Паша Погадаева, Кряжич и — кто бы ты думала? — Катюша Бычкова... в комбинезоне, прямо с блока...

— Ах, Катюха!.. — восхитилась Феня: — Завтра же ее расцелую...

— Представь, она послала письмо Орджоникидзе. Потом черновичок мне дала прочесть... До чего же хвастливо и наивно!..

— Молодец Катюха!..

— Ну, и понимаешь... товарищ Серго ответил ей... Ты подумай — поздравил ее... Ликует девочка...

— Ах, почему меня здесь не было!.. — завистливо вскрикивала Феня, бегая по комнате.

Вакир и Кольча вошли вместе: оба немного стеснялись друг друга, как бывает при первом знакомстве, но старались показать, что они уже сблизились.

— А я думала, что ты, Кольча, сбежал... — засмеялась Феня.

— Сбежишь тут, с багажом-то... — усмехнулся Кольча и застенчиво поздоровался с Татьяной. — Вошел, а с чемоданов вода ползет... Вышла какая-то барыня и ахнула... Ну, думаю... А тут как-раз и он вот явился...

— А сам-то почему не раздеваешься? — спросила Татьяна.

— К себе пойду, — в общежитие: Сенька там меня ждет... Ругает он тебя, браток... — с упреком обратился он к Вакиру.

— Да, человек он нервного воображения. Признаюсь, неуважительно отнесся я к его поэзии.

— За Сеньку я драться буду. Из табора его взял. Жизнью за него отвечаю. И он решительно направился к двери.

— До свидания, товарищи!..

— А чаю? А ужинать?

— Нет, спасибо. Куда тут!

Вакир переглянул с Татьяной и протянул руку Фене.

— Я тоже иду. Подожди, друг: поговорим по дороге.

Когда ребята ушли, Феня утомленно опустилась на стул и закрыла глаза. Татьяна хлопотала у буфета. Вдруг Феня вскочила и с ужасом в глазах бросилась к подруге.

— Танечка, дорогая моя! Что это я?.. Немедленно — в ванну!..

И, когда встретила нахмуренные брови Татьяны, жалобно попросила ее:

— Роденькая! Красивушка!.. ты готовь, а я — сейчас... Я только комнату свою погляжу... И переодеться надо...

Татьяна рассмеялась и погладила ее по щеке.

— Ну, беги, беги!.. Правда, тебе надо помыться, а то грязнуха невозможная...

V

НОВАЯ ОРБИТА

1

Когда Мирон ночью вошел к себе в комнату, он почувствовал странное беспокойство. Рад был, что опять — дома: опять — привычная обстановка, опять — неустанный боевое напряжение. Но в душе — что-то новое: не то тягостный осадок от пережитых дней с Ольгой, не то боль от сознания, что в Москве он похоронил часть самого себя — мучительные свои надежды и мечты о невозвратном. Иллюзии гибнут, — повторял он, — факты остаются...

Впервые его комната с голыми стенами, по-нежилому гулкая, показалась ему неуютной, чужой, как плохой номер гостиницы. Почему-то прежде всего бросался в глаза настольный телефон, ожидающий и насмешливый. И в то же время этот телефон хранил в себе голоса Паши, Гудима, Чумалова — множества близких людей. Гудима нет: комната его глухо молчит за стеною, — должно быть, он дежурит или пропадает на участках работ, иначе он сейчас же вошел бы к нему и сразу бы начал рапортовать о делах и событиях. Но стол посредине был накрыт свежей скатертью и постель заботливо прибрана. Кто это хозяйничал здесь? Не Паша ли?

Всю дорогу он жил радостью возвращения и чувствовал эту радость и в Балееве. Викентий Михайлович шутил, подтрунивал над сановными чиновниками Главэнерго и смеялся. Ехали они победителями, и ни разу за эти сутки Балеев не вспомнил ни об Ольге, ни об Анечке, ни о Прихромове.

Хотелось пойти на плотину, на электростанцию, в Дом общественных организаций — окунуться в трудовую людскую суету, увидеть взволнованные лица товарищей, услышать их голоса, рассказать им о Москве. Да, Паша... Она будет смотреть на него милыми глазами сквозь строгие очки и мужественно ждать его взгляда, понятного только ей. С Ольгой расстались они дружески, но оба чувствовали себя отчужденными, далекими. После столкновения у Прихромова и объяснения дома они ни разу больше не говорили о себе, о своих отношениях, точно все уже было высказано. Как обычно, она приезжала домой поздно, уезжала рано, и они перекидывались словами, как добрые товарищи. О Кирюшке она уже не вспоминала. Как будто слишком туго и порывисто натянулась в первые дни струна и со звоном оборвалась.

Лихо зазвонил телефон. И, когда он схватил трубку, заметил, что на голове у него — кепка и на плечи накинуто пальто.

Сурово-шутливый голос Балеева:

— Ну, как, Мирон Васильевич? И дым отечества нам сладок и приятен?..

— Да, вам-то хорошо, Викентий Михайлович: вы в уютное гнездо попали, а у меня — голая нора... холодно!..

— Ага, Москва-то мстит за себя... Без женщины мужчина, как без воды плотина...

— Вот я и собрался бежать на плотину, чтобы теплее стало... Мочи нет!

— Нет, мой друг... Лучше погрейтесь в ванне... чайку попейте... А то шагайте ко мне — поужинаем...

Мирон растрогался, когда услышал ласковый возглас: «мой друг».

— Спасибо, Викентий Михайлович. Вы уже согрели меня своим сердцем.

— Ну, ну, ну!.. — голос Балеева дрогнул. — Вам телефон поставили не для бесполезных разговоров. А у меня, понимаете, такие дела: наш Костя, оказывается, удрал в Москву. Мало того, что сам сбежал, — захватил с собою арматурщика Пушкина. Шаляпина хочет из него сделать. Так что теперь мне и спорить не с кем. А Варя назло мне ликует... Ну-с, так придете ужинать-то?

— Нет, Викентий Михайлович, послушаюсь вашего совета: погружусь в ванну...

— То-то же. А то, ишь, разболтались в Москве-то!.. Обязываю вас явиться завтра ровно к семи — кофе пить! Повторите приказ!

— Есть явиться к семи...

— Ну, покойной ночи!..

Мирон положил трубку и, улыбаясь, прошелся по комнате.

За стеной едва слышно заиграла музыка — патефон. Это — у Кряжича. Смутные голоса и, кажется, смех, фокстрот. Мирон, пораженный, подошел к стене и прислушался. Удивительно! В квартире Кряжича всегда была могильная тишина: с женой он жил в разных концах, и никто у него не бывал. Неужели — примирение с фрау Маргаритой и семейный пир? Он вышел в сад и побрел по дорожке между стрижеными акациями. Окна Кряжича были ярко освещены, и на тюлевых занавесках мелькали тени танцующих пар. Чтобы лучше рассмотреть людей, Мирон повернул к ограде. Издали большая столовая была видна хорошо. Мадам Кряжич с мертвым лицом прилипла к коричневому Самородову, а другая неизвестная дама, с пышными белокурыми волосами, зыбко семенила вместе с толстолицым немцем — консультантом по гидротехнике. За столом сидел Шалнин и еще два немца, прилизанные, с трубками во рту, и сам Кряжич. Он подпирал рукою голову, в пальцах дымилась папироса, но лица не было видно. Забавнее всего было то, что за Кряжичем он увидел Шагаева. Игнатий Игнатьевич смеялся, оживленно говорил что-то и играл пальцами. Вероятно, он что-то сморозил: все дружно захохотали и захлопали в ладоши. Да, милые бранятся — только тешатся. Помирился человек с женой, созвал гостей и веселится. Очень хорошо: пирует открыто, не стыдливо, точно хвалится перед улицей. Должно быть, семейный кризис у него миновал. Значит, все — в порядке. Но — компания!.. с бору и сосенки... При чем тут Самородов, шут и нахал? При чем Шалнин? С какой стати затесался сюда Шагаев? Да, про него бол-

тал Самородов... Сплетничал, конечно... Но аварии действительно участились... Неужели правда?.. Маргарита — сама немка; пригласила соотечественников. Но ведь Кряжич презирает и Самородова, и Шалнина. Что это значит?

Мирон возвратился в комнату. Завонил телефон.

«А ванну, пожалуй, не придется затопить... Начинается горячка с звонками...», — усмехаясь, подумал он и, не скидывая пальто, взял трубку.

Конечно, Гудим из парткома.

— Здорово, Ватагин! Приду через час. А пока ванну прими, то-сё... понятно? Там у тебя все готово.

— Вот спасибо, друг!..

— А как же? не первый год замужем...

— Поздравляю, Гудим! Мы уже — горком.

— Знаю. Есть телеграмма из крайкома. Побеседуем. Кстати, и о моем заместителе потолкуем.

— О каком это заместителе?

— Возвращаюсь в армию.

— Очумел ты, Гудим?

Но Гудим уже положил трубку. Нелепый парень! Ляпнет всегда в упор, ошарашит и отойдет в сторону. В армию!.. В чем дело? Мирон хотел позвонить ему, но махнул рукой: Гудим не будет разговаривать — занят и плана своей работы не нарушит. Разве позвонить Паше? Раздумывая, он вышел в коридор и направился в ванную, но у самой двери остановился. Пожалуй, надо позвонить Чумалову. Впрочем, он затянет надолго: будет расспрашивать о московских делах, о Даше, об Ольге... Нет, надо выкупаться. В ванной было жарко и душно. Колонка шумела, как самовар, но дрова в печке уже прогорели. Он положил в топку несколько поленьев и хотел помыть ванну, но она оказалась чистой: должно быть, Гудим помыл ее перед уходом, потому что стенки были покрыты свежими каплями.

«Какой внимательный парень!.. — благодарно подумал Мирон: — Я бы не догадался так поухаживать за ним».

Он открыл оба крана, отрегулировал их и пошел за бельем.

2

Посвеживший и распаренный, он опять вошел в комнату в одной нижней рубашке и опешил: около стола хлопотала Паша. Она быстро повернулась к нему, и лицо ее залилось румянцем.

— Паша, да как же ты вошла? Я совсем не слышал...

Он протянул к ней руки и засмеялся. Она бросилась к нему и крепко его обняла.

И в этот миг понял Мирон, что эта женщина — его жена, что без нее он уже не может жить по-настоящему. Он гладил ее волосы, ласкал грудь, плечи и смеялся. Она заплакала.

— Да ты что это?.. о чем?.. Пашенька!..

— Это я — от счастья... — И она смеялась сквозь слезы. — Ты — мой родной!..

Она смотрела на него преданными глазами, и Мирон увидел в них такую огромную любовь, что на миг почувствовал себя перед нею ничтожным человеком. Его прежние отношения к ней показались ему позорными, трусливыми, унижительными. Гадко, противно было чувствовать себя вчерашнего: скрывался, маскировался, блудил втихомолку, ночком... и ее, эту целомудренную, чистую девушку, верного, нежного товарища и друга, оскорблял до сих пор, плевал ей в сердце. А она верила ему и считала его высоким и благородным.

Он надел гимнастерку и взволнованно прошелся по комнате. Потом опять привлек Пашу к себе.

— Ты меня не ругаешь?

— Мне тебя не в чем упрекать, Мирон... Ты совершенно свободен. И я горжусь!..

Она откинула голову и с восторгом посмотрела ему в глаза.

— Ты ошибаешься, Паша: гордость твоя неоправданна.

— Я горжусь, Мирон, что ты... что ты — отец моего ребенка!..

И она так взволновалась, что бесильно уронила голову ему на грудь. Это неожиданное и по-девичьи стыдливое признание и это нежное прикосновение

ее головы сразило Мирона. В первое мгновение он не мог дать себе отчета, что именно потрясло его — счастье ли Паши, которое было похоже на возмездие, или ужас перед последствием своей ошибки, или неосознанная радость этой простой и таинственной правды... Впрочем, ошибка ли — здоровая связь с этой хорошей, сильной женщиной? Любовь их была яркой, молодой, без всякой скверны. Паша не перенесла бы лжи и грязи. Нет, он — неправ, думая о своей страсти к ней, как о трусливом прелюбодействе. С Пашей он переживал незабываемые минуты свободы и никогда не чувствовал той мучительной связанности и ответственности за каждый свой поступок, как в последние годы жизни с Ольгой. Ольга — права с своей стороны, но прав и он. Жизнь их была запутана и отрицала сама себя, а распутать ее и самоопределиться они не могли. Может быть, вот сейчас, вот с этой милой, гордой Пашей начинается новая эпоха его жизни!..

— Но ты, Мирон, не думай!.. — тихо и убежденно говорила она: — у тебя нет никаких обязательств передо мною. Мы оба свободны и независимы. Ребенок — мой, и я счастлива. Все произошло так, как нужно, — естественно и чудесно. Это — наша тайна, и тайна эта прекрасна. И если бы ты отошел от меня, ну, скажем, уехал бы куда-нибудь в далекие края, уехал бы навсегда, — ничего бы не изменилось, и счастье мое не было бы нарушено!.. Пойми меня, я могла бы тебе не сообщать!.. но это так необыкновенно и огромно!..

Она как будто сияла вся, и слезы ее были похожи на благоговение. И голос ее стал иной — проникновенный, дрожащий, стыдливый!.. Что-то похожее на вдохновенность волновалось в ее хороших глазах!..

Мирон осторожно и молча отстранил ее и прошел к окну. Там, за льдистым-блеском стекла, чернела ночь. И в этой бездонной тьме где-то очень далеко мерцали лучистые капли огня, — должно быть, на острове, на мостах. Чуть слышно флейточками свистели паровозики. Жутко завывала сирена тоже очень

далеко, и от этого тьма казалась еще более глубокой и непроглядной. Фосфорический луч прожектора взвился ввысь и прорезал небо — там клубятся дымы осенних туч.

— С Ольгой у меня покончено, Паша.

— Почему? — испуганно крикнула она.

— Очевидно, так нужно. Должно быть, это — не случайность, а неизбежность.

Паша подошла к нему близко, и по ее дыханию он ощутил, что она встревожена.

— А ты не ошибаешься, Мирон?

Он быстро повернулся к ней и увидел, что глаза ее блестели от испуга и радости.

— Я думал, что у нас начинается новая жизнь, но это был самообман. Не я, а она сама поставила точку. Что ж!.. Я, Паша, пожалуй, рад... Все пришло к своему логическому концу. Теперь эта новая жизнь начинается с тобой...

Паша попятилась от него, потом медленно пошла к столу, задумчивая и огорченная.

— Нет, Мирон. Я буду жить так, как жила. У меня — свои привычки, свои потребности, свой нрав. У тебя — тоже. Я не допускаю мысли, что ты мог подумать о каких-то претензиях с моей стороны.

— Ну, что за разговор, Паша!.. Ведь я же тебя хорошо знаю...

Она выпрямилась, и лицо ее вспыхнуло торжеством.

— Да! Я горжусь, что это — твой ребенок. Я счастлива, что я — твоя жена, потому что я теперь — мать. Но это остается только во мне и тебя не касается...

Она спокойно и решительно взяла со стула пальто и стала одеваться.

— Ты куда это, Паша? Не отпускай ни в коем случае...

Она молча и так же решительно подошла к нему, взяла его голову и поцеловала в щеку.

Он хотел снять с нее пальто, но она настойчиво освободилась от его рук.

— Мирон, я люблю тебя на всю жизнь...

— Почему ты сейчас оставляешь меня?

— Нельзя. Я больше не могу оставаться.

— Ну, а стол-то для кого?.. Готовила, хлопотала...

— Для тебя. Сейчас придут товарищи — Гудим, Чумалов.

— Это — возмутительно. Я хочу посидеть с тобой. Подожди. Я машину вызову.

— Нет, что ты! как можно!..

— Ну, тогда я приеду к тебе...

— Нет, сегодня с часу я дежурю на плотине.

Она помолчала, обдумывая что-то, нерешительно пошла к двери и медленно возвратилась.

— Я хочу сказать тебе о Цезаре...

— Я знаю, Паша...

Она быстро взглянула на него и насторожилась.

— Откуда ты знаешь?

— Он писал Прихромову...

— Его надо понять, Мирон. Это — не просто дело, а душевная драма.

Мирон смущенно улыбнулся.

— Я там немного погорячился: хотел свернуть ему шею. Если хочешь знать, одним из поводов к нашему разрыву с Ольгой было как-раз это злополучное дело.

Паша не удивилась, будто знала, что иначе и не могло случиться.

— Я понимаю Ольгу... И тебя понимаю... Но извини: ты чуток и сердечен, не встречая, а провожая людей. Об этом стоит тебе подумать...

В саду, у самой калитки, они взялись за руки, и Мирон почувствовал, как в сильных и мягких ее пальцах струилась едва уловимая дрожь. Да, она умела владеть собою и бороться с своими порывами...

У Кряжича играл патефон, и на тюлевых занавесках скользнули тени танцующих. Гости попрежнему сидели за столом и смеялись, но Кряжича среди них уже не было.

— Что это такое? — озадаченно спросил Мирон. — Радость, что ли, по случаю супружеского примирения?

— Мне самой — странно... и почему-то неприятно... как-то обидно за Кряжича...

Не выпуская ее руки, он проводил ее по тротуару. Она успела рассказать ему о происшествии с Татьяной, о катастрофе на мостовом переходе; сообщила о возвращении Фени и Кольчи. Он спросил о Вакире, но она промолчала.

Он хотел проводить ее дальше, но она остановилась и ласково толкнула обратно.

... Феня... За что она возненавидела его? За порыв к ней? Но ведь в этом порыве не было ничего оскорбительного. Впрочем, не следует оправдываться: ведь все-таки она взволновала его, и он не раз мечтал о ней по ночам. А когда целовал ее грудь и прижимал к себе эту маленькую, хрупкую девушку, желания его были не совсем целомудренны. И ее протест и гнев были заслуженным для него наказанием. Встреча с ней будет не из легких... «Ты чуток, не встречая, а провожая людей» — вспомнил слова Паши и усмехнулся.

3

Мирон позвонил в управление — Чумалову, но там его не оказалось, вызвал квартиру, но и там его не было. Позвонил Татьяне, но телефон молчал.

«Должно быть, на дежурстве» — решил он и хотел поговорить с Феней, но в этот момент в комнату шумно и оживленно ввалились Гудим, Чумалов и Осокин.

— А-а, наконец-то!.. Вот он!.. — раскатиисто крикнул Чумалов и первый бросился к нему с объятиями. — Ну, выкладывай все, что и как...

— Прежде всего — поцелуй от Даши.

— Врешь. Не давала она такого поручения. Я поцелую ее сам выхватывая. Ей — не до поцелуев: к войне готовится...

Мирон переобнимался и перецеловался и с Гудимом, и с Осокиным. Гудим потеплел и заулыбался сдержанно. А Осокин расчувствовался до слез.

— У Даши в гостях был, у Прихромова... Прихромов — совсем швах,

а работоспособность и полет — юношеские. Минодора ругается, а любит нас...

— Нет, ты о Серго расскажи... — гремел Чумалов, не переставая смеяться. — О Серго!.. Как принял, что обещал?..

— Он назвал тебя витязем в тигровой шкуре...

— Это как понимать? — испугался Глеб: — Казнит или на щит поднимает?..

— Понимай, как тебе угодно. Разговаривали душевно. Поругал, похвалил. Здорово крыл за то, что талантов не открываем. За Катю Бычкову побранил.

Сели за стол и стали закусывать.

— Кстати, Гудим: скажи-ка по-человечески, как это ты смеешь уходить в такой ответственный момент? Армия — это, конечно... тут язык мой молчит... Но ведь без ножа режешь...

— Не моя воля...

— Я сам бы в армию пошел... — вздохнул Чумалов: — Шутки шутками, а тоскую... Вот какая чертовня!..

— А мы с тобой не в армии? — строго спросил Мирон: — Где грань, которая отделяла бы нас от обороны? Ты и сейчас носишь гимнастерку.

— Так-то так, но как бы тебе сказать?.. Особый военный дух... специфика, что ли...

— Ну, брат, военного духа и у нас с избытком. Борьба такая, что спишь, вооруженный до зубов.

— Против спецификации ты не спорь, Ватагин... — безапелляционно заметил Гудим. — Армия есть армия.

— Но как же быть? Кто заменит тебя, милый друг? Ты меня просто оглушил... Я хлопотать буду: нужно освободить тебя.

— Не выйдет, Ватагин. Да и не позволяю.

— Да, брат, специфика... — рассердился Глеб. — У врагов — тоже специфика: начались аварии, а виновников нет. Все предусмотрено, техника безопасности заработала, а катастроф больше, чем в прошлые времена. Бурей ношусь, а накрыл только одного Перейченко, да и тот улизнул...

— Во-первых, ты — не буря, а замначстрой, — раз'яснил Гудим: — А вторых, буря — это разрушительная стихия.

— Врешь! — заорал на него Глеб: — Буря в человеке — уже не стихия, а сознательное поведение.

— Значит, не буря... — авторитетно сказал Гудим. — Значит, стратегия и тактика.

Мирон засмеялся и перемигнулся с Осокиным.

— Нет, ты вот скажи мне, Гудим: как это вы проморгали здесь, несмотря на стратегию и тактику, катастрофу с мостовым переходом, арест Братцевой?.. а? Ведь не первый год замужем?

— Я тебе больше скажу, — хладнокровно добавил Гудим: — убийство клепальщика на железнодорожном мосту, падение стрел... Я уже не говорю о вредоносной работе Ситного и Дубяги.

Мирон насторожился: речь Гудима была слишком длинной — совсем для него необычной. Ясно, что Гудим очень обеспокоен. Он сейчас не будет говорить о своих выводах, не будет называть людей, не скажет о том, что он знает и какие у него материалы в руках. Он слишком засекреченный человек. Несомненно, у него есть основания беспокоиться. Конечно, он уже не раз беседовал с Емельяном, но ждал Мирона, который должен разобраться во всем и принять немедленные решения.

— Что случилось с человеком, Миронша!.. — горестно и гневно вздохнул Осокин. — Старый большевик, партизан, уважаемый товарищ — Дубяга-то... Достукался: сняли на-днях. Думалось ли, что он скатится в правое болото?.. Встречался я с ним в городе несколько раз — и узнать нельзя: злой, смотрит, как зверь...

— Это тебе не думалось, Осокин... — насмешливо отозвался Мирон: — А мне он был ясен уже давно. Помнишь, как ты пытался защищать его и призывал нас к сердечности?

Осокин виновато замигал красными веками, и у него задрожали руки и борodka. Но он разгневался и запротестовал:

— Так разве я его мысли защищал? никого я не защищал... Что я говорил? Не нож к горлу, не бездушный подход к людям, а сердца побольше. Дубягу-то мы, может, и отшвырнули и озлобили этой своей нечуткостью.

— Ты — оппортунист, Осокин... — усмехаясь, резко оборвал его Мирон. Гудим молчал безучастно, а у Глеба раздувались ноздри от смеха. Он шлепнул Осокина по плечу и сказал добродушно:

— Ты, предрабочкома, — как старый кот, который уже перестал ловить мышей.

Осокин оскорбленно замолчал и робко поглядел на всех непонимающими глазами. Он сразу ослабел, лицо скорбно сморщилось, и в глазах застыла тоска. Эти люди, с которыми он прожил не один год и которых любил всем своим доверчивым сердцем, сейчас презирают его, не верят ему, и среди них он — чужой и ненужный человек. Посидел он еще минут десять и поднялся. Мирон не удерживал его, и все простились с ним небрежно.

— Не понимаю, как мы до сих пор терпели такого размазню... — сердито сказал Мирон. — Я вас предупреждал, товарищи. Кого вы рекомендуете на его место?

Глеб отодвинулся от стола вместе со стулом: слова Мирона обеспокоили его.

— Ну, ты уж очень скоропалительно, Ватагин... Подождем перевыбор рабочкома... Не лучше ли заняться сейчас хорошей чисткой сомнительного и прямо злостного элемента?

— Давно пора... — поощрял Гудим: — Начнем с Самородова.

Глеб насмешливо отмахнулся от Гудима.

— Дался тебе Самородов...

— Однако он ездит вместе с Шалниным в гости к Ситному. Ты знаешь, с кем они провели вечер? С Забодаевым.

— Знаю. Почему ты сообщаешь это, как убийственное событие? Самородов мне сам похвалялся этой встречей. Забодаев — начальник главка. Об'езжает свои предприятия. Ситный работал под его началом. Шалнин — тоже.

— А при чем тут Корытин и твой Самородов?

— Станный ты человек, Гудим: все у тебя как-то — кургузо... Если бы ко мне заехал кто-нибудь из моих знатных друзей, я пригласил бы тебя и Ватагина в первую голову.

— Ну, так вот, Чумалов... — лениво мигая, сказал Гудим: — Так вот... Позволь сказать тебе, что ты ничего не знаешь. Раньше ты, как я слышал, свирепо глушил всяких прохвостов. А теперь?

Глеб благодушно усмехался, занятый своей трубкой.

— Не беспокойся, друг; я знаю не хуже тебя...

Мирон внимательно слушал их перепалку: каждый из них любопытен в своем роде, у каждого из них — свой характер и свой нрав. Оба — верные и преданные друзья и хорошие большевики. Но Гудим — пунктуален и педантичен: десятки, сотни вопросов, дел, событий тщательно, кропотливо исследует, обрабатывает до конца и проводит их во время — осмотрительно, безошибочно. Похож он на ученого, который сидит за микроскопом, и на командира, образцово проводящего военные операции. И Мирон заранее знал, что Гудим ничего не забудет, не отложит ни одного задания и всякое непредвиденное затруднение сумеет разрешить без смущения, толково и хладнокровно. Правда, он кажется скучным, лишенным страстей и увлечений, но нужно знать его, чтобы почувствовать в нем неугасимое горение. Гудим любит стройку, живет парработой, и у него нет ни одного свободного часа для себя. Это — живая энциклопедия и чувствительный нерв всей сложной строительской жизни. А Глеб — широкий, размашистый человек, крикун, громобой, добряк, но бывает страшен в минуты бешенства и нежен, как женщина, когда растроган. Он никогда не бывает спокойным, уравновешенным: всегда пылает и захлебывается от избытка чувств.

Посасывая трубку, Мирон с шуточной строгостью спросил Глеба:

— А похвалялся тебе Самородов, как они с Шаллиным изнывают в фокс-

троте у Кряжича? Видал, как сейчас они там развлекаются? И Шагаев там...

— Да ну вас к чортовой матери, товарищи! Самородов, Самородов... У нас есть более интересные темы для разговоров... Довольно для меня одного Репея: враги преследуют его всюду... На-днях вдруг вламывается ко мне ночью и требует ареста Самородова: он, видите ли, укрывает убийцу и способствует диверсантам... Вот этого балду я призвал бы к порядку, чтобы не сеял паники, не бунтовал людей...

Думая о чем-то своем, Гудим рассеянно заметил:

— Репея я знаю лучше тебя, Чумалов: к людям он ближе, чем ты, и хорошо чует дурные запахи. Вспомни, что он тоже помог когда-то разоблачить Хабло и его сожительницу. А история с Перебойченко?

Глеб метнул на Гудима злой взгляд.

— Ну, хорошо. Кончим об этом.

— Странное упорство... — равнодушно и как будто скучая, заметил Гудим.

Глеб не выдержал: ударил кулаком по столу и вскочил... Шея и лицо его налились кровью.

— Так ты, чортова голова, значит, считаешь меня тоже пособником врагам и вредителям? Ну?

Мирон тоже поднялся и стал перед ним с трубкой в руке.

— Не бесись, Глеб Иванович. К чему этот тон?

Бесстрастный вид Гудима еще больше взбунтовал Чумалова.

— Как смеет это тупое чучело бросать мне обвинение в покровительстве мерзавцам!..

Мирон стоял перед ним неподвижно, высоко подняв голову, и не отрывал глаз от его лица.

— Во-первых, Глеб Иванович, Гудим — наш лучший товарищ и большевик, а не чучело. А во-вторых, тебе никто не бросал таких обвинений. Я протестую против такого способа объяснений.

— Ага, ты протестуешь, когда я дал ему отпор... А почему ты не протестовал против клеветы этого болвана? Если он припечатывает мне клеймо по-

собника бандитов, я бью его со всего размаха... Вот-с!..

Он схватил свой картуз и стремительно выбежал из комнаты.

Мирон и Гудим переглянулись в недоумении, оба пожали плечами и усмехнулись.

— Остается и тебе удрать от меня, Гудим. Хороший будет водезиль.

Но Гудим не ответил на шутку Мирона и спрятал зубочистку в карман.

— Чтобы ты был в курсе дела, я должен тебе рассказать о том, как у нас идет реализация сквозного договора.

И он коротко перечислил все события, которые произошли на строительстве за этот месяц. Его рассказ был похож на газетную хроника или рапорт: «Комсомольская муха», ликвидация «гнилых подушек», оживление работы на мосту, катастрофа на плотине, борьба за транспорт, проверка отдела эксплуатации и механизации, — все это выразилось четко, определенно, сжатой фразой.

— Пойду на плотину, — решил Мирон.

— Пойди. А я — спать. Тут такой узел: Самородов — немцы, Самородов — Ситный. Корытин влип обманом, а сейчас — невменяем. Ну, а у мадам — салон.

— Понимаю. Только зачем так криливо?

— Да, прием избитый... Кустарно.

— А что ты думаешь о Цезаре?

— Ежели протрясти его — будет хорошо.

— А я, знаешь, у Прихромова грозу устроил... Возмутился страшно...

— Вы с Чумаловым — как испанские быки. У одного — буря, у другого — гроза. Покойной ночи!

Мирон и Гудим вышли из комнаты вместе: один направился к соседней двери, другой — на улицу.

Гудим разделся неторопливо и заботливо: гимнастерку повесил на спинку стула, а галифе свернул и бережно положил на сиденье. Так же бережно уложил и подтяжки. Он поднял одеяло, лег на кровать и проверил, та ли книга лежит на столике.

Как-раз в этот момент кто-то гулко ударил кулаком в дверь.

— До завтра, Чумалов... — предупредил Гудим: — Спокойной ночи!

Голос Глеба — спокойный и дружеский:

— Я — на минутку, Гудим.

— Нельзя. Встаю ровно в семь.

— Ну, открой же, чудак! Ерунда у нас вышла...

— До завтра, Чумалов. Или — сюда, или — в горком.

— Вот шайтан! — засмеялся Глеб. — Пойми, мне нужно тебя видеть сейчас, а не завтра.

— Никаких разговоров, Чумалов. С утра — в любую минуту... Сейчас — мой отдых.

— Не злишься?

— Положение без перемен: голова — ясна, нервы — в порядке.

— Ну, спасибо. Где Ватагин?

— Ушел на плотину.

— Ну, дрыхай. Завтра забегу.

Гудим взял Клаузевица и раскрыл на той странице, где он остановился в прошлый раз.

4

Цезарь встретил Мирона без удивления — как будто ожидал его. Правда, он покраснел, улыбнулся, в глазах вспыхнул беспокойный вопрос, и руку Мирона пожал робко и настороженно. Он поздравил его с приездом и, казалось, только ради приличия попросил раздеться. Зато Мирон встряхнул его руку с излишней горячностью. Он засмеялся без всякой причины и обнял его, когда они шли в комнату.

— Ну, друг, как дышишь?

— Лучше нельзя, как говорится.

— А мы только-что ввалились с Балеевым. Хотя успел уже поспориться с Чумаловым и выслушать рапорт Гудима. Сейчас на плотину иду...

Они прошлись по комнате, потом оторвались друг от друга, молча встретились глазами и улыбнулись.

— Угощать мне тебя нечем, Ватагин.

Мирон набивал трубку табаком. Он не разделся, картуза не снял. Кожаное пальто его поблескивало тускло и холодно.

— Что ж ты, Цезарь? Хоть бы зашел ко мне вместе с ребятами...

— Меня никто не предупреждал.

Цезарь не приглашал Мирона садиться, а стоял перед ним, закинув руку за спину. Сухощавое лицо, с румянцем на скулах, казалось бледным; вельветовая блуза подчеркивала его худобу и болезненность.

— Прихромов прислал тебе привет.

— Да, я напомнил ему о себе...

— Нечего сказать, напомнил! Из-за тебя я здорово с ним поспорил...

Цезарь выдержал намекающий взгляд Мирона и твердо подчеркнул:

— Иначе и быть не могло.

Мирон ожидал, что Цезарь смутится и вздрогнет от одного его взгляда, но он был невозмутимо спокоен.

Помолчали. Мирон с недоброй усмешкой всматривался в Цезаря.

— Значит, иначе быть не могло?

— Конечно.

— Вот и пойми человека! Сторонкой жил... тайно образуяще... в мизинце прятался.

Цезарь с добродушной насмешкой ответил:

— Илье Евсенчу ты отзывался обо мне крепче и энергичнее.

Мирон закурил трубку и смотрел на вспыхивающий огонек спички.

Лицо его от этих вспышек резко меняло выражение: то смеялось, то холодело. Он вынул трубку изо рта и с иронией подхватил:

— Скажите, какая прозорливость!

— Партия разберется в этом деле, Ватагин, лучше, чем мы с тобой. Не думай, что я боялся открыто выступить перед товарищами. Моя история вызвала бы здесь некоторое волнение, а это — и не нужно, и вредно.

Мирон отвернулся и молча заходил по комнате. Цезарь сел к столу, взял книгу и, перелистывая, близоруко просмотрел несколько страниц.

Ватагин остановился посредине комнаты и, попыхивая трубкой, враждебно уставился на Цезаря.

— Ничего, ничего, Цезарь. Мы все-таки постараемся поговорить с тобой и здесь.

И опять Мирон отметил, что слова его не произвели никакого действия на Цезаря. Даже враждебный тон не задел его. Цезарь только пожал плечами и, бросив книгу на стол, сказал твердо и решительно:

— Не советую, Ватагин. Не советую в интересах дела.

Мирон засопел и злобно выкатил глаза.

— Советчик! Философ! Ему важны интересы дела!.. А какой это умный советчик обманывал партию?

Цезарь вздохнул и опустил голову, точно ему стало стыдно смотреть в глаза Мирону.

— Мне жаль, Ватагин, — сказал он грустно, — что я не могу тебя уважать в эту минуту...

— Ох, какая беда!.. — засмеялся Мирон без смеха в лице.

— Видишь ли, Ватагин... — вдумчиво предупредил Цезарь: — я сомневаюсь в твоей способности судить, если ты сам не имеешь мужества проверять себя. Ты отмахиваешься от своих ошибок и неблагоприятий. Я хоть болел когда-то, долго мучился... А ты?..

Мирон вздрогнул и отступил от Цезаря. Он не предполагал, чтобы этот тихий и скромный человек мог обрушиться на него так спокойно и неотразимо. Вспомнилась Ольга с ее страстными обличениями. Долголетнее самобичевание сделало ее болезненно впечатлительной, склонной к преувеличениям. Но странно то, что и Ольга, и Цезарь, не зная друг друга, бросают ему один и тот же упрек.

— Мои ошибки и неблагоприятия, — крикнул Мирон, — не имеют отношения к партии. Это — мое личное дело. Ты не можешь их знать: сплетнями питаешься.

Цезарь разочарованно покачал головой и отошел к столу. Он опять взял книгу, полистал ее и равнодушно заметил:

— Я не ожидал от тебя такого недостойного ответа, Ватагин. Доблестью ты не отличаешься.

— Довольно! — с угрозой прохрипел Мирон и широкими шагами пошел к двери. Потом круто повернулся и вы-

тянулся с искаженным от ненависти лицом. — Называй вещи их именами.

— Давай потише, Мирон: рядом со мной — хорошие люди, но...

Этот дружеский голос заставил Мирона опомниться. Его злоба как будто растаяла. Он вдруг почувствовал, что его стесняет и кожаное пальто, и кожаный картуз, что табачный дым перехватывает горло. И он вспомнил, что к Цезарю он зашел не для того, чтобы ударить его, а просто встретиться с ним и, может быть, беззлобно потрунить над его драмой. Оказалось, что он таил в себе мстительное чувство. Оно назрело и прорвалось, как только произнесли они первые слова.

Он снял картуз и медленно заходил по комнате, избегая взгляда Цезаря.

— Про себя я мог бы сказать так же, как и ты, Ватагин... Но правда требует мужества и честности. Ты хочешь, чтобы я назвал вещи их именами? Изволь. В двадцатом году ты убил отца Фени. Было это?

Мирон остановился в изумлении. Он расстегнул пальто, бросил фуражку на стул и, сдерживая волнение, шагнул к Цезарю.

— Ты откуда это знаешь?

— Неважно, откуда...

Мирон сел на стул поодаль от Цезаря, и опять в глазах его вспыхнула злоба. Но слова Цезаря вызвали что-то похожее на замирение сердца.

— Ну, дальше!

— Дальше — особо. Пока я хочу получить ответ на вопрос.

— Да, случай этот был.

— Но партии он неизвестен?

— Есть свидетели этого события — Байкалов и Феня.

— Не в этом суть, Ватагин. Ты мне бросил обвинение, что я много лет обманывал партию. В праве ли я пред'явить тебе такое же обвинение?

— Ну, дальше?

— А дальше суди о себе сам.

Мирон быстро встал со стула и дрожащими руками стал застегивать пальто. Лицо его окоченело, глаза тускло смотрели на Цезаря.

— Ты, как осведомитель, собирал по зернышку мои грехи... — усмехнулся

он. — Давно, должно быть, готовился к контраатаке.

— Нет, зачем же? Твое заключение неумно. Вся разница между нами в том, что ты забывчив и невнимателен к себе, а я немножко чувствителен к голосу совести.

— Итак? — насмешливо спросил Мирон, надевая картуз.

— Итак, тронут твоим посещением. Расстанемся друзьями. Завтра я выезжаю в Москву. Вызывает Илья Евсеич. После разбора моего дела в партколлегии я, очевидно, пойду на научный фронт.

Мирон пошел к двери. Цезарь проводил его в приемную с ясной улыбкой. Мирон обернулся и протянул ему руку.

— Всего доброго, Цезарь. Будь счастлив.

И быстро вышел за дверь.

VI

МОЛОДОСТЬ

1

Стояли прозрачные дни октября — с голубым твердым небом, с чистыми осенними далями, с инеем по утрам. В скверах, садах и парках деревья уже щетинились голыми ветвями. Бледнее казались тени, острее — грани бычков и зданий союгорода. Уже несколько дней носились по улице новенькие вагоны трамвая и сверкали на солнце красным гляncем. Открылся втуз, и его серые корпуса, похожие на фабричные здания, внушительно возвышались над другими домами. Только-что законченный дворец культуры казался самым прекрасным из всех построек города: весь он состоял из аспидных кубов, больших и малых, приставленных друг к другу и нагроможденных один на другой. Но не в этом была красота: люди восхищались портиком из гранитных колонн и карнизами, покрытыми множеством барельефов, изображающих историю строительства: это были непрерывные толпы фигур, сплетенных между собою трудовым стремительным

движением. Проект этого здания выполнен молодыми архитекторами под руководством Митрохина, и он очень гордился тем, что работа была опубликована и вызвала много откликов.

В городе шла обычная шумная жизнь, но более многолюдная и хлопотливая, чем в старом районном центре. И все-таки население жило в эти дни только плотной. Все пятьдесят три бычка уже забетонированы были до одной и той же высоты, и они стройным рядом шли от одного берега к другому. Со стороны нижнего бьефа гребенка эта вогнутой дугой перерезала реку и концами своими таяла в далеких перспективах берегов, сжимаясь и уменьшаясь, и казалась горбатой в середине. Как гигантские голубые арфы, стояли бычки бесконечным полукругом, готовые загреметь неслышанным оркестром. И эта музыка, как далекий гром, ревела водопадами, бурей прибоя и вихрями брызг и пара. Соединительные стенки между бычками были на разных высотах: одни поднимались до половины, другие — ниже, а кое-где склеивали бычки почти доверху. Пока заканчивались бычки в среднем котловане, монтировались от берегов к центру стальные мостовые перекрытия, и там, на головокружительной высоте, уже толпились паровые краны, и строились дощатые конторки, мастерские и склады.

С площадки электростанции Вакир каждый день смотрел на эти бетонные арфы, на стремительное масляно-густое падение рыжей воды, на бурю kloкочущих волн и чувствовал себя маленьким — с муху, но переживал неистощенное раньше величавое ощущение полета. Там, на высотах бычков, сейчас идет соревнование между бетонщиками, машинистами и такелажниками. Последнюю бадью на последнем бычке положат те из бетонщиков, которые идут впереди всех бригад. А здесь создается мозг сооружения, и он, Вакир, — один из тех тысяч людей, которые с тонким искусством прядут и ткут нервные волокна этого великого организма. Он уже сроднился со стройкой, с электростанцией, и прошлая жизнь в коммуне

кажется ему маленьким, захолустным существованием, правда, милым и трудным, как детство. И странно, он и теперь ощущает былую связь с той жизнью, но он уже — больше, сложнее, богаче, чем был раньше. Теперь он знает, что такое четкое, изящное мастерство сборки агрегатов, знает, что такое американская точность и внимательность, что такое «эффективность работы», которой многие удивлялись раньше. Но он, Вакир, знает больше, чем американцы: то, чем живет он, им неведомо — нет у них того огня, тех мыслей и чувств, которые волнуют душу. При помощи Чумалова он с ребятами добился самостоятельного монтажа трансформатора под наблюдением американского мастера. Уорд проверяет их работу каждый день. А Игнатий Игнатич прибегает чуть ли не каждый час. Он привередлив ко всяким, даже ничтожным, мелочам, сварливо бранится: все — не так да не этак. Когда Вакир заявил ему, что будет соревноваться с американцами на досрочность и качество работы, Игнатич испугался и ехидно прищурил один глаз.

— А как я перенесу позор, когда ты провалишься?

Но Васяй и Чумалов просто сказали: «Валяй!». Игнатич стал злой, точно ждал каждую минуту неизбежной катастрофы. Когда выяснилось, что Вакир уже идет по монтажу на сутки впереди американцев, Шагаев, как обычно, наблюдал работу всех парней, которые были связаны друг с другом простейшими обязанностями, и с'язвил: «Пожалуй, можете и арбузы перекидывать... Не рано ли шахуешь, Вакир?». С этого дня между ними установились какие-то странные отношения: Вакир встречал Шагаева раздражительно, недоверчиво и огрызался на его замечания. Шагаев кипятился, жалил Вакира ехидными словечками и каждый раз повизгивал: «Где у тебя габарит? Где габарит?». А Вакир дерзко отвечал, бледнея от злости: «Мой габарит поет и говорит...». — «Да пойми, сынок: ведь габарит — это шахматная доска, где каждая фигура должна знать свое мес-

то...». — «У меня не фигуры, Игнатий Игнатьич, а — люди».

Когда Уорд узнал о том, что Вакир ломает темпы, он рассердился. Самоуправство молодого человека ведет к срыву монтажа. О нарушении договора, о безответственности начальника электростанции и главинжа Шлиппе он должен телеграфировать мистеру Райту. Сделайте одолжение! хоть самому президенту Америки... Только пусть мистер Уорд не забудет отметить достоинство монтажа советских мастеров. Дело — не в достоинстве монтажа советских мастеров, а в точном и неуклонном соблюдении календарных сроков и норм, установленных договором. Да, но мистер Уорд не понял наших особенностей: советский календарь не совпадает с календарем зарубежных стран... Уорд сдержал слово: послал телеграфное донесение Райту, и в тот же день Райт, к ужасу Уорда, поздравил русских монтажников.

Татьяна прибежала на электростанцию и с блестящими глазами сказала Вакиру, не стеснясь никого: «Вакир, дорогой мой, как я счастлива!..». В газете появились статьи и портреты Вакира и его ребят. В «Правде», в «Комсомолке», в «Известиях» печатались телеграммы... И Вакир понял, что только борьба и стремления делают людей родными и близкими. В тот момент, когда Тибра крикнула ему: «Как я счастлива!», — Вакир вдруг почувствовал, что и он счастлив, что Тибру он любит уже какой-то новой, не прежней любовью. Он как будто исцелился от изнурительной болезни, а теперь с изумлением открыл в себе какое-то необъятное чувство свободы... Тибра стала поиному близкой ему, но и по-новому далекой.

Как-то на-днях неожиданно пришел на электростанцию Ватагин вместе с Балеевым. Они долго бродили по всему зданию и остановились перед Вакиром. Ребята не обращали на них внимания и даже не приветствовали их. И, когда Мирон пригласил Вакира подойти к ним и побеседовать с начальником строительства, Вакир, не отрываясь от работы, ответил:

— Извиняюсь, товарищ Ватагин, — не могу.

— Это почему же?

— У нас — жесткое время и график.

Викентий Михайлович усмехнулся в бородку, но строго заметил:

— Хорошо. Но вы ведь не отрицаете моего права контроля?

— Вы меня можете снять, товарищ начстрой, но не отрывать от работы.

— А если я найду нужным?

— Не можете, товарищ начстрой, потому что этим вы нарушите условия сквозного договора.

Викентий Михайлович подошел к аппарату и, наблюдая за Вакиром, машинально вынул портсигар, взял папиросу и зажег спичку. Купер с испугом покосился на него и что-то сердито пробормотал. Вакир повернулся к Балееву и сердито потребовал:

— Потушите спичку и коробок — подалее...

И не стерпел, сам дунул на огонек.

— Виноват! — спохватился Балеев и быстро спрятал спички. — Сам должен знать, а забылся...

Мирон молча и хмуро следил за Вакиром, но Вакир делал вид, что не замечает пристального его взгляда.

— Вы извините, товарищ начстрой, но к трансформаторам, как вы знаете, нельзя подходить со спичками, а тем более курить. Мы даже дышать не смеем около сердечников.

— Правильно, правильно.

Балеев был явно смущен. Он прошел к ребятам, которые монтировали трансферные шины.

Мирон уставился на Вакира и с угрозой сказал ему:

— Возмутительное безобразие, Вакир! Как ты смеешь хамить с начстроем!

У Вакира задрожали ресницы, но он не повернул лица к Мирону.

— Что же ты называешь вежливостью, товарищ Ватагин?

— Зарываешься, молодой человек...

— Ты меня не волнуй, товарищ Ватагин: наша работа требует осторожности. Я заслуживаю похвалы, а не выговора.

Мирон смерил его с головы до ног и отошел в сторону.

Балеев возвратился к Вакиру и спросил:

— Где вы получили квалификацию?

Вакир кивнул головой на американца.

— Вот, с помощью мистера Купера (и улыбнулся ему, а Купер приложил пальцы к козырьку кепки, услышав свою фамилию). Потом у нас ежедневная проработка процессов монтажа, изучение чертежей, схем...

— С кем соревнуетесь?

— С американцами.

— Не слишком ли рано?

— Мистер Уорд одобрил нашу работу. Прошу вас быть арбитром.

Балеев пошевелил бровями, переглянулся с Мироном и пошел вниз по сходням. За ним стал спускаться и Мирон.

Один из парней в восхищении щелкнул языком.

— Вот это — ценно! чисто побрил. Ничего не скажешь.

— А пожалуй, как бы не нагрели нам шею... — встревожился другой, но не выдержал и засмеялся. Купер по-прежнему работал безучастно.

Кольча слесарил на сборке рабочего колеса турбины. В этой же бригаде был и Сенька-поэт. С первого же дня приезда Кольчи Сенька ожил. Он уважал Вакира и за независимость, и даже за жестокую критику своих стихов, но в то же время его ненавидел. Каждый вечер они вместе ходили во втуз: Вакир был студентом первого курса, а Кольча и Сенька поступили на подготовительный. От ночных работ они были освобождены. По-прежнему сходились у Татьяны, но только в выходные дни. Сенька читал им свои стихи и пэмы и уже не боялся критики Вакира: его дружно защищали Кольча и Феня, а иногда и Татьяна.

Однажды во время спора Кольча признался:

— Без сенькиных стихов я уже жить не могу, если хотите знать...

Вакир едко заметил:

— Мало же тебе надо в жизни: ты неприхотлив, как ветла.

Феня взбеленилась:

— Я не понимаю твоего пренебрежения, Вакир: ветла — простое, искреннее дерево. Не воображай, что ты благородной породы. Каким талантом ты можешь похвастаться?

Всем казалось, что они терпеть не могут друг друга: постоянно между ними шла злая перебранка. И было смешно, когда Феня беспокойно спрашивала, если Вакир опаздывал: «Где же наш джентльмен?». Отсутствие Фени раздражало и Вакира. «Ха, глупышка пытается показать мне свое презрение. Уж я ее доконаю... Где она?..». Кольча в душе радовался этой их вражде и с Вакиром дружил весело и простодушно.

А на каждом производственном совещании он с энтузиазмом защищал всякие предложения Вакира, в точности повторяя его слова. И всем казалось, что он выражает свои мысли, продуманные, выстраданные.

2

Вакир взбунтовал Чумалова на другой день после ночного вторжения Шагаева к Татьяне. Он утром позвонил Глебу и побеседовал с ним коротко и крепко:

— Вы, Глеб Иванович, не против усиления строительных работ на электростанции?

— Что за вопрос? — с сердитым беспокойством зарокотал в трубке утренний голос Глеба.

— Этот вопрос вы задайте замначу Стрижевскому. Может быть, ему угодно заморозить монтаж?

— Мне ничего не известно. Я проверю.

— Уже проверено, Глеб Иванович. Я только хотел удостовериться, как чувствует себя ваш авторитет

— Не заботься о моем авторитете, — успокоил его Глеб.

— А как же, Глеб Иванович? Ваш авторитет — наш авторитет. Я — против всяких экстренных собраний. Но сейчас, перед новой сменой, придется обсудить вопрос о Стрижевском. Мы очень заинтересованы в вашем добром здравьи, то-есть в нашем благополучии.

— Никаких экстренных собраний!..— рывкнул Глеб и положил трубку.

Вакир вышел из кабины с озорной улыбкой в глазах.

Кувыркин через несколько минут с необычной торопливостью побежал в управление строительства, а за ним заковылял и Чубук.

Оба они явились обратно через час. Чубук обиженно прошел мимо Вакира, хрипло рыча в усы: дры-ры-ры... Он покосился на ребят и грозно зашевелил бровями. Вакир почтительно поздоровался с ним и вкрадчиво сказал, не отрываясь от работы:

— Что же это ты, товарищ Чубук, забыл нас? Ведь я — твой, можно сказать, подшефный.

— Знаю я тебя, проказа... Знаю, но терплю... Давно вижу, как ты за шаблями хватаешься... Я уже рапортовал Ватагину... Мой тезис: дуй, чтоб тебя не надули...

— Ну, так что же там произошло у Глеба Ивановича, товарищ Чубук?

— Это на тебя не влияет. Вопрос идет мимо твоего носа.

— Абсолютно нет, товарищ Чубук. Разве тебе Чумалов не доложил, как я согнал его с постели?..

— Фу, матери твоей чорт, какой ты самолюб! Я, я!.. Шемая! Что ты есть для первого замнача? Он вот даже Стрижевскому — льву и тигру — нарезал винт, невзирая на личность.

— Молодец Чумалов! Одобряю.

— Хо, почему Чумалов не слышит твоего одобрения! Он же с ума сойдет...

— Ничего, товарищ Чубук: я его похвалю лично... Как же он принял вас? Угощал?

— Тебя там не было, самолюбца...

Чубук пошел дальше и опять зарычал: дры-ры-ры... Потом опять возвратился и подсел к Вакиру.

— Сидим мы, чай пьем с лимоном... — заговорил он, будто сам с собой. — А оба замнача стоят и с улыбочкой рвут один другому мозги. Глеб Иванович обращает внимание на Кувыркина: «Почему, говорит, вы строительский фронт работ оголили?». А ты ж воображаешь Кувыркина — вынимает трубочку изо рта и по-амери-

кански: «Я, говорит, стал перед фактом связанный». Тут Глеб Иванович ко мне: «Ты чего, говорит, Чубук, усами дрыгаешь? Вы, говорит, с Кувыркиным проморгали и прокупоросили, а вот один мальчишка мне все по нотам расписал». Я, понимаешь, — в обиду и бью ему зверем: «Вы, Глеб Иванович, мальчишками не бросайтесь. Мы соблюдаем свой тезис».

— Так ведь это — я же, товарищ Чубук, — серьезно пояснил Вакир: — Как ты не догадался?

Чубук оглядел ребят, которые жадно слушали его, и угрожающе предупредил Вакира:

— Ты мне реплик своих не суй! Я из-за тебя выговор получил. Как мне с тобой разговаривать, чорт?..

— Ну, извиняй, товарищ Чубук. Я тебя очень уважаю...

Чубук, сраженный почтительными словами Вакира, смягчился и задергал пальцами усы. Ему очень хотелось улыбнуться, но сердито сдержался.

— Ну, туда-сюда, зазвонили телефоны, Самородова мобилизовали. А он докладывает: «Ничего понять невозможно — все данные в неизвестном состоянии». Глеб Иванович аж языком помешался: «Ты, Самородов, факты насилуешь, но факты тебя самого удавят».

— Товарищ Чубук, выходит, я напрасно и Глеба Ивановича мутил? Какой же это конец?

Чубук встал и лукаво подмигнул Вакиру.

— Не успели мы, понимаешь, на улицу выйти, он без козырька — мимо нас и с вот такими глазами — в машину... Ну, коли нарвется на кого, — пропал...

Чубук неторопливо пошел по сходам, но, вспомнив о чем-то, опять возвратился.

— Знай тезис, хлопче: точи очи и в ночи, а хватку держи на прицеле.

Он погрозил пальцем и быстро спустился вниз.

Трудно было бороться с мужчинами: со стороны реки работали комсомольцы, а от берега — испытанные бетонщики,

переброшенные с аванкамеры. Конечно, те и другие брали силой и выносили: каждый из этих рабочих мог бы подбросить одной рукою по две девчонки. Но Катя никак не могла примириться с тем, что она — опять отстаёт, опять, как и раньше, газета ехидничает над нею: «Бригада Кати Бычковой беспечно танцует на одном месте. Позор! Не видать ей последней бадьи, как своего носа». Это напечатано было на-днях, и девчата были так потрясены, что расплакались. Катя после смены побежала в редакцию, ворвалась прямо к Прохладному и раскричалась. Она задыхалась и била кулачком по столу.

— Это — издевательство и хулиганство!.. Девчата с ума сходят... Муху мою забыли?.. Победы мои забыли?.. Меня сам товарищ Серго поздравлял...

На крик собрались сотрудники и ехидно посмеивались. Прохладный налил в стакан воды и участливо подал ей, но она отшвырнула его руку, и стакан полетел на пол и разбился.

— Это она так на критику реагирует... — насмешливо пояснил секретарь, лысый молодой человек в толстых розовых очках. — Закружилась у девчичьи головки — критики не выносит... обижается...

— Значит, в самую точку попали... — засмеялся кто-то из сотрудников.

Катя бешено повернулась к ним.

— Нет, это — не критика... извините, пожалуйста... Это — подлость... Вы ничего не критикуете, а зубы скалите. Станьте-ка на мое место... Ну?.. Станьте!.. Я погляжу, как вы заработаете. Покажите мне класс работы, научите меня быть впереди... Ну?.. Молчите? Я страдаю, а вам начхать?.. Вы должны дух наш поднимать, а не хамить...

Секретарь подошел к столу редактора и запротестовал:

— Что это такое, товарищ Прохладный!.. Врывается сюда какая-то девчонка и устраивает скандал...

— Я — не какая-то девчонка... Носа, пожалуйста, не задирайте, гражданин... Меня все знают, а я вас не знаю, кто вы такой...

— Да ты успокойся, Катя... — утешал ее Прохладный. — Зачем кипятиться?..

— Я — не против критики, я даже совсем — за... Но дельно укажите, в чем у нас недостатки, в чем мы — слабы... Помогите, а не улюлюкайте...

Прохладный встал и с любопытством наблюдал за Катюшей. Он вышел из-за стола, взял ее под руку и усадил на стул.

— Ну, вот... Давай говорить по душам. Согласен. Верно. Насчет критики ты — права. Хихикать и ехидничать над неудачами работников — не наш метод. Но нельзя все-таки, Катя, врываться и устраивать тарарам.

— Я еще морды набью, ежели будет такая вылазка...

— Ну, уж и морды...

— Обязательно.

— Не выйдет у тебя, Катя: автор этой заметки такой детина, что оторопь возьмет...

— Давай его сюда... Я не погляжу, что он — детина...

Все захохотали, засмеялся и сам Прохладный. Но Катя была зла и непримирима. Прошло несколько минут в таком разговоре, и Катя успокоилась. Прохладный незаметно распорядился принести чаю. Когда перед нею уборщица поставила стакан с двумя тающими кусочками сахара на дне, Катя совсем затихла, только красные пятна пылали на щеках, да глаза еще горячо блестели.

— Ты бы нам, Катенька, статейку написала насчет правильной критики...

— Нет, вы сначала поднимите наш авторитет...

— А вы не роняйте его... — посоветовал кто-то из сотрудников. — Раз упали, сами и поднимайтесь...

— Ах, так? — Катя решительно отодвинула стакан. — Хорошо. Я сумею поставить вопрос... Я к Ватагину пойду, к Чумалову, к Паше Бочке. К Васюю обязательно...

— Вот это — энергия... — усмехнулся Прохладный: — Ко всем?

— А ты думал, что?..

— И так же будешь орать? Выдохнешься...

— Никогда не выдохнусь...

— Угаснешь...

— Никогда не угасну...

— Верю. Силищи — пропасть. Отступаю. А теперь расскажи, в чем ты сама видишь причину твоих неудач...

Так Катя просидела у Прохладного больше часа: сотрудники не разошлись, а расселись вокруг. Решили, что — не в мужской выносливости дело, так как другие мужские бригады отстают от девчат. Гвоздь, очевидно, в системе работы, в какой-то ненайденной и недодуманной мелочи — в расстановке людей и машин. Так ни к чему и не пришли, а Катя торжествующе трунила над ними:

— А еще — критики!.. Критики учить должны... А чему вы меня научили?..

... После получения телеграммы от Серго — такой хорошей, теплой — Катюша несколько дней была пьяная от счастья. Телеграмму ей передал в Доме общественных организаций Вася, и она прекрасно видела, как с завистливым уважением смотрели на нее комсомольцы. Она прочла телеграмму и расплакалась, уткнувшись в руку Вася. Ей почему-то было стыдно своего счастья, но скрывать упоения не могла. Девчухи не находили себе места, ослепленные славой, а вертлявая Валечка надоела всем песенками и пляской.

Девчата долго не уступали первенства другим бригадам, и газета ставила их в пример, называла их «знатными бетонщицами».

И вдруг недавно Танечка Братцева вызвала из блока Катюшу и сообщила, пытливо засматривая в глаза:

— Учти, Катя: сегодня вас побилла бригада стариков. Ты не тревожься, но подумай, как быть. Мне кажется, что вы немножко зачванились: топчетесь на месте, а надо бы как-то заново перестроиться. Я тоже подумаю.

Катя так испугалась, что у ней замерло сердце.

— Да ничего же нет страшного, дурочка... — засмеялась Татьяна. — Потолкуй с машинистом и такелажником.

Катюшу до слез терзала обида. Опять будут тыкать на них пальцами, зубоскалить, опять — старая история: начинай танцевать от печки... Подругам

она ничего не сказала, хотя они и приставали к ней с вопросами, о чем секретничала с ней Братцева. Но после смены побежала на другие блоки — поглядеть, чем там берут. Ничего она не увидела нового, только одно и отметила: люди опытные, пожилые, и сила у них, как у медведей. Бросился ей в глаза смуглый, чернявый такелажник с озорными глазами. Он, как танцор на эстраде, расторопно и гибко работал руками, и ногами. На их блоке такелажник был скучный, недовольный парень: казалось, что выполняет он свое дело с натугой, нехотя, и все ему противно. Когда его ругали и торопили, он был глух и нем. Спускал он бадью с задержками, с оглядкой, точно дразнил девчат.

Однажды он не вышел на работу. Прождали его с четверть часа. Сменный такелажник отказался работать. Машинист метался в своей кабине и яростно крутил кран впустую. Глашатка робко подошла к Кате и жалобно попросила ее, мигая виновато:

— Дай, я, Катюшка, попробую... Устрой мне, пожалуйста!.. Подумаешь, какая невидаль — такелажник!.. Я уже знаю всю его музыку... Мне это очень даже нравится...

Катя несколько секунд смотрела на нее широко открытыми глазами, потом бросилась обнимать ее. Милая Глашуша, откуда набралась она такой храбрости! А Глаша стояла перед нею, сконфуженная до слез, и тербила грязными пальцами комбинезон. Проньера Валечка нахально оттолкнула ее и решительно заявила:

— По своему характеру я должна быть в роли такелажника... Это же — смешно, Глафира: ты — такелажник!..

Девчата загалдели, как галки, и потребовали голосования.

Спору же о том, пригодны ли девчата на роль такелажника, не было.

Катю ослепила великая (как хвалилась потом) мысль: все звенья работы должны быть связаны неразрывно, как голова, руки и ноги в теле. Такелажник — самое важное звено в их системе: он — «приводной ремень» (это выражение Катя запомнила из газет) между ними и машинами. Он живет секунда-

ми, и секунды у него — только движение, а от движения зависит их судьба. Задержал дыхание—и все летит к чорту. Зоркость, ритм, чувство времени и места—вот чем должен отличаться такелажник, и от него же зависит работа и в блоке, и на кране. Правда, в первые дни работы «мухи» растерялись все отделы — и эксплуатация, и транспорт, и механизация, и снабжение: не хватало паровозов и площадок, заводы недодавали бетона, для опалубок — щитов. Шепелю и Кряжичу пришлось апеллировать в бюро соцсоревнования, и на экстренной конференции внесены были новые пункты обязательств в сквозной договор. Тогда перестроились, что называется, на ходу, но с большим трудом: паровозы временно перекинули со шлюза, со скалы, с железнодорожного узла, а на бетонно-камнедробильном заводе нагрузку повысили до предела. И были случаи, когда на их участке транспортники предъявляли требование не задерживать площадок с бетоном более пяти минут и не заставлять очередной поезд стоять в хвосте.

Вот почему «великая мысль», озарившая Катюшу, заставила ее побежать к Танечке.

К приходу Татьяны девчата уже выбрали Глашу, чем очень разъярили Валечку. Кран уже работал, и Глаша дирижировала ручками и удивила Катю кондукторским свистком: вместо «майна» и «вира» — веселый крик свертка. Катя расхохоталась, но девчата кричали ей из блока:

— Вот у нас как!.. Ручеек заливаётся... Ты понимаешь, какая она язвочка: давно уже эту свистульку носила в кармашке...

А Глашатка стояла зоркая и строгая, хотя волновалась до чортиков. Так она и осталась на своем дирижерском посту. Часто у них была толкотня, беспорядочный пляс, и они от этой бесполочи уставали до помрачения. А теперь Татьяна помогла создать стройный распорядок и за каждой закрепить свою площадь, свои обязанности.

Однажды произошло маленькое событие, которое взволновало девчат.

Глашатка испуганно предупредила сверху:

— Катюха, Ватагин с начстроём идут...

Катюша вскрикнула:

— Девчата!..

И погрозила рукавицей: работы, мол, не прерывать и не показывать виду, что знают об их приходе.

Мирон подошел к блоку и позвал Катюшу.

Она поднялась к ним по лесенке и застенчиво поздоровалась.

— А мы о твоих подвигах от наркома услышали... — ласково сказал Мирон и укоризненно покачал головой. — Как же тебе не совестно! поставила нас перед Серго в неловкое положение.

Катя лукаво взглянула на Балеева и покраснела.

— Ну, что ж... — усмехнулся Викентий Михайлович, — поздравлять мы вас опоздали, а благодарить как-то неловко: еще обидитесь... Хочется признаться, что, пожалуй, плотина-то многим обязана вам. Вы, должно быть, здорово нас ругали...

— Не то, что ругали... а вроде того...

— Почему же вы не адресовались хотя бы ко мне?..

— Ну-у...

— Что — ну?

— Вы, Викентий Михайлович, сейчас такой добрый, а раньше грозный были...

Посмеялись.

— А потом вы оба в Москву уехали...

Она оглянулась и заторопилась:

— Вы извините: у нас — темпы...

Мирон кивнул головой на Глашатку.

— Вы уж и своих такелажников выдвинули?..

— Характерами с тем не сошлись, Мирон Васильевич...

Балеев пошутил:

— Ишь, какой нрав у вас неуживчивый!..

Он пожал ей руку, а Мирон погладил ее по плечу.

— А помнишь, как летом ты у Осокина торжественно объявила о своем походе?.. С Алешкой еще спорила...

— Мы, девчата, за это время другими стали: прямо постарели...

Она побежала к опалубке и спустилась в блок.

— Постарели... — улыбнулся Балеев, и Мирон вспомнил, что с такой же нежностью говорил он в Москве об Анечке. — Вы подумайте!..

4

С первых же дней по возвращении из Москвы Викентий Михайлович лично изучал состояние работ на всех участках: и на плотине, и на шлюзе, и на электростанции, и на мостах. Особенно ему не нравилось паровозное депо. Паровозы болели каждый день, их было мало, а новые доставлялись с завода медленно, с перебоями. Сквозной договор выполнялся туго. Отдел эксплуатации отвечал на требования плотины только обещаниями. Простой на плотине, на шлюзе, в аванкамере в первые дни всеобщего соревнования вызвали большую тревогу. В «брехаловке» чуть не доходило до драки: машинистов встречали, как врагов. Но эти люди работали по суткам, не сходя с паровозов. Воду и топливо брали на ходу. Один из них простудился, заболел воспалением легких, — его сняли с паровоза в тяжелом состоянии и отправили в больницу.

Чумалов ночью, не заходя домой, сел на поезд и помчался за тысячу километров, на завод, чтобы вырвать заказ, который не был выполнен к сроку. Паровозы грузили на другую стройку. Глеб по прямому проводу просил помощи у Серго. Серго распорядился отправить паровозы на гидрострой. К приезду Балеева девять новеньких паровозов уже поставлены были на рельсы. Управлять ими стали комсомольцы, недавно выпущенные с курсов и работавшие кочегарами. Из механических мастерских брошены были рабочие в депо, но больные паровозы прибывали каждый день. Выяснилось, что машинисты не знали профилей: били паровозы на крутых уклонах, на стрелках, в неожиданных тупиках, сваливали в овраги. Некоторые из них прятались:

уходили на скалу, где работа была легче, чище, выгоднее. И Чумалов, и Гудим, и Осокин лично изучали этот ненадежный участок, собирали производственные собрания, вели переговоры с отдельными машинистами. Группа ударников вызвала на борьбу за первенство всех машинистов стройки.

Балеев каждый день сам ездил на паровозах и следил за работой бригад. В депо отдал приказ, чтобы ни одного паровоза не было в бездействии, а за порчу машины строго отвечает и начальник депо, и машинист.

В «брехаловке» уже ругали машинистов «рвачами»: дежурный отмечал, кого перекрыв по бетону и по скале. Люди волковались, спорили, выясняли, почему и как победила та или иная бригада, и завистливо обвиняли победителей в жульничестве, в стяжательстве. А на плотине было хорошо. Рабочие строго следили за тем, чтобы не тратить лишнего времени на простой, не засорять габарита, не допускать отхода и потерь. Никто из инженеров и техников не жаловался на нарушение дисциплины. Наоборот, их нередко упрекали в том, что они плетутся в хвосте и не умеют возглавить трудового движения. Как-то в одном из блоков бетонщики отказались принять бадью. Балеев подошел во время спора. Бадья была спущена в блок, и бригадир-комсомолец взволнованно кричал:

— Я не могу принять этот бетон: цемент другой марки.

Прораб — тоже молодой инженер — ругался и приказывал разгружать бадью. Комсомолец побледнел, выскочил из блока.

— Я прошу вас, товарищ прораб, на меня не кричать. Если вы знающий инженер, то должны принять мой сигнал.

Он увидел Балеева и подошел к нему без всякого смущения.

— Я, товарищ Балеев, прошу вас, как начальника, установить, кто прав: я или прораб.

Балеев дал знак поднять бадью и посмотрел на бетон.

— Вы находите, что бетон не той марки? — обратился он к комсомольцу: — Какие же у вас основания?

Бригадир уверенно и спокойно стал разъяснять, какая марка цемента нужна для их бетона и какая должна быть грануляция материалов.

Викентий Михайлович, не глядя на прораба, спросил:

— Вы настаиваете, что бригадир — неправ?

Прораб сконфузился и пробормотал что-то насчет завода.

— На завод нечего сваливать, — сердито посоветовал Балеев: — Вы лучше поучитесь у этого бетонщика... Полезно!

Викентий Михайлович справился, как зовут бригадира, сколько времени он работает и как он мог определить состав бетона в бадье. Комсомолец отвечал кратко и с достоинством: он работает два года, учится в кружке на плотине, но за долгие практику привык безошибочно определять все виды бетонов.

Как-раз в этот же вечер потухло электричество. Случалось это часто. Чтобы не прерывать работы, всюду зажигали смоляные факелы. Балеев шел в глубокой тьме и спотыкался на каждом шагу. Внизу ревели водопады, и он всем телом ощущал пульсацию плотины. Недалеко кто-то ругал электростанцию и управление, и Шлиппе. Несколько матючков досталось и Викентию Михайловичу. Он усмехнулся и вспомнил лукавый вопрос Серго:

— А вас, Балеев, ругали рабочие в лицо... с глазу на глаз?

— Да, ругают, но по ночам...

Внезапно он услышал внутри дощатой будки свой голос. Кто-то говорил по телефону с электростанцией и очень ловко разыгрывал его, Балеева.

— Я вас спрашиваю, какие это идиоты выключают электричество на плотине?

Должно быть, со станции спросили, кто говорит, и другой Викентий Михайлович ответил:

— Балеев говорит. Позвать началь-

ника станции! Что? Включаете? Значит, можно было и не выключать?

Викентий Михайлович слушал и хотелал. Молодец! превосходно кто-то изучил его нрав.

Свет вспыхнул так ярко, что Балеев некоторое время шурился от ослепляющей боли в глазах. Хорошо, что он вовремя остановился среди разного хлама: если бы сделал еще шага два, он провалился бы в широкие щели в настилах или упал бы, запутавшись в свалке изуродованной арматуры. Возбужденный любопытством, он быстро обогнул будку и вошел в открытую дверь. Это была электромонтажная мастерская, тесная и едкая от табачного дыма. Среди свалок проводов и электроматериалов сидели трое молодых ребят, а около телефона стоял, скрестив руки на груди, плосконосый, с очень выпуклыми глазами, пожилой мастер. Парни вскочили и растерянно начали одергиваться. Папироски они торопливо бросили на пол и растоптали.

Викентий Михайлович осмотрел всех по очереди и усмехнулся в усы.

— А где же Балеев?

Все молчали и оторопело переглядывались с плосконосым мастером. А он почтительно снял картуз и вкрадчивым голосом пролепетал:

— Очень удивительно, Викентий Михайлович, как вы, будучи у телефона, не здесь обитались, а очутились позадь нас...

— Викентий-то Михайлович — здесь... а вот где самозванец Балеев?

Монтер изобразил ужас на лице, но выпученные глаза его дерзко улыбались.

— Это — какой же самозванец, Викентий Михайлович?

— Здорово, здорово сыграл... талант!

Парни, хоть и встревожились, но никак не могли удержаться от смеха. Они отворачивались и фыркали. Монтер услужливо согнулся и, потирая руки, шагнул к Балееву.

— А я даже ребятам входить запретил: пушай, мол, товарищ Балеев протрет с песочком саботажников. Тут за работу болеешь, а они глушат тьмой...

Ребята задыхались от хохота, а монтер сделал грустное лицо и смотрел на Викентия Михайловича со смехом в глазах. Балеев с удовольствием следил за монтером и сам едва удерживался от хохота.

— Для них, сволочей, ваше имя, Викентий Михайлович, — страшнее грома...

— Ну, хорошо. Добились света и — ладно. Теперь не потушат. Так и быть — приму на себя: станция выполняет приказ начстра. А я даже усомнился: где же я-то настоящий — в себе или в будке?

Монтер осмелел и с откровенным озорством посмотрел на Балеева. Глаза его как будто еще больше выпучились.

— Ничего не скажешь, Викентий Михайлович... Виноват!.. Признал вас немножко для общего дела... Зато свет есть, а вас не убудет...

И показал мелкие зубы.

Балеев засмеялся и хлопнул его по плечу.

— Сознавайтесь, сколько раз вы разыгрывали Балеева?

— Да ведь только второй раз, Викентий Михайлович... много ли!..—виновато утешил его монтер.

Ребята хохотали.

... Викентий Михайлович чувствовал себя свежо, бодро, легко. Вставал он попрежнему рано и уходил на участки. Он уже не испытывал сердечных припадков, которые мучили его еще летом. Не было и того гнетущего ощущения одиночества, которое ожесточало его против людей.

С отъездом Константина в квартире стало пусто и молчаливо. Варвара Михайловна выходила только к столу. Как-то вечером, за чаем, она сообщила брату, что Костя теперь преподает в консерватории, что он, наконец, пришел к исходному пункту. Этот сумасброд так и не понял, что его многолетние блуждания ничем оплатить нельзя — молодость растрчена, талант сгорел, а теперь осталось одно — педагогическая работа. Она подняла голову и снисходительно улыбнулась.

— Представь, Викентий, его Пушкин

зачислен по классу пения... Удивительно!..

Викентий Михайлович пошевелил бровями, и в бронзовых глазах его блеснула усмешка.

— Я рад, что ты успокоилась, Варя. Константин — смелый и мужественный человек. Он и там будет мятежником...

— Ах, пожалуйста, не пугай меня, Викентий...

— У него — своя жизнь, Варя. Он очень много видел, много пережил. Я его оценил с тех пор, как он стал управлять под'емником...

— Перестань, Викентий!..

... По ночам он долго перелистывал и читал иностранные журналы и книги, а когда приходило очередное письмо от Анечки, освобождал стол от газет и журналов и сосредоточенно писал ей ответ. Письма Анечки трогали его своей наивной мудростью и непосредственностью. Он видел ее вдумчивые глаза, слышал ее радостный смех и чувствовал, что связан с нею на всю жизнь. Неужели он был когда-то одинок?

Вспомнилась Ольга с ее печальными глазами, с ее тоской по утраченному ребенку, и впервые в жизни он с радостью думал, что человеческое счастье — не в том, чтобы стоять над людьми, а в том, чтобы чувствовать человеческое сердце. Жить в себе, в гордом уединении, — иллюзия. Он был во вражде с людьми. Это была самая страшная его ошибка, а эта ошибка несла в себе бесконечный ряд других ошибок. Несчастье — не случайное явление, а следствие именно неосознанных ошибок. И когда Ольга просто и душевно сказала ему в машине: «Ведь тогда почувствуешь человека, когда от него задумаешься...», — он чуть не расплакался. Вот задуматься надо от человека... В этом и есть слияние с людьми, жизнь во имя людей, во имя человеческого счастья. И Ольга сняла перед ним той женщиной, которую он любил в мечтах всю жизнь и которую он не встречал никогда.

А теперь он чувствовал потребность быть среди самых простых людей, видеть радость в их глазах, когда захо-

для К ним в гости. Они говорили с ним о делах, ругались, болели, радовались победам товарищей и ликовали от собственных успехов. Его гостеприимно угощали чаем, закусками, и он наслаждался этим искренним радушием рабочей семьи. И здесь-то он узнавал больше, чем в управлении: здесь он богател и постигал настоящую суть и глубокий смысл строительства. Когда-то он говорил: «Мы строим не только плотину, но высокую форму человеческого общежития». Но это были слова. А теперь они превращались в подлинную человеческую жизнь.

VII СУДОРОГИ

1

После разговора с Гудимом Корятин стал вести себя странно. Он пунктуально выполнял свои обязанности сменного прораба, попрежнему участвовал в партийной и общественной работе, а на производственных совещаниях своего участка выступал всегда дельно: до мелочей знал состояние хозяйства на плотине, знал каждого рабочего, — его привычки, отношение к труду, к вещам, ко времени и, по обыкновению, очень подробно характеризовал особенности каждой бригады бетонщиков, плотников, арматурщиков, электромонтеров... Многие замечали в нем новую привычку: идет человек озабоченно, осматривает под'емники, опалубки, отмечает что-то карандашиком в записной книжечке и вдруг останавливается, подозрительно оглядывается, прислушивается и застывает на месте с испугом в выпученных глазах. Так стоит он, окончивший, несколько минут, а потом идет дальше.

Домой приходил он попрежнему угрюмым и сразу же ложился спать. А когда встречался с Пашей, здоровался с ней застенчиво, торопливо и старался проскользнуть в свою комнату. И Паша отметила, что обычная его грубая неприветливость исчезла, а после свидания в парткоме появилась виноватая застенчивость. Несколько раз он

стоял перед нею в коридорчике, робко пожимаясь от какого-то мучительного желания не то сказать, не то спросить ее о чем-то.

— Вы не больны, товарищ Корятин? — как-то участливо справилась она.

Он вздрогнул и бойко ответил:

— Здоров, как дерево, того и вам желаю.

Однажды она насильно затащила его к себе, усадила за стол, заставила съесть несколько сосисок и выпить стакан чаю. Подчинился он ей легко и безучастно, но тягостно молчал и смотрел только в тарелку, в стакан, в свои руки. Она никак не могла расшевелить его, настроить на откровенность: спрашивала его о работе на плотине, он отвечал, не слушая себя: «Ничего, идет!.. календарь выполняем». Осведомилась, как он смотрит на аварию мостового перехода: не обошлось ли здесь без злого умысла? Корятин вытер лицо платком, хотя не был потным, и почему-то злобно прогудел:

— Халатность тоже от злого умысла, но бесцельного...

Паша мягко положила свою руку на его пальцы.

— Вы обещали поговорить со мной, Корятин. Будьте откровенны, расскажите от сердца, что произошло с вами?

Он медленно, устало поднялся со стула и тускло сказал:

— Спасибо за угощение.

— Сидите, Корятин. Как же вам не стыдно обижать меня!

— Я, товарищ Погадаева, обидеть вас не могу. Извините, ежели что не так...

— Именно не так, Корятин. Со мной вы держите себя не по-товарищески. Вы меня обманываете. И себя обманываете.

Корятин смотрел мимо Паши — в ночное окно и упрямо замыкался. Но не уходил: не то ему было страшно идти в свою комнату, в одиночество, не то сковывала какая-то сила, которая была выше его воли. Слова Паши, сказанные так просто и обличительно-спокойно, раздавили его. Каждая секунда леденила душу, и невыносимо было встречаться с ожидающими глазами этой хорошей женщины. А в мозг лезла какая-

то посторонняя чепуха, в ушах хохотали залихватские выкрики: «Ой, дербень, дербень — Калуга... дербень — ягода моя...».

Ночью на плотине он услышал за спиною мурлыкающий тенорок Самородова:

— Прекраснейший прораб, наш шеф, имя которого вам известно, требует от вас дел, а не размышлений.

Корытин обернулся и, почти теряя сознание от бешенства и страха, прохрипел:

— Ты прохвост и проказал! Я убью тебя, конопатая морда!

Самородов смотрел на него с веселой улыбкой забавника и забренькал, подражая балалаике: «Ой, дербень, дербень — Калуга, дербень — ягода моя!..».

— Уходи отсюда, гнус! — задыхаясь, хрипел Корытин и скрылся во тьму, за вагоны.

Он подошел к барьеру и поглядел в густой водоворот внизу перед водосливами. Ночная вода была бурой, как нефть. Плотина громоподобно дышала ст урагана водопадов, а река, мерцающая, разливалась необъятно, и расплавленные огни лились потоками в бездну, рвались на клочки и мгновенно потухали.

Самородов стал рядом с ним, напевая какой-то фокстротик. Корытин быстро отошел к вагону.

Он смотрел в согнутую спину Самородова, на его широкий зад и страдал от ненависти и безумного желания швырнуть его через перила. Самородов как будто следил за его мыслями. Он подошел и положил ему руку на плечо.

— Так вот, мой желанный прораб!.. Можно и туда... (Он кивнул головой на реку.) Это — первобытный способ. А можно и культурным манером. Надеюсь, что наша дружеская встреча ободрила тебя. Очень рад. Ситный тобою весьма интересуется: ты ему понравился. Запомни, к тебе придет человек, которого ты знаешь давно, и скажет...

Корытин до сих пор не мог дать себе отчета, как это случилось. Он размахнулся и ударил Самородова по виску. Самородов рухнул на настилы досок и растянулся неподвижно, как труп. Ко-

рытин пошагал вдоль вагонов, потом остановился и оглянулся. Самородов не шевелился. Корытин неуверенно побрел обратно, но споткнулся, махнул рукой и быстро пошел прочь.

На другой день в его дежурство внезапно упала стрела деррика. Корытин при вступлении в смену всегда тщательно проверял механизмы и никогда не пускал их в работу, если находил даже маленькую неисправность. Деррик был хорош, а стрелу Корытин особенно внимательно осматривал. Значит, кто-то навредил после него. Машинист? такелажник? Он вместе с Шагаевым допросил и того, и другого, но они уверили, что, кроме Корытина, у них никого не было.

— Да ведь неудивительно, товарищи: стрелы-то у нас падают шутя. Не считаешь самую малость наклона, она и выскакивает...

Все это мелькнуло в голове Корытина, как бред, когда он стоял сейчас у стола перед Пашей. И он с отчаянием чувствовал, какой он несчастный и подлый.

— Не обличайте меня, товарищ Погадаева... Я ничего не боюсь...

— Это не вы оглушили Самородова?

Смуглое лицо Корытина стало сизым. Язык был сухой и прилипал к нёбу. Поблескивая очками, Паша прошла мимо него, потом — обратно.

— Этот прохвост оскорблял вас, товарищ Погадаева... Он грязнил Братцеву... Я уж не говорю о себе... Этого гнуса я не выношу...

— Я допускаю, что это — так. Вы не лжете, Корытин. Но корень правды у вас скрыт глубоко... Впервые я увидела вас таким в ту ночь, когда вы возвратились из города и сообщили о Братцевой. Я замечала, Корытин, что люди, которые оказались в тупике, — это неважно, совершили ли они преступление, или запутались, — друзей страшатся сильнее, чем врагов. От прищущей им честности, от ужаса за свою душу... Вы именно в таком положении.

Корытин промычал хрипло:

— Зачем вы, товарищ Погадаева, мне капканы ставите? Вот и Гудим тоже — начал с мышеловки, а кончил дубиной.

— Корытин! берегитесь! — рассердилась Паша. — Вы мне казались прямым и смелым человеком. Но сейчас я вижу, что вы стараетесь спрятаться даже от себя... за собственную спину... Давайте говорить начистоту...

— Вы пристали ко мне, как следователь, товарищ Бочка. Что вам от меня угодно?

Он тяжело поднял на нее вытаращенные глаза и с ненавистью встретил блеск ее очков.

— Мне угодно знать, с кем я имею дело... — жестко и твердо ответила Паша. — Человек, который считает себя членом нашей партии, который работает и живет бок о бок со мной, обязан быть моим товарищем, то-есть верным соратником... Вы должны рассчитаться со мной за оказанное вам доверие. Этого доверия у меня к вам больше нет. Вы это себе уясняете?

Корытин молчал, мрачно опустив голову. Он дышал прерывисто и тягостно. Опираясь кулаком о стол, он мучился, угнетенный словами Паши.

— Я многое пережила на своем веку, Корытин, многое видела и перестрадала. Я испытала ужасы белогвардейского плена в поезде смерти, перенесла гибель брата, два года была в боях. Вы этого не нюхали, Корытин. Вы уважаете меня, да, — не можете не уважать. Поэтому не в силах прямо взглянуть мне в глаза. А еще смеете спрашивать, что мне от вас угодно.

Паша с ожесточением прошла по комнате, в волнении расчесывала пальцами волосы. Корытин окаменел. Промелькнула в памяти встреча с Феней на плотине в тот вечер, когда она возвратилась из деревни. Ее радостный, ласковый голосок, ее дружеское участие... И этот ее голосок и горячий порыв взволновали его до спазм в горле. Тогда же он с ужасом почувствовал, что погиб... Тогда же он побежал с плотины в Дом общественных организаций, — к Гудиму, к Цезарю, — к кому угодно, чтобы сбросить с души этот ужасный гнет... Потом бессознательно повернул обратно и, задыхаясь от нетерпения и жажды свободы, прошел на правый берег. В ушах у него

свистел ветер, рубашка была мокрая от пота, а сердце билось от мучительной тоски. Когда он увидел перед собою подъезд дома, где работал Емельян, вдруг ощутил, что дрожит в мучительном ознобе. С паническим страхом он ринулся назад... Шел он обратно на плотину, как тяжело больной. Мимо него прошла чья-то тень, и он услышал паршивенький тенорок Самородова: «У самовара я и моя Маша...». Она преследовала его, эта тень, — следила за каждым его шагом и, как плесень, проникала в душу...

— У Гудима вы не лгали, Корытин... — терзала его Паша: — Но вы помните, что сказал он вам? Вы не забыли его слов? «Часть правды — это тоже правда, но — какая?». Вы тогда промолчали, и я увидела, что вы ловко замаскировали истину внешними фактами, к которым не придерешься. Я тогда защищала вас перед товарищами, думая, что вы передо мною откроетесь. Надо, мол, подождать: пусть переболеет человек, пусть назреет у него нарыв. Я ошиблась. Передо мною — спасный трус, который заслоняет собою врагов.

До изнеможения, до нестерпимой боли хотелось броситься к ней и выдохнуть: «Вот она, настоящая правда...». И оттого, что Паша стояла перед ним простая, открытая, беспощадно-прониновенная, и ожидала от него мужественных признаний (она еще верила в его честность!..), Корытин чувствовал, что спасения для него нет и быть не может. Там — ужас и смерть, а здесь — пытка, казнь на всю жизнь и тоже смерть от одиночества и общего презрения. Запоздалое признание — тоже предательство и преступление.

Он услышал будничным голосом Паши: — Вы все-таки думаете пойти к Гудиму, Корытин?

— Вызовет — пойду. А так — за чем же?

— Ну, идите! Устала я с вами...

Она улыбнулась с сожалением и сняла очки: на него смотрели гневные и добрые глаза.

В своей комнате он в отчаянии схватился за голову и припал спиной к

стене около двери. Так, во тьме, стоял он долго со страшным гулом в голове, с одной безумной болью в сердце. Потом включил свет, прошел к столу, сел на стул и уронил голову на руки. Завыла сирена, и сразу же он услышал свистки паровозиков. Где-то очень далеко, должно быть, в каменоломнях, пушечным выстрелом прогремел взрыв, через несколько секунд — другой, потом — третий... Корытин вздохнул, деловито порывлся в бумагах на столе, вынул записную книжку, перелистал ее, изучая какие-то записи и цифры. Обдумывая что-то, он вынул из кармана вечное перо и начал быстро сточить на чистом листике. Но вдруг споткнулся, вырвал листик, смял его и бросил на пол. Так же раздумчиво вынул из ящика стола лист бумаги и торопливо написал наверху: «На случай моей смерти».

2

Гудим вызвал его несколько дней спустя после приезда Ватагина. Он сидел уже в рабочей комнате своего отдела и встретил его вопросом, не отрываясь от бумаг.

— Ну, что скажешь, Корытин?

— Явился по вашему вызову, товарищ Гудим.

— Так. Ты — охоч являться по вызовам. Разговоры есть?

— Ожидая поручений, товарищ Гудим.

Гудим буркнул в бумаги.

— Ты дурака не валяй. Улизнуть хочешь, прикрывая собою прохвостов? Не выйдет, Корытин. Что ж, дали маху: проглядели твое троцкистское нутро...

— Я — не троцкист, товарищ Гудим.

— А факты?

— Я — не троцкист... — упрямо басил Корытин.

— Пеняй на себя, Корытин. Можешь поворачивать обратно... Не забудь только, что партию обмануть нельзя...

И углубился в работу.

Корытин вышел в коридор и очнулся только на улице. Кажется, кто-то жал ему руку, кто-то смеялся, кто-то

спрашивал у него насчет какого-то прибора против падения стрел.

— Теперь шалишь, брат: кулачок и тормоз — в надежде... Сам начстроая... Кулачок... тормоз...

Эти слова еще дымились, как далекое воспоминание. «Кулачок» вонзился в мозг и не давал покоя. «Кулачок, кулачок, кулачок...». Да, все нутро сжимается в кулачке... Вся жизнь — в кулаке... И всюду — тупик, как могила... Бежать? Но — ни дорог, ни далее... Мир сжат в ничтожном пространстве, и это пространство — только он, Корытин. Туго завязанный мешок и — больше ничего. Разорвать этот мешок нет сил, а нужно разорвать его...

Он шел на плотину через мостик на шлюзовом канале. Внизу, в зубастых скалах камеры, копошились люди — целые толпы людей. Тарахтел экскаватор на дне канала — подхватывал ковшом камни и укладывал их на думпкаре. Ревели бурильные машины где-то в глубине: это проходчики пробуравливали боковые тоннели. Выше шла бетонировка стен шлюза. Что, если бы эти рабочие, не жалеющие своих сил в соревновании, живущие только одной мыслью — выполнить работу к обещанному сроку, узнали, кто стоит перед ними на мостике, опираясь на парапет?

Корытин отпрянул назад и быстро пошел дальше.

День был по-осеннему прохладный, по-осеннему задумчивый, с седым небом и размытыми облачками. Солнце казалось далеким и остывшим. Тени от облаков пепельными пятнами ползли по земле, быстро взлетали на кручи, растягивались, рвались и были холодные на вид. А его, Корытина, тень тянулась сбоку него — длинная, тонкая, неверная. Она переламывалась на отвалах земли и щебня и полосовалась на дощатых огорожах и свалках старых ряжевых балок. Тень живого человека... именно тень его, Корытина, непринимаемого для солнца... Но Гудим и Паша все-таки проникли в его нутро. Ведь скрываются перед ними, прятаться в собственную тень («за свою спину», как выразилась Паша) — бес-

смысленно. Так в чем же дело? Почему же он сегодня изображал из себя простачка перед Гудимом, который видел его насквозь? А дело в том, что никаких у них фактов нет. Иначе вся эта банда — и Самородов, и Шалнин, и, конечно, в первую очередь, Ситный были бы схвачены. Стоит ему возвратиться к Гудиму и рассказать все без жалости к себе—и они будут уничтожены. А народ предаст их проклятию... вот эти самые люди, которые попадают навстречу, — и рабочие, и жены рабочих, и служащие, и вон те бетонщики в блоках, и кузнецы у своих переносных горнов, и водопроводчики, которые возятся в узлах и сплетениях труб... Они кланяются ему почтительно и дружески. Народ никогда не простит, а партия раздавит его с железной жестокостью. Ты — тварь и мерзавец, прораб Кoryтин! Ты настолько жалок в своем корытинском упрямстве, что не выносишь доверчивых глаз этих людей. Ты никогда не радовался за других, а злобствовал даже против Кати Бычковой.

Почему, собственно, он идет на плотину? Ведь на дежурство ему нужно вступить в одиннадцать ночи... Нет, в одиннадцать он не вступит на дежурство...

Перед ним стояла Татьяна с удивлением и тревогой в лице.

— Что с вами, Кoryтин? Идите в больницу: вы упадете.

Кoryтин смотрел на нее тупыми глазами.

— Если меня сегодня не будет, товарищ Братцева, пусть вступит Феня... Моя личность потерпела крах... (Черномазое лицо его исказилось улыбкой.) Как это? «Злобою сердце питаться устало...». Троцкизм гнездится в плесени лежащих камней... И вот (он в иступлении устремился к ней, и Татьяне почудилось, что он простонал)... и вот... лежащий камень рассыпался вдребезги...

Татьяна растерянно разглядывала Кoryтина, и страх, который горел в его глазах, отразился в ее лице.

— Голубчик, Кoryтин!.. Что с вами?.. Вы — в бреду... Вам доктор нужен...

— Кто меня здесь искал?

— Никто вас не искал. Что вы?

— Ну, есть еще время... Я и вас ненавидел, и вам завидовал...

— Кoryтин! что вы говорите?..

Но он схватил ее руку, крепко пожал, быстро повернулся назад и пошел вдоль рельсов. Татьяна долго смотрела ему вслед, подавленная и изумленная.

Ночью, перед дежурством, Кoryтин бродил вдоль вагонов, среди нагромождений арматуры, старых щитов и кранов. Он остановился на том самом месте, где недавно ударил Самородова, что-то обдумывая и вспоминая. Потом прошел к парапету и стал смотреть вниз, на воду. Она пучилась у бычков, играла и густо свергалась в водосливы.

Рядом с ним оказался Шалнин — в коричневой коже, глянцевого и липкий.

— Стойте смирно и не шевелитесь, Кoryтин... — тихо, с ужасом в голосе сказал он. — Ситный и Самородов предупреждают, что ваша голова может держаться на плечах только вашим молчанием и выдержкой. Нам ясно, что вы нас можете предать каждую минуту... Но и вы не спасетесь: за собой потащим.

Кoryтин всей тяжестью тела лежал на перилах, они колыхались и кренились к краю настила, концы поручней терлись о столбики... «Починить надо...» — подумал Кoryтин и бессознательно покачивал парапет вперед и назад.

— Вы следите за мной... на мушку берете... А у самих душа ушла в пятки... И я держу вас в своих руках... Уж позвольте мне полюбоваться, как вы попляшете...

Лицо Шалнина стало жутким, как мертвая маска. Кoryтин отметил, что он в эту минуту как будто потерял сознание от страха. И в этот же миг перильца рухнули и всем звеном полетели в воду, плавно, без треска. Кoryтин инстинктивно вцепился пальцами в кожу Шалнина и рванул за собою. Оба они даже не успели крикнуть и бухнули в черную глубину. Когда они вынырнули, их быстро швырнуло в водослив.

3

В эту же ночь арестованы были Самородов, Стрижевский и Ситный.

Риту взяли в присутствии Кряжича. Она, полумертвая, одевалась дрожащими руками и с ужасом смотрела на него, умоляя о защите. Но он был холоден, бледен, безучастен. Когда ее пригласили итти, она бросилась к мужу, но он гадливо отступил назад.

— Николай, я не виновата... Я не виновата... Я молю... ради бога... спаси меня...

Он отвернулся от нее и вышел из комнаты. Дома он оставаться не мог. Все, пережитое за эти дни, казалось ему дурным сном. Теперь можно отдохнуть: все осталось позади. Когда увезли Риту и он остался один в необъятной тишине квартиры, ему до жути стало легко и свободно. Хотелось крикнуть, чтобы крик его прокатился эхом по пространствам комнат, хотелось засмеяться и щелкнуть пальцами.

Вспомнилось, как он играл и притворялся перед Ритой, перед немцами и перед этим презренным Самородовым. Было гадко и стыдно. Но удивительно то, что игра эта возбуждала его, и он часто ловил себя на мыслях об очередном вечере. Нестерпимо фальшива и жеманна была Рита, гнусен в своей пошлости Самородов, противно фамильярны немцы... особенно эти два свинойрылые балбеса — Пауль и Вилли, которые наперерыв ухаживали за Ритой. Они подарили ей большую куклу, которая размножилась кучей кукулят, и в самой маленькой из них на руки ей выпала жемчужная нитка. Как она пресно целовала этих немцев в облезлые головы и как паршиво кривлялись они, опускаясь перед ней на колени!..

Он мог ожидать всего от конопатого Самородова, но был застигнут им врасплох дерзким вопросом в одной из пустых комнат:

— Не пора ли вам, Николай Николаевич, освободиться от заблуждения, что некий Самородов — фанфарон и шут гороховый?

И Кряжич впервые увидел его другим: умно-насмешливым и полным до-

стоинства. И в глазах, и в голосе его чувствовался угрожающий вызов.

— Я вас не понимаю...

— Не стесняйтесь, Николай Николаевич; мы — одни. Вы предали Бубликова и еще кое-кого. Это мы отлично помним. А сейчас считаю долгом предупредить вас, что вы давно были бы уничтожены, если бы у меня не было уверенности, что вы рано или поздно станете на наш путь. Я знаю, что Бубликов беседовал с вами по-дружески. И я, конечно, не верю, что вы искренно, по убеждению, всей душой приняли все, что преподносят вам Ватагины и Чумаловы. Вы насилуете себя из-за шепетильной вашей порядочности и так называемой честности.

— Вы слишком много говорите, Самородов. Я об этом думал больше, чем вы. Кто вы такой на самом деле, — я не знаю, но чувствую, что сидите у телефонов не по убеждению, а по необходимости. И так же по необходимости выступаете с пылкими большевистскими речами.

— Итак, Николай Николаевич, решайте: время не ждет.

— Подумаю.

— Время не ждет, повторяю. Мы отдали дань вашему благородству. Фрау Маргарита оказалась очень способной женщиной: уговорить такого недотрогу, как вы...

— А Шагаев?.. — спросил Кряжич, изображая крайнее нервное беспокойство.

— Шагаев — шельма, но мы его загоним в яму. Он уже в истерике: всюду кричат о его вредительстве. Народ уже не ценит его благодетельний.

— И Стрижевский — тоже?

— Излишнее любопытство — неприлично, Николай Николаевич, — иронически ответил Самородов.

В эту ночь постучал к нему в окно Шагаев. Кряжич вышел к нему в сад, и они долго обсуждали с ним это событие. Самородов по пути зашел к Шагаеву и разговаривал с ним намеками. А он, Шагаев, кипятился и яростно негодовал против оскорбительных поклепов: как смеют приписывать ему аварию!..

На другой день они оба были у Татьяны.

Потом прилепились к нему, Кряжичу, немцы. Он их все время водил за нос: не говорил ни да, ни нет... Догадался только, что эти консультанты интересуются не столько консистенцией бетона, сколько другим искусством...

И в эти дни он в отчаянии хватал за руку Шагаева и стонал:

— Нет, я больше не могу... Это — ужасно... — Это — выше моих сил, Игнатий Игнатьич!..

— Ничего, потерпите немного, Николай Николаевич... — смеялся Игнатьич. — Это полезно — закаляйте характер...

Кряжич оделся и выбежал на улицу. Его ослепила бездонная тьма — холодная, сырая, пряная от запахов упавших листьев. С разбегу он натолкнулся на дерево и тут же увидел мерцающую, посыпанную гранитным зерном, дорожку. В комнате Ватагина горел огонь.

Он понесся по тротуару к Татьяне, но уже издали увидел, что ее нет дома: во мраке не видно ее окна. Он свернул в переулочек и пошел к дому, где жил Борзый.

Открыла ему дверь испуганная, худенькая женщина с жалкой улыбкой.

— Вы — к нам? А мужа сейчас нет... какая жалость!..

— Нет, извините: я — к Петру Ивановичу.

Борзый уже шел к нему навстречу в синей толстовке, с очками в руках. Он с отеческой лаской улыбался ему издали и внимательно вглядывался, чуть-чуть насупись.

— Вот говорят, что сердце-вещун — предрассудок... Мудрый опыт народа в области душевных движений — глубок и непреложен. Я почему-то ждал вас, милый Николай Николаевич... Что-то мне думалось, что вы именно в этот час должны посетить меня...

Он взял его за руку и повел, как слепого. В комнате Борзый, пыльной, книжной, стариковской, Кряжич снял пальто и положил его на стул вместе со шляпой.

— Итак, совершилось, Петр Иванович...

— Гм... большое, роковое слово... Что же именно совершилось, Николай Николаевич?

От этого старика излучалась какая-то благодатная простота.

— Помните, Петр Иванович, как мы гуляли при восходе солнца?.. Вы сказали: «Как хороша и радостна вода ранним утром»... И напутствовали меня мудростью, что на жизнь надо смотреть по-утреннему...

— У вас, Николай Николаевич, сейчас и облик утренний, несмотря на поздний час. А древний воинственный энтузиаст советовал: духа не угашайте!.. Человек, Николай Николаевич, живет и движется вместе с солнцем, связанный с ним лучами, преобразая их в своей душе в великие акты творения. Ну, ну, простите за болтовню... Очень уж мне приятно видеть вас... Итак?..

— Сейчас арестовали жену, Петр Иванович...

— О? Ну-с?.. — строговато приблизился к нему Борзый и опять снял очки.

— Тут — сложный переплет. Я должен был не только защищаться, но и нападать. А сейчас мне как-то странно, что я — один в пустых комнатах.

— Это — от непривычки к свободе, Николай Николаевич. Все совершается к лучшему в этом лучшем из миров.

И Борзый засмеялся своей шутке. Засмеялся и Кряжич, но не остроумию Борзый, а себе — этой своей неиспытанной легкости.

— Вы помните, Петр Иванович, наш разговор на берегу реки? Вы тогда очень проникновенно заявили, что вы — враг секунды. Я только в эти дни постиг глубину этой вашей мудрости. Я никогда еще не был так свободен и полон сил, как сейчас. Какая это великая вещь — радость жизни!..

— То-есть — любовь, Николай Николаевич. Только любовь! А это — молодость, счастье... Чудесно у Лермонтова: «неведомый и девственный родник»...

— Да, любовь... простая, прекрасная человеческая любовь...

Борзый бережно взял его руки и пожал их.

— Милый Николай Николаевич, — сказал он по-стариковски растроганно: — Я глубоко взволнован, что вы пришли именно ко мне. Нет ничего превыше красоты человеческой жизни... жизни, преобразующей, побеждающей смерть... Только то, что полно энергии и преодоления, — бессмертно. Вы — живой и здоровый человек, вы действительно сейчас свободны. Поздравляю вас!..

Кряжич порывисто обнял Борзя, и они расцеловались.

... Часа в два ночи Кряжич стремительно шел к дому Татьяны.

Он ворвался в ее комнату и увидел только ее одну — любимую и единственную в жизни. Она встретила его изумленными, испуганными глазами, но сквозь ресницы ее он увидел вспышку радости. И в этот миг оба почувствовали, что в глубине их совершилось какое-то большое событие, что есть сила, которой они не могут противостоять. Он подошел к ней молча, не отрывая от нее глаз, а она с улыбкой шагнула к нему. Он тихо обнял ее, прижал к себе всю и стал целовать ее губы, глаза, волосы, плечи.

VIII

ВСТРЕЧИ

1

Мирон узнал о приезде Ольги только утром 6 ноября: позвонила она ему на квартиру сама. Он всполошился и начал ругаться:

— Я просто оскорблен, Оля: это значит — не уважать человека... Приехала, как чужая, остановилась чорт знает где...

— Как это чорт знает где? Во-первых, — в комнате для почетных гостей, во-вторых, — рядом с Глебушкой, а в-третьих, мы — вдвоем с Наталкой... К тому же мы любим, чтоб нас не стесняли.

— Но почему не телеграфировала? Почему, наконец, не сообщила вчера же о своем приезде?

— Потому что так лучше...

— Ну, и ответ! Только и остается

одно — лаяться... Немедленно ко мне: сейчас машину пришлю.

Наташа в эту минуту была на улице и любовалась на далекие пространства стройки. В окно видно было, как вышел к ней Глеб без картуза и начал что-то объяснять, показывая рукою в разные стороны. Какая она родная, эта Наталка: не отпустила ее одну!.. И как деликатно доказала необходимость совместной поездки! Она, мол, интересуется архитектурой стройки, и ей дозреть нужно знать, что нового и своеобразного внесли в советское искусство тамшние зодчие. Поездка эта — кстати, и для Оленьки будет веселее. На самом же деле Наташа очень внимательно и бережно следила за нею. Конечно, она понимала, что Ольга едет не на отдых, а для того, чтобы увидеть этого загадочного парня и разрешить какие-то личные вопросы. Поэтому Наташа считала, что путешествие это для Ольги будет трудным, а без ее участия и забот она может и надорваться. Приехали они ночью, добрались на автобусе и, разумеется, вломились к Глебу.

Ольга позвонила Паше. Густой, почти мужской ее голос дрогнул и упал, когда она услышала веселый и лукавый вопрос Ольги:

— Пашенька, здравствуй! Как живешь, как себя чувствуешь?

И Ольга ясно услышала взволнованный ее вздох.

— Ольга, дорогая! Какая же ты внезапная женщина!.. Надолго приехала?..

— Да вот... развяжу кое-какие узлы и — обратно. Где же мы встретимся?

— Я очень бы хотела, чтоб ты посетила меня. Если хочешь, могу и — к тебе. Ты — у Мирона?

«Если хочешь...» — усмехнулась Ольга.

— Нет, в комнате приезжающих, у Глебушки.

— Это с какой же стати? — поразилась Паша.

— Так уж... Привыкла к самостоятельности... Разве ты не поступила бы так же на моем месте?..

Обе осторожно, раздумчиво положили трубки.

К Мирону пошли пешком. Зачем же машина, если Мирон только через квартал отсюда? — удивился Глеб и повел их сам, молодцевато подхватив обеих под руки. Фасады домов пылали последними карминными листьями дикого винограда, а в садах, за оградами, догорали осенние цветы. Пахло прелыми листьями и мертвой травой. Холодные клочья облаков плыли низко, тяжело, туманно. Далеко, над стройкой, клубясь, поднимался к небу белый пар от паровозов и кранов. Тот берег замазывался бурными вихрями дыма временной силовой станции. В воздухе чувствовался далекий гул водопадов.

— Какой вы широкой жизнью живете, Глеб Иванович! — позавидовала Наташа. — Москва — огромна, но жизнь там страшно дифференцирована. Вот как на шахматной доске: каждая фигура знает только свои клетки.

— Так и у нас то же самое... Жизнь идет цельно, об'емно, большим размахом, а все процессы дифференцированы. А как же иначе? Система. Разве мы живем не так, как Москва?

— Есть разница, Глеб Иванович. Вы созидаете новое — большой промышленный центр на голом месте, а мы живем и боремся в дебрях тысячелетнего рода.

— Это — неважно, Наташа: дифференциация везде чувствуется одинаково. Самое главное, надо жить целостно, воспринимать действительность, как единый, великий процесс...

— Глебушка! — нетерпеливо перебила их Ольга. — А ведь я, пожалуй, приехала-то сюда из-за Вакира... Меня Мирон растрожил...

«Прорвало...» — отметил Глеб, взглянув сбоку на Ольгу. Ни вчера, ни сегодня она не спрашивала его об этом парне, точно готовилась к встрече с ним, как к большому событию. Мирон тоже присматривается к нему с каким-то подозрительным любопытством.

— Я тебя понимаю, Оля. Но мне очень не хочется, чтобы ты уехала с тяжелым чувством...

— А я погляжу на него и — все в порядке... — сказала она жалобно, точно просила его не препятствовать встреч.

Мирон стоял у калитки, одетый, точно шпшил куда-то. Плотный, коренастый, он в длинной кожанке и кожаном картузе казался металлическим. Спокойно, с дружеской иронией поцеловал Ольгу и прижал к себе Наташу.

— Жду машину. Но вы пришли кстати: скандал могу устроить и на улице. Гордые, королевы какие! Независимость! Свобода! Не любят стесняться и стесняться!...

— Не бушуй, дядя Мироша! — ласково попросила его Наташа. — Твое негодование я воспринимаю, как одобрение. Я привыкла к культурным удобствам и широкому образу жизни...

И Ольга с злым удовольствием заметила, что Мирон только играет в негодование: он совсем равнодушен к ее приезду и рад, что она поселилась где-то в нейтральном месте. Эта встреча с ним вызвала в ней грустное чувство отчуждения и обиды. Его поцелуй был чужой и неприятный, а глаза отталкивали ее — далекие, самолюбивые глаза. На Наташу они смотрели теплее и ближе. Он даже не постеснялся деловито обратиться к Глебу:

— Ну, как у вас — все в порядке? Не подведут нас с последней бадьей?

— Опять — двадцать пять!... — возмутился Глеб: — Чего это тебе пришло в голову?

— Хороши цветы только к празднику.

И многозначительно подмигнул Глебу.

— Ну, так пошли ко мне, в комнату?.. — пригласил он всех, не требуя, а спрашивая.

Ольга торопливо предложила:

— Нет, зачем же? Пойдемте лучше обратно. Сядем в машину и поедем...

Мирон охотно согласился и первый двинулся по тротуару. Наташа, к удивлению Ольги, стала молчаливой и задумчивой. Должно быть, на нее повеяло холодом от свидания с Мироном, и она обиделась и за Ольгу, и за себя. Заметил это и Мирон.

— Как здоровье Ильи Евсеича? — спросил он, снизив голос.

— Так же... — пожала плечами Ольга. — Припадки — реже, но тяжелее. Ты же знаешь его: хорохорится, не хочет

согласиться, что болен. Кстати, ты, Мирон, завези нас в первую очередь на электростанцию...

Он не ответил ей, а обнял за плечи Наташу:

— Это чем же ты недовольна, Наташа?

Наташа отвернулась и, стараясь быть бодрой, быстро ответила:

— Почему — недовольна? Все — превосходно. Люди живут и меняются, события совершаются бурно... Что еще надо?...

— Да, — вздохнул Мирон, — жизнь идет... И у людей — свои взлеты и падения. Но ты должна похвалиться перед нами своими триумфами...

— У меня — один триумф, Мирон Васильевич: я живу. И у меня одна мечта — жить во имя счастья...

Она взяла под руку Ольгу и ускорила шаг. Мирон понял, что Наташа знает об их отношениях с Ольгой и хочет показать ему, что она — не на его стороне и не питает к нему тех восторженных чувств, которые кипели в ней раньше.

«Какое ей дело до наших драм? — с досадой подумал он. — Что за судья!.. Вот уж обывательская привычка — вмешиваться в чужую жизнь!».

— Ах, какая досада!.. — воскликнула Ольга. — Я забыла позвонить Викентию Михайловичу...

Машина подошла к калитке Глеба.

«Встретились вот, а говорить не о чем... — усмехнулась Ольга. — Как будто и не знали друг друга...».

Мирон посадил Наташу в середину, а сам неудобно, как-то боком, поместился на краешке сидения. Блестящее голенище сапога тошно ослепляло Ольгу.

«Какой неприятный сапог!» — поразилась она и отвернулась к окну.

Наташа попрежнему грустно молчала, только украдкой пожимала руку Ольге.

Глеб выскочил из кабинки у под'езда управления, а машина понеслась вниз к глотине по каменной, разбитой дороге. Справа, на ровной площади, стоял целый лес металлических мачт.

Они заехали в какие-то непроходимые дебри из металлических каркасов, бетон-

ных кубических выступов, строительных материалов — балок, досок, арматуры — и остановились. Когда вышли из машины, Наташа так и обомлела. Прямо перед нею глубоко обрывалась неоглядная ямина в оползнях, скалах, с целым поселком дощатых домиков на дне. Слева — тоже пропасть, но узкая и бездонная, а из пропасти выростало длиннейшее прямоугольное здание электростанции с плоской крышей.

— Ой, какая картина, товарищи!.. — пропела она тоненьким голоском.

— Это — подпорная стена аванкамеры, — пояснил Мирон, и Ольге казалось, что голос его был равнодушен и пуст. — Мы спустимся вниз, в этот котлован, и пройдем по тоннелю всасывающей трубы прямо в здание.

— А поближе где — нельзя? — робко справилась Ольга.

— Здесь тоже близко...

— Какое там близко, — голова кружится...

— Это оттого, что голова кружится...

Наташа смотрела в другую сторону, на реку, в дымные дали холмов правого берега. Вода, стальная, дымилась паром, и пар этот изорванными вихрями гулял по всему разливу. Налево, внизу, река залила уже глубокую долину, и развалины саманных и кирпичных стен купались в волнах. Выше, по склонам холмов, большие дома уже взорваны и на их местах лежали вороха разбитых стен. Наташа впервые видела перед собою этот бесконечный ряд голубых башен, скванных сверху стальным поясом конструкций. В разных местах бушевали водопады, и вихри брызг взлетали ввысь и пылали мутной радугой. Гул и грохот клубился в воздухе, и Наташе чудилось, что она становится легкой и маленькой от этой бури: вот налетит ветерок, и она, кажется, невесомо поднимется в воздушный этот простор.

2

Они спустились по лестнице вниз, на дно аванкамеры, и пошли без дорожки, по мусору — к черному отверстию тоннеля. Когда они поднялись по сходням ко входу, холодный, промозглый

ветер ударил им в лицо. Ольга остановилась и с опаской заглянула во тьму: тоннель круто проваливался вглубь, и ветер свистел в переплетах деревянных подмостков.

— Чего ты боишься, Оля? — засмеялся Мирон: — Тоннель, как тоннель... такой же об'емистый, как железнодорожный... Вот по этому тоннелю вода отсюда и понесется к турбине...

— Тут голову сломаешь... темно...

— Ну, давай руку... это — со свету... привыкнут глаза, и все будет видно...

— Ничего. Иди вперед!

Наташа первая стала спускаться по подмосткам.

— Наташа, куда ты одна? — закричала Ольга: — Пусть идет впереди Мирон...

— Да ничего нет страшного... — успокоила ее Наташа и исчезла во тьме.

«Не хочет, чтоб я с ней остался. Значит, об'яснений не будет... — решил Мирон. — Оно и верно, какие еще об'яснения?».

«Какая жуткая дырища!..» — думала Ольга, осторожно спускаясь по зыбким доскам. Мирон уверенно шагал по настилам. Доски шевелились под его ногами и мешали сходить Ольге. Впереди зажглись лампочки, и Ольга увидела, как мерцающая труба тоннеля загибалась вправо и делалась все уже и уже.

— Мы будем кружиться к центру, — глухо рокотал впереди голос Мирона, чужой и далекий. — Это — раковина улитки.

«Кружиться... в раковине улитки...» — поразилась Ольга, и в этих словах Мирона она вдруг почувствовала какой-то пугающий смысл. Кружиться вокруг себя — к центру... где все разрешится... Она остановилась и схватилась за представленную грязную доску. Ветер дул холодно и гулко. Он пронизывал ее насквозь, рвал шляпу с головы, запутывал юбку в ногах. Шляпу она держала другой рукой и отворачивалась, чтобы отдышаться. Мирон не заметил, что она отстала, и шаги его глухо шоркали, замирая вдали. Голос его рокотал невнятно и был странно незнакомый. Как смешно! идет человек и не замечает, что

отстает близкое ему существо, а продолжает говорить с ним, как ни в чем не бывало...

Ольга побрела по грязным мосткам в крутой загиб тоннеля. Тусклая лампочка приближалась к ней (это, должно быть, ее лампочка), стена уползала, бетонный тупик с отпечатками досок, как стена огромного чана, откатывался от нее в глубину. Лампочки вспыхивали одна за другой быстрее и чаще, и дыра суживалась и суживалась, как резина, и сворачивалась круче и быстрее.

— Это — последний оборот и — конец... — глухо говорил Мирон где-то совсем рядом.

Ольга ускорила шаг и внезапно очутилась рядом с Мироном и Наташей. А Мирон даже и не подумал оглянуться: он так и не догадался о том, что произошло с Ольгой...

Прямо, в центре широкого цилиндра, стоял, как алтарь, красный колокол, а вверх от него улетал серебряный вал, такой гнетущей толщины, что Ольге стало душно. Она подняла лицо, проводящая ввысь этот зеркальный ствол, и увидела где-то в недостижимой дали желтые кружева каркасов и перекрытий. Оттуда вместе с ветром врывался гул, звон, звяканье металла, невнятные крики толпы и какие-то ревы...

Мирон об'яснял что-то, показывал кожаной рукой и вверх, и в стороны, но Ольга ничего не понимала.

— Пожалуйста, Мирон... это — потом...

Наташа испугалась. Как она могла забыть об Оленьке?.. Можно ли было распускаться до такой степени — и именно сейчас?.. На какой же чорт она с ней ехала?..

— Мирон Васильевич! — с упреком позвала она. — Веди дальше... ты уж с нами считайся...

Мирон забеспокоился и подхватил Ольгу под руку.

— Ну, ну... виноват!.. Увлёкся немножко... И так, на монтаж?

Ольга вздохнула и засмеялась.

— Вот дорожку выбрал!.. Вся закончила от ветра.

Она высоводила руку и показала ему головой, чтобы он шел впереди.

Они поднялись по трапам и вышли в солнечный коридор, заваленный цементными отбросами, грязными щепками и всяким мусором. По стенам тянулись толстые провода, кабель и густое сплетение труб. Шли долго и молча. Мирон уже не решался пускаться в объяснения. Вышли опять на воздух к высоченной бетонной стене с выступающими подпорами. А вдоль стены здания на высоком цоколе длинным фронтом стояли серебристые цилиндры, увенчанные гляцевыми бутонами изоляторов. Около этих цилиндров, точно прислушиваясь к ним и обследуя их, возились кучки рабочих в синих комбинезонах.

Ольга сама удивлялась себе: никогда еще она так не слабела от волнения, как сейчас. Силится взять себя в руки, старалась подавить сердцебиение, но слабела еще больше. И эта длиннейшая крепостная стена, уходящая в небо, и эти серебристые цилиндры, и металлические фермы были зыбки, колыхались и помрачительно наваливались на нее. Мирон по сходам вбежал на цоколь, сказал что-то парню и помахал женщинам рукою. Ольга неустойчиво шла по наклону сходней. Поддерживая ее, Наташа злилась на Мирона: какой он толстокожий свинтус! знает, что женщина волнуется, и не догадывается помочь ей... Она почти несла ее, поднимаясь по доскам: сходни были жидки, и доски болтались под ногами.

— Ну, помоги же, Мирон!..

Но вместо Мирона к ним подбежал высокий парень и, застенчиво улыбаясь, подхватил Ольгу с другой стороны.

— Вы не бойтесь... идите смело... Мостки у нас, правда, как качели, но мы уже привыкли...

Ольга покачнулась и вскрикнула. Парень быстро подхватил ее и легко вынес на площадку. Он застенчиво улыбался и Ольге, и Наташе. Мирон виновато хмурился и искал глазами места, куда бы можно было посадить Ольгу.

«Неужели дожила до обмороков?..».

Не отрывая глаз от Вакира, Ольга улыбалась и плакала. Она молча взяла его руку, а он покорно и смущенно подчинился ей. Было неловко, странно, не-

ожиданно... Никогда с ним не случилось такого чувствительного казуса и никогда он не испытывал такого несуразного смятения в душе.

«Нет, не он!... — с отчаянием думала Ольга: — ни одной черты... Только глаза... и что-то другое... что?..».

— Чего вы волнуетесь? — с робкой лаской сказал Вакир. — Разве у нас так страшно?..

Она не ответила и, не выпуская его рук, смотрела на него сквозь слезы, нежно, горестно, изумленно...

Вакир не оттолкнул ее, не отшатнулся враждебно, и это удивило Мирона.

Так постояли они несколько секунд, как будто испуганные и ослепленные, не зная — броситься ли с криком счастья на шею друг другу, или разойтись. Вакир чувствовал, что эта женщина пришла сюда для того, чтобы увидеть его, что в нем она надеялась встретить родные черты сынишки. Это, должно быть, Ватагин встревожил ее, как тревожил и его, Вакира. А Тибра говорила, что он и к ней заходил перед отъездом и пытался узнать его имя.

Слезы Ольги жгли и обессиливали его. Мучительнее всего было то, что на него с удивлением смотрели и ребята, и Купер. А эта большеглазая девица с жадным любопытством вглядывается в него, как в диковинку. Ватагин же хмуро усмехался. Он уже не проявляет особого интереса к нему: сомнения его рассеялись. И очень хорошо. Но эта женщина плачет не потому, что увидела его (ведь встретились они в первый раз в жизни), а потому, что не пережила своего горя. Он просто напоминает ей сына, потому что он, Вакир, пережил за эти восемь лет то же, что и ее ребенок. И это лицо, эти слезы, этот ее порыв воскресили в нем былую жалость к матери, разбредили ту боль, которая мучила его годами. А мать мерещилась такой же — в слезах, в ожидании, в горестных думах... У него, Вакира, и у сынишки Ватагиной — одна судьба: оба они бедовали одинаково, как и тысячи других детей. Может быть, ее Кирилл погиб где-нибудь на базаре. как едва не погиб он, Вакир, а может быть, превратился в вора, в убийцу, — это неважно:

для Ольги он, Вакир, только живое воплощение ее Кирилла.

Он чувствовал, что не выдержит: слезы перехватывали горло, неудержимо хотелось обнять эту чужую мать, целовать ее и говорить ей ласковые слова, просить прощения и утешить ее...

У него дрогнули губы, и он, махнув рукою, быстро скрылся в нише, за серебряным аппаратом.

Ольга постояла немного, не вытирая слез, потом медленно пошла по сходням вниз. Наташа устремилась за нею, но Ольга испуганно попросила:

— Не мешай мне, Наташа...

Наташа поднялась обратно на площадку и справилась у Мирона, для чего ставят эти серебряные цилиндры и что это за сооружение такое. Мирон понял и пошел с нею по мосткам вдоль стены. Когда они возвратились и сошли вниз, Ольга сосредоточенно брела вдали по узкой площадке, вдоль подпорной стены аванкамеры.

Мирон смотрел ей вслед и чувствовал, что эта встреча порвала между ними последние нити: Ольга шла впереди, как чужая. Она, вероятно, плачет сейчас, ей мучительно больно. Мелькнул перед ней призрак и исчез. Она переживает всю свою жизнь, проклиная и себя, и его, Мирона. Одним своим появлением Вакир произнес тот приговор, о котором она говорила ему летом. И Мирон чувствовал, что она сейчас ненавидит его. И это вызывало и вражду, и сострадание к ней.

— Мирон Васильевич, — строго сказала Наташа, — я не могу тебя учить, но очень прошу: прояви к ней максимальную чуткость и деликатность...

— Просить меня об этом нечего... — угрюмо ответил Мирон: — Мне тоже больно... больно и обидно...

— А кто виноват, Мирон Васильевич?

— Не будем искать виноватых... — жестко предупредил ее Мирон: — Ты — не судья.

— Нет, — судья... — гневно возразила Наташа. — Судья!.. Как и этот неизвестный парень... И ты не можешь, не смеешь протестовать...

— Довольно об этом... — враждебно оборвал ее Мирон.

— Хорошо. Довольно... — так же враждебно ответила Наташа: — Я только теперь поняла тебя по-настоящему...

Она быстро пошла вперед, чтобы догнать Ольгу.

Когда подошли к машине, Ольга как будто казалась спокойной. Не обращаясь к Мирону, она холодно попросила:

— Отвези меня домой, пожалуйста...

— Да, да!... — с жаром поддержала ее Наташа: — Я тоже хочу домой... Сегодня — никуда до вечера...

— Как хотите... — кратко ответил Мирон, пожимая плечами. — Поезжайте. А я — на плотину...

Никогда еще эти трое близких людей не чувствовали себя так стесненно и неловко друг с другом. Ольга и Наташа сторонились Мирона, а он стоял боком к ним и смотрел вдаль, на тот берег. Насилюя себя, они молча простояли так несколько минут, как будто ожидали чего-то. И, как только шофер открыл дверцу машины, обе женщины быстро скрылись в кабине.

3

Свой отпуск Феня отложила до декабря. Последний подъем на плотине она считала своим личным делом: было бы чудовищно, если бы она устранилась от этого события. Поэтому она приняла от Татьяны прежние свои обязанности сменного прораба, а Татьяна назначена была на место Корытина. Теперь они встречались уже редко — в часы, когда дежурил третий прораб. Сегодня в ночь вступала в дежурство Феня и весь день не находила себе места от волнения. Дома сидеть не могла: ей нужно было видеть и чувствовать людей. Она сбегала на плотину, проверила сводки в конторе и понеслась в Дом общественных организаций. А там и шагнуть нельзя было: и в вестибюле, и в коридорах, и в зале заседаний пол и стены горели красными полотнами, и люди склонялись над ними с кисточками и жестяными банками в руках.

Дверь в приемную у Вася была открыта, но толпа комсомольцев и комсомолок туго забила и комнату, и проход, и коридор перед дверью.

Феня безнадежно махнула рукой и полетела к Паше. Она не видела ее уже несколько дней — соскучилась. Паша встречала ее всегда теплыми глазами матери.

— А, Фенюшка явилась... золото мое!..

О ее беременности Феня узнала уже в первые дни после приезда. Она поднималась по лестнице в горком, а сверху спускалась Паша, и вот в этот миг живот Паши откровенно бросился в глаза. Да и лицо ее было странно сосредоточенно, точно она прислушивалась к себе, а когда увидела Феню, улынулась утомленно и кротко.

— А-а, Фенюшка! Не ко мне ли, золото мое?..

... Это событие поразило Феню: Паша беременна!.. Паша, строгая, величавая Паша... Кто же муж ее, кто отец ее ребенка?.. И Фене было смешно и почему-то грустно. И когда она однажды встретила на плотине Мирона вместе с Пашей, она сразу решила, что это — он. Эта догадка очень взволновала ее, и она быстро скрылась за воротами щитов. С Мироном все время избегала встреч с глазу на глаз, а на собраниях садилась где-нибудь подальше, в гуще рядов. Она не выносила его и чувствовала себя несчастной, когда он был близко. До сих пор она, оказывается, не пережила еще той обиды и вражды к нему, которые так остро мучили ее в первые дни. Не поступил ли он так же и с Пашей, как с ней? У Паши сидела Агаша Репей и внимательно слушала ее, вся какая-то праздничная, сияющая, готовая вспорхнуть, как птица. Обе они радостно вспыхнули, когда вошла Феня, Агаша даже вскочила со стула и бросилась навстречу.

— Ведь ты, Феничка, сейчас у нас именинница!.. — горячо крикнула она. — Музыка будет, людей-то — тысячи, знамена, кино'емка... по радио передавать будут... Я очень даже за тебя радостная...

— Я за всех радостная... — ответила ей Феня и поцеловала ее в щеку, потом подбежала к Паше и тоже поцеловала. — Все мы одинаково именинники...

— Ну, вот еще! — недовольно засмеялась Паша: — За всех!.. Ты порадуйся, как Агаша, — попросту, сердечно...

— Извольте-с: радуюсь Агаше-мятежнице... Радуюсь, что вышла она сухая из воды...

— Ах, действительно, родненькая!.. Как меня тогда оконфузили!.. Ведь вставаньем почтили... После этого даже стыдно было на глаза появляться...

Агаша упивалась счастьем: она в эти минуты дышала одним воздухом с Пашей и с этой милой Феней. Жизнь такая интересная и люди такие родные и прекрасные!.. А тут — уйма всяких дел: нужно приготовить большой женский отряд на последний под'ем, выдвинуть оратора, плакаты вышить, жен инженеров собрать... Да и завтра на демонстрации отличиться... Ей не хотелось уходить, но Паша понудила ее взглядом.

— Бегу, бегу, Пашенька!.. — И уже от двери крикнула восторженно: — А какой у меня сын растет, Феничка!.. Обязательно полюбуйся...

И, приветственно взмахнув рукой, она быстро выпорхнула в дверь.

— Станный день сегодня... — раздумчиво сказала Паша. И суеты много, и работы у всех по горло, как всегда перед праздниками, а чувствуешь какую-то пустоту... Сколько было событий, Феня, за эти месяцы!.. Ты знаешь, что приехала жена Ватагина?

Фене показалось, что эта женщина чем-то встревожила Пашу.

— А разве она какая-нибудь важная птица?

Паша явно волновалась, и это удивляло Феню. Не хотелось думать о том, о чем она догадывалась, но сейчас уже была убеждена, что Паше страшно встретиться с Ольгой.

— Она — хорошая женщина... очень много страдала...

— Да, я знаю: у ней сын когда-то цропал. Мне Мирон рассказывал...

— И вот, Феня... родить ребенка — большая радость, но потерять его — ужасно. Мне как-то больно быть рядом с нею, когда я чувствую, что счастлива...

— Не понимаю, Паша. Не украла же ты у ней свое счастье. Я тоже вот счастлива, но счастье мое, это — я. Вот гляжу я, например, на нашу плотину, и мне хочется плакать: это — не просто бетон, а часть моей жизни. Кто может отнять у меня это счастье?

— Все это — верно, Феня, но иногда счастье так огромно, что оно начинает тревожить... и вызывает раздумье...

— Не понимаю, Паша...

— Верю. Ты, золото мое, еще многого не извела: ты еще не имеешь понятия об особом счастье женщины, которое для тебя еще в будущем...

— А что это за особое счастье?.. — лукаво снаивничала Феня, вглядываясь в лицо Паши. А Паша усмехнулась и покраснела.

— Ты не спрашивай, не допытывай... — ответила она словами песни и сделала сердитое лицо. — Твой нос еще не дорос...

— Скажи, Пашенька... Ну, пожалуйста: чем ты встревожена?..

— Я ничем не встревожена...

— Пашенька, я же чувствую и вижу. Если ты считаешь, что я не должна знать об этом, я умолкаю. Но тогда прячь умело свои тайны.

— Поедем сейчас к Ватагиной, — объявила Паша: — С ней приехала одна девушка... Познакомишься...

— Ни интереса, ни охоты у меня нет, Паша. Да и времени нет: я должна приготовиться к ответственному дежурству.

— Успеешь.

— Если я нужна тебе, — пожалуйста, ста.

Паша быстро встала, надела шляпу и взяла в руки сумочку.

4

Ольга с Наташей гуляли в садике, когда подъехала машина: должно быть, они ожидали Пашу. Наташа была в

белом свитере, а Ольга накинула на плечи пальто. Обе они быстро одна за другой пошли ей навстречу. И Ольга, и Паша очень смутились и покраснели. И та, и другая на мгновение столкнулись настороженными взглядами, испытывая друг друга, и обе заметили это и еще более смутились. Они пылко обнялись и поцеловались слишком долгим поцелуем.

Наташа и Феня познакомились сами и пристально переглядывались с улыбкой, изучая друг друга. Обе они чем-то были схожи, но Наташа была рослой и крупной, а Феня — маленькой и худенькой, как девочка.

— Малышка, а уже инженер... — засмеялась Наташа.

Феня тоже засмеялась.

— Да ведь я уже — старушка...

— Я вам очень завидую, Феня: вы успели уже построить такую машину и стать героиней. А я еще околачиваюсь в стенах института. Долго еще мне ждать таких подвигов, как у тебя.

Все пошли по дорожке сада, усыпанной желтыми и коричневыми листьями. Яблони и вишни стояли воздушно-прозрачные, в охупках голых ветвей с забытыми кое-где бурными листочками. Перед домом отцветали последние астры.

Феня успела взглянуть в Ольгу, и она ей понравилась своей девичьей живостью и печальными глазами.

Девушки свернули налево, а Ольга с Пашей — направо, вглубь сада. В конце аллеи, за забором, обвитым мертвыми космами хмеля, виднелась открытая веранда соседнего дома.

— Пусть погуляют, познакомятся... — ласково сказала Ольга, провожая девушек взглядом. — Наташа мне — как родная.

— Феня мне — тоже... У них есть общее в характере: эта живость и страстность... Сужу о Наташе с первого взгляда...

— Да, да. Это — верно. Ты — наблюдательная, Паша, и чуткая... Я с Наташей срослась: если бы не она, я не знаю, как бы я пережила свое горе. Она — как дочь мне, — может быть, больше, чем дочь.

Они сели на скамью между голыми яблонями с белыми стволами, чувствуя странное отчуждение. Точно они знакомились и подходили друг к другу заново.

— Как ты живешь, Паша?

— Много пережито, но в общем я — счастлива. Я не ждала тебя. Как это неожиданно и странно!..

— Почему же странно? Я, видишь ли, не к Миرونу приехала...

— Вижу... — усмехнулась Паша.

— С Мироном у нас чувства — врозь. Он не говорил тебе об этом?

«Испытывает... и как наивно!.. — подумала Паша и искоса взглянула на Ольгу. — Промолчать или сразу быть откровенной? Пусть знает. Он — отец моего ребенка, и я горжусь, что я — мать. Какие она может предъявить мне претензии?».

— Да, говорил. И я поняла тебя, Оля.

Сказала она с холодком в голосе, настороженно подняв голову. Они встретились взглядами и отвернулись. Паша увидела что-то похожее на испуг в глазах Ольги, а Ольге показалось, что Паша посмотрела на нее с насмешливым вызовом.

«Что за враждебность?.. — огорчилась Ольга. — В чем я виновата перед нею?».

— А он меня не понял... И, кажется, не способен понять... Эта его тупость и бездушие к Цезарю как-то ударили меня... Не изменился — весь прежний... И на Прихромова он произвел тяжелое впечатление...

— Что же тебя пригнало сюда, Оля?..

— А ты не догадываешься? — тихо и многозначительно спросила Ольга.

Паша вздрогнула и немного отодвинулась от нее. И опять пылливо и настороженно блеснула очками.

«Ну, начала бы сразу... чего канителить?.. — досадовала она, ожесточаясь: — Чувства — врозь, а сама изнывает от ревности...».

— Я, Паша, сегодня встретила с этим... ты знаешь его... с Вакиром...

«Ах, вот она о чем!.. — обрадовалась Паша. — Милая Ольга, она только и

живет тоской по сынишке... Как я скверно о ней думала!..».

— Ну, ну, расскажи, Оля... Они с Братцевой, как брат и сестра...

— Разве можно рассказать, Паша?.. За эти короткие минуты я страшно много пережила... Я впервые почувствовала, что он, этот Вакир, слит одной судьбой с моим мальчиком, и в этой его страшной судьбе я узнала Кирышу. А когда он увидел мои слезы, весь затрясся и убежал, точно я поразила его чем-то... Мне кажется, что он почувствовал во мне то, что его преследовало постоянно, — муки матери.

— А не создаешь ли ты себе, Оля, — не от ума ли это?..

Паша споткнулась на слове и зару-гала себя:

«Зачем я это говорю ей? Зачем вношу смуту?..».

— Нет, Паша, зачем же?.. Я чуть не упала: так меня это обожгло...

Паша задумчиво посмотрела вдаль, в лиловые холмы на горизонте, в небо, в тугие облака, как сугробы пены на реке, и почувствовала жалость к Ольге: ведь она ждет от нее дружеского участия, теплоты и сердечного отклика. Наташа, вероятно, не смогла понять этих ее душевных волнений, как не поняла сегодня Феня ее, пашиных, переживаний. Не поэтому ли Ольга так настойчиво просила ее приехать?

— Видишь ли, Оля... По-моему, родной ребенок только тогда — твой когда он растет около тебя неотрывно. У тебя же — призрак, воспоминание... Надо пережить то, что ты пережила, чтобы понять твои чувства. Сложные, ужасные, Ольга!.. И я понимаю: в каждом таком парнишке, как Вакир, тебе мерещится сын. Собственно, даже не тот сын, которого ты знала, а его совершенный образ... все самые трогательные его черты... Кто знает, может быть, твой настоящий сын, если бы он явился к тебе, оказался бы твоим врагом, и ты, может быть, возненавидела бы его...

Ольга с'ежилась и слушала Пашу со страхом и изумлением в глазах. Она даже подняла руку, как будто хотела защититься.

— Паша, зачем это ты?.. Я и не думала...

— Но ведь это — возможно?

— Ах, ничего нет невозможного... И я тем более была бы несчастна.., несчастна потому, что я — причина его гибели...

— Нет, это — не совсем так, Оля... Беспризорность — это общественное бедствие... Тут много причин... не только семейные неурядицы...

Ольга вздохнула и подняла на Пашу глаза, залитые слезами.

— Когда у тебя, Паша, будет ребенок, не предоставляй его самому себе. Пусть он постоянно чувствует тебя в каждом своем поступке, в каждой своей мысли... во всем...

Волна слабости прошла через сердце Паши, и она закрыла глаза. Никогда еще она не испытывала такой робости, как в этот миг перед Ольгой. Она не чувствовала ни вины перед нею, ни страха, ни стыда, но у ней духу не хватало ранить Ольгу своим неизбежным признанием. Печальные ее глаза, такие чистые и доверчивые, навсегда останутся в ее памяти, как укор обманутого друга. Но и тайны своей скрывать она не могла: ее совесть никогда не омрачалась ложью.

— Да, Ольга, — дрогнувшим голосом сказала она: — Да, у меня будет ребенок.

В глазах Ольги Паша уловила тревожный вопрос.

— Я счастлива, Ольга...

— А как же! ведь я сама испытала... Я тебе, Паша, завидую...

— Чего же завидовать?.. Ты — молодая...

— Нет, Паша...—вздохнула Ольга.— Пожалуй, не будет... И поздно, и нет сил...

— Но неужели у вас с Мироном...

Ольга вдруг резко оборвала ее:

— Оставь разговор о Мироне!

И с жестким спокойствием подчеркнула:

— Слишком далеко отошли мы друг от друга. И слишком больно встречаемся.

Опять замолчали отчужденно и тягостно. Обе смотрели на шелковистую

паутину, которая дрожала и колыхалась на ветвях яблони, опутывая их узлами и лохмами.

— Ты протелеграфируй мне, Паша, когда это будет... — мягко попросила Ольга и погладила ее руку. Этот ее сердечный голос и нежное прикосновение пальцев так взволновали Пашу, что она схватила ее руку и крепко пожала. Ей неудержимо хотелось обнять ее и заплакать.

— Разреши мне... назвать ее Олей...

Ольга засмеялась.

— Так ведь может родиться и мальчик?

— Я почему-то убеждена, что — девочка...

— Ну, я тоже была наивна, как ты... Если будет девочка, называй, — я порадуюсь. Знаешь... — Ольга вспыхнула и сконфузилась. — Знаешь, Паша... Не откажи мне в удовольствии... Я привезу тебе самые милые для меня вещички — рубашечки, пеленочки и все прочее... от Кирюшика...

Паша прижалась щекою к ее щеке и прошептала:

— Оля, я думала, что ты меня ненавидишь... и была несчастна...

Ольга погладила ее голову и вздохнула.

Вдруг глухо и строго спросила:

— Он — хороший отец?

— Ты сама знаешь, Оля... — И металась. — Но... поверь мне: он — отец, но не муж... Это — мой ребенок...

Ольга быстро оторвалась от Паши, и лицо ее мучительно окоченело. Она даже инстинктивно отодвинулась.

— Мне не в чем оправдываться, Оля... Выслушай меня...

Но Ольга молчала, застывшая от боли.

Паша опаматовалась: какой-то внутренний удар потряс ее, и она решительно поднялась со скамьи. Бледная и гордая, она взглянула на Ольгу твердо и смело:

— Я — мать, Ольга. Этим сказано все. Ты можешь меня ненавидеть... Но какой в этом смысл?.. Твоя ненависть будет бесплодна...

Ольга взяла ее руку и, сжимая ее, попросила:

— Не надо, Паша... Ни слова больше...

И опять замолкла, потом поднялась, глубоко вздохнула, приложила руку ко лбу и в отчаянии закинула голову.

— Зачем же он скрыл это?.. Зачем? И он смел в это время касаться меня!.. Это — страшно... Так может поступать только трус и лицемер!..

Паша с изумлением прислушивалась к ней и будто не верила, что Ольга так просто и мужественно приняла ее признание. Это слишком необычно и невероятно. И Паша растерялась. Эта женщина или обладает какой-то особой силой, или в ней дотла перегорела ее бывшая любовь к мужу. Да, она ненавидит, — но не ее, Пашу, а его, Мирона. Не она, Паша, а Мирон оскорбил ее до глубины души.

— Он смял меня... двоедушием смял...

— Нет, Ольга... он — не трус и не лицемер... Это — не то...

Ольга быстро пошла к дому. Потом остановилась, сосредоточенно подождала Пашу и требовательно сказала:

— Обязательно телеграфируй, Паша!.. Сейчас же приеду, дорогая...

Навстречу им рука в руку шли девушки, оживленно разговаривая и перебывая друг друга: за эти минуты они, очевидно, крепко сроднились...

IX

ПОСЛЕДНИЙ ПОДЪЕМ

1

Вакир работал в этот день отвратительно. Он хорошо видел, как исподтишка посматривали на него ребята: одни — хмуро, недовольно, другие — участливо. Славные ребяташки! Они помнили, как был страшен Вакир в те дни, когда один не побоялся выступить против хулиганов. Правда, около него сбились несколько комсомольцев, но он показался им тогда таким смелым и сильным, что у них сердце леденело от ожидания неизбежной расправы над ним.

Они знали, что он был когда-то правонарушителем и бродягой, что жил несколько лет в трудовой коммуне, и это

пробуждало острый интерес к нему и уважение. Это уважение росло каждый день, а особенно после того, как он стал так же доблестно бороться на электростанции за достоинство советских монтажников.

Странное появление женщины — жены Ватагина — совсем сбило их с панталыку. Ребята ничего не поняли, а когда Вакир с трясущейся челюстью бросился в угол, в свалку досок и всякого хлама, они совсем растерялись и бросили работу. Кто-то из них подошел к нему, но он махнул рукой и взглянул так, что тот сконфуженно повернул обратно.

Вакир возвращался с работы один. По дороге он сразу свернул в сторону, не сказав ребятам ни слова. Они переглядывались и тоже молчали.

А Вакир шел по пустырям вверх к поселку и сам не знал, куда он, собственно, идет. И когда очнулся на бульваре, понял, что шагает к Тибре. Зачем нужно ему идти к Тибре? О чем с ней говорить? Каждый раз, когда он приходил к ней, заставлял у нее Кряжича. Тибра встречала Вакира с неизменной улыбкой, похожей на вспышку, такой знакомой и родной с давних пор. Эта улыбка светилась в его душе, и его наполняло сладостное чувство неизъяснимой радости. Он сросся с Тиброй, ощущал ее каждую секунду — телесно ощущал, и от этого ее дыхания чувствовал себя сильным, готовым на все. И к Кряжичу не испытывал былой вражды: встречались они, как близкие люди.

Он уже свыкся с суровой мыслью, что Тибра для него — недостижима, как несбыточная мечта, что он может любить ее только в себе. Когда он почувствовал, что Татьяна и Кряжич поновому близки, и уловил в их глазах ослепительный трепет, он в первые мгновения был потрясен до отчаяния. И все же встретил взгляд Тибры твердо и мужественно. Она поняла его, и глаза ее наполнились слезами радости.

Да, зачем же все-таки он идет к ней? Рассказать о сегодняшней встрече с этой женщиной, в которой продолжает

жить его мать, или лишний раз пережить чужое счастье? Может быть, его гнал к Тибре неугасимый страх, что она уйдет от него и отдаст Кряжичу и ту ее любовь, на которую он, Вакир, имеет право?..

Нельзя быть на поводу у самолюбия, — надо жить гордо. Эти слова сорвались у него как-то неожиданно, когда он был у Емельяна, и они звучали в его мозгу постоянно.

Вакир остановился и медленно повернул обратно. Нет, шел не к Тибре. Зачем скрывать истину? Он шел к этой утренней женщине. Ведь он тогда же хотел броситься вслед за нею и сказать ей такие слова, которые не говорил никому, но горестно шептал во сне. Эти слова нежности и тоски звучали потом все тише и тише, а с годами онемели. Тибра заслонила родную тень, и слова эти он сердцем повторял только ей. Не думал он и не ждал, что воскреснет этот ушедший с детства образ. И вот так внезапно, так ошеломительно явился этот призрак... Как толиком он увидел ее бледное, дрожащее лицо и глаза, полные страха и надежды, которые смотрели только на него, сн, забыв себя, бросился к ней на помощь, когда она зашаталась на сходнях.

К Ватагину он уже привык; он достаточно узнал его и оценил, как человека, который может только действовать во имя великой цели и долга, не считаясь с собой, но, в сущности, простого и доброго. Он уже приспособился к нему и сам держался с ним запросто и даже немного фамильярно. А внимание к нему Мирона и что-то похожее на отцовское любовование хотя и было немного надоедливо, но забавляло и, пожалуй, льстило ему.

... Однако, где же он мог найти эту женщину? У Ватагина? Вот его квартира, знакомая с первого вечера. Но, судя по закрытой занавеске, она, кажется, пуста...

Вакир быстро прошел по дорожке к крыльцу. Входная дверь была заперта. Значит, ключ у Ватагина. А может быть, она вместе с ним где-нибудь на стройке?

Он опять вышел на улицу и нерешительно побрел обратно.

2

Ольгу увидел он нечаянно: шел мимо дома Чумалова и посмотрел в сад. От дома по дорожке шла к нему она — шла медленно, задумчиво, с печальной строгостью в лице. Они встретились взглядами и испугались.

— Вакир, ты? Иди, иди сюда!

Он подчинился ей и вошел в калитку, улыбаясь беспомощно.

— Как это кстати, Вакир, и как я рада!..

И она заговорила торопливо, с дрожью в лице.

— Понимаешь, Вакир, я шла... в надежде, что встречу... Думаю, у Братцевой он... Я с ней, правда, мало знакома, но отважилась... Пойдем сюда, вот по этой дорожке... Посидим немножко... покалякаем... Ты извини меня... Но если бы ты знал, что я переживаю. Пойми меня и не сердись... Мой мальчик — такой же, как ты... Жив он или нет, возвратится или нет, — я не знаю... Вероятно, если бы он так же, как ты сейчас, появился передо мною, он был бы такой же — незнакомый и родной...

«Почему она так дрожит?.. — думал Вакир, не замечая, что сам дрожит, не выпуская ее руки. — Что она хочет от меня? Может быть, и она, как Ватагин, хочет разгадать во мне сына?..».

И у него задергалась голова.

— Милый, и у тебя так же, как у Кирюши...

— Это у меня после того, как торговка уху отела... — угрюмо пояснил Вакир.

— Да, уху... я знаю... Какие ты пережил кошмары, Вакир!.. И вот я думаю, что я даже не имею права искать его... Он должен меня ненавидеть... Это я обрекла его. Ты был по необходимости жесток к своей матери...

— Нет!.. — глухо сказал Вакир. — Я поступил подло... Теперь я иначе чувствую мать... Я дорого бы дал, чтобы воскресить ее...

Глаза Ольги заливались слезами.

Они шли, касаясь плечами друг друга. Вакир как будто обжигался от прикосновений, а она хотела чувствовать в этом коренастом парне родное тело Кирюшика: ведь и он такой же взрослый и такой же, вероятно, здоровый и сильный.

— Если бы так думал и он, мой сын, он уже возвратился бы.

Вакир помолчал, подумал и опять дернул головой. Чтобы прекратить эту судорогу, он приложил пальцы ко лбу. Рядом с Ольгой он чувствовал себя почему-то неловко. Он никогда бы не поверил, что ему придется вести такой тонкий и чувствительный разговор с женщиной, которую он совсем не знает. Вспомнил свою мстительную злобу к матери, мальчишечью обиду на нее и с ужасом представил, как она мучилась и плакала. Может быть, она и умерла-то от тоски по нем и в могилу унесла свою неутолимую скорбь. Эта женщина несет свое наказание покорно, но она еще не надорвалась, а та не вынесла мук и погибла. И Вакиру нестерпимо хотелось сказать Ольге что-то значительное, незабываемое, что ослепило бы ее и наполнило радостью.

— Я не знаю вашего имени... но — это неважно... Если ваш сын не так еще думает, как я, он недостоин вас... Я пережил не меньше его: я прошел, кажется, все мытарства...

— Да, я знаю, Вакир... Но не забудь, что и мы, матери, переживали вместе с вами... Надо немножко догадаться и о наших страданиях...

— А почему вы думаете, что мы не догадывались? Представьте, что сын ваш погиб где-нибудь на пути к вам...

— Вакир!.. — Ольга остановилась, убитая его словами. — Вакир, дорогой мой, не надо!.. не говори этого!.. Что может быть ужаснее того, что ты предполагаешь?..

Бледная, с ужасом в глазах, она схватилась за его плечо и готова была упасть.

— Конечно, это — пустое предположение. Давайте сядем. Вот здесь. Ведь я о чем говорю? У каждого из нас есть границы. Зашел за эту грань и — погиб. Я могу говорить и от имени ва-

шего сына. Мне очень дорого стоило свернуть в другую сторону. Если бы не Тибра — это я Братцеву так зову — и не дядя Шастик, я, вероятно, сделался бы профессиональным бандитом.

— Да, я знаю Шастика... Удивительный человек!..

— Откуда вы его знаете? — вскрикнул радостно Вакир и даже вскочил со скамьи.

— Я в коммуне у него была...

— Ну, так вот, разве он, дядя Шастик, не ближе и не роднее отца, которого я боялся и ненавидел? Я очень много думал и тоже проливал много слез. И я пришел к мысли, что не по крови люди любят друг друга, не по родству они — родные и близкие, а по душе, по сердечной связи. Спасти человека и создать его — это самое трудное дело. Я это пережил и узнал на собственной шкуре. И с Шастиком, и с Тиброй я слит на всю жизнь и готов за них душу отдать... А отца по-прежнему отвергаю: он — чужой мне... личный враг...

— Да, это — страшно, Вакир... А мать?.. — И она с упреком и надеждой глядела в его глаза, похолодевшие от воспоминаний об отце.

— Мать — не то, что — отец... Мать — все-таки мать при всяких условиях...

Ольга благодарно улыбнулась ему и вздохнула.

— Я тоже была такая, Вакир... может быть, даже хуже... Прошлого не воротись... И мои бывшие ошибки и преступления я искупила... как искупила и твоя мать... Наше наказание слишком ужасно... И я, Вакир, чувствую тебя всей душой... Ты мне так же дорог, как родной сын... Он умер в прошлом и, может быть, не воскреснет. Но ты для меня сейчас — это он.

Вакир не успел опомниться, как Ольга взяла его руку, поднесла к своему лицу и стала целовать. Он увидел ее глаза, залитые слезами счастья и нежности, и рванулсЯ со скамьи. У него оборвалось дыхание, и он, потрясенный, не знал, что делать с собою. Вырвав свою руку, он сразу почувствовал, что нанес ей острую боль. Она смотрела на

него робко и покорно. И кажется, что, если бы он оскорбил ее, наговорил ей грубостей, она перенесла бы это, как заслуженную кару. И это ее покорное молчание поразило его и схватило за душу больше всего. С искаженным лицом он бросился к ней, схватил ее руки и впился в них губами.

— Родной мой!.. Мальчик мой!..

3

Вечером к Ольге заехал Викентий Михайлович. Бодрый, веселый, он показался ей моложе, чем в Москве. Даже обычной суровости не было в лице. Он увидел Ольгу в открытую дверь и крикнул ласково-сварливым баском:

— Что же это такое, Ольга?.. Приехать внезапно, ночью, тайком, спрятаться в этой берлоге и — ни слова привета!..

Она радостно вышла к нему навстречу.

— Викентий Михайлович! дорогой!.. Не ругайте меня... Я думала о вас все время...

— Думали... Не вижу, что думали... Забилась в эту дыру и глаз не показываете... А вот я думаю, как бы вас наказать посвирелее...

Балеев улыбался, но густые усы и борода, щетинистые волосы и недобрый нос были попрежнему неприветливы. Он смотрел на нее с пристальным лукавством, точно хотел сам удостовериться, что происходит у ней в душе. Настойчиво и уверенно он взял ее руки, поцеловал их, пожал и сердечно встряхнул. Она растерялась от непривычки к таким нежностям.

— Как я рада, что вижу вас, Викентий Михайлович!.. Я звонила вам и на квартиру, и в управление, но вы были на работах...

Они прошли к ней в комнату, и Ольга показалось, что он здесь стал еще выше и крупнее. Около него Ольга чувствовала себя маленькой и хрупкой. Он окинул взглядом комнату и нахмурился.

— Дурной номер гостиницы... Скверно! Вас нужно было, дорогая женщина, принять, как знатную гостью, а вы нас позорно подвели...

— Мне очень хорошо, Викентий Михайлович, право же!.. Мы здесь — с Наташей... хорошей девчухой, почти моей дочкой...

— Ну, хорошо. Говорите, надолго ли приехали? Помните, вы — в почетном плену, и я должен этот ваш плен отпраздновать.

Ольга сокрушенно вздохнула.

— Завтра утром удираю, Викентий Михайлович.

— Ну, это, положим, ерунда. Праздники вы должны провести у нас.

— Не выйдет, Викентий Михайлович. Никак невозможно. У меня же — фабрика. Я и так улизнула сюда украдкой. А вы знаете, что я обязана каждый день входить во все мелочи...

Викентий Михайлович помрачнел и сердито зашевелил бровями. Он сел и затеребил усы и бородку.

— Я удручен. Вы опрокинули все мои планы. Завтра я хотел устроить пир горой.

Ольга села против него на стул и в волнении поправляла волосы, блузку на груди и, не отрываясь, смотрела на него с теплой улыбкой.

— Я ведь примчалась сюда по личным делам, Викентий Михайлович.

— Знаю. Лишняя душевная неурядица. Зачем это нужно? В каком вы состоянии уедете обратно?

— В самом чудесном, Викентий Михайлович.

Она заликовала и сорвалась со стула. Балеев озадаченно насторожился и последил за нею взглядом.

— Хм... Для чудесного исцеления необходимо наличие чуда...

— Вот именно. Чудо, Викентий Михайлович. Я нашла... Может быть, я нашла больше, чем сына...

— Это — действительно чудо...

— И я почувствовала всем существом, что мой ребенок, умерший вместе с прошлым, может воскреснуть... в другом, не мной рожденном... Вы понимаете? Одна судьба, один путь, одни испытания... Он и говорил теми же словами, какими бы говорил и тот...

Викентий Михайлович потирал лоб, брови, щеки и хватался за усы, недо-

верчиво поглядывая на Ольгу исподлобья.

— Если это — так, если это — не самообман, я желал бы одного, чтобы ваша радость никогда не угасала. Пусть это будет не от ума, а — от сердца.

Она неожиданно подошла к нему и погладила его голову, а он, встревоженный, в волнении пожал ее руку.

— Анечку я посещала, Викентий Михайлович, через день. Вот и в ней ощутила я тоже... Пусть я все это создаю... пусть!.. Но, Викентий Михайлович, мы ведь обязаны прежде всего в своих детях создать самое прекрасное... Мы не умели этого делать, бросали их... предоставляли их самим себе и улице... Помимо нас являлись люди, вроде Шасгика, собирали их по трущобам и тюрьмам и создавали Вакира, Братцеву и им подобных...

Она спохватилась и засмеялась с слезами в глазах.

— Рассуждаешь вот, Викентий Михайлович, а ведь рассуждаешь-то по нужде... Нельзя не рассуждать, когда подводишь итоги своей жизни... Ну, так вот Анечка... Она постоянно говорила о вас... о матери реже вспоминала... В ее жизни вы, вероятно, тоже чудо...

Викентий Михайлович растрогался.

— Она мне пишет каждую шестидневку. Станные, волнующие письма: и ребенок, и мудрец.

Ольга с живым интересом устремилась к нему.

— Детей-то у вас не было, Викентий Михайлович? Вы извините...

— Жалею, что не было. А насчет Анечки вы — правы. Неизвестно, что за человек была бы у меня, скажем, дочь. Чужой ребенок бывает часто милее, чем свой. Но, кажется, время и строй нашей жизни доказывают, что частная собственность на детей — институт устаревший. Воспитание — вещь сложная и трудная. Мы делали из детей существа по образу своему и подобию. А это часто приводило к трагедиям. Теперь стоит вопрос иначе: родителям остается только одно — гордиться, что они дали обществу нового чело-

века, а общество должно сделать из него борца и мыслителя...

Ольга слушала Балеева и горячо соглашалась с ним, кивая головой. Когда он встал, чтобы уйти, Ольга умоляюще поглядела ему в глаза.

— У меня к вам просьба, Викентий Михайлович: не забывайте о Вакире...

Он взял ее руку.

— Думаю, что мы с ним сойдемся.

— И меня не забывайте, Викентий Михайлович.

Балеев задержал ее руку в своей и улыбаясь, ответил с притворной строгостью:

— Буду в Москве, в первую голову — к вам... Не так, как вы...

4

Ночью на плотине был устроен митинг. Проекторы обливали светом толпы людей, зажигали красным пламенем знамена, транспаранты, флажки на парапетах и ослепительно вспыхивали на медных трубах оркестра. В этом ярчайшем голубом свете фигуры людей четко рисовались в общем кипении, а лица ораторов узнавались издали. Играла музыка. Площадка с бадьей, увитой цветами, стояла на эстакаде.

Миرون подводил итоги, вспоминая о борьбе, о жертвах, о победах, говорил о прекрасном будущем, о счастье, которое создается каждый день каждым из этих людей... Он называл имена ударников и отмечал их героические дела. Много было имен — от Кряжича и Шепеля до Вакира и Кати. Вспомнил о том, как замерло строительство весной и летом и как рабочие и инженеры совершили чудеса за эти месяцы. Отметил, как выросли люди за это время, как хорошо работала молодежь и наша пролетарская интеллигенция. Упомянул о врагах, которые делали все, чтобы сорвать наш труд и погасить наш дух. Но они жестоко поплатились. Он поздравил всех с победой и призвал к дальнейшей, еще более напряженной борьбе.

Он видел Ольгу, которая стояла вместе с Наташей и Викентием Михайловичем. Феня не смотрела на него, а

когда нечаянно встречала его взгляд, морщила брови и отворачивалась.

«Какая злопамятная!» — думал он, усмехаясь.

Ольга оживленно разговаривала с Балеевым и Наташей, и Мирон знал, что она никогда уж не улыбнется ему с теплым ожиданием и не скажет задушевных слов. В Москве он еще мог бороться с нею и защищаться от ее горьких обличений. Но сейчас ему нечего противопоставить ей: Цезарь обезоружил его безжалостно.

Вспомнилось орлиное лицо Серго, его горячие глаза, проникновенная улыбка и задушевный голос: «Буржуазия погасила священные огни, а мы их зажгли...».

И как убежденно и гневно сказал он: «Революционер не может быть плохим отцом».

Да, он, Мирон, был революционером, бойцом, но ребенок отверг его. Ольга заплатила своими муками не только за свои, но и за его ошибки. Она ужаснулась, но было уже поздно. У Прихромова она в отчаянии решила, что он умер для нее навсегда...

Что ж, умен не тот, кто не делает ошибок, а тот, кто умеет во-время исправлять их. Он увидел ошибки других, а к своим был слеп. Чтобы иметь право судить, надо обладать мужеством беспощадно относиться к себе. Если смотрят на тебя осуждающие глаза, ты еще не знаешь, что такое счастье.

Викентия Михайловича встретили рукоплесканиями. Он поднял руку и крикнул своим по-рабочему грубоватым голосом:

— Мы дрались не только за плотину, но и за жизнь, за человеческое достоинство. Мне или Кряжичу труднее всех досталось в этой борьбе, но и счастье наше острее. И теперь, несмотря ни на какие крошечные силы, уже не отдерешь нас с вами друг от друга... никогда!..

Это был крик торжества и исповедь друга. Он заключил призывно: этот подъем — только прилив новой волны; мы завоевали невиданные высоты, а впе-

реди — еще более высокие хлебты. Не останавливаясь, мы пойдем дальше с новой энергией...

5

Катя весь день не находила себе места. В Доме общественных организаций она узнала, что ночью на митинге будет произведен розыгрыш мест в блоке для приема последней бадьи. Только несколько счастливиц из передовых бригад удостоятся чести уложить эту историческую последнюю порцию бетона. И это известие ошеломило ее. До этого она была уверена, что обязательно примет бадью, утопая в ее цветах: об этом узнают миллионы людей, и сам Серго улыбнется, когда прочтет ее имя: ведь она это счастье заработала, этого счастья никто не мог у нее отнять. И вот неожиданно перед нею безжалостно закрылась дверь, и эта дверь откроется перед тем, кто вынет счастливый билет. Девчата измучили ее своим беспокойством — вздохами и недовольным бурчанием. Только Валечка Анохина стрекотала и вертелась, как сорока. Катя упала духом уже вечером, когда Глашатка вдруг в страхе пролепетала:

— А если все-таки... если мы окажемся за бортом?..

Катя спровадила подруг по домам и строго приказала им явиться на митинг минута в минуту.

Ночью она стояла вместе с своей бригадой в толпе бетонщиков и ужасалась: разве можно надеяться на счастье, когда тут яблоку негде упасть? Каждый из этой толпы имеет такое же право спуститься в блок, как и она. Кто из них будет счастливецем, этого не знает никто...

Подошла Паша и, с обычной строптивой лаской, отвела ее в сторону.

— Мне прямо стыдно глядеть на тебя, Катерина: ты владеть собой не умеешь... Что это такое?

— Откуда ты взяла, Паша?.. Я очень спокойная. Но пойми: ведь я же мечтала об этом... Я, может быть, больше других имею право...

— Вот как!.. А я и не знала, что у

тебя — особые привилегии... Растолкуй мне, пожалуйста...

— Толковать не о чем: ты знаешь сама... — озлилась Катя.

— Я одно знаю, Катерина, что ты очень зачванилась. Задираешь нос и якаешь... Видеть не могу!..

— Ты меня, Паша, не туркай... Я сама знаю, какая мне цена...

Паша насмешливо сверкнула очками, отвернулась и утонула в толпе.

Пожилой бетонщик, в праздничном костюме, чисто побритый, в насупленной кепке, все время шурился на Катю и усмехался. Он подмигнул ей и пискливо пропел:

— Для своей красоты — ленты да цветы... Так, что ли?.. А дружье дело свинья с'ела... а?

И засмеялся.

Этот смех обжег ее, как кнут. Ей показалось, что все эти и молодые, и пожилые бетонщики смотрят на нее с презрением и радуются ее унижению. А когда она увидела поодаль отца, который посасывал трубочку и с улыбочкой поглядывал на нее из-под козырька старой кепки, ей стало тошно. Он не подошел к ней, а как будто ждал, как она выдержит это испытание. Ей хотелось и броситься к нему, как бывало в детстве, когда ее обижали, и скрыться, чтоб не видел он, как ей больно...

Розыгрыш начался. Около урны стояли Мирон, Васяй и Паша, а перед ними вдруг очутился Алешка Осокин. Ему было поручено вынимать билеты и передавать их Мирону. Васяй в пальто нараспашку, без картуза, стал вызывать по фамилиям бригадиров. Алешка в белом свитере и тоже без картуза встречал подходящего сердитым взглядом и решительно опускал руку в урну. Передавал он Мирону бумажку с незаметным видом, сдвигая брови. И, когда Мирон объявлял пустой билет, Алешка небрежно отстранял рукою неудачника; перед счастливицом вытягивался с серьезным видом.

Ольга искала Вакира в этих толпах, окутанных красными знаменами, но его нигде не было. Наташа оживленно разговаривала с Балеевым о постройках в

соцгороде, о будущих архитектурных работах.

Феня, очень взволнованная, но уверенная, стояла у опалубки и взмахами рук требовала очистить место у блока. Время от времени она подзывала таке-лажника и отдавала ему какие-то распоряжения; он подбегал к кабинке красна, вскакивая на подножку; высовывался машинист, и они о чем-то переговаривались.

Ольга закрывала глаза, когда встречала далекий взгляд Мирона. Ей хотелось уйти отсюда, чтобы больше не видеть его и не тревожиться ожиданием встречи с ним. Он казался ей до отращения неискренним, и она страдала от его голоса, от кожного пальто и картуза.

«Какая напускная важность!..» — думала она враждебно.

Подошла Паша и пожаловалась:

— Катюша нервничает: хочется быть в блоке... Если вынет пустой билет, — боюсь, разрыдается...

И сразу же требовательно заявила:

— После под'ема — ко мне, Ольга... Вы поддержите меня, Наташа...

И, не ожидая ответа, опять отошла на свое место к урне.

— Нет, нет!.. — забеспокоилась Ольга: — Я никуда не поеду...

— Конечно, нет, Оля... — горячо согласилась Наташа. — Я сама устала до последней возможности...

Почему нет Вакира? Может быть, он здесь, но затерялся в толпах? Нет и Братцевой. Надо обязательно с ней увидиться. Вспомнила, как она ездила по трудовым коммунам и искала родное лицо. Все эти юноши вызывали острую боль. Их много было, этих лиц, и они сливались в одно лицо... Нужно пережить многолетнюю скорбь и тоску по угасшему ребенку, чтобы почувствовать в глазах каждого из этих детей глаза родного сына. Но ни с кем она так не делилась своей болью, как с Вакиром, и ни в ком не находила такого душевного отклика. Он охотно рассказывал, как и когда ушел из дому, как потом приезжал в Москву, чтобы встретить мать, и Ольга поразилась до испуга: он исчез в один год и, может быть,

в один день с Кирюшиком — в тот памятный разлив Москвы-реки. Был миг, когда она ждала, что он внезапно скажет: это — я, Кирилл Ватагин... Ты не узнала меня потому, что забыла мое лицо, потому что лицо мое — не то лицо, которое ты знала в ранние годы...

А он только ожесточенно проговорил: — Кто бы я ни был — Вакир или Вадим Кирпичов, — никому от этого ни жарко, ни холодно... Вадим-то сгинул, а Вакир человеком стал...

Ольга никакого Кирпичова в Москве не встречала и такой фамилии не помнила.

— Я с вами, как с матерью, говорю. И мне хорошо, что вам открываюсь

... Васяй вызвал Катю Бычкову. Она бросилась бегом к урне с надеждой и ужасом в широко открытых глазах. В коротеньком сером пальтишке, в синем беретике, она с готовностью повернулась к Алешке и встретила его задорный нос и насмешливые глаза.

— Подтянись, товарищ Бычкова!..

И, как будто желая помучить ее, долго и старательно перемешивал в урне билетки. Катя стояла бледная, в неподвижном ожидании. Видно было, что ей очень трудно и страшно, что ливень глаз сечет ее нестерпимо, и она изнемогает от усилий держаться твердо и мужественно. Она не стерпела и, чуть-чуть вскинув голову, вздохнула.

Алешка передал маленькую трубочку в руки Мирону и вытянулся на своем посту с бесстрашием исполнителя закона.

Мирон развернул бумажку и взглянул на Катюшу, но она даже не повернулась к нему, только чутко прислушивалась к его рукам. Он молчал несколько секунд, и Катя поняла, что счастье прошло мимо нее. Она опустила веки, оглушенная молчанием. Вероятно, для того, чтобы ободрить ее, Ватагин громко сказал:

— Мы все ценим твои заслуги, Катя. Ты умеешь бороться и побеждать...

Но Катя повернулась и перебила его:

— Да ты прямо скажи, Мирон Васильевич: пусто?

Мирон показал ей пустой билет. А Васяй весело крикнул ей:

— Не робей, Катеринка!..

Мельком увидела она пристальные, ожидающие глаза Паши, испуганное лицо Фени и вызывающе лукавый взгляд Алешки. Эти массы людей тоже следят за каждым ее движением и ловят ее глаза. Она отшагнула от урны и звонко крикнула:

— Товарищи, мне, конечно, очень горько... Мы ведь мечтали... Но мы, девчата, дело свое сделали и имеем право гордиться...

Викентий Михайлович быстро подошел к ней и пожал ей руку.

— Вы — сильная девушка, Катя. Спасибо.

Разразились овации, заиграла музыка, и Катя вдруг почувствовала себя легко и свободно. Ее подхватила Паша и зацеловала в лицо.

— Катька моя!.. Да ведь я же знала, золото...

Ольга взволнованно прижимала к себе руку Наташи.

— Какая хорошая девушка!.. Викентий Михайлович, дорогой, как это замечательно!.. Ведь это то, что дорого в наших детях... самое лучшее... самое родное.

У Викентия Михайловича дрогнули брови.

— Я вижу, что вы не напрасно сюда приехали...

Феня прерывающимся голосом отдавала приказания. Кран пронес стрелу над головами толпы. Грянул оркестр, все обнажили головы. Стрела величаво и плавно проплыла обратно с бадьей в цветах и, пульсируя, застыла над блоком.

Конь

ПАВЕЛ КУСТОВ

★

Потряси глянцевитой гривой,
У ворот терпеливо постой.
Больно вид у тебя игривый,
Полукровный приятель мой!
Пыль столбом у конюшни взбита —
Я по шуму уже узнаю
Молодые твои копыта
И крутую повадку твою.
Ишь, как гневно ты морщишь губы,
Шею выгнул, и хвост — как дым.
Даже девкам протопать любо
Перед серым красавцем таким.
Ты потрешься холкой упругой
Да о землю ударишь ногой —
И летят, обгоняя друг друга,
Старики за овсом и водой.
Мы за каждый твой холеный волос
Всей бригадой ночами дрожим.
Мы на твой беспокойный голос,
Где бы ни были, прибежим...
Знойный ветер шумит в телефоне,
Тупо звякнула пуля стрелка.
И несутся колхозные кони
Под вишневое знамя полка.
На тревожный дымок у границы
Ты, скосив фиолетовый глаз,
Упорхнешь, как залетная птица,
Холодком обдавая нас.
По раздольям степным испытан,
С ветром спорящий на бегу, —
Пронеси же сквозь первые битвы
Нашу ярость и злобу к врагу.
Чтобы пуля его прошила,
Чтобы сабля впилась, звеня.
Чтоб спасибо сказал Ворошилов
За такого лихого коня!

★

Рассказы

ИЛЬЯ ЭРЕНБУРГ

★

ЯНЕК

Хозяин дал листок:
— Заполните.

«Откуда приехал?..». В гостинице было темно и прохладно. Зной едва просачивался сквозь щели ставен. Толстуха резала баклажаны. Хозяин сидел в качалке; на нижней губе подрагивал потухший окурок. Старая собачонка глядела на него с восторгом и отчаяньем.

Янек вспомнил тюремный коридор, луч на стене, прыщавую морду надзирателя. Поковыряв пером в вязких чернилах, он вписал: «Из Лодзи».

— Песик у вас старый.

— Нет. Он только рано поседел. Чересчур чувствительная натура: стоит зайти сюда другой собаке, как он стареет. Но вы поглядели бы, как он бегаёт за сучками. Я вам говорю, что он утрет нос молодым.

Хозяин смеялся. Смеялся и Янек. Вот еще графа: «Возраст». Старый? Какой вздор! Янек проставил «46» и почему-то сказал:

— Скоро ко мне приедет жена.

Так поселился в этом городе еще один иностранец, а город был шумным, жарким и глупым: люди жили, чтобы жить. (Янек забыл, что это бывает.) В кадках блестели черные маслины. Узкие улицы пахли розами, анисовой настойкой, потом, чесноком. За столиками под пятнистыми чинарами сидели ленивцы. Вдруг один, оживая, вскакивал:

— Проклятые мухи! А ты знаешь, сколько такая муха может наплодить за лето? Не знаешь? Сейчас я тебе скажу: два триллиона.

Утомившись, он снова погружался в полусон, сосал фисташковое мороженое; а солнце прорывалось сквозь черную завесу чинар.

После полудня время останавливалось. По вымершей улице полз старенький трамвай, пустой, совсем пустой: кому охота в жару ездить? Потом засыпал и трамвай; вожатый в тени нежно похрапывал.

Ночью город долго не мог уснуть: горланили, целовались в подворотнях, пили лимонад, ворочались на сырых простынях. Янек как-то подслушал — говорила девчонка, лет десяти, черноглазая и смешливая:

— Мама, почему ты ночью кричала?

Толстая женщина с челкой на потном лбу всплеснула руками:

— Глупая! Отчего женщины ночью кричат? Никто их не режет.

Она сунула девочке персик, и та облилась горячим соком.

За городом были виноградники; грозди лиловели на нестерпимом солнце. Трещали ветки, изнемогая под тяжелыми сливами. Кладбище пахло мятой, и старик, оплакивая старуху, сосал бутылку с красным вином, а потом засыпал под кипарисами.

Иногда Янек просыпался среди ночи: это кричит Мотя! Когда Мотю вели к виселице, он кричал. Слов нельзя было разобрать, но никогда Янек не забудет этого крика. Он оглядывал пустую комнату, вытирал мокрое лицо и снова нырял в сон, как в большой черный водоем. Рано утром его будил рожок: пастух под окнами доил коз. Козы были бородатыми и мудрыми, они не боялись автомобилей, не бодались. Янек весело посмеивался.

Он получил работу: он сидел в студии «Идеал» у кривого Марти и ретушировал фотографии. Марти знал слабости заказчиков. Он говорил Янеку:

— Ты срежь у нее подбородок, чтобы шея вышла потоньше. А Лавиню надо сделать глаза с точкой: Лавинь надумал жениться.

Янек неплохо зарабатывал, ел мороженое и тонкой кисточкой прихорашивал жизнь. А Марти кричал из лаборатории:

— Это хорошо, что к тебе приедет жена. Дай мне кассеты.

Ночью Марти говорил жене:

— Это хорошо, что она приедет.

— Конечно, хорошо. Молодой мужчина...

Янек был высоким: он не мог выпрямиться в лаборатории. На обветренном лице блестели круглые зеленые глаза.

Пришла зима, теплая и непонятная. Ленивцы ели мороженое, как будто на свете нет календаря. Вечером в каминах трещали еловые шишки.

Юля приехала в апреле. Это был первый жаркий вечер. Они ужинали, торопясь, в маленьком ресторане напротив вокзала, среди носильщиков и шоферов. На столе стояла миска с душистой земляникой. Вдруг Янек рассмеялся:

— Куда ты торопишься? Ведь больше не нужно ехать.

— А ты?

Когда Юля смеялась, она казалась девочкой; у нее был припухший рот, горький и лукавый.

Они быстро шли за город. На пустырях сидели семьи. В темноте не было видно лиц; передвигались тени. Они

подошли к развалинам башни. Плющ вгрызлся в камень. Туча, еще пропитанная закатом, была темнофиолетовой. Он не вытерпел, шепнул «Юля» и поцеловал ее в губы.

— Юля, неужели так может быть?..

— Молчи. Что это за башня?

— Не знаю.

— А я думала, ты здесь все уже знаешь. Сейчас пойдет дождь.

— Да. Идем домой.

У них теперь был дом, и они не должны были прислушиваться к шагам на лестнице. Разбудила их первая гроза. Оба кинулись к окну. Они глотали мокрый рассвет и, стоя у окна, все еще целовались.

Никогда прежде они не знали покоя. Янек уезжал; они встречались у товарищей. Он менял имена, комнаты, отпускал бороду, потом ее брил — менялось даже лицо. Она знала: так надо. Про себя она иногда плакала смутными слезами тридцатипятилетней женщины: ей хотелось счастья. Он приходил внезапно, большой, громкий: всегда торопился. Потом его взяли.

Утром Юля проснулась первой, стала тихонько хозяйничать, смолочила кофе, вскипятила молоко.

— Юля! Да ведь, честное слово, это Юля!

— погоди!.. Я тебе сейчас дам кофе.

— Ты знаешь, почему я заспался? Нет пастуха с козами. У коз теперь козлята.

Юля засмеялась.

— Газету тебе приносят или пойти за ней?

(Она помнила, что утром он прежде всего берет газету.)

Янек грустно покачал головой:

— Не знаю, как тебе это объяснить...

Я очень устал.

За окном шел теплый дождик.

В тот день Янек особенно усердно всех прихорашивал: и перезрелых невест, и толстяков, и детей-замухрышек. А Марти ворочал глазом:

— Значит, все-таки приехала? Это хорошо, это очень хорошо, что она приехала.

Наступило счастье, такое большое, что Янек и Юля часто молчали, стесненные.

— Я никогда не думал, что ты такая красивая.

— Это потому, что ты меня целуешь.

— Мне обидно, что другие тебя не видят такой.

— А ты хотел бы?..

— Я сам не знаю, что говорю. Мне хорошо, Юля. А тебе?

— Я сейчас не могу говорить.

Они не разговаривали о прошлом, не упоминали имени родного города. Только раз Юля спросила:

— Янек, они тебя били?

Они шли по тихой, тенистой улице. Женщины в соломенных креслах спиной к прохожим вязали. На них были черные платья, черные платки. Юля боялась взглянуть на Янека. Он остановился и тихо ответил:

— Но я молчал.

Он взял на руки крохотного котенка. Подбежала кошка, тоскливо мяукнула; а котенок играл с галстуком Янека.

В мае в городе был бой быков; из Испании приехали три торреро. Первого быка убили слишком быстро, и зрители, возмущенные, свистели. Потом арену посыпали свежим песком. Второй бык не хотел выходить из загона, как будто он понимал, что позади — трава и сон, а впереди только — смерть. Юля сказала:

— Как корова... У нас когда-то была корова «Жозка»; она меня знала, ходила вслед...

Бык, разъярившись от маленьких стрел, пересек арену. Торреро во-время отскочил. Бык, изумленный, искал обидчика. Он терял голову от шума, света. Кровь на его спине блестела, как масляная краска.

— Противно.

— Хочешь, уйдем?

— Нет. Знаешь, в чем дело? Бык бежит прямо, а надо изворачиваться. Видишь?

Снова сыпали песок. Они вышли. Янек бормотал:

— Круг. А уйти он не может...

Однажды за утренним кофе Юля сказала:

— Тошнит...

Она была бледная, под глазами — круги. Янек не сразу догадался, а ког-

да понял, улыбнулся неуклюжей, чересчур широкой улыбкой и потом весь день повторял: «Вот и чудесно!».

Ночью Юля сказала:

— Никогда мне не было так спокойно.

Она стала рассеянной, часто переспрашивала Янека:

— Что ты сказал?

— Ничего. Юля, о чем ты все время думаешь?

Она качала головой:

— Я не думаю.

Янек улыбался, сконфуженный. Он рассказал Марти, что у него будет ребенок. Марти не удивился, и это еще больше удивило Янека.

— Это хорошо, что у тебя будет ребенок, очень хорошо. Ты не успеешь опомниться, а там — другой, третий. Это, как трава...

(У Марти было четверо, и жена его ходила с большим животом.)

Янека теперь все в городе знали: он тоже ел фисташковое мороженое, играл в домино, покупал на распродаже пестрые галстуки. О Юле лавочкиницы говорили: «Бедняжка, поздно начинает». В тенистых дворах женщины кормили грудью новорожденных. Вместе с кошками ребята заполняли узкие улицы города. Янек стал своим только после того, как жена Марти, усмехнувшись, шепнула булочнице:

— Она не зря к нему приехала.

Был июльский вечер, жаркий и черный. Янек в кафе сосал кусочек льда. За соседним столиком кассир Жано и Лавинь играли в домино. Прибежал Марти:

— Ты не знаешь?.. Только-что передавали... Да и вывешено. В Испании... С артиллерией... Настоящая война!

Все сразу начали кричать: «Победят», «Плохо», «Вот увидишь, расколотят», «Все это ерунда»; спорили, вытирали потные подбородки, пили ледяную воду. Официант сказал:

— А зачем это?.. Я был в Барселоне. Красивый город. Много кафе, все сидят, смеются...

Марти шумел:

— Их надо расколотить, не то это начнется и у нас.

Лавинь оживился, даже глаза его ста-

ли «с точкой», как на фотографии:

— У нас этого не может быть: в Испании много неграмотных.

Кассир Жано сказал:

— Теперь туда все поедут.

— Зачем?

— Как «зачем»? Воевать.

Это всех рассмешило. Только Янек не улыбулся. Домой он пришел поздно.

— Это ты, Янек? Гляди, как я разбаловалась, — ты запоздал, а мне уже было страшно. Глупая я. Помнишь, там, когда я жила у Ивашкевичей?..

— Я засиделся в кафе. Здесь очень душно.

Ночью за стеной тихо вскрикивала женщина. Пахли приторно левкои. Полная луна белила плечи Юли. Юля спала, не просыпаясь; а Янек сидел на краю кровати и молча шевелил губами.

Две недели он ни с кем не разговаривал. Юля спрашивала:

— Что с тобой?

— Ничего. Жарко..

— Неправда. Тебе со мной скучно. Но погоди...

Она считала по пальцам:

— В феврале.

Когда она смотрела на него, он терялся, поправлял галстук, прятал под стол руки, отворачивался.

— Ты видел газету? Что в Испании?

Он отвечал равнодушно:

— Я еще не читал, но Марти говорит, что хорошо.

Он читал газеты один, на пустой улице, оглядываясь, — нет ли кого-нибудь рядом; читал с жадностью и с отвращением.

Сейчас он кончил работу: молодежны, она в подвенечном платье, он в непомерно узком фраке (наверно, взял напрокат), — надо было убрать тени.

— Теперь как будто в порядке. Слушай, Марти, я завтра еду. Ничего тут не поделаешь.

Марти и на этот раз не удивился:

— Это хорошо, что ты едешь. Вы их в два счета поколотите.

— Конечно. Но я хочу тебя просить. Юля...

Марти рассердился:

— Что я, сам не понимаю? Кажется, у меня четверо...

Ночью Марти, как всегда, беседовал с женой:

— Это хорошо, что он едет.

— Ничего тут нет хорошего. Я еще понимаю, если бы он был испанцем... Кто его гонит? А она?.. Нечего сказать, «хорошо»! Вы, мужчины, все таковы. Она не молоденькая и впервые... Мало, что может случиться? А он — воевать...

Марти вскочил:

— Дура! Разве ты знаешь, что это «воевать»? Я помню, как «боши» нас поливали... Думаешь, сладко? Все вы таковы!

С Юлей Янек заговорил в последний день. Он только начал, как она все поняла:

— Значит, едешь?

— Почему ты догадалась?

— Янек, мы с тобой не вчера встретились.

Он молчал — ему казалось, что они встретились вчера в этом смешном городе, возле башни.

— Я видела, что ты все время об этом думаешь.

— Я не думал. О чем мне было думать? Может быть, другие думали. Выбирали, а у меня не было выбора. Я это сразу понял — в кафе, когда пришел Марти...

Он, наконец, решился поглядеть на нее:

— Юля, посмотри в зеркало — какая ты бледная. Нельзя так! Ты теперь должна себя беречь!

Она не слушала. Она гладила его жесткие, коротко стриженные волосы и улыбалась.

Наспех сформированный батальон послали в Тардьенту. В знойный день Янек полз по камням, и камни жгли руки. Рядом полз молоденький Джон, розовый и веснучатый.

Они залегли. Марокканцы стреляли из-за камней. Джону было страшно, и, чтобы скрыть это, он говорил:

— Жарко как! А воды нет. Все-таки непонятная страна! Возле моря цветы, виноградники, а здесь — пустыня. Я

думаю, в Сахаре так. Только вместо камней песок.

Янек молчал. Джон закрыл глаза и пошевелил сухими, темными губами: он представил себе, что пьет холодное пиво и губами отодвигает пену. Почувствовав взгляд Янека, он виновато сказал:

— Конечно, через неделю привыкну, но все-таки это непонятная страна. У нас в Оксфорде все зеленое зеленое...

Янек вспомнил родной город: черные корпуса фабрик, сажу, проходные дворы, тюремный коридор. Теперь ему казалось, что он никуда не уезжал. Хорошо, что сжег адреса! Сейчас его поведут на допрос. Это Мотя кричит...

Прикрытый брезентом, кричал Ганс: пуля пробила ему живот.

Джон снова говорил:

— Какой беспорядок — нет санитаров. А эти черти хорошо стреляют. До чего жарко! Ты откуда приехал?

— Из Польши.

Янек больше не помнил глупого города с чинарами и с домино. От жары его тошнило. Он смутно подумал: как Юлю...

Джон сказал:

— Я только-что представил себе, что пью холодное пиво. Попробуй — это помогает.

Янек в ответ выругался.

Знойное лето давно прошло. Всех замучила зима, сырая и ветренная. Джон до нее не дожил: его убили еще летом в Арагоне. Янек нашел его тело в узкой расщелине. Джона трудно было узнать: лицо на солнце сгорело, стало черным. Задыхаясь от трупного смрада, Янек вытащил из сумки цветные карандаши, плитку шоколада и фотографию: остроносая девушка улыбалась; зубы у нее были крупные и редко расставленные.

Они мерзли в окопах, полных холодной жижи. Три недели шли бои за высоту над дорогой: атака, потом контратака. Все кашляли, чихали, жаловались на отмороженные ноги. У Янека был

грипп, ломило тело, но он не хотел идти в госпиталь.

Под вечер приехал журналист с фотоаппаратом. Их снимали, а журналист все время повторял: «Вы — защитники Мадрида». Потом они ели остывший суп, который пахнул постным маслом, и лениво разговаривали.

— Виланд, ты был в Мадриде?

— Нет.

— А я был. Там на Гран Виа дома, как в Америке. И девушки красивые.

— Здесь, в Чинчоне, одна... Прямо Грета Гарбо.

— Врешь? А у тебя аспирин есть?

— Есть.

— Разве это аспирин? Дерьмо!

Янек кутался в мокрый плащ и ругался:

— Дерьмо! Дерьмо!

Виланд рассердился:

— Помолчи! Ты что — не знаешь, зачем приехал?

— Не знаю.

— Как это не знаешь?

— Очень просто. Да что ты ко мне пристал? Что я, на исповеди?

Янека бил озноб. Мигель протянул ему флажку:

— Коньяк — лучше аспирина.

Янек жадно хлебнул и хлопнул Мигеля по спине:

— Видишь — Мигель не спрашивает, зачем я приехал.

Два часа спустя они поползли наверх: надо было отбить высоту, потерянную накануне. Неприятель открыл пулеметный огонь. Янек чихал и рукавом вытирал холодный пот с шеи. Вдруг он вскрикнул и схватился за обломанное дерево.

Виланд поволок его вниз.

Янека положили в сторожке.

— Сейчас притащат носилки.

Янек яростно дышал; приподымалось все тело. Пуля застряла в боку. Виланд говорил:

— Хирург у нас замечательный. Увидишь...

— Дай папиросу. Нет, не могу...

— Потерпи. Сейчас они придут. Больно?

Янек ничего не ответил.

ВЕТЕР НОЧЬЮ

Мари-Луиза быстро подымалась по крутой тропинке. Никто не сказал бы, что у этой женщины взрослая дочь. Она вскарабкалась на верхушку горы. Отсюда были видны море, рыбацкий поселок, а позади горы с зелеными ярусами виноградников. Спящие овцы казались хлопьями снега. Потом пастух крикнул «геп», овцы вскочили и тотчас стали жевать соленую хрусткую траву. Овчарка лаяла до упаду.

Мужа Мари-Луизы убили под Верденом. Она одна вырастила Жаннету: делала шарфы, пряжки, бусы. Сама она одевалась просто, не любила нарядов. Она жила душевной домашней жизнью: дни шли и не запоминались. Единственной радостью были недели отдыха. Прежде они ездили в деревню к сестре Мари-Луизы; но Жаннета там скучала, и теперь они поехали к морю: здесь было много приезжих, казино, танцы.

Мари-Луиза тяготилась этой праздничной сутолокой. Они сняли две маленькие комнаты. Мари-Луиза рано ложилась, вставала, когда все в гостинице еще спали, и уходила в горы: это было ее отдыхом.

— Хорошо гуляла, мама? А я иду на пляж с Андре.

Мари-Луиза ничего не ответила. Все в Андре ее раздражало: лакированные волосы, бронзовые руки, оголенные до плеч, усмешка. Чем он понравился Жаннете? Она в отца: те же раскосые глаза, толстые губы, тот же характер — капризна, безрассудна, никогда нельзя угадать, от чего она засмеется, от чего заплачет.

Когда-то молоденькая модистка, Мари-Луиза в «Луна-парке» познакомилась с художником Полем Корне. Кружились деревянные звери; в зеркальном лабиринте было страшно и смешно. Как могла она не влюбиться? Поль говорил о ночах во Флоренции, о любви, которая управляет светилami.

— Помните, как Дюто забил второй мяч? Вот это был удар!

Андре говорил Жаннете о футболе, о состязаниях пловцов, о турбинах, о том, что у актрисы Симон изумительные но-

ги. Мари-Луиза про себя возмущалась. Она спросила Жаннету:

— Тебе не хотелось бы познакомиться с настоящим художником?

— Здесь есть один. Дурак и отвратительно танцует.

— Жаннета, что ты говоришь? А искусство?..

Андре ждал Жаннету возле лодок. Он лежал в трусиках, прищурил глаза: все вокруг было белым от солнца.

— Кто скорей доплывет до скалы?

Жаннета боролась с волнами; лицо ее было напряжено. Она не видала, где Андре. Он нырнул и выплыл впереди. Потом они валялись на горячем песке, усталие и счастливые. А рядом люди смеялись, плавали, прыгали, гребли. Кто знает, что они делали вчера? Сидели над конторскими книгами? Проверяли станки? Выстукивали больных? Теперь они жили жизнью рыб или водорослей, обгорали, фыркали, кувыркались.

Андре и Жаннета пошли в кафе, повисшее над водой. Они ни о чем не думали. За них жили плечи, груди, икры.

— Хорошо!

Он не ответил. Он глядел на коричневые ноги Жанкеты и смутно улыбался.

— Жаннета, вы верите в молниеносную любовь?

— Нет. Мне не нравится все, что легко дается.

— А, по-моему, — счастье должно упасть прямо в рот, только тогда оно счастье.

— Такого счастья сколько угодно.

— Вот погодите, когда вы влюбитесь...

— Когда я влюблюсь, я ни за что не признаюсь. Измучаю и его, и себя.

— Вам надо было родиться в старой Испании: там жених и невеста три года подряд целовались через решетку.

— Зачем? Я предпочитаю плавать или играть в теннис.

— Вот как... А сейчас без пяти час — вас ждет мама.

За обедом Жаннета грызла редиску и смеялась. Она сама не понимала, почему ей так весело. Мари-Луиза глядела на

нее встревоженная: никогда она еще не видала Жаннету такой.

— Ты хорошо купалась?

— Очень. Андре, конечно, меня обогнал. Он чудесно плавает.

— Тебя послушать — он, вообще, чудесный: «чудесно плавает», «чудесно танцует», «чудесный инженер», «рассказывает чудесные истории».

Жаннета рассмеялась:

— Когда ты говоришь, выходит очень смешно, но это все-таки правда.

— Хорошо, а какой он человек?

— Не знаю. Может быть, скверный. Почему он, например, разошелся с женой? Наверно, у него отвратительный характер.

— А ты?..

— Что я? Я с ним купаюсь или танцую.

Они встали. Жаннета обняла мать и стала кружиться:

— Я такая счастливая!

Она уговорила Мари-Луизу пойти с ней в казино. Саксофон завывал о какой-то выдуманной печали, а люди смеялись, танцовали — в майках, в халатах, в купальных костюмах. Жаннета танцевала с Андре. Он все время улыбался.

— Жаннета, вас укусил комар, будет шишка. Впрочем, вы терпеливы и любите испытания. Не правда ли?

— Конечно. К тому же я не дурочка. Мне, например, не хочется быть занесенной в чей-нибудь послужной список: его двенадцатая или его двадцать вторая любовь. Теперь слушайте меня внимательно. Если вы хотите, чтобы мы встречались, говорите со мной о чем угодно, только не о чувствах. Хорошо? Андре улыбался.

Пришел газетчик, кривой, в крохотном картузе:

— Парижские газеты!

Кто-то развернул лист и громко сказал:

— А кажется, будет война...

Все всполошились.

— Читайте вслух.

«Неудача переговоров...», «Пограничные инциденты...», «Слухи об ультиматуме...». За окнами было море, пальмы, рыжие паруса.

— Это нарочно раздувают...

— Никто не хочет войны...

— Вы увидите, что сговорятся...

Завыл саксофон, и пары снова закружились. Только Мари-Луиза не могла успокоиться. Она схватила Жаннету за руку:

— Как тогда... Пришел барабанщик...

— Какой барабанщик?

— Мы тогда были у моря. С твоим отцом... Ведь мы незадолго перед тем познакомились. Был очень жаркий день, я помню, как будто это было вчера. Мы сидели в казино и ели мороженое. Вдруг пришел барабанщик, низенький, очень старый, и он начал бить в барабан. Никто не обратил внимания, думали, что он объявит, какой вечером спектакль или что кто-нибудь потерял портмоне. А он напрягся и крикнул: «Мобилизация!». Что ж это такое?..

— Успокойся. Все говорят, что войны не будет.

Жаннета танцевала с Андре, и Андре улыбался. Мари-Луиза поглядела на него, и он вдруг показался ей милым. У него добрые глаза. Неужели и его убьют? Тогда тоже никто не верил. Поль говорил: «Ультиматум? Ерунда! Никто не хочет войны». Был такой же хороший день; в казино все веселились, танцовали. На ней была большая шляпа с лентами. Поль разбил глиняную трубку. Все кричали. А в Париже было много флагов. Флаги на всех домах. Ночью никто не спал; пели песни. Возле вокзала нельзя было протиснуться: все провожали, бросали цветы, совали в вагоны бутылки с вином. Она в последнюю минуту побежала, чтобы купить одеколон для Поля. Неужели снова?

Кончили танцевать. Жаннета шла с матерью по аллее, обсаженной пальмами. Деревья казались искусственными, и люди тоже улыбались, как манекены. Мари-Луиза испуганно прижималась к Жаннете:

— Он приехал вечером; их отпускали на шесть дней. Говорили, что вши, холодно, что всех убивают. Шесть дней я с ним прожила. А потом прислали жетон с руки... Жаннета, ты меня слушаешь?

— Нет.

В гостинице хозяин, смеясь, говорил:

— Вот, видите, я сразу сказал, что войны не будет.

После ужина Жаннета пошла в казино. Андре у стойки пил коньяк. Жаннета его окликнула:

— Пьяница! Обрадовались, что войны не будет, и пьете?

— Просто у меня жажда. А война, может быть, и будет.

— Что же вы тогда сделаете? Удереете за границу?

— Нет, пойду воевать.

— Глупо. Будь я мужчиной, я удрала бы.

— Не удрали бы, пошли бы, как все. Я не говорю, что это весело; но если воевать, так всем. Что вам заказать? Мороженое?

— Нет, коньяк.

Андре не шутил, не улыбался. Он иногда глядел на Жаннету своими тусклыми синеватыми глазами и тотчас отворачивался.

— Андре, почему вы не разговариваете?

— Вы сами мне сказали, чтобы я не говорил...

Она встала, рассерженная:

— Поздно. Мне хочется спать.

Как светляки, метались огни на холмах. Грохот оркестра смешивался с шумом моря. Поднялся горячий ветер; он доносил запахи аниса, розмарина, лаванды.

Они простились на лестнице: Андре жил в той же гостинице. Он пробормотал:

— Я не думал, что найду такое счастье.

Она вырвала руку из его руки:

— Находят медяки. Спокойной ночи.

Мари-Луиза рано легла. Засыпая, она вспомнила глаза Андре. Может быть, Жаннета ошибается: у него глаза хорошего человека. Потом глаза Андре потемнели, стали горячими, — на нее искоса глядел большой глаз Поля: «Положи голову мне на руку...». Она прижалась головой к подушке и уснула.

Август, 1938.

Жаннета не легла. Она прислушивалась к шагам на лестнице, к ветру, который хлопал ставнями, к своему дыханию. Вдруг все стихло; от неожиданности она вскрикнула. Она осторожно открыла дверь, прошла по темному коридору и остановилась. Она снова услышала шум моря. Потом она открыла дверь. В комнате Андре было светло. Он лежал с книгой в руке, но не читал. Она быстро погасила свет. Он начал: «Вы», но почувствовал на своем лице ее дыхание.

За всю ночь они не сказали друг другу ни слова. Только уходя, Жаннета шепнула:

— Спи. Еще темно...

Она дошла до двери, повернулась и спросила:

— Андре, а войны не будет?

Он не ответил. Он лежал счастливый, с полузакрытыми глазами.

Мари-Луиза проснулась незадолго до рассвета: барабанщик бил в барабан. Она кинулась к окну — никого. Сердце стучало. Прошло много времени прежде, нежели она догадалась: это море. Был сильный ветер, и прибой рос. Снова она вспомнила все: шляпу с лентами, разбитую трубку, шесть коротких ночей, письмо на машинке: «Скончался... За начальника санитарной части...». Она вышла из гостиницы и, ничего не соображая, повернула привычной тропинкой в горы. Поднявшись, она увидела восход солнца. Солнце было большим, нарядным, не похожим на себя; оно еще сильнее испугало Мари-Луизу. Она закрыла лицо руками и начала плакать. А вокруг суетились муравьи, тащили прутики, рыли ходы, падали, приподымались. Она очнулась от знакомого голоса: это весело лаяла овчарка. Услышав «геп», овцы вскочили и принялись жевать траву. Ветер спал; море вдалеке казалось нарисованным. Мари-Луиза как-то сразу успокоилась. Она медленно спускалась по тропинке и думала: вот я и состарилась...

Парк в городе Пушкина

ВСЕВОЛОД РОЖДЕСТВЕНСКИЙ

Я помню голубой холодноватый воздух,
Апрельских ветрениц в траве высокой звезды,
Дыханье зелени, чуть пахнувшей землей,
И тяжкую сирень, омытую грозой.
Я снова вижу парк и чинный, и сквозистый,
Каскады на прудах и ясень серебристый,
У белой пристани купающий листы,
Где черным лебедем изогнуты мосты.

В мальчишеские дни я с удочкою длинной
Стерег здесь карасей среди ленивой тины,
Дыханье затаив над чутким поплавком,
Пока за озером прокатывался гром,
И туча сизая — большой грозы начало —
Вдруг каплю тяжкую мне на руку роняла,
А молчаливый дождь, нетороплив и синь,
Окутывал тела героев и богинь...

Но знал над городом я и другие грозы.
Стояли в воздухе военные стрекозы,
У Пулковской горы усатый генерал
Бинокль наводил на Витебский вокзал
И лаем горловым казачьей батарее
Удачу торопил, — о, только бы скорее!
Но мы, рассыпав цепь среди ботвы сырой,
Мы город Ленина хранили за спиной.

Под вражеский сапог отдать мы не хотели
Свободы молодой, а вместе с ней Растрелли
И бронзовых богов средь золотых аллей,
Куда сквозь листопад еще глядит Лицей,
И тихую скамью, оваянную славой,
Где, на руку склонясь, и смуглый, и курчавый,
Слегка задумался, о чем, не зная сам,
Тот, чья улыбка — жизнь, и кто так близок нам.

Теперь они мои — и клен, к воде склоненный,
И легкая, как сон, Эллада Камерона,
И берег озера, где дряхлых лип верхи
Бормочут в полусне лицейские стихи,
И «Дева с урною», чья скорбь струится вечно,
И комсомольский кросс, и счастья ветер встречный,
И бронза славных дел, и наш воздушный флот,
Что зорко Балтику отсюда стережет.

О, парк мой, я сродни твоей листве и птицам...
Все та же тень листвы проходит по страницам,
Все тот же вкрадчивый озерный ветерок
Дыханьем свежести моих коснулся щек,
И сквозь навес листвы, где полдня бродят блески,
Я узнаю себя в неловком том подростке
На лодке, что скользит оставленным веслом
По глади озера с колонной и орлом.

Молодой человек

РОМАН

ВАЛЕНТИН ЛОСЕВ

(Окончание¹)

★

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ

I

Сегодня Танюшке исполнилось пять лет. Мама расцеловала ее и сказала: «Вот ты уже совсем большая». Девочка побежала к Мише поделиться этой новостью.

Сейчас они сидели рядом, тесно прижавшись друг к другу, склонившись над книжкой. Он — черноголовый, коротко стриженный, она — золотоволосая, кудрявая. Танюшка знала стихи наизусть, но всякий раз, когда Мишка приходил к ней, заставляла его читать, шевеля вслед за ним губами.

Вообще, Мишка свысока и презрительно смотрел на малышей. Но к Танюшке относился иначе. Так повелось с глубокой старины, еще когда здесь жил танюшкин отец — дядя Митя, задушевный мишкин друг. Мишка дружил с Танюшкой, хотя она и маленькая и неграмотная. В обиду он ее не давал. Впрочем, Танюшка при случае и сама за себя постоит. Сколько ей мама ни говорила, чтобы она не ссорилась с дядей Гусевым, Танюшка не слушалась. И Мишка ей горячо сочувствовал. Ну куда дяде Гусеву до дяди Мити! Это просто смешно. Ничего дядя Гусев не знает и ни во что играть не умеет. Мишка задумался и умолк. Девочка ждала и все еще шевелила губами. Потом посмотрела на него и сказала:

— Ну что же ты, Миша? Читай.

— Нет, знаешь, давай лучше посидим и подумаем.

— Давай, — согласилась она. — А о чем мы будем думать?

— Обо всем.

— Смешно — обо всем думать... Миша, ты не знаешь, где папа мой?

— Твой папа далеко, на севере. За тысячу верст.

— За тысячу? Ох, ты! А зачем?

— Надо. Там лета не бывает, одна зима.

— А ему не холодно?

— Ничего, он в шубе.

— Миша, знаешь, когда папа придет, мы вместе пойдем в парк культуры, да?

— Ага. Я буду с парашютом прыгать. Дядя Митя попросит, меня пустят.

— А моего папу все слушают, да? Он сильнее дяди Вани?

— Ну, куда там дяде Ване до него! Твой папа как-ак даст ему по зубам, так он будет знать...

Пришла Нина. Дети не заметили ее. Танюшка с обожанием смотрела в мишкины глаза, и он ей казался почти таким же умным и сильным, как папа. Миша все знает. Вот маму спросишь что-нибудь, а она говорит: «Не знаю, деточка». Вчера Танюшка гуляла с мамой в саду и увидела такого смешного червяка... Она спрашивает: «Мама, что это?». А мама говорит: «Это — гусеница». Танюшка засмеялась: «Что ты, ма-

¹ См. «Новый мир», кн. кн. 10 и 11 с. г.

мочка! Гусеницы бывают на танках, а это просто волосатый червячок». Нет, мама не все знает. Вот Миша — другое дело.

— Танюша! — позвала мама.

Миша ушел.

Нина взяла Танюшку на колени, поцеловала. Девочка глядела на маму, и ей казалось, что мама грустная, как будто она плакала.

— Мамочка, тебя обидели?

— Что ты, детка, — откуда ты взяла?

— Да, я знаю... — упрямо сказала Танюшка. — Это все дядя Ваня. Папа мой придет и как даст ему.

Нина испуганно посмотрела на девочку.

— Кто тебе это сказал?

— Никто, я сама знаю. Папа мой сильный. Когда он придет, мы пойдем в парк культуры. И ты с нами пойдешь, да, мама?

Танюшка гладила обеими ручонками маму по щекам и утирала ей слезы.

II

Дмитрий прислал радиogramму. Он скоро будет в Москве. Теперь-то уж она понимала, что была тогда неправа, но разве можно что-нибудь вернуть? Впрочем, Дмитрий, наверное, все забыл; они — чужие люди.

Нина плакала. Разумеется, у нее немало поводов для этого. Жизнь не удалась. Сначала она поверила в Гусева. Может быть, причиной этому было одиночество. Он так осторожно и чутко подошел к ней. Потом жаловался на свою пустую личную жизнь... В конце-концов он стал ее мужем. И с тех пор началось. Как ни старалась Нина переломить себя, все же невольно сравнивала Гусева с Дмитрием, и от этого становилось так тоскливо, что хотелось кричать. Однажды она вздремнула на диване. Разбудил ее голос Гусева, он сидел за столом и разговаривал по телефону. Свет лампы падал на его лицо. Это был совсем не тот человек, которого она знала. Он всегда улыбался простодушно, открыто; лицо его становилось милым, приветливым. А тогда у телефона она увидела

жестокое, холодное лицо. Что он говорил, она не помнила; впрочем он даже не говорил, а что-то цедил сквозь зубы. Заметив, что Нина проснулась, резко оборвал разговор, положил трубку и долго стоял спиной к ней. Когда Нина его тихонько позвала, Гусев обернулся, улыбаясь, но она почему-то уже не верила его улыбке.

Потом в их жизнь властно вмешалась Танюшка. Девочка неприязненно смотрела на Гусева. Она чувствовала, что Гусев едва ее терпит, и кричала, когда он пытался приласкать ее. Чутьем Нина понимала, что девочка не напрасно ждалась Гусева. Нина стала внимательнее приглядываться к нему, и однажды ей пришлось в голову, что она почти ничего не знает о его жизни. Ведь они не жили вместе. Внутренний мир Гусева был для нее тайной.

Нина даже не бывала в его холостой квартире. И Гусев не слишком настойчиво звал ее туда, хотя с первого же дня дал ей второй ключ.

Все от нее, как будто, отвернулись. Первое время после отъезда Дмитрия заходил Литавин. Он выздоровел, был весел и дружелюбен. Но потом вдруг все пропали. Она видела, что причина этого — ее связь с Гусевым. Дмитрий, узнав о Гусеве от Литавина, прислал ей резкое письмо, предупреждая, что Гусев ей не принесет ничего, кроме горя. Но тогда она смеялась. Дмитрий просто ревновал. Ей даже приятно было, — значит, у него сохранилось чувство к ней. Может быть, и все они отвернулись от нее, потому что любили Дмитрия.

Она ни в чем не могла упрекнуть Гусева. Он попрежнему был нежен, но в каждом его жесте Нина чувствовала фальшь. Хуже всего было то, что она не решалась откровенно поговорить с ним об этом.

Нина вспомнила о Зайцеве и обрадовалась. Ну, конечно, Зайцев был единственным человеком, который мог бы ей помочь. С ним всегда просто и свободно, хочется рассказать ему все. Дмитрий говорил, что Зайцев не раз выручал его из беды...

И Нина пошла в редакцию. Зайцев ссторожно, но пытливо расспрашивал

ее, был участлив и под конец сказал:

— Гусев давно кажется мне странным человеком, его лично я не знаю, но много слышал о нем. Может быть, вы ошибаетесь, но вот и Дмитрий мне говорил: «Ты знаешь, я иногда думаю, что Гусев не тот, за кого он себя выдает». Возможно, что Дмитрий, имея в виду лично, говорил просто глупости, но...

— Я почему-то думаю, что он был прав.

— Простите, Нина, но вы слишком круто обошлись тогда с Дмитрием. Он любил вас и тяжело переживал ту пакостную историю, в которую впутался, сам того не ведая...

Нина молчала. Она видела, что он нарочно оборвал разговор о Гусеве. Можно было подумать, что Зайцев знает больше, чем хочет сказать.

Нина ушла, чувствуя себя легче, спокойнее, — как будто от того, что она все высказала Зайцеву, исчезли и ее сомнения. К тому же и Гусев был в те дни особенно ласков. Она даже перестала чувствовать стеснение, когда Гусев приходил ночевать. Он ласкал ее горячо и нежно, и были мгновения, когда ей казалось, что она никого так не любила, как его.

Но и это прошло. Они стали реже видеться. На телефонные звонки он отвечал недовольно. Встречаясь на заводе, отворачивался и как будто не видел ее. Стал угрюмым. Глаза блестят, точно у больного. Что происходит с ним?

Завод начинал строительство новых, очень сложных машин. Работы много. Она теперь безвыходно сидела в отделе проектирования.

Место, где Нина работала, считалось на заводе святилищем. У дверей всегда стоял часовой, он впускал только по специальным пропускам. Чертежи хранились в нескораемых шкафах, имевших сложную систему замков. Запирал шкафы и хранил ключи начальник секретного отдела Сергиенко.

Месяц назад, когда Сергиенко уехал в командировку, Гусев прислал главного инженера треста — смешного красноно-

сого старика. Инженер смотрел чертежи и, ворча, снимал с них копии в свой блокнот. Он жаловался, что его заставляют это делать, когда можно было поручить помощнику. Инженер конструировал новую машину, более усовершенствованную.

Он пришел еще раз и опять возилась с чертежами, ругая эту дурацкую систему, когда нельзя чертежи брать с собой, а пожилого человека принуждают бегать, как мальчика. Нина, жалея старика, предложила дожидаться приезда Сергиенко. Может быть, он разрешит ему взять на время чертежи с собой.

— Когда еще он там приедет, — с досадой отвечал инженер, — а мне нужно сейчас. Может быть, вы дали бы до утра эти чертежи? Иван Кузьмич не будет возражать.

— Пусть он напишет распоряжение, я выдам, — сказала она.

— А вы позвоните ему.

Нина позвонила Гусеву. Он ворчливо ответил, что выдать, пожалуй, можно, хотя это, вообще, не делается, но пусть она возьмет расписку. Это ее успокоило. Она выдала инженеру чертежи и взяла расписку. На другой день инженер с бесконечными благодарностями вернул ей все и получил назад свою расписку.

— Спасибо, что пожалели старика, — сказал он. — Вы не рассердитесь, я вам коробку шоколада принес, не обижайте меня.

Нина расхохоталась, хотела было отказать, инженер ей вовсе не знаком, но он так умоляюще смотрел, что она взяла шоколад и весь день потом угощала товарищей.

Недавно Нина, смеясь, напомнила Гусеву об этом старике, но он как-то странно на нее посмотрел и пожал плечами.

— Ну, что ты, забыл? — сказала она. — Главный инженер из треста. Я даже ему чертежи по твоему распоряжению выдала.

— Какие чертежи, какой инженер? — недоумевал Гусев. Нина рассердилась, не понимая, зачем ему нужно притворяться.

Новые машины уже изготовлены. Завтра придет комиссия принимать их. Может быть, поэтому волнуется Гусев. Бедный. А она-то думает, что он охладил к ней. А что, если она сейчас неожиданно придет к нему? Наверное, обрадуется. Пусть это будет ему сюрпризом.

Нина не хотела себе признаться, но ее тянуло к нему. В такие минуты чувство сомнения и недоверия теряло свою остроту. Ей казалось, что стоит ему приласкать ее, как все схлынет. Нина вспомнила, как однажды утром, проснувшись, она увидела его обнаженным, в трусах. Гусев приседал, делал утреннюю гимнастику. Его тело слегка покраснело от холодной воды. И весь он, здоровый, мускулистый, показался ей таким красивым, что она не могла удержаться, соскочила с постели, неслышно подбежала, поцеловала его и, смеясь от смущения, бросилась на кровать, с головой под одеяло.

Да, да, она сейчас поедет к нему. Может быть, застанет его одного.

Нина уложила Танюшку спать, зашла к соседке, попросила ее присмотреть за девочкой и вышла.

III

Отпустив такси, Нина подошла к дому, где жил Гусев. Его окна были освещены. Она поднялась на второй этаж и осторожно, чтобы Гусев не слышал, открыла дверь ключом, потом так же осторожно закрыла. Она улыбалась.

Но что это? Слышатся голоса. Разговаривают. У него люди. Нина разочарованно вздохнула. Вдруг... — нет, это ей показалось... — кто-то сказал:

— Вы все рассчитали? В котором часу произойдет взрыв завода?

— Все будет готово к двум часам дня, — отвечал голос Гусева.

Нина зажала рот рукой, чтобы не вскрикнуть. В первое мгновение она даже не поняла того, что услышала, но люди там, в комнате, продолжали говорить. Ужас охватил ее. Она прислонилась к стене, чтобы не упасть... Ворваться туда, плюнуть им в глаза, подлецам. Нет, нет, глупо...

Чувство физического омерзения охватило ее. Она кинулась к выходу, с тяжело бьющимся сердцем, неслышно отворила и затворила дверь и не сбежала, а скатилась по лестнице.

На улице шел дождь, первый весенний дождь. Она глубоко вздохнула. Капли дождя падали ей на лоб и скатывались по щекам, будто слезы.

Что делать? Куда идти? Пойти рассказать? Но над ней посмеются. Где доказательства? Может быть, ей все слышалось, она просто перепутала слова? Ведь они говорили такими спокойными, будничными голосами. Нужно проверить. Но как? Она пойдет к нему, она должна пойти. Она сумеет себя сдерживать. По-новому посмотрит ему в глаза, будет следить за каждым его движением.

Взглянула в окна его квартиры. Видно, как там встали, пошли к дверям. Уходят! Останется он или уйдет с ними? Через минуту хлопнула дверь подъезда. Вышли двое, сели в машину и уехали. Нине показалось, что один из них — тот самый красноносый старик инженер, что брал чертежи.

Значит, он один. Нина решительно поднялась по лестнице, но у самой двери остановилась. Зачем? Почему она идет к нему? Нужно бежать, бежать.

Вдруг дверь отворилась. Гусев удивленно отступил.

— Нина? Вот не ждал. Входи. Да ты вся промокла.

Она вошла, сняла пальто, прошла в столовую.

— Сними туфли. Я просушу.

— Не надо. Я хотела посмотреть, как ты живешь... — Подумав, добавила: — Соскучилась.

— Бедная моя девочка, — ласково усмехнулся он. — Тебе невесело живется одной. Почему же ты не позволила?

— Хотела сделать тебе сюрприз. — Она тоже улыбнулась, но внезапно почувствовала, что он не верит ее улыбке. Снова стало страшно. Убежать? Нет.

— Все работаешь? — спросила она.

— Да, устаю очень. Я тоже соскучился по тебе.

Он хотел обнять ее. Нина вскочила:

— Не надо.

— Почему?

— Разве ты не догадываешься?

— Нет. Что случилось?

— Ты не приходил много дней. Ты не хочешь со мной разговаривать. Где ты бываешь? Может быть, ты уже любишь другую?

— Ах, вот оно что. — Он рассмеялся, как ей почудилось, с облегчением. — Мы немного ревнуем?

— Не смей!

— Что с тобой? Неужели ты думаешь, что я могу разлюбить тебя, моя маленькая, славная девочка?

— Отойди!

— Успокойся. Все пройдет. У меня хорошая новость. Я получил командировку во Францию, мне разрешили ехать с тобой. Подумай, Нинок, Париж. Ницца. Теперь ты видишь, как я люблю тебя. Поедешь?

— А завод?

— Ну, что завод. Обойдутся и без меня. Подумаешь — незаменимый.

— Я пойду.

— Куда? Почему так скоро?

— Я пойду, пусть, Танюшка захворала.

— Ты сегодня какая-то странная.

— Может быть, и я больна.

— Я провожу тебя.

— Не надо.

— Как хочешь.

Когда он подавал ей пальто, она никак не могла попасть в рукава.

— Ты вся дрожишь. — Он, как всегда, обнял ее за плечи, шепнул: — Не сердись на меня, Нинка. Хочешь, я поеду с тобой?

— Нет.

Нина выбежала на улицу, вскочила в трамвай. Силы оставили ее. Еле передвигая ноги, пришла домой. Танюшка спала. Соседка, удивленно взглянув на нее, вышла.

В квартире было тихо. Теперь, когда Нина осталась одна, все показалось ей неправдоподобным. Она чувствовала, как ужас овладевал всем ее телом.

Почти не думая, она выдвинула ящик стола, взяла бумагу, конверт и вдруг

увидела никелированный револьвер. Она взяла его, холодная сталь обожгла кожу.

Нина перевела дыхание. Она знает, что ей делать.

Писала торопливо, перо цеплялось за бумагу, брызгало чернилами. Не читая, сложила письмо, запечатала конверт, написала крупными буквами: Народному Комиссару Внутренних Дел СССР.

Пусть говорят, что она смалодушничала, но разве можно теперь жить, ходить, разговаривать? И все время читать в глазах людей осуждение, недоверие, может быть, ненависть: это она — жена вредителя, шпиона. Она жила с ним, любила его.

Все узнают, почему она не могла больше жить. Подумала, взяла новый лист бумаги и написала:

«Митя, любимый мой мальчик, муж. Прости меня, будь счастлив, возьми Танюшку и воспитай, но не так, как воспитали меня. Прощай, мой любимый, мой единственный.

Нина».

Все. Она зачем-то обернулась, но ничего не увидела. Темно. Пусто. В ушах звенит тишина. Подавшись вперед, вцепившись в ручки кресла, смотрела на револьвер, потом схватила его, но в соседней комнате забормотала что-то во сне Танюшка. Нина выронила браунинг и побежала к девочке. Склонилась над Танюшкой и долго целовала ее. Девочка, не просыпаясь, шевелила губами и чмокала. Нина схватила себя за горло — она боялась разрыдаться. Нет, она не смеет умирать. Как она могла забыть о девочке? И почему она должна умирать? Она не виновата. Она сама снесет письмо.

Нина бросилась назад в комнату. Там стоял Гусев и рвал на клочки конверт с письмом.

И снова, как тогда, у телефона, она увидела холодное, хищное лицо.

— Мерзавец, не смей! — закричала она и кинулась к нему. Он оттолкнул ее. Нина упала в кресло.

Гусев наклонился и зашептал:

— Так вот как ты все это разыгра-

ла? Думала, Гусев простак, поверит глупой бабьей болтовне? Думала, не слышал, как ты входила в квартиру и вышла на улицу. Думала, я не видел, как ты мокла под дождем и смотрела в мои окна. Ничтожество, кого ты хотела перехитрить? Я даже видел твои мысли, когда ты стояла перед дверью. Я открыл дверь сам, чтобы ты не успела убежать. Каждый твой шаг мне известен...

Он смеялся.

— Какой ты негодяй, — медленно проговорила она. — Ты, может быть, воображаешь, что я смирюсь? Я сама пойду и расскажу.

— Не расскажешь.

— Расскажу, ты не испугаешь меня.

— Тебе не помогут слезы. Дело зашло слишком далеко. Ты хотела умереть, так чего же ты плачешь? Написала записку, завещала дочку. Хотела умирать, так умирай.

— Уйди. — Она вскочила. Кресло с грохотом опрокинулось. Нина стояла посреди комнаты, прижав руки к груди.

— Ты умрешь, — говорил он. Глаза его сузились и потемнели. — Ты умрешь, — шептал он. Нина почувствовала дуло у сердца.

Она рванулась и схватилась за дуло револьвера, но страшный удар обрушился на нее. Нина подняла руки, шагнула вперед и вдруг упала на пол. Гусев внимательно смотрел на нее. Он как будто хотел что-то сказать ей.

Кто кричит? Гусев обернулся. В дверях стояла Танюшка в одной рубашонке, босиком. Ее ручки были подняты, лицо покраснело, она задыхнулась, упала на пол, зашлась от крика. Гусев подхватил ее и понес в кровать. Девочка билась в его руках. Он уложил ее, pokrыл одеялом.

— Спи, спи, — говорил он. — Спи.

— Где моя мама? — кричала она.

— Спи. Мама заснула. Она нездорова. Молчи, ты ее разбудишь.

Он вышел. Девочка долго смотрела в темноту. Ей было страшно. Она дрожала, завернулась в одеяльце с головой и

долго еще всхлипывала, пока не заснула.

— Все в порядке, — сказал Гусев. Никто его не слышал. Он оглянулся, положил револьвер рядом с телом, тщательно собрал обрывки письма и сунул их в карман.

IV

Рано утром в дверь постучался Мишка. Никто не отвечал. Мишка перешагнул через порог. Опущенная штора не пропускала дневного света. На столе ярко горела лампа. Легко стучал в тишине часовой маятник, а на полу...

— Мама! — закричал Мишка и ринулся из комнаты.

Когда сбежались люди, проснулась Танюшка и громко позвала маму, но к постели подошел Мишка. Девочка, увидев его заплаканное лицо, удивилась:

— Миша, ты плачешь? Миша, зачем ты плачешь!

Он молча и неумело одевал ее.

Пришел следователь. Это был молодой, очень худой человек в очках. Он положил на стол портфель и склонился над телом Нины. С минуту он внимательно разглядывал ее лицо, потом пошел к столу, открыл ящик за ящиком, осмотрел со всех сторон предсмертную записку Нины.

— Где ее муж? — вдруг спросил он.

— Отец ребенка — Ордынский — в Арктике. У покойной был второй муж — Гусев, но он здесь не живет.

— Он был здесь вчера?

— Нет.

— Был, — вдруг сказала Танюшка и заплакала.

— Когда он был, детка? — Следователь ласково и внимательно смотрел на Танюшку. Но Танюшка ничего не отвечала. Она громко плакала и испуганно смотрела на следователя.

— Послушайте, это очень важно узнать, был ли здесь вчера Гусев. Вы поговорите с девочкой, она вам скажет.

— Это ей кажется, — сказала женщина. — Она спала. Я здесь была до прихода покойной поздно вечером. Вы-

стрела не было слышно, значит, и ребенок спал.

Следователь сложил бумаги, позвонил по телефону и, вызвав врача, ушел. Мишкина мать пошла его провожать. Танюшка взяла Мишку за руку и повела его к кровати.

— Посмотри, как моя мама спит.

Мишка хотел увести ее, но девочка заупрямылась. Он обнял Танюшку.

— Твоя мама умерла.

— Нет, она спит. Я знаю. Мне дядя Ваня сказал.

— Зачем ты врешь?

— Нет не вру, нет, не вру. Он тут был, был.

— Тебе, может быть, приснилось?

— Нет, нет, нет.

И Танюшка рассказала, как она проснулась, услышав треск и потом мамин крик, как она выбежала, увидела маму на полу и стала кричать, а дядя Ваня поднял ее и отнес в кроватку и сказал: мама спит.

Мишка перебивал ее, переспрашивал и вдруг поверил.

— Пойдем, — заторопился он.

— Куда?

Он, не отвечая, быстро одел ее и они вышли на улицу, держась за руки. Танюшка не поспевала за Мишкой и все время забегала вперед, заглядывая в его глаза. А он молчал и все тащил ее вперед.

Через полчаса они вошли в кабинет следователя.

★

На заводе раздался взрыв. Обрушились стены монтажного цеха. Горел модельный цех. Приехали пожарные команды. Сергиенко метался по заводскому двору.

— Проектная мастерская! Отстаивайте проектную мастерскую! — кричал он начальнику пожарной команды.

Все столпились на дворе. Из модельного цеха вырывалось пламя, валил густой дым. Говорили, что много убитых и раненых.

В толпе стоял Гусев, рядом с ним секретарь парткома Николаев. Из пламени появился человек. Его волосы были опалены, одежда дымилась, на него

направили струю воды. Он упал, поднялся. Это Тищенко, помощник Гусева, его трудно узнать. Все бросились к нему. Из горящего здания выбежал машинист Овсянников. Он шатался и кричал:

— Это он! Хватайте его. Я видал.

Тищенко упал и захрипел. Он умирал.

— А-а-а, мерзавец, — закричал Гусев и ударил его ногой.

— А ты... ты... — хрипел Тищенко. Он силился что-то сказать, но потерял сознание.

Кто-то протиснулся сквозь толпу. Гусева тронули за плечо:

— Вы Гусев?

Он обернулся. Где ему встречался этот человек? Ах, да! Гусев побледнел. Это тот самый, что допрашивал его в связи с арестом Гродзенского.

— Я — Гусев.

— Прошу следовать за мной.

Гусев склонил голову. Ну, что ж, еще не все потеряно. Он будет молчать. Его нелегко заставить говорить.

Он шел по двору, освещенный пламенем. У ворот стоял автомобиль.

V

Телеграмма о смерти Нины застала Дмитрия в Архангельске.

Он прилетел в Москву на самолете. Танюшка встречала отца.

Когда он подошел к Нине, его поразило ее лицо. Оно ничем не напоминало живую Нину. Только здесь, у ее постели, он почувствовал жестокость и несправедливость этой смерти. Он понял, что она всегда была дорога ему.

Кто-то тронул его за локоть. Дмитрий обернулся. Перед ним стоял Мишка — серьезный, нахмуренный. На нем уже длинные штаны. Он сказал:

— Здравствуй, дядя Митя!

— Здравствуй, мой малыш! — отвечал Дмитрий и обнял его стриженую голову.

Они встретились грустно и нежно, как старые друзья, которых соединяют общие воспоминания.

★

В редакции много перемен. Зайцева Дмитрий не застал. Он уехал на Дальний Восток и вернется месяца через два. Руководил газетой его новый заместитель — Грозовый. В коллективе уже не чувствовалось той дисциплины, что так отличала работу Зайцева. Появились новые люди, но они не украшали газеты. Вернулся выгнанный Зайцевым Ольгин. Редакционные совещания уже перестали быть для работников школой, какой они были при Зайцеве. Грозовый редко бывал в редакции. На совещаниях он непрерывно острил, вызывая дружный смех у Путилина, Ольгина и Вольского. Порой Грозовый вдохновлялся новыми идеями, и тогда начиналась очередная реорганизация аппарата. Он изменял названия отделов, пересаживал людей с места на место и, казалось, упивался своей деятельностью, уверяя всех, что теперь-то уж редакция будет работать, как следует. Этим, собственно, ограничивалась его работа.

Грозовый хотел, чтобы все его любили. Он всем улыбался. Улыбка у него была обезоруживающая. Он это знал и улыбался непрестанно: посетителям, курьерам, литературным сотрудникам, швейцару. Если кто-нибудь приходил к нему с жалобой, он старался доказать, что все хорошо, жаловаться не на что, и всегда успевал в этом.

Если приходила женщина — литературный сотрудник, то он улыбался особенно ласково и говорил вместо ответа: «Вы меня не любите, вы меня не жалуете».

В редакции установилось то легкое и небрежное отношение к газете, с которым так боролся Зайцев. Появились ошибки, читатели присылали недоумевующие письма. На письма никто не отвечал.

Новые порядки не нравились Дмитрию. Однажды он пришел к Грозовому и резко выразил ему это. Он ждал, что редактор оборвет его. Но Грозовый смотрел ему в глаза и улыбался, а когда Дмитрий кончил, сказал:

— Ну, и прекрасно. Возьмитесь за это. Дайте свои соображения. Я с радостью поддержу всякую инициативу.

Дмитрий все изложил на бумаге, хотя понимал, что не в отдельных предложениях дело. Грозовый прочел, остался очень доволен и заявил, что в ближайшие дни проведет все в жизнь.

В редакции росло число недовольных. Резче всех выступал против Грозового и его порядков Литавин. Вместе с ним были Любарский, Калугин и Дмитрий. Грозовый знал это и всегда на летучках отдавал предпочтение их материалам. Но они продолжали открыто высказывать свое недовольство.

Однажды Дмитрий стоял с редактором в коридоре. Грозовый острил. Внезапно мимо прошла, постукивая каблучками, маленькая загорелая девушка.

— Малютка! — сказал Грозовый, останавливая ее, — вы уже вернулись? Ну, как ваша тоска по морю?

— Проща, товарищ Грозовый, — свободно ответила она и застучала по коридору каблучками.

Дмитрий проводил ее взглядом и спросил Грозового:

— Кто это такая?

— Мальчик оживился... — со смехом сказал Грозовый. — Это наш литературный сотрудник — Галина Павлова. Общая любимица, но, между нами говоря, довольно пустоватая. Кстати, она работает в вашем отделе. Вы — ее начальник.

Вечером Павлова пришла к Дмитрию знакомиться и получить задание. Он уже успел узнать, что в редакции ее называют просто Линой. Глаза у нее были не то серые, не то зеленые, смешливые и детские, нос вздернутый. Острое маленькое лицо напоминало мордочку лукавого зверька, волосы — светлые, кудрявые, непослушные. Она курила, много шумела, казалась подчеркнуто непосредственной. Дмитрий встретил ее сухо, ему не нравилась бойкость этой девушки. Он дал ей задание поехать в колхоз и написать очерк о председателнице колхоза, деловито объяснил, что

нужно газете, и отпустил ее, невольно глядя ей вслед и слушая, как она постукивает каблучками.

В редакции снова появилась уничтоженная когда-то Зайцевым категория людей праздничноболтающих, рассказывающих подозрительные анекдоты. Эти люди судили о жизни с таким видом, как будто уже ничто не может их удивить. Ко всему они относились скептически и насмешливо. На летучках шумели о том, что газету нужно оживлять, и под этим предлогом старались подsunуть дешевые заметки, претендующие на сенсацию. Писали фельетоны, в которых политическая острота заменялась зубоскальством. Им ничего не стоило обогатить человека, смешать его с грязью. Аншлаги и шапки они давали звонкие, крикливые. Если появлялась книга молодого писателя из рабочих, они презрительно шурились, как бы говоря, что, конечно, рабочих нужно печатать, но где им создать настоящую литературу...

Возглавлял эту группу Леонид Путилин, молодой сутулый блондин, лысый, с мертвенно-бледным лицом. Грозовый его любил и нередко ставил в пример другим, и это раздражало весь коллектив. Для всех было ясно, что Путилин — ловкий приспособленец.

Однажды Литавин выступил на редакционном совещании с большой речью, доказывая, что в редакции существует мелкобуржуазная группа людей, ставящая своей задачей обескровить газету, сделать ее беспартийной. Он обвинял руководство в потакании этой группе.

— Дело доходит до того, — говорил он, — что материалы партийного и производственного отделов вытесняются ненужными статьями дилетантов. Наша газета за последнее время потеряла большевистское лицо, стала беззубой.

Против Литавина выступили Путилин, Ольгин и заместитель Грозового — медлительный человек со странной фамилией Пореец.

Очень хитроумно говорил Грозовый, признавший правильность выступления

Литавина, но мягко укорявший его в некотором преувеличении. Во всяком случае редакция это учтет и сделает из сегодняшнего совещания выводы...

Дмитрий гордился тем, что оказался прав в своем давнишнем споре с Ольгиным и его компанией. Редакционный коллектив на три четверти состоял теперь из новой интеллигенции. Любарский, когда-то боявшийся, что не справится с несложной работой репортера, писал теперь превосходные статьи. И для Литавина годы не прошли даром. Теперь это крупный руководитель и организатор, марксист. Дмитрию трудно было представить его чехоточным и озлобленным, ругавшим человека только за то, что он интеллигент. Таким он был раньше. Теперь Литавин сам стал интеллигентом. А люди, работающие с ним? Сын слесаря Антон Радько пишет серьезные экономические статьи. Бывший паровозный машинист Игнат Калугин стал популярным среди железнодорожников страны благодаря своим прекрасным очеркам.

VI

Дмитрий с интересом следил за тем, как работала Галина Павлова. Он дал ей понять, что не одобряет ее манеры держаться. Она вспыхнула и промолчала, но было видно, что замечание задело ее. С тех пор она стала относиться к нему подчеркнуто официально. Сейчас она пришла непроницаемая и надутая, в черном гладком платье, оттенявшем ее светлые, выгоревшие волосы и смуглую кожу. Галина держалась так, точно вот-вот на нее должны напасть, и она уже готова ответить острым словом, которое наверняка заранее приготовлено. Подавая Дмитрию рукопись, она сказала смешным басом:

— Вот, товарищ Ордынский, мой бездарный очерк.

— Во-первых, почему бездарный? Во-вторых, если он бездарный, зачем вы сдаете его?

— Я не сомневаюсь, что он вам покажется бездарным, — дерзко сказала она и добавила: — А в-третьих?

Дмитрий весело посмотрел на нее:

— А в-третьих, почему вы разговариваете со мной басом, когда у вас со-прано?

— Это к делу не относится, товарищ заведующий. Ваши музыкальные оценки меня не интересуют.

«Как ершится!..» — подумал Дмитрий. Он предложил ей сесть, а сам стал читать рукопись.

Первые же страницы показали Дмитрию, что автор очерка — одаренный и наблюдательный человек. Павлова рассказывала о Марфе Лепендиной — знаменитой льноводке, собравшей со своим звеном невиданный урожай. Было в очерке немало наивного. Но в общем для начинающего это более, чем хорошо.

«Она пишет лучше Ольгина» — весело подумал Дмитрий.

Не глядя, он знал, что Лина сейчас смотрит на него и старается понять, какое впечатление производит очерк. Дмитрий неожиданно поднял голову и поймал ее врасплох. Лина смотрела на него, как смотрят дети, — раскрыв рот и так напряженно, такими блестящими глазами, что он не выдержал и рассмеялся.

— Я убежден, что не испорчу вас, если дам очерку настоящую оценку... — серьезно сказал он.

— Благодарю вас! — церемонно наклонила она голову.

— Не за что. Ваш очерк написан хорошо. Он нуждается лишь в стилистической отделке.

Она вышла. Дмитрий увидал, как благодарно блеснули ее глаза — не то серые, не то зеленые.

Очерк произвел переполох в редакции, вызвав удивление самого Грозового.

— Вы, верно, сами за нее написали? — подозрительно спросил он.

— Это вы оставьте... — весело отвечал Дмитрий. — Просто вам стыдно, что вы ее ругали, а она оказалась даровитой.

Незаметно для Дмитрия росло его чувство к этой вдруг притихшей девушке. Лина неудержимо влекла его к себе. Он разговаривал с ней нарочито грубым тоном и заваливал ее работой. Она го-

ворила ему колкости и смотрела влюбленными глазами. Оба они, говоря друг с другом, ни с того ни с сего умолкали

★

Дмитрий возобновил свою работу над книгой. Он вновь перечитывал рукопись и находил многое слабым и неуклюжим. Поступки и слова людей казались ему пресными и обескровленными. Люди не могут жить благодушно, когда среди них орудует враг.

Хотелось изобразить тип, подобный Гусеву, — тип авантюриста и предателя. Такой враг умен и хитер. Его не скоро поймаешь.

Дмитрий работал, не торопясь, обдумывая каждую фразу.

Приходила Лина. Ей нравилась книга. Она — единственная, кому Дмитрий пока читал ее. Слушала серьезно и внимательно. Хотелось хвалить его, но она сдерживалась и делала критические замечания.

Как-то, провожая ее, Дмитрий стоял на трамвайной остановке. Он радовался тому, что вагона еще нет. Держал ее руку, смотрел в смеющиеся глаза.

Пришел трамвай. Лина стояла на площадке. Дмитрий задержался, как будто что-то вспоминая. Когда трамвай тронулся, он вдруг вскочил на площадку и поцеловал ее в губы. Лина испугалась, хотела что-то сказать, но он уже соскользнул, бежал рядом с вагоном без шляпы, волосы его трепал ветер, он был полон веселого озорства. Лина кричала: «Это нахальство!». Но ему казалось, что она кричит: я люблю тебя! И он отвечал: «Я люблю тебя! Я люблю тебя!». «Мальчишка!» — кричала она. Он смотрел на нее, ей совестно было перед окружающими, но она — счастлива. Дмитрий хотел еще что-то сказать, но трамвай ускорил ход, тогда он отстал и увидел, как Лина замахала ему рукой.

★

Однажды вечером, сидя дома за книгой, он вспомнил Нину и сѣжился, точно от удара. Ему в голову не приходило, что он совершает какое-то преступление, ведь он расстался с Ниной уже

три года назад, она сама тогда оттолкнула его. Но, чем больше он старался доказывать себе, что никто не посмеет осудить его, тем яснее и отчетливее вставала перед ним Нина, ему чудилось, что, мертвая, она укоряла его.

Может быть, именно в этот вечер он понял, что Галина Павлова — не случайный человек в его жизни. Прошлое вызывало в памяти только хорошее и чистое, это связывало. Но стоило ему встретить Лину, увидеть ее светлую улыбку, легкую походку, вдумчивые, живые глаза, — как все сомнения уже казались неживыми, выдуманскими и ханжескими. Разве он станет лучше оттого, что оттолкнет эту девушку, к которой он так жадно тянулся? Ему вспоминались три года, проведенные в Арктике. Что и говорить, это было тяжелое и жестокое испытание. Он не хотел сдаваться, нет. Его товарищи — суровые и бывалые люди — следили за ним с жалостью и сочувствием. И у каждого из них мелькала мысль: а вдруг не выдержит, сдест? Как хотелось ему изгнать эту тоску, чтобы чувствовать себя равным рядом с ними — здоровыми и сильными людьми. И разве он не добился этого? Разве не окреп он, не стал взрослым? Так почему же он сейчас мучается?

Неожиданно пришла на помощь Танюшка. Однажды, когда Лина пришла к Дмитрию, девочка взобралась к ней на колени и весь вечер болтала с ней, сначала робко, потом все смелее. И, когда Дмитрий укладывал ее спать, Танюшка кричала через открытую дверь Лине:

— Тетя Лина, приходи, приходи завтра.

VII

Гусев чувствовал себя совсем не плохо. Он с удовольствием осматривал ногти, которые полировал на досуге, ему нравилось смотреть на свои руки — белые, длинные, красивые.

«Криминалисты ничего не понимают, — думал он. — Они говорят, что у преступников должны быть тяжелые, волосатые руки, широкие челюсти. Ду-

раки! Если бы их слушались, все преступники гуляли бы на свободе. Но какой он однако преступник? Гродзенский любил называть себя спортсменом. Это красиво звучит. Впрочем, Гродзенский плохо кончил».

В сущности, Гусеву здесь хорошо. Его не притесняют. А эта комната? Ну, чем она хуже всякой другой?

Большевики, — думал он, — не умеют допрашивать. Он смог бы им показать пример. Чего они добьются своей вежливостью? Чушь.

Кто что знает о Гусеве? Не так уж много этих людей. Гродзенский знал, но он — покойник. Женщина, что трудилась над Ордынским, сломала себе шею. Гусев никогда не одобрял этой затеи; Зачем им понадобился Ордынский? Гусев не психолог, но он хорошо знает эту породу. Как Гродзенский не понимал, что Ордынский не пойдет в эту игру! Литвиненко удалось убрать легко и бесшумно. Копятов настоял на этом; он пронюхал, что уже кое-кто заинтересовался незадачливым атаманом. Убирать пришлось самому Гусеву. Что и говорить — неприятное было дело. Все-таки, как-никак, — бывшие друзья...

Кто же остался? Тищенко? Но он благополучно скончался. Он, кажется, что-то хотел сказать перед смертью. Все вышло отлично.

Итак, дальше. Нина? Но и она мертва.

Кто же еще? Максименко? Копятов? Максименко не выдаст, а Копятов и по-давно.

Он тщательно перебирал в памяти детали, вспоминал разговоры, встречи. Нет, все было безупречно. На заводе он пользовался славой справедливого и умелого хозяйственника. В райкоме его считали лучшим директором, в наркомате, благодаря Копятову, были о нем превосходного мнения.

Что же еще? История с Ниной сошла на удивление блестяще. Никаких следов.

Гусев снова и снова вспоминал свою жизнь в Москве. Нет, он был осторожен. Копятов дорожил им и теперь, наверное, выручит.

Максименко — хитрая лиса. Он там на юге большие дела делает. И крушения у него там, и аварии, и смертные случаи. Этот далеко метит. Одна физиономия чего стоит. Разговаривает и будто обнюхивает тебя. Смотрит через очки, как инквизитор. Максименко всегда относился к Гусеву высокомерно. Дескать, я тебя знаю, ты — порядочный жулик. Гусев, собственно, никогда и не скрывал причин, которые заставили его связаться в это дело. Максименко хочет показать, что деньги его не интересуют. Но ведь он получал во много раз больше, чем Гусев. В последний раз у Копятова он говорил о своих принципах. Он всегда разговаривал высокопарно, уснащая свою речь иностранными словечками.

— В буржуазном государстве, — говорил он, — любой адвокат, ставший депутатом парламента, добившийся министерского портфеля, уже сделал карьеру. Он может слететь вместе с шайкой, которая его выдвинула, но карьера сделана, и через несколько месяцев он снова станет министром. И никого не интересуется его моральный облик, честность, благородство и прочая изящная словесность. А здесь, в этой стране, при этом режиме, при системе критики сверху и снизу, когда за каждым твоим шагом следят, изволите видеть, массы, когда тебя ежеминутно могут потянуть к ответу и не простят, если обнаружат, например, что ты хочешь бесконтрольно управлять народом, но не любишь его, — здесь жить нельзя. Вот почему мы хотим вернуть буржуазный строй.

Да, он так и сказал: буржуазный строй. И добавил: буржуазно-демократический. Копятов смотрел на него насмешливо. Он-то лучше всех знал, что за всеми этими словами кроется одно — стремление к фашизму.

Нет, Максименко не выдаст. Он сам боится, чтобы его не выдали. Остается Копятов. Ну, да тут дело верное. Определенно будет выручать. До него не доберутся. Слишком высоко сидит.

Внезапно Гусев остановился. Ему стало не по себе. Вспомнилось лицо следователя — холодное, умное, свежее.

Что, если он все знает?.. Чепуха, чепуха. Откуда?

Гусев уже смеялся. Нет, нет. Рано сдаваться. И в Ниццу еще с'ездим, и в Париж. А этот немчура Баллер, наверное, притих, переживает. Его-то голыми руками не возьмешь. Старый шпик. Он уже, кажется, лет двадцать этим ремеслом занимается. Хвастал, что у него целое имение в Баварии, дом в Мюнхене. Как он ловко инженера разыгрывал перед Ниной!

Гусев потирал руки и ходил по комнате. Выпустят... Ну, что они могут пред'явить? Взрыв? А Гусев здесь при чем? Разве он виноват, что диверсанты взорвали завод? Нет, товарищ следователь, это вы напрасно.

Но разговор со следователем не выходил из головы. Не договаривает, — знает что-то. Не хочет открывать карты. Вздор! Ничего он не знает.

— Да, — сказал он следователю. — Конечно, это очень неприятно. И на душе тяжело. Столько рабочих погибло!

Тяжело. Это он хорошо сказал. Тяжело. Волновался, правда, когда Тищенко появился. Мог выдать, на волоске все висело.

А этот следователь. Хм! Все-таки он чего-то не договаривает... Что-то знает... Иначе почему его оставили в покое?

Гусеву снова холодно. А что, если у следователя есть материалы? Он ведь даром времени не теряет. Что тогда?

Страх наполнил, как туман. Сознаться? Рассказать все? Выдать Максименко? Может быть, тогда удастся спастись? Все равно, как, — лишь бы жить. Обмануть? Притвориться раскаявшимся? Может быть, поверят. Ведь они всегда верили. А если не поверят?..

Гусев задыхался. Он уже не ходил, а бегал по комнате. Страх подгонял его, путал мысли, расчеты...

Утром Гусев попросил, чтобы его вызвали к следователю. Через полчаса его провели в кабинет.

Гусев заговорил, путаясь и торопясь. Он больше не может лгать. Он должен сказать всю правду. Он заблуждался, но теперь он видит свою вину.

Следователь слушал спокойно и вни-

мательно. Он чуть улыбался. Но Гусев не видел этой улыбки.

— Я вас слушаю, — сказал следователь.

Гусев заторопился еще больше. Он говорил о своих мучениях, о тяжести, лежащей на душе, но никак не мог начать показания.

Следователь не прерывал Гусева. Он привык к мелодраматическим выступлениям. Внимательно глядел и слушал. Тогда, заикаясь и дрожа, Гусев назвал Максименко и искоса бросил взгляд на следователя. Тот даже не пошевелился. Гусев заговорил еще торопливее, глотая слова. Он рассказывал суетливо, точно боясь, что его остановят и прервут. Потом остановился. Следователь сказал:

— Расскажите о своей деятельности...

Гусев удивился. Он почувствовал неладное. Ему казалось, что следователь будет расспрашивать его о Максименко, а он...

— Так, — сказал следователь. — Больше вы ничего не можете рассказать?

— Я все сказал. — Гусев потупился. Он воображал, что раскаянию больше идет потупленный взор.

— А про Максименко вы все сказали?

— Все.

— И больше вы ничего и ни про кого не знаете?

— Не знаю.

— Так. — Следователь помолчал, и на этот раз Гусев увидел его чуть заметную улыбку. — Вы опоздали, Гусев. Вы слишком долго молчали. Максименко предупредил вас. Вы только подтвердили его показания.

Гусев почувствовал удушье. Снова стало нестерпимо холодно.

— Как? — пробормотал он. — Максименко арестован?

— Арестован и во всем сознался.

«Конец» — подумал Гусев. Страх подгонял его. Он решил назвать человека, с которым был связан больше всего. И он назвал Копятова. Следователь не перебивал его. Гусев заново рассказал длинную историю своих преступлений.

— Все? — спросил следователь, когда Гусев кончил.

— На этот раз все... — сказал Гусев. Ему казалось, что следователь поражен. Он должен быть поражен.

— Вы опоздали, Гусев... — снова сказал следователь. — Вы только подтвердили его показания.

Гусев вскочил.

— Как?! Он?..

— Арестован и во всем сознался... — сказал следователь.

VIII

Приехал Зайцев. Он потребовал комплект газеты за последние месяцы и заперся в кабинете. Эта весть сразу облетела все этажи. В редакции наступила необычайная тишина. Никто не бегал по коридорам, все молча работали и ждали грозы, но грозы освежающей. Только Ольгин и Путилин сидели в пустом буфете и о чем-то торопливо шептались.

Часа через два из кабинета Зайцева послышался звонок.

— Попросите Грозового, — сказал Зайцев секретарю.

— Его нет в редакции.

— Пошлите за ним машину.

Через полчаса Грозовый приехал. По привычке он улыбался, проходя мимо сотрудников, но улыбка его уже не казалась беззаботной. Дмитрий с радостью заметил, что Грозовый трусил.

Прошел еще час. В кабинете Зайцева заседало бюро партийного комитета.

Наконец, курьерша Лида вихрем пронеслась по комнатам, торопливо крича:

— На совещание к редактору!

Собрались молча и быстро. Дмитрий взволнованно смотрел на Зайцева. Как он постарел за эти три года, что Дмитрий был в Арктике. На лице Зайцева лежала нездоровая желтоватая бледность. Лицо было попросту больным, и Дмитрий впервые почувствовал, как дорого ему Зайцев.

— Начнем, товарищи, — сказал Зайцев. — Мы решили созвать общередакционное совещание для обсуждения

крупных политических ошибок нашей газеты. Слово для доклада товарищу Грозовому.

Поднялся Грозовый, провел мясистой рукой по слипшимся волосам. В кабинете наступила такая тишина, что всем отчетливо было слышно, как тяжело дышит Грозовый. Он заговорил, и голова его никто не узнал. У стола стоял незнакомый человек со странно изменившимся, как бы придавленным, лицом.

Товарищ Зайцев — прав. Редакция и в частности он, Грозовый, повинны в тяжелых политических ошибках. Он должен это признать, как большевик.

По лицу Зайцева пробежала еле заметная тень. Дмитрий весь подался вперед, ловил каждый жест, движение Грозового. Это было опустошенный, разбитый человек, с погасшими глазами. Он нелепо крутил головой, точно ему был тесен воротничок.

Да, конечно, он, Грозовый, не чужд самокритики. Ошибки, совершенные им во время отсутствия Зайцева, достаточно серьезны, но дело в том, что он в газете — человек новый, ему трудно было справляться, и никто ему не помогал.

— Неправда! — вдруг вскрикнул Литавин, и головы всех повернулись к нему. — Вы каждый серьезный разговор превращали в шутку.

— Не прерывай! — сказал Зайцев.

Грозовый оживился. Голос его стал тверже. Теперь, конечно, редакция общими усилиями исправит все эти ошибки и, под испытанным руководством товарища Зайцева, газета будет снова одерживать победы на фронте борьбы за генеральную линию партии.

Видно было, что Зайцев с трудом сдерживал себя.

— Слово — товарищу Литавину, — сказал он.

— Грозовый в позе кающегося грешника производит не жалкое, а странное впечатление. Да, да! — горячо говорил Литавин. — Пусть Грозовый скажет, сколько раз партийная организация указывала ему на его ошибки? Можно только удивляться, как удалось ему в

такой короткий срок развалить работу редакции, привить и культивировать бесшабашные нравы богемы. Когда ему указывали на это, он шутил. А почему сегодня мы не услышали от него ни одной шутки? Потому, что Грозовый прижат к стене. Я, как член редакционного коллектива, как коммунист, сгораю от стыда, что не сумел организовать сопротивление этой мутной волне безответственности. Наконец, самое важное и самое страшное заключается в том, что газета долгое время поддерживала и восхваляла те организации, которые возглавлялись вредителями, перерожденцами, врагами народа. Газета таким образом усыпляла бдительность, ей верили. Кто поручится за то, что это было случайным? Я заявляю, что мне это не кажется случайным.

Собрание затянулось до глубокой ночи. Когда все высказались, поднялся Зайцев.

— За все, что здесь творилось, я, как редактор, несу полную ответственность. Никакого значения не имеет то, что меня здесь не было. Я отвечаю за аппарат и за каждую строчку, напечатанную в газете. Но сегодняшнее собрание показало, что наш редакционный коллектив — здоров. Ошибки, которые Литавин справедливо назвал здесь преступлением, свидетельствуют о том, что враг имел в нашей редакции свою агентуру. Да, — в полной тишине продолжал Зайцев. — Это нужно признать смело и решительно, не боясь преувеличений. Кто эта агентура, — покажут ближайшие дни. Виновата и наша партийная организация, потерявшая бдительность. Литавин был прав, когда обвинял здесь и себя. А ведь Литавин энергичнее других протестовал против всей пакости, что творилась в нашей редакции. В ближайшие дни мы избавимся от негодных людей, приспособленцев. Партийная газета должна делаться чистыми руками.

Так закончилось это собрание. Когда все разошлись, Дмитрий подошел к Зайцеву с протянутой рукой:

— Здравствуй, Зайцев!

— Здравствуй, Митя!

Он обнял и поцеловал Дмитрия.

— Видал сегодня твоего начальника зимовки. Расхваливал тебя до того, что даже мне неловко стало. Как твоя книга?

— Скоро закончу. А что у тебя?

— Сын, Володька. Два года. Леля все это время училась. Я только ахал, глядя на нее, без хвастовства тебе говорю. Как она училась — жадно, настойчиво. Теперь получила звание кандидата экономических наук. Чувствую, что надо подтянуться, а то еще обгонит.

Они долго говорили. Зайцев уже не чувствовал себя опекуном, покровителем. Нет, перед ним сидел человек, уже немало повидавший и испытывший.

Когда Дмитрий, выходя, обернулся, Зайцев уже сидел, склонившись над столом, лицо его казалось усталым и больным.

В коридоре Дмитрий встретил Литавина. Он выглядел немного торжественно.

— Ну, Митька, я должен тебе напомнить один наш разговор лет пять назад.

— Помню... — улыбаясь, сказал Дмитрий.

— А помнишь, так не о чем и толковать. Одним словом, подавай заявления.

IX

Партийное собрание длилось два дня. Дмитрий дежурил в секретариате по номеру. Все коммунисты — на собрании. Изредка во время перерывов заходил Грозовый. Он был рассеян и озабочен.

— Что нового? — спрашивал он, но Дмитрий видел, что вопрос задавался больше для формы. Грозовый вспотел, редкие волосы прилипли ко лбу. Он что-то жевал, и крошки висели на небритом подбородке. Рубашка его была неопрятна, воротничок грязен, галстук завязан кое-как. Он волочил ноги, точно старик.

В дверь заглянул Любарский, весело подмигнул Дмитрию и исчез.

Больше никто не показывался. Видно,

перерыв кончился. Дмитрий нервничал, но старался подбодрить себя. Он готовился к любому решению собрания. Теперь-то уж он верил в справедливость этого решения, каково бы оно ни было.

Позвонили из ТАСС. Сейчас придет очень важный материал, 37 восковок. Ого! Это что же — почти две полосы? Надо все менять. Очевидно, что-то очень важное. Может быть, придется давать новую передовую.

Он позвонил в типографию выпускающему и попросил его зайти. Надо составить новый план номера, подготовить свободные наборные машины, предупредить типографию, вызвать дополнительную смену корректоров. Потом доложить Грозовому. Зайцев был в ЦК.

Через четверть часа пришел выпускающий Зибер. Он стар и ничему не удивлялся, но всегда ворчал. Вечные переверстки, никогда не удается вовремя выпустить газету! Почти одновременно с ним пришел курьер из ТАСС. Дмитрий развернул толстую пачку. А-а! Обвинительное заключение по делу троцкистов.

— Шлите в типографию. Тут править нечего! — суетился Зибер.

Дмитрий читал обвинительное заключение. Длинный, страшный список преступлений. Зибер из-за его плеча тоже читал. Обвинительное заключение и его потрясло. Он плевался, точно ему в рот попала какая-то гадость.

— Ах, мерзавцы! — кричал он. — Все продали.

Дмитрий кончил читать. Он встал и ударил кулаком по столу. Слова душили его, но он не мог говорить.

В коридоре шум, голоса, смех. Наверное, закончилось собрание. Вошел Грозовый. Не глядя на Дмитрия, прошел к себе.

Дмитрий хотел было пойти за ним, но вошедший Литавин остановил его.

— Ты куда?

— К Грозовому.

— Зачем?

— Да вот... — Дмитрий протянул Литавину обвинительное заключение.

— Грозовый исключен из партии. Подождем Зайцева. Идем к нему в кабинет.

Но едва они открыли дверь, как вошел Зайцев.

— Обвинительное заключение получено?

— Да.

— Новый план составлен?

— Вот он.

Зайцев пробежал глазами план.

Первая полоса без изменения, кроме передовой. На второй и третьей — обвинительное заключение. На четвертой надо дать отклики. На заводах, вероятно, уже идут митинги. Обвинительное заключение передавалось по радио. Надо послать людей.

— Кто напишет передовую? — спросил Литавин.

— Ордынский, — сказал Зайцев.

— Отлично. Иди, Митя, пиши, а мы пока поговорим.

Дмитрий сначала испугался. Передовую? О таком важном событии. Но он чувствовал, что Зайцев поручил ему это не спроста. Что же? Он напишет передовую. Дмитрий вышел из кабинета, сел за стол, набросал конспект. Вошел Литавин.

— Ну, Дмитрий, собрание решило принять тебя в кандидаты, — сказал он.

Дмитрий поднялся и, растерянно улыбаясь, посмотрел на Литавина. Потом молча схватил его за руку и затряс ее. Литавин поморщился и слегка вскрикнул от боли.

— Пиши, пиши!

Поздно ночью, когда номер был сдан, Дмитрий остался наедине с Зайцевым.

— Все готово? — спросил Зайцев.

— Все.

— Я вижу, тебе хочется что-то сказать.

— Да, очень хочется. Я хочу поблагодарить тебя за все... за то, что ты сделал меня человеком, за то, что ты никогда не щадил меня, но всегда любил. Я обязан тебе всем. Не прерывай меня. Если б не ты, я бы погиб, из меня вышел бы какой-нибудь Ольгин.

— Понимаю, Митя. Не буду ни откатываться ни разуверять тебя, хотя ты,

по правде говоря, преувеличиваешь. Я обязан был видеть хорошее даже там, где оно было завалено мусором. Вот и все.

— Пусть так. Но все же я хотел бы быть похожим на тебя.

— Оставь это. Мне незачем говорить тебе, как серьезно ты должен отнестись к оказанному тебе доверию. Время сейчас острое и сложное. Тебе придется доказать, что мы не ошиблись.

— Я докажу, я постараюсь доказать...

— Приходи ко мне завтра вечером. Посмотришь Володьку. Захвати с собой Танюшку и... — Зайцев мягко улыбнулся, — Галину Павлову. Да ты не смущайся.

Х

Далекie горы дымились голубым туманом. Легкие, светлые облака неслись низко, то-и-дело обнажая черный пик вершины.

Ночь уходила, роняя капли росы на цветы и травы, отяжелевшие листья стали неподвижными. Дмитрий лег на спину. Он смотрел в небо, оно медленно, неприметно розовело, голубело. Уже близко было солнце.

Загрелась, осыпаясь, галька. С горы бежала Танюшка, размахивая полотенцем. Она с разбегу упала на отца, смеясь и взвизгивая.

Дмитрий, не вставая, поднял ее и, глядя на девочку снизу вверх, угрожающе сказал:

— Хочешь, я брошу тебя в море?

— Хочу! Думаешь, я не видала, как ты проснулся?

Дмитрий опустил девочку. Она села на него верхом.

— Пойдем купаться, папа.

Нестерпимо сияло море, зажженное солнцем. Листва, казавшаяся раньше пепельной, горела ярким зеленым огнем.

С моря подул соленый ветер, встретился с ветром гор, они смешали и рассыпали по берегу запахи утра. Высокая волна ударила в скалу, и тончайшая водяная пыль осела на берег.

— Танюшка-а! — кто-то кричал с моря.

Девочка приложила ручку козырьком к глазам.

— Это тетя Лина. Она уже купается. Ну, папа, пойдем. Да, папа же!

Лина, мокрая и веселая, покачиваясь, удерживая равновесие, как будто она скользила по канату, вышла из воды. Подняв руки, Лина отжимала волосы.

— Смотри, какая она красивая, — шепнул Дмитрий Танюшке.

Кто-то подошел сзади. Дмитрий слышал, как пришедший глубоко вздохнул и сказал тихим, счастливым голосом:

— Хорошо.

— Овечка, ты? — не поворачивая головы, спросил Дмитрий.

— Я, братику, — весело отвечал старик. Он встал и потянулся. Его тело, покрытое молодым загаром, было еще крепким и мускулистым.

Он подмигнул Танюшке. Глаза и ресницы у него были черные под седыми бровями. Волна смочила его ступни, он ахнул и бросился в море. Дмитрий смотрел, как он широко и легко выбрасывал руки, погружая лицо в воду и отфыркиваясь. Потом Овечка лег на спину и негромко сказал:

— Ну, що ж ты?

— Посиди у берега, — сказал Дмитрий Танюшке. — Можешь поплескаться, только смотри, у самого берега.

Он взобрался на невысокую скалу, огляделся, взмахнул руками и нырнул. Над ним сомкнулось море. Он открыл глаза и зачарованно глядел на зеленые мохнатые камни, заплетенные водорослями. Расправляя клешни, пугливо прятался черный краб, метнулась почти невидимая рыбешка. Морское дно жило суетливо и загадочно. Дмитрий подумал о том, что наверху сияет солнце, и вздрогнул от счастья. Он вынырнул. Море сверкало, отражая солнце, мягко и вкрадчиво обнимало плечи. Дмитрий лег на спину, положив руки под голову. Раздвинулись границы видимого, куда-то вдаль унесся берег. И вдруг совсем рядом он услышал песню:

Ой, ты море, море Черное,

Ой, ты солнце, солнце горное.

Песня то приближалась, то отдалялась. Мужественно и торжественно звучал голос над пустынным морем.

Ты скажи, куда девался,

Двадцать красных моряков? —

прозвучало где-то уже далеко-далеко. Голос казался глухим и печальным.

Дмитрий поднял голову и огляделся. На берегу сидел Овечка и пел. Дмитрий поплыл к берегу. Песня оборвалась.

— Что это ты пел? — спросил Дмитрий, выходя на берег. — Незнакомая песня.

— Ее мало кто знает, — ответил старик. Он надел очки и смотрел строго и задумчиво. — Она родилась в этих местах, а я ее услышал на Украине.

— В этих местах? — настаиваясь, переспросил Дмитрий. Он боялся спугнуть старика, чуя, что ему хочется рассказать что-то.

— Было это очень давно, в гражданскую войну. Как-то зимой в наш партизанский отряд приехал моряк. Его назначили комиссаром. Вечером, ложась спать, он напевал эту песню красивым голосом. Мы песню не знали и спросили, откуда она. Тогда он рассказал, как в этих местах, — старик широко взмахнул руками, — белые поймали двадцать моряков, вывезли их на катере в открытое море и расстреляли, а потом сбросили в воду. Так вот моряк наш был один из этих двадцати. Из всех он один выплыл. И вот кто-то сложил про них песню...

Старик замолчал и стал одеваться. Дмитрий следил за ним. Подбежала Танюшка, мокрая и озорная, живо взобралась на плечи Овечки.

— Н-но-о! — кричала она, ухватившись за колючий подбородок старика обеими руками. — Но-но!

Потом вдруг притихла и осторожно провела пальчиком по гладкой эмали ордена на пиджаке старика:

— Ой, горячий!

— Ну, слезай, — сказал Овечка и опустил ее на землю. — Вот, тетя Лина идет, беги к ней.

Танюшка побежала навстречу Лине.

Овечка поднял с камней книгу.

— Прочел? — спросил Дмитрий, не глядя на него.

— Да. Только имей в виду, мы все ждем от тебя большего.

— А где же тот моряк?..

— Погиб в бою с врангелевцами.

— Может быть, ты сможешь мне, Овечка, — тихо сказал Дмитрий. — Я давно хотел тебе сказать. Понимаешь, когда я прочел книгу, мне она показалась слабой, бесконечно маленькой. Ты

подумай, насколько жизнь тех людей, о которых я писал, богаче.

— Ну, и что ж? — добродушно сказал Овечка.—Кто же мешает тебе до-сказал во второй книге то, что ты не успел или не сумел написать в первой?

С горы донесся металлический звон.

— Пойдем, зовут завтракать.

Море пенилось, набегая на берег, но на горизонте казалось неподвижным и блестящим, как стекло.

Герои Советского Союза (слева направо):
М. М. Раскова, В. С. Гризодубова, П. Д. Осипенко

Героини-летчицы

П. МАНУЙЛОВ

★

24 сентября в 8 час. 12 мин. самолет «Родина» взлетел со Щелковского аэродрома и взял курс на восток.

Три отважных летчицы В. Гризодубова, П. Осипенко и М. Раскова начали свой знаменитый беспосадочный перелет Москва — Дальний Восток.

Пролетев пятьдесят километров от столицы, самолет начал набирать высоту, уходя за облака.

За штурвалом сидела Валентина Гризодубова — командир экипажа.

Под самолетом расстилалось бесконечное поле облаков.

Самолет шел слепым полетом. Через шесть часов самолет затянулся инеем.

Иней покрыл узорами стекла кабины, плоскости, шасси.

Не видя земли, экипаж «Родины» на большой высоте миновал Урал и вступил в Сибирь. Слева от самолета лежала северная тайга, справа — мелколесье и степи.

Приближалась ночь. За штурвал села Полина Осипенко. Горизонт тускнел, и вскоре самолет уже шел в полной темноте.

Полина Осипенко записала в дневник:

«20 час. 30 мин. Веду машину. От Марины ничего не слышно. Хочется спросить, где мы сейчас. Темно. Писать нельзя... В потемках нацарапала записочку Марине: «Что ты молчишь, отвечай, как дела?».

В это время штурман экипажа Марина Раскова, склонившись над картой, уточняла курс самолета. У нее все было под рукой. Кабина оборудовалась под ее руководством и по ее указаниям. Марина Раскова была не только штурманом, но и радистом. Для управления передатчиком и резервным приемником штурману достаточно было повернуться на сиденье градусов на 30. Под правым локтем был столик, на котором находился ключ радиопередатчика. На этом же столике Раскова писала. В носовой части кабины лежала подушка для отдыха. Лежа, штурман мог наблюдать за землей. На потолке кабины — люк для астрономических наблюдений.

Обстановка полета была чрезвычайно сложная. Погода плохая: туманы, облачность. Иней начал покрывать стекла кабины, плоскости, а потом появилась и корка льда. Самолет набрал высоту до 5 тысяч метров. Но обледенение продолжалось.

Работа штурмана усложнялась. Раскова попросила командира экипажа снизить самолет. Пилот повел самолет на снижение. Вскоре сквозь разрывы облаков блеснул Иртыш. Раскова уточнила местонахождение самолета.

— Курс правильный! — сообщила она командиру экипажа.

Над Сибирью спустилась безлунная ночь.

Полина Осипенко в 23 часа 10 минут записывает в дневнике:

«Идем на большой высоте. Самолет веду я. Температура — минус 38°. Холодно. Подходит время открывать кислород. «Что слышно из Москвы?» — пишу записку Марине. Скоро получила ответ: «Идем в районе Душкачана». Значит, курс правильный. Но хочется самой что-нибудь увидеть. Темно. Ни звездочки, ни луны не видно. Далеко впереди зарево загорается, но не ясно».

Самолет подбрасывает, временами он проваливается в воздушные ямы и, наконец, поднимается выше семи тысяч метров. На этой высоте обледенение прекратилось и «болтанка» стала меньше.

На высоте семи с половиной тысяч метров Расковой изредка удавалось увидеть три звезды: Полярную, Вегу и Капеллу и по ним уточнять курс самолета «Родина». Лед покрыл все приборы радионавигации. Раскова решила, что это вызвано разницей температуры снаружи и внутри, и открыла все люки, чтобы охладить кабину. Через несколько минут в кабине было минус 33°.

Сначала корка льда как будто стала тоньше, но через час кабина снова затянулась толстым слоем льда. Ледяная корка покрыла умформеры, питающие радиостанцию. Самолет лишился связи с землей. Остаток ночи штурман вел самолет по звездам, которые изредка были видны в облачных «окнах» над самолетом.

В 0 часов 45 минут за штурвал села Валентина Гризодубова. Она посылает записку Полине Осипенко: «Радиосвязи с землей нет».

Самолет идет вслепую.

Только на рассвете под самолетом, в разрывах густых облаков, показались пики Забайкальских гор, долины, покрытые туманами.

По маршруту нужно было лететь на Рухлово, но, не имея радионавигационных средств, экипаж взял курс прямо на восток.

Расковой не удалось за ночь ни поест, ни отдохнуть. Потеряв связь с землей, она ночью следила за просветами в облаках, чтобы видеть звезды. Как только с рассветом показались пики гор, Марина подтвердила командиру:

— Курс правильный!

Самолет шел над байкальскими и дальневосточными просторами, но о них экипаж только догадывался. Самолет вела Валентина Гризодубова слепым полетом. Редко-редко вдруг открывается «окно» в облаках, блеснет озеро, массивы леса, и опять молочный туман.

Раскова пыталась отогреть умформеры своим дыханием, но безуспешно. Тогда она накрыла их унтом, снятым с ноги. С невероятным трудом Марина отогрела умформеры. Она хорошо слышала Москву, но передавать не могла, — передатчик не работал.

Не имея несколько часов сообщений с самолета «Родина», радиостанции страны, от Москвы до берегов Тихого океана, посылали в эфир позывные самолета «Родина». Раскова не могла сообщить стране о благополучии полета. Вдруг самолет резко качнулся. Это командир экипажа Гризодубова привлекла внимание штурмана. Марина взглянула на землю и увидела впереди берег моря. По очертаниям берега она определила местонахождение самолета и сообщила командиру, что самолет «Родина» находится у южной оконечности Тугурского залива Охотского моря.

Отважная тройка на советском бистроходном самолете за сутки пролетела расстояние от Москвы до Тихого океана.

Марина Раскова еще раз попыталась передать радиограмму на землю, но передатчик отказал окончательно. При запуске его начали гореть предохранители.

Посоветовавшись, экипаж принял решение лететь на слияние рек Амгуни и Амура.

Самолет шел над Амгунью в районе Керби. В кабине пилотов вспыхнули красные лампочки. Значит, бензина осталось на 30 минут. Надо садиться. Через разрывы облаков мелькнули постройки. Полина пишет Гризодубовой: «Давай садиться здесь, у поселка». Валентина развернула самолет и хотела итти на посадку, но надвинулись тучи и закрыли землю. Гризодубова повела самолет дальше. Через несколько минут показалось большое черное полеболото. Экипаж принимает решение садиться здесь. Командир экипажа приказывает штурману прыгать с парашютом. При вынужденной посадке штурман должен выпрыгнуть с парашютом, чтобы не подвергаться риску, так как его кабина находится впереди самолета

и почти вся стеклянная. При посадке вне аэродрома, в случае капота самолета, кабина может сплющиться.

«Летели над тайгой, — рассказывала нам Марина Раскова о последних своих минутах на самолете. — Под нами сквозь синюю дымку чернели сплошные леса, болота. В это время я получила приказ командира выпрыгнуть с парашютом. Сознаюсь, я раздумывала. Мне не хотелось покидать самолет. Я знала, что подруги посадят самолет хорошо. Но приказ надо было выполнять. Перед прыжком я прибрала карты в кабине, сунула плитку шоколада в карман, потом еще одно мгновенье постояла, открыла люк и провалилась вниз... Надо мной раскрылся белый купол парашюта... Внизу — незнакомая, неведомая тайга.

Меня несет на лес...

Наметила небольшую прогалинку в лесу и стала скользить с намерением приземлиться на этой прогалинке. Земля все ближе и ближе... Падение остановилось. Парашют накрыл сосну, и я повисла на стропях метрах в пяти от земли. Достала ножик, придерживаясь за ствол сосны левой рукой и ногами, правой рукой обрезала стропы и спустилась вниз».

А в это время Гризодубова вела самолет «Родина» на посадку. Все отчетливее вырисовывалось болото, на котором нужно было садиться. Болото заросло густой травой, под ней поблескивала вода.

Гризодубова сделала последний разворот и повела самолет на посадку. Полина Осипенко кричит: «Повыше выравнивай, без шасси надо садиться с плюхом». Моторы не работают. Воеет сирена, напоминающая пилоту, чтобы не забыл при посадке выпустить шасси. До земли десять метров, пять, три... еще мгновенье, и от самолета во все стороны полетели брызги... Самолет остановился.

Валентина и Полина вышли из самолета, посмотрели вокруг. Было тихо, безмолвно. Тайга.

— Где Марина? — тревожно спросил друг друга пилоты.

★

Гриздубова и Осипенко стреляли. Эхо выстрелов гулко гремело в сопках. Но ответа не было.

Они стреляют еще. И снова — гнетущая тишина.

— Полина, за дело!

— За дело, Валя!

Они вытащили аварийную радиостанцию и начали ее устанавливать. Разбросили радиостанцию, составили текст и приступили к передаче. Радиограмму передать не удалось, передатчик, очевидно, был испорчен. Над болотом спускался вечер. В это время из леса, им показалось, вышел человек. Валя побежала к нему с криком: «Марина, Марина». Через минуту возле человека показалась собака.

Осипенко берет фонарь и сигнализирует азбукой Морзе: «Марина, если ты, стреляй... если не можешь итти, мы поможем...». Силуэт остается на месте... Куст они приняли за человека, а медведя за собаку.

Пилоты устроились на ночь в кабине.

— Где-то Марина!

— Что с Мариной!

Часто повторяли они вслух имя подруги и думали о ней.

Ночь. Тихо. Несколько раз они выходили на плоскость самолета и стреляли. Подолгу слушали, но ответа не слышали. Ночью спали плохо. Все казалось, что Марина кричит: «Спасайте».

Рано утром они на ногах. Опять взялись за радиостанцию. Передать радиограмму опять не удастся.

Через несколько часов, когда пригело солнце, пошли в лес на помощь Марине, пробираясь по болоту, через бурелом в лесу. Усталые, вернулись к самолету и решили больше от него не уходить, чтобы не затруднить поиски его. Они ни на минуту не сомневались, что их найдут.

29 сентября над болотом, где приземлился самолет «Родина», прошли два воздушных корабля. Облако закрыло болото, и пилоты не видели «Родины».

— Найдут! — радовались Осипенко и Гриздубова.

Полина Осипенко на плоскости устроила «кухню» и угощала Валентину кашей, чаем. Обсуждали план, как дать знать о себе: если их с самолетов не заметят, тогда они доберутся до реки, там соорудят плот с помощью топора, пилы и веревки и на нем поплывут до ближайшего населенного пункта. Они твердо верили в себя, в свои силы. Собрали продукты, уложили в рюкзаки. Часть продуктов оставили Марине на случай, если бы она пришла к самолету после них. Решили оставаться у самолета еще дней двадцать и только потом пробираться по тайге самостоятельно.

2 октября над болотом опять самолеты. Страна посылала воздушные корабли на помощь отважным летчицам.

Два гидросамолета прошли над ними на высоте 2 тысяч метров, потом еще один. Обостренный слух летчиц улавливает далекий рокот моторов.

На другой день из-за сопки вынырнул самолет, делает круги над «Родиной». Вот он резко покачивает крыльями, точно вызывает летчиц на разговор и приветствует их. Это летал летчик Сахаров. Следом за ним над «Родиной» показался второй самолет, покружился, приветствуя их, и ушел за первым на восток.

Капитан Осипенко внесла в дневник: «... Мы счастливы. Товарищ Сталин уже знает, что нас нашли».

Родина беспокоилась за своих отважных дочерей. Воздушная трасса между Комсомольском и болотом, где находились летчицы, в эти дни была очень оживленной. К ним летели на тяжелых кораблях, на гидросамолетах и на легких машинах.

4 октября с самолетов им сбрасывали теплую одежду, продовольствие, фрукты, цветы. Следом за всем этим от одного корабля отделились две темные точки, над ними взвились белые купола, и через несколько минут на болото приземлились капитан Еремин и Полежай. Благополучно, мастерски приземлился и доктор Тихонов, совершивший свой 107-й прыжок.

Таежную тишину нарушили людские голоса. Новые самолеты продолжали появляться над болотом. На другой день сюда пришла группа товарищей из Керби, торопившихся на выручку к летчицам. Проводником был таежный следопыт, замечательный человек Николай Максимов. Он вел свою группу кратчайшим путем, прокладывая дорогу по марьям, по лесу, через бурелом.

— Надо торопиться, надо шибко торопиться! Родина велела! — повторял он своим спутникам.

Несколько десятков километров эти люди прошли, почти не отдыхая. Подойдя к самолету, они приветствовали Гризодубову и Осипенко, а потом с тревогой спросили:

— Где Марина?

Имя Марины не сходило с уст друг. Одиннадцатый день она одна в тайге. У нее только плитка шоколада. Аварийного мешка на случай прыжка с парашютом она не взяла.

Обсуждали план поисков Марины. Вечерело.

Полина Осипенко смотрит по привычке по сторонам в надежде увидеть Раскову.

— Человек идет... Марина, Марина! — закричала Осипенко.

И верно, шла Марина. К ней бросились все люди. Первым встретил Раскову доктор Тихонов.

На самолете «Родина» стало тесно. На ночьлег разместились в кабинах, на бензиновых баках, на плоскостях самолета.

Утром 6 октября от самолета «Родина» отошли 16 человек. Отсюда началось триумфальное возвращение в столицу советских летчиц, установивших мировой рекорд дальнего беспосадочного перелета. На оморочках, потом на катаерах они спустились по Амгуни до Амура.

На военном корабле они прибыли по Амуру в Хабаровск. На пристани собрались тысячи трудящихся. Дальневосточники восторженно встречали героических летчиц. И потом, от Хабаровска до Москвы, на каждой станции множество людей ожидало поезд, где ехали отважные летчицы.

На пути в Москву Марина рассказывала нам о днях, проведенных ею в тайге.

Вот рассказ, записанный со слов Марины Расковой:

25 сентября. — Вот и земля! — проговорила я вслух, как только мои ноги коснулись земли. Первую минуту никуда шага не сделала. Осмотрелась. Кругом были сосны, кустарники, высокая, похожая на бруснику, трава. Такой травы у нас под Москвой нет. Стала прислушиваться. Думаю — кто-то населяет лес. Тихо. Следующая мысль — о самолете. Он пролетел низко надо мной, идя на посадку. Самолет, очевидно, сел. Но где? Вот вопрос, который стал меня волновать. Мы заранее условились, что в случае вынужденного расставания будем стрелять, давая знать друг другу о себе. Выстрелов не слышу. Отошла от сосны, осмотрела кустарник. Меня интересовало: можно ли пройти таежным лесом? Попробовала, прошла несколько метров вглубь леса от «своей» сосны. Ходить было не трудно. В лесу сухо. Вернулась к сосне, на которой висел мой парашют, и стала ждать выстрелов. Нервничаю: почему, — думаю, — долго не стреляют, если живы? Живы ли? Да, я была уверена, что они сядут хорошо.

В лесу становится темно. На черном, бездонном небе зажглись яркие звезды. ... Вдруг раздался выстрел. Знак подруг! Подруги живы, здоровы! По звездам и по сосне я заметила точное направление на выстрел и засекала курс по компасу на юго-восток.

Успокоилась. До самолета я доберусь. В тайге не затеряюсь. Достала плитку шоколада, откусила немного. Захотелось пить. Воды поблизости не было, искать не захотела. Стала устраиваться спать, легла тут же, у сосны.

26 сентября. Наступило мое первое утро в тайге. Проснулась с рассветом. Не вставая, с'ела немного шоколада. С собой я взяла две плитки (одна была начата еще на самолете). Больше со мною ничего не было. Пить очень хотелось, надо было искать воду. На деревьях увидела блестящие росы. Попробовала ее слизывать, но жажда не

проходила. Мне бы сейчас один хороший глоток простой, сырой воды...

Надо начинать путь к самолету. Минутку еще постояла и пошла... В лесу стало светлее. Одега я была в теплую куртку, а под ней свитер, шерстяное и шелковое белье, на ногах унты. Прошла несколько сот метров и разочаровалась в таежном пути. И деревья, и трава мешали, — итти было тяжело. Значит, надо разумно затрачивать силы.

К полудню нашла воду, скопившуюся у корня упавшего дерева. Здесь, очевидно, был родничок, он заполнил ямку водой. С несказанным удовольствием напилась. Села на упавшее дерево, отдохнула, еще попила и пошла.

На сердце стало веселее, когда шла, но уставала быстро и часто садилась отдыхать.

Шла на юго-восток. Мой путь пересекала сопка. Прямо в лоб на вершину подниматься было трудно, и я обходила ее, уклоняясь восточнее. К концу дня кончился сплошной лес. Ну, думаю, здесь света больше, просторней, веселей, и шагать легче. Пихты стали ниже, и, наконец, показалось болото. Я была уверена, что на этом болоте увижу самолет «Родина». Но его на болоте не оказалось. На юге поднимались гряды сопки, на востоке — ровный горизонт. Два раза выстрелила. Думаю, меня услышат Валя и Полина. Долго с надеждой ждала ответного выстрела. Его не было. Треснет веточка или зашуршит под ногой трава, а мне кажется, что это — эхо выстрела. Почему же я не слышу выстрела? Я пришла к заключению, что гряда сопки заслоняет звук. Надо перевалить через сопки — вот, что я решила. Время приближалось к вечеру. Пора поискать место для ночлега, вернулась к сухому месту — в лес. Наломала веток и начала разводить костер. Ветки не горели, пришлось драть бересту. Наконец, костер весело разгорелся. У огня хорошо. Посушила унты. Когда они подсохли, я легла спать. Спала хорошо.

27 сентября. Встала также рано. Решила подготовить себя к тяжелому пути. Сняла куртку и брюки, так как они мешали, связывали движения.

Унты подтянула и привязала их тонкой проволокой к поясному ремню. Осталась в шерстяном белье и свитере. Итти стало куда легче. Села одну дольку шоколада, по пути напилась, срезала палку (с этой палкой потом шла весь путь и с ней дошла до самолета). На плече несла куртку и брюки. Без особого труда я забралась в это утро на сопку.

Примерно в полдень начала спускаться. Мне предстоял очень тяжелый переход. Эта сторона сопки, по спуску, была открыта ветрам. От вершины и почти до самой опушки лежали старые, вековые деревья, поваленные ветром. Мертвый лес. Казалось, здесь нет никакой возможности пройти. Я вначале осмотрела, где лучше пробраться — низом или верхом. Спуститься можно было, либо прыгая, как акробат, по нагромождению мертвых деревьев, либо ползти под ними. Я подумала и поползла. Надо мной были вековые деревья, почерневшие, полусгнившие сучья. Ползти было неудобно, трудно. У меня был нож с маленькой пилкой. Когда валежник совершенно преграждал мне дорогу, я вынимала пилку и перепиливала сучья. Бывало, я занималась этим не меньше часа, чтобы ползти дальше. Каждый метр пути вперед требовал огромного труда. Под деревьями в изобилии росли красные кисленькие ягоды. Попробовала их, они мне понравились. Ну, думаю, буду есть ягоды. Это подспорье в продовольствии. С большим трудом к концу дня спустилась с сопки. На спуск я затратила, очевидно, больше шести часов, а проползла чуть раз-ве больше километра.

Спустившись с сопки, я хотела было итти на юго-запад, но услышала в той стороне страшный медвежий рев. Испугалась. Повернула на юго-восток, где виднелся просвет в лесу. Шла до сумерок. С особенной тщательностью выбирала место для ночлега. Нашла его среди густых деревьев с раскидистыми ветками.

28 сентября проснулась с мыслью: «Надо торопиться». Вышла на марь. Она тянулась далеко и была шириною до двух километров. С трех сторон ее окаймляли горы, и только во-

сточная сторона была открытой. Вначале пошла на запад, но после трехчасового пути убедилась, что самолета там нет. Вернулась обратно и пошла вдоль мари на восток. Дня мне нехватало, чтобы пройти болото. Спать устроилась на опушке леса. Села одну дольку шоколада и твердо решила экономить его. Первые дни я «роскошествовала», ела три раза в день (по одной дольке шоколада), но теперь решила шоколад есть только утром, а днем питаться богатствами тайги. Пора, думаю, товарищ штурман, серьезно заняться «самозаготовками».

29 с е н т я б р я. Утром, после легкого завтрака (долька шоколада) я долго прислушивалась к таежной тишине. Время, мне казалось, и самолетам показаться в этом районе, если подруги передали радиogramму о местонахождении «Родины». А может быть, аварийная радиостанция не работает? Нервничаю. Ведь если бы я была у самолета, возможно, и радио наладили бы скорее. Как-то живут мои девушки? Наверное, беспokoятся о своей Марине. Марина, подруги, пока не унывает и не будет унывать, а идет и идет к самолету.

В середине дня услышала шум, похожий на звук моторов. Мгновенно силы прибавились. Шла по опушке леса. Шум шагов мешал слушать. Я остановилась и долго слушала. Слышу совершенно четко: работают два мотора. Значит, здесь, недалеко от меня, пронесли две крылатые птицы. Родина посылает разведчиков на поиски нас. Самолеты прошли стороной... Опять стало тихо. Вот тут мне немного взгрустнулось. Не хотелось одной оставаться в тайге. Но надо итти. Вышла к концу гряды сопок, и передо мной открылось громадное болотистое поле. Деревьев на нем не было. Припоминаю, что это не то поле, где должен был сесть самолет. Недалеко от того поля, где мог сесть наш самолет, была сопка с вершиной, покрытой снегом. Я ясно видела ее, спускаясь на парашюте.

Тут я поняла, что все дни шла в противоположную сторону, удаляясь от «Родины». К югу растилалась еще

гряда сопок. Я решила итти посмотреть, нет ли за этими сопками самолета. Чтобы знать, какой я делаю путь, — на шоколадной обертке написала весь свой маршрут: очертания сопок и болот. Так и пошла прямо через марь за грядой сопки.

Все дни меня беспокоила мысль: почему я не слышу выстрелов? Очевидно, горы мешают, относя звук выстрела в другую сторону. Остановилась и выстрелила. Опять ответа нет. Патроны надо экономить. Когда я спрыгнула, у меня их было 18 штук, а сейчас осталось только восемь.

30 с е н т я б р я. Прошла еще одна ночь. С утра я снова иду по болоту. Путь однообразный — трава, под ногами вода. Кругом болота — сопки, со вчерашнего дня знакомые. Вспоминаю маршрут перелета, весь перелет встает в памяти с предельной отчетливостью. Мы пролетели над необъятным пространством страны — над городами, селами. Места под самолетом, там, на земле, мне были знакомы по карте, когда мы, трое, изучали маршрут перелета. Много думаю о случившемся. Не сомневаюсь, что нас найдут.

По болоту итти очень тяжело. Унты мокрые. Просушить их негде. Болото пересечь за день не удалось, и пришлось здесь, на болоте, устраиваться на ночлег. Сняла унты, положила их рядом на кочку. Сумерки сгустились. Наступал час моего отдыха. Нарвала травы, обернула ею ноги, сверх травы натянула носки, а затем укутала шлемом. Ноги быстро согрелись, голову спрятала в воротник куртки и приготовилась ко сну. Уставшая, мгновенно уснула.

1 о к т я б р я. Проснулась и ахнула. Что стало с унтами! Ночной мороз сковал мои мокроступы. Как же я пойду? Босиком неудобно и холодно. Я и так ноги расцарапала, поколола. Вот, думаю, беда — задержка часа на два. Ноги в унты не просунуть. Чтобы размять, я опустила их в воду. Возилась с унтами долго.

Нужно итти дальше. Сняла брюки, чтобы было в походе полегче, а тужурку оставила на себе. Так и пошла. Утро морозное. Путь показался легким.

Вода на болоте замерзла, и это облегчало шаг. Правда, трава становилась гуще и выше, но все же идти было сравнительно легко. Помню — иду и думаю: «День был удачный». Иду скоро, — а это главное. Но вот почувствовала, как будто я вырастаю, погружаюсь в болото. Делаю шаг — по колени в воде, другой — по пояс. Мшистая почва тонет, и я вместе с ней. Чувствую, меня засасывает вниз. Сколько есть сил, борюсь, хочу вырваться из плена болота...

Вода выше груди, подходит к горлу... Пускаюсь вплавь, плыву до кочки... Палка мне помогла. Она увеличивала площадь опоры, и мне удалось выбраться на кочку. Опасность миновала. Смотрю на болото. После моего купанья образовалось озеро чистой воды.

В минуту, когда вода подходила к горлу, я впервые подумала, что я одна и что мне никто не поможет. Кричи, не кричи, никто не услышит одинокого человека в тайге. Да, в это мгновение я пережила страх. Я прошла не меньше пятидесяти километров и никого не встретила. В тайге нет людских тропинок. Здесь человек должен надеяться только на себя, на крепость своих нервов. «Марина, — подумала про себя, — крепись».

Добрела до одиноко торчавшей в болоте коряги и решила первым делом просушить одежду. К счастью, полуденное солнце хорошо грело. Лед на болоте растаял. Развесив на коряге куртку, унты, белье, я стала ждать, пока все просохнет.

Спасибо солнцу! Оно очень помогло мне.

Пока сохла одежда, я прочистила револьвер.

Кушать не стала. Думаю: «Нечего тебя кормить, лодыря. День пропал, а ты и одного километра не прошла». Поругивала себя. Нежно вспомнила дочурку Таню. Представила ее себе в Москве, дома... Что-то она делает?

Когда стала рыться в карманах куртки, неожиданно в одном из них нашла завернутые в бумажку семь штук мятных конфеток-лепешек. Вот удача!

Пополнились мои запасы продовольствия!

Часа за два до темноты все просохло, и я решила здесь, у коряги, заночевать. Завтра виднее будет... Села одну мятную конфетку. Ну, думаю, это находка!

2 октября. Встала чуть пораньше обычного, чтобы успеть спозаранку пойти по подмороженной опушке болота. За ночь отдохнула хорошо и усталости не чувствовала, все шла вперед. Вскоре обогнула сопку и увидела новую марь, а на северо-западе панораму: гряды сопок и свою гору, у которой прыгала с самолета. Я обрадовалась. Сразу же засекала направление по компасу. Получился северо-запад. Пошла по этому курсу, и часа через два-три мне повстречался на болоте маленький околос леса. До большого леса было километра четыре. По болоту я шла не больше километра в час. Значит, к вечеру, как ни торопись, до леса добраться нельзя. Дойду, думаю, до лесочка и в нем заночую. Так и сделала. Вошла в лесок и стала присматриваться, где бы лечь. Тут я увидела сыроежки. Находка неплохая! Мой «запас» продовольствия еще пополнился. Набрала я березовой коры, валежника и решила разжечь костер, сварить сыроежки, посидеть у костра, погреться и уснуть. Зажгла спичку, поднесла к бересте. Береста вспыхнула, а следом огонь перекинулся на траву, и начался неожиданный пожар, потушить который я была не в силах. Я торопливо побежала от пожара. Метрах в пятидесяти от лесочка остановилась на болоте и наблюдала за пожаром. Вижу, пламя лижет деревья и гонь все больше и больше растет. Полетели птички из леса... В это время над болотом появился самолет. Он шел прямо на дым и сделал круг над местом пожара. Я быстро сняла свитер, белье, все расстелила и сама растянулась на болоте. Летчик меня не заметил. Он улетел на юг. Обидно стало, но настроение все же улучшилось. Должны же они, думаю, догадаться, что сейчас только человек может затеять пожар в тайге. Догадаются! Теперь меня найдут. Пошла по болоту дальше и шла

дотемна. Опять между кочками на болоте устроила постель из веток мелкого кустарника.

3 октября. И снова день. Мой девятый день в тайге. Не раз я думала с уверенностью, что меня минует судьба летчицы Эмилии Эрхардт, одиноко погибшей в океане. Я твердо, не сомневаясь, знала, что советские воздушные корабли долетят до любого места в тайге, чтобы спасти человека. Средств связи с воздуха с землей у нас в избытке. Парашютисты везде приземлятся хорошо. А ведь летчики и парашютисты, которые придут на помощь, — дальневосточники. Так подумывая, я шагала по мари, пересекая ее. К вечеру подошла к той самой сопке, по которой ползла под буреломом. Иду я по опушке и вдруг вижу прекрасную рябину с гроздьями красных, спелых ягод. Вот радость! Я ела ягоды с редким удовольствием. Ягодами набила полные карманы и взяла их еще в узелок. Рябину обобрала дочиста.

Совсем повеселев, продолжала идти лесом. Этот день у меня был самый удачный. В течение дня слышала несколько раз шум моторов в разных направлениях. Безусловно, самолеты ищут нас. В этом лесу мне часто стали попадаться обглоданные деревья. Пастбище медведей! Это место я знала. Именно здесь ревели медведи, когда я шла в первый раз. Сейчас вновь услышала их рев, треск сучьев. Медведи были близко. Из боязни медведей я пошла ближе к опушке леса. Скоро устроилась на ночлег. Легла спать вниз лицом. Сильно боялась медведей.

4 октября. Сегодня я позволила себе «позавтракать» шоколадом. На «обед» у меня была рябина, на «ужин» — мятная лепешка. Весь день шла лесом и воды не пила. А пить хотелось, во рту пересохло. Но за водой надо идти на болото, изменять курс. Я твердила: «Марина, шагай вперед». С утра опять летали самолеты, не делая кругов, а все по одному направлению. Вот летит низко надо мной тяжелый корабль. Другой развернулся над моей головой. Таежный лес скрывал меня, но я теперь не сомневалась, что самолет

«Родина» найден, и я иду к нему по верному курсу.

Самолеты подбадривали. Иду ходко. Слышу, трещат сучья. Птицы тревожно щебечут, беспокоятся белки, прыгая с ветки на ветку. У меня промелькнула мысль: медведь. Остановилась, прислушиваюсь. Так и есть, медведь. Зверь заревел, увидел меня. Метрах в 20 остановился, поднялся на задние лапы и стал ворочать головой. Нюхает воздух и идет на меня. В правой руке я держу револьвер, а в левой нож. У меня осталось 4 патрона. Струсила, испугалась, но не растерялась. Поднимаю револьвер и стреляю. Медведь опустил лапы и убежал.

Этим вечером я не хотела оставаться в еловом лесу. Решила во что бы то ни стало подняться на сопку. У сопки голая макушка, окруженная лесом, как забором. Подальше от рискованного соседства с медведями! На макушке спокойнее, и на ней я в эту ночь уснула.

Утром 5 октября сквозь сон я услышала пять выстрелов. Проснулась, села. Прислушиваюсь, напрягая весь слух. Ничего не слышно. Не поверила, что были выстрелы. Приснилось!

День хороший, солнечный. Готовлюсь к походу. Снова пять выстрелов. Ага, значит, это был не сон, а явь. Я засекла по компасу направление на выстрелы. Еще три выстрела. Будто в другом направлении. Проверила свой курс и пошла. Выстрелы повторялись примерно через час. Вскоре увидела над головой самолет, который летел в ту сторону, откуда слышались выстрелы. Вот воздушный корабль делает круг, снижается за лесом и через несколько минут вновь появляется над тайгой.

Я продолжаю идти лесом, несколько раз исправляя курс. Скоро лес становится реже, а в полдень я была уже на болоте.

Отдыхая, я нарушила свое правило: несмотря на то, что был день, — съела кусочек шоколада. Подкрепились и пошла дальше. Итти сейчас было лучше. Я шла по болоту, вдоль мари, а впереди видела летающий корабль, — могучего, многообещающего посланника родины. С правой стороны — лес. И вот,

когда дошла до поворота леса, сразу увидела серебристый стабилизатор.

— «Родина», «Родина»! Самолет, на котором я с подругами проделала далекий путь во славу своей страны. Это он!

Мою радость описать нельзя. До самолета оставалось километра четыре. Вечерело. Я порядком устала. Подумала, что лучше ночевать здесь, а утром пораньше пойти к подругам. Но, приглядевшись, я увидела группу людей, как будто уходящих от самолета. Решила, несмотря на усталость, продолжать путь. Пошла быстро, собирая все свои силы. Кричала, стреляла, но люди не слышали меня. Пробежав с полкилометра, я ясно увидела, что люди идут, наоборот, к самолету. Это успокоило. Слышу голоса. Темнеет. Кричу. Они все еще не слышат. Эхо уносит мой голос за сопку. Остается еще один километр, и я стреляю, жертвуя последним патроном. Кричу:

— Полина, Валя!

И как было радостно, когда до меня доносился голос Полины:

— Марина, Марина! Она идет... Марина!

Люди бегут ко мне. Я тороплюсь. На одной ноге нет унта — утром потеряла в болоте. Опираясь на палку, иду, часто спотыкаюсь... Самолет все ближе. Ко мне подбегают люди.

Вот и Полина, и Валя. Через несколько минут я была у самолета и, счастливая, сказала:

— Здравствуй, «Родина»!

★

Экспресс мчится с востока на запад — в Москву. На всем пути люди радостно встречали героический экипаж самолета «Родина».

Будь то глубокая ночь, — лишь бы поезд имел остановку на станции, — народ ждал. Если Марина Раскова спала и не могла выйти, люди подходили к ее окну.

— Тише, тише... Марина спит! — шопотом предупреждал кто-нибудь из встречающих. Люди стояли у окна уле Расковой и точно охраняли ее сон.

Чтобы приветствовать летчиц, таежные жители приходили к железнодорожным станциям за несколько километров. На одной станции, на Дальнем Востоке, к вагону подошла пожилая женщина, подала скромный букет Валентине Гризодубовой и сказала:

— Я живу в сорока километрах. Наши женщины узнали, когда вы проезжаете, и послали меня. Со вчерашнего дня я здесь... От женщин принесла вам поклон до самой земли. Скажите в Москве, скажите товарищу Сталину, — женщины Дальнего Востока мужественны, как вы.

На одной станции к Полине Осипенко подошла девушка и подала письмо.

Полина Денисовна в вагоне читала:

«Я с напряженным вниманием следила за вашим перелетом. Когда радио известило, что связь с землей у вас прекратилась, я очень волновалась. Сейчас я безгранично рада и восхищена тем, что именно вы, героини-летчицы, сумели доказать, на что способны советские женщины.

За подвиг, за отвагу комсомольское спасибо!

Я с детства мечтала стать летчицей. Мне 18 лет. В этом году я подавала заявление в авиашколу, но мне отказали. Говорят: «Девушек не принимаем». Полина Денисовна, посоветуйте, как мне осуществить свою мечту и посвятить жизнь авиации.

Лиза Шульгина».

Сотни телеграмм, писем получил экипаж «Родины» от знакомых и незнакомых. Поздравляли академик Комаров, писатели Толстой, Шагинян, Фадеев, Стаханов, Гудов, ученики московских и сельских школ. Неизвестный школьник столицы Гриша сообщал Марине: «Буду таким же отважным, смелым, как вы».

От Хабаровска до Москвы экспресс шел точно по расписанию. Впрочем, из уважения к народу машинисты приводили поезд раньше, чтобы продлить время беседы встречающих с летчицами.

На митингах Гризодубова, Осипенко,

Раскова подробно рассказывали о перелете. Люди слушали их, затаив дыхание, не пропуская ни одного слова. И беседы походили на отчет отважных дочерей своему народу, воспитавшему их.

Народ любовался крепкими, здоровыми летчицами. Двум из них по 28, Марине 26 лет. Они учились в советских школах, воспитывались народом, партией. Отважная тройка — образ советских женщин — мужественных, отважных, счастливых.

Летчицы в вагоне писали статьи, рассказывали журналистам о своем перелете. Начиная от Хабаровска, их вагон «осаждали» журналисты, кинооператоры.

Сибирь встретила экспресс суровой погодой. От Иркутска и до Урала лежал снег. Но у сибиряков такие же го-

рячие сердца, как у дальневосточников. И здесь, несмотря на стужу, на ночь, на станциях ждали люди. Салон вагона был заполнен цветами.

На всем пути не было ни одного полустанка, где не стояли бы десятки, сотни людей, с восхищением встречавших проходящий поезд.

... Город Александров. До Москвы еще два часа. На митинге несется «ура» в честь героических летчиц.

Поезд трогается. Играет оркестр. Народ кричит:

— Передайте привет Сталину!

Через два часа экспресс подходит к вокзалу столицы. Летчицы выходят из вагона, и в честь их раздаются:

— Добро пожаловать, бесстрашные орлицы!

Столица приняла в свои объятия смелых, отважных дочерей.

Зимний берег

ИВ. ЗЫКОВ

★

Пароход Севморфлота «Поморье», как всегда, раз в шестидневку, идет своим обычным рейсом вдоль Зимнего берега Белого моря, подходя по пути к прибрежным деревням.

Зимний берег — это край климатических и ландшафтных контрастов. Именно здесь проходит граница между умеренным и арктическим поясами, и она очень резка: на какой-нибудь сотне километров пейзаж меняется до неузнаваемости.

На южной половине Зимнего берега — зеленый лесной ландшафт. Точно такие же леса растут и под Москвой, где-нибудь на берегах Сенежского озера или на Клязьме. В чаще, в «шалге», трудно даже подсмотреть ожидаемую северную суровинку и корявинку. Север выглядит не в лесу, а на прогалинах: прогалины здесь не луговые, а мшарниковые. Чем дальше на север, тем меньше леса, больше прогалин; под 66-м градусом лес прекращается совсем, зеленый цвет разом обрывается, начинается коричневая торфяниковая тундра.

★

На палубе «Поморья», переполненной пассажирами, я разговорился с очень высоким, седобородым человеком. Узнав, что я 20 лет не был в здешних местах, он оживленно заговорил.

— Новое сами увидите, про старое напомню... Я — Малыгин из Койды. Деревня это такая в Мезенском зали-

ве. Много нас в Койде Малыгиных, домов, льзя быть, сто. Только по прозвищам друг друга различаем... Ледокол есть «Малыгин». Ну, он не по нам назван, в честь офицера-гидрографа, исследователя северных морей. А надо бы по нам назвать, потому что первые мы по морю ледоходцы. По льдам и пешком, и на лодках-семериках всю жизнь ходили. На Моржовец, бывало, по зимам на тюлений бой со всего Мезенского уезда и Зимнего берега народ ходил. Летом семгу ловили, осенью до января навагу на Канине промышляли, а в последних числах января весь народ на Моржовец шел. В феврале тюлень на лед ложится и белька родит. На Моржовце избы были настроены. Мы и жили в них два месяца, ждали, когда льды с тюленем к острову поднесет. Иногда зверя и мимо проносило. Не дождавшись большой залежки, ходили промышлять редкого зверя. Каждый день на прибылой воде на льды спускались, перед отливом снова на Моржовец спешили. В марте—апреле, как льды пореже станут, забирала с собой хлеба на месяц — на два да дров немного и пускались с лодками весновать на льдах, зверя искать. Разводье в лодке переедешь, по льду лодку на лямках тащишь. На весновании в избе не поночуешь, досыта не поешь, чаем вдоволь не побалуешься. Спишь прямо на льду. В лодку много ли дров да всякого припасу возьмешь? А ходили во льдах по два месяца. И холод, и голод терпеть

приходилось. Да это все ничего. Только бы на берег домой живым вернуться. А случалось, не возвращались. Ой, как случалось!

Не было раньше ни ледоколов, ни самолетов, ни радио, не посылали спасательных экспедиций. Всяк отвечал сам за себя. Никто не спешил к погибающему. На беломорской льдине в былое время от помощи мы были дальше, чем Папанин на полюсе.

— Вот я вам еще расскажу. У нас под Моржовцем лед постоянно юлит волчком, колетя, торосится, сводится и разводится. За двенадцать часов около Моржовца течения идут поочередно со всех сторон, в полный круг. Отлив сильнее прилива. Лед все время постепенно сносит в океан. Спускаться с Моржовца на льды можно только на приливе. Как начнется отлив, беги скорее на берег. Если зазеваешься, останешься на льдине, понесет спиралью к северу, к океану, — увидишь остров лишь издали и в последний раз.

Зверя промысливать на покрут ходили. Покручивались хозяину на зимний да на вешний путь. Хозяин место в лодке давал, хлеб да бахилы. По семи человек в лодке было. Каждый покрутик хозяину за снаряжение две трети своей добычи отдавал. Пропадали люди и на веснованьи, и на зимнем моржовском промысле. Бывало, на Моржовце прилив кончается, пора уже на берег подниматься, а кто-нибудь из покрутичков на зверя позарится, далеко от лодки отбежит, зазевается и во время к лодке не вернется. Ну, поморы покричат, постреляют, — а разве на выстрелы обратишь внимание, когда всюду кругом стреляют? — и тащатся с лодками на берег одни, бросают товарища... И ведь как винить? Так рассуждали: лучше всем наверняка на берег выйти, чем из-за одного рисковать. Бывало, поднимутся все лодки перед началом отлива на берег, а по льдам человек бегаёт. Уносит человека на глазах у всего становья с сотней лодок и сотнями людей...

Почему не шли на помощь? А рискованно. Техника-то ведь одна, что на берегу, что у человека на льду. Бежать

на юг — вот и вся техника, Так и уносило. А хозяин лодки, бывало, сокрушается: «И-эх, новые бахилы ему дал! Мужичонко-то непутный, не нашей деревни, мезенец. Пропадают бахилы!».

Торосит льды около Моржовца страшно. Случалось, что смерть не в уносе, а у самого Моржовца принимал. Однажды при подеме на береговой припай торосившийся лед разбил корму лодки и засыпал кормщика, а шесть человек успели выскочить. В другой раз при подеме на припай, — уж, кажется, совсем дома, через полчаса обедали бы, — льдиной прикрыло лодку со всеми семью человеками.

А случалось, возвращались люди. Вдруг ветер падет ладный. Носит помора неделю, другую, съует помор голенища хозяйских бахил, и вдруг поднесет льдину к Конушину Носу, к Каниной Земле, — пресвятая заступница, святые угодники! Земля! — и выйдет помор на берег. Так вот и меня вынесло. Само собой, крест матерый я поставил. У нас такой обычай был — кресты ставить, когда избавишься от неминуемой опасности. Крестов-то раньше по берегам эвон сколько стояло! В знак избавления.

— Все это вон там было, — Малыгин махнул рукой вперед. На горизонте из-за моря выдвинулась низкая темная полоска, как плывущий вдалеке плот. Она становилась все шире и выше и постепенно принимала очертания земли. Пароход подходил к Моржовцу.

В нашу беседу вмешалась пассажирка, молодая девушка.

— Зверье же вы, однако! На звериных промыслах сами озверели. Как можно допустить, чтобы человека на льдине уносило, а другие на это дело спокойно смотрели?

— А вы, девушка, откуда родом будете? Черноглазенькая — на наших не похожа.

— Из Чернигова. На Франце-Иосифе и на Канине зимовала. А теперь на Моржовце третий год живу.

— Бывал я на Руси. В солдатах на действительной служил. Я и в вашем Чернигове бывал. Так я вам скажу, у нас здесь люди, исключая кулаков, все-

гда лучше были, чем на Руси. В вашем Чернигове приезжому без денег дня прожить нельзя, а у нас на берегу с прохожего денег веком ни за что не брали. Каждый, кто мог, в помощи не отказывал. У вас в городах в старое время человек без денег с голоду на улице мог умереть, и никто бы ему не помог. А вы говорите — зверье! Люди — те же, что теперь. Строй другой был. Одно слово, царский режим. Ити на поиски погибающего было не под силу отдельным людям. Пойдешь на помощь один — не поможешь, сам пропадешь. Организованно надо, всем миром, а организации в старое время не было.

★

Койда, большая деревня с населением в полторы тысячи человек, расположена в тундре, километрах в пяти от моря, на реке Койде.

Здесь, в низовьях, эту водяную полосу, прорезавшую тундру, рекой, собственно, назвать трудно. Это, скорее, длинный, узкий морской залив, по которому вода, подпираемая приливом, два раза в сутки с бешеной скоростью несется назад, к верховьям.

У Койды мы высадились с парохода на карбаса на полной воде. Но уже начался отлив, и встречная вода при встречном же ветре не позволила карбасам быстро войти в реку. Надо было ждать следующего прилива, и мы полсуток стояли на якоре.

...Кое-где на мысах видны рухнувшие кресты, пестрозеленые от плесени лишайников.

Новых крестов больше не ставят на Зимнем берегу.

Я спрашиваю:

— Отвыкли благодарить бога за избавление от опасностей?

— Да. Но и опасностей стало меньше. Раньше зимой за тюленем ходили по плывущим льдинам. Теперь ходим на ледоколах. Раньше зимой сидели на Моржовце и ждали, когда ветер принесет льды с тюленем, да не всегда дожидались. Теперь, где с самолета заметят тюленью залежку, туда и направится ледокол. Раньше десять тюленей на чело-

века считалось хорошим промыслом, теперь на ледоколах приходится по четыреста штук на бойца. Ледокол всегда зверя найдет и не зависит от случайностей.

В горнице у заместителя председателя койденского колхоза «Освобождение» Александра Кузьмича Попова висят на стене в рамках почетные грамоты «ударника зверобойной ледокольной путины».

Александр Попов рассказывает:

— Инициаторами использования ледокола на тюленьих промыслах были мы, койдяне. По существу, мы были и первыми в СССР колхозниками. На морских промыслах нельзя быть единоличником, один к морю не сунешься, море требует артельности. Ведь и раньше на вешний путь, хоть и от разных хозяев, а ходили во льдах «бурсой», лодок по сорок вместе.

— Вы занимаетесь теми же самыми промыслами, что и в прежнее время?

— Не только. Конечно, чем раньше занимались, и теперь всем занимаемся: на море — тюлень, семга, навага; в тундре — олень; в поймах реки — сенокос для рогатого скота. Но мы освоили и новые виды промыслов. С 1931 года начали лов трески на Мурмане. В прошлом году на Мурмане ловили четырнадцать колхозных моторных посуд и добыли 10 тысяч центнеров рыбы. В 1936 году начали лов селедки в устьях своей реки. Наш колхоз богат промысловым инвентарем: семнадцатое моторное судно строим, карбасов морских — 49, зимних зверобойных лодок — 44, семужьих неводов ставим полсотни, карбасов мелких — много, даже не знаю точно, сколько. Доход колхоза в прошлом году достиг полутора миллионов. План по рыбе всегда перевыполняем. Есть у нас четыреста оленей, главным образом для снабжения колхозников мясом. Есть молочно-товарная ферма, но она приносит мало дохода, потому что сено у нас трудное. А каждый колхозник для покрытия собственных потребностей имеет корову.

Сено в Койде, действительно, трудное. Вокруг расстилается сухая торфяниковая тундра, а трава на торфе не растет, повидимому, потому, что вытес-

няется тундровыми кустарниковыми многолетниками. Там, где селится человек и вытаптывает пухлый слой вороники, ёры и ягеля, появляется травяная зелень. Думается, что, если содрать воронику с ягелем да обсеменить торф, луговые травы принялись бы на больших площадях. Но пока травы на торфе не растут, и койдяне заготавливают сено в верховьях своей реки, километров за восемьдесят от деревни, и сплавляют его в карбасах, используя силу приливов и отливов.

Сотни лет здесь человек пассивно подчинялся силам природы, не вмешиваясь в ее жизнь. Поэтому койдяне не верят в торф: они привыкли видеть на торфе только воронику и ёру. Когда в Койде в 1936 году впервые завелись посе­вы картофеля и появились крошечные огородики, результаты были сначала не очень удовлетворительные.

Архангельский рыбацко­союз устроил в этом году шестимесячные курсы по овощеводству, на которых обучались представители тридцати рыбацких колхозов. В августе 1938 года на Зимнем берегу впервые в истории побывал командированный рыбацко­союзом агроном Кондаков.

Я спросил у агронома:

— Можно ли развить в Койде овощеводство?

— Несомненно! Здесь неподалеку, в Семже, посажено было полтора гектара капусты, и кочаны выросли по восьми кило весом. Конечно, если слой торфа очень толст, то он связан с вечной мерзлотой, и на толстом слое торфа разбивать огороды не следует. А в южных районах Зимнего берега, где нет тундры, условия для развития овощеводства вполне благоприятны.

Думается, что недалеко время, когда в Койде и овощей будет вдоволь, и сено перестанет быть таким трудным.

Что нового в Койде? Школа-семилетка, клуб с драматическим кружком, осуществившим за зиму десять новых постановок, с хоровым кружком, получившим первую премию на районной олимпиаде, амбулатория, родильный дом. В среднем — в каждой семье пятеро ребят. Детская смертность не превышает

5 процентов. До революции была не ниже 70 процентов.

На полках рыбкооп­а «Зверобой» — изобилие промтоваров. Случайные проезжие покупают здесь обувь, ткани, одежду.

— Зачем вы снабжаете проезжих?

— Почему же! У нас — свободная торговля! Пожалуйста! На всех хватит!

★

Карбаса, приняв с парохода пассажиров, отошли от борта и заторопились к берегу. Пароход погромел с минуту якорной цепью, пустил из-под кормы струю пены и двинулся дальше выполнять расписание.

А мы, бывшие пассажиры, в'ехали на карбасах из моря в реку и высаживались на песчаный берег. На песке у моря с полсотни домов из серого, обветренного дерева. Сзади гребеночка островерхого елового леса. Через леса между холмами и пригорками бежит извилистая река и вливается в море у самой деревни.

Морской прилив и здесь солонит воду реки. «Свеженьку водицьку» берут из родников или ездят на карбасах вверх по реке и там наполняют ушаты и «пороцьки» с присловьем: «Мать сыра земля и мать быстра река! Благословите поцерпнуть на питенье и на еденье, на здравое житенье, на кротость и на смиренность!».

Устья рек — единственные гавани для рыбацких судов на слабо изрезанном, лишенном бухт берегу, и потому здешние деревни всегда расположены при впадении в море рек.

Стоят дома не улицей, а как придется, друг к другу задми. К морю боком, к реке — другим.

Сюда заходили при Петре шведы. В Крымскую войну «англичанка» послала корабли погромить малость здешние берега. Еще в петровские времена жители выселились из деревни вверх по реке, и там, в 10 километрах от моря, основали в лесу новую деревню. Впоследствии часть поморов вернулась на прежнее место (без моря же не проживешь!) и построила новые дома. Строи-

лись как будто бы не навек, а до нового возможного бегства: «Кто ж их знает? Раз поугаали, еще придут!». Так и стоят дома в тревожном непостоянстве, готовую к взлету птичьей стаей...

На углах домов — дощечки. «Григорий Плакуев. Лопата». Тут же на дощечке лопата нарисована. Это значит — хозяин дома должен бежать на пожар с лопатой.

Мы — в Нижней Золотице Приморского района Архангельской области, на градус южнее Койды.

Кроме Нижней, есть еще Верхняя Золотица, — та самая, что основана при шведах выселенцами. Обе деревни — и Верхняя и Нижняя — называются вместе Зимней Золотией. А есть еще Летняя Золотица. Та — на Летнем берегу.

Зимняя Золотица — одно из древнейших поселений на Белом море. Возникла она на таком богатом рыбой и зверем месте, где, по мнению новгородцев, можно было озолотиться от промыслов.

Население занято морем. Местный промысел: летом — рыба, зимой — тюлень. Отхожий промысел — плавание на судах Севморфлота, Главсевморпути и Мурманрыбы. Приватные занятия — скотоводство и лесная охота. От земли ничего не берут, хотя овощи могли бы выращиваться отменные, — у любителей вызревали до красноты помидоры. Картошку, впрочем, сеют по-немногу.

— Куда ж ее больше? Мы к рыбе привычны. Пробовали в Архангельске такие штуки, — как глобусы, а внутри одна слякоть. (Это арбузы. — И. З.). Разве это пища! Мы ни к овощам, ни к лаптям не привычны.

★

Уличная сценка в Нижней Золотице: седенькая старушка напеваёт речитативом собравшимся вокруг нее детишкам:

Ай мне спеть мне-ка старинушку старинную,
 Да старинную старинушку бывалую.
 Ай во славном было городе во Киеви,
 Собираал-то князь Владимир-от поцёстен пир,
 Собираал он для князей да для бояр же,
 Позабыл в цистом полѣ могущих он
 богатырей.

Тут поехал-то Илейко, Илья Муромець,
 Илья Муромець поехал свет Ивановиць.

Роз'ерилось у Ильи да ретиво сердце,
 А стегал он коня по крутым бедрам.

«У того ли у моря у Белого, у лукоморья песку желтого» — в Нижней Золотице — до сих пор живут сказители былин. Народная память пронесла через века в чистоте и неприкосновенности произведения древнерусской словесности. До XX столетия на Зимнем берегу сохранились прежние новгородские обычаи и старый цёкающий говорок.

Наиболее популярное лицо в Нижней Золотице — Марфа Семеновна Крюкова. Ее имя слышишь первым, как только попадешь в деревню. Вообще, Марфа Семеновна — самый знатный человек не только Нижней Золотицы, но и всего Зимнего берега. Ее известность основана на том, что, обладая исключительнейшей памятью и творческим даром, она знает и рассказывает более сотни былин.

Биография Беломорья так же стара, как биография Москвы. Двинские земли и Заволочье входили некогда в состав новгородских владений. Марфа Борещкая владела на Белом море обширными поместьями. Сыновья ее тонули в беломорских водах, и новгородская посадница строила на берегах, в память погибших, монастыри и поминальные часовни.

Старая эта биография, однако, очень несодержательна. Трудно представить край, более обособленный и застылый. До революции Беломорье было далекой окраиной, оторванной от остальной России. Здешнее население было больше связано с соседней Норвегией. Связь, впрочем, ограничивалась сферой торговых отношений. Из Норвегии привозили товары, но сохраняли при себе старые привычки, бытовой уклад.

Вплоть до революции 1917 года и даже позже, до освобождения Севера от иностранной интервенции и белогвардейщины в 1920 г., в обособленной окраине сохранились в неприкосновенности общественные отношения новгородских времен.

Оторванная окраина жила своей жизнью. Все, что происходило в остальной России, только слегка и поверхностно затрагивало поморский быт. Архангельская губерния не знала крепостного права и сословных разграничений. Зато впоследствии она не знала земства и реформ шестидесятых годов. В отношении Беломорья не нашел применения и специальный закон 1876 г. об отмене половничества в сельском хозяйстве северных губерний. Здесь вплоть до 1920 года сохранился «покрут» — форма трудовых отношений, сложившаяся в XIV—XV веках и соответствовавшая половничеству в земледелии.

*

В Нижней Золотице посреди сбившихся в кучу серых домов стоит богатый дом.

— Семена Субботина дом. Прожиточный человек был, — с «Норвегой» гостевал. У него суда были, пароход был и контора своя.

В доме Семена Субботина, помимо постоянно занятых жилых комнат, было 6 парадных покоев. Такие же дома и в других деревнях. У Копытова в деревне Нижняя Кать — 23 комнаты. То же у Шульгиных, Чукчиных, Бурковых, Зямятиных в селе Патракеевском.

Кулацкая сила росла на основе владения орудиями производства морского промысла. Источником существования помора было море и торговля с соседней Норвегией. А голыми руками рыбу и зверя не возьмешь, пешком в «Норвегу» не сбегаешь. Вот и шли к кулаку в покрут.

Кроме покрута, существовал еще наем судовых команд «от Егорья до Покрова» и обычное батрачество.

Покрут не считался наймом, ибо в нем наличествовали некоторые черты артельности. Конечно, только внешние.

Хозяин предоставлял покрутчикам немудрые орудия лова — в большинстве случаев только продовольствие и лодку для зимнего тюленьего боя или сеть семужьей ловли, взамен чего вся артель покрутчиков две трети своей добычи отдавала хозяину. Неразделенной оставалась только опасность морских

промыслов, в особенности зимних ледовых.

Покрутчики рисковали своими жизнями. Середняк, снаряжавший изредка одну лодку, участвовал в промысле в качестве кормщика и делил опасности наравне со всеми. Богач же, снаряжавший много лодок и несколько судов, лично в промыслах не участвовал, — стало быть, ничем вообще не рисковал: суда-то были застрахованы. Только человечьи жизни плыли среди скрипучих льдов, не застрахованные ничем от опасностей.

Богач драл с работавших на него людей четыре шкуры. Первую, и достаточно основательную, шкуру драл как предприниматель, получивший две трети продукта труда своих покрутчиков. Вторую — как скупщик оставшейся в их руках доли добычи. Третью — как торговец, снабжавший население привозными товарами. И четвертую — как заимодавец, кредитовавший бедняков под будущий промысел.

Власть кулака особенно возрастала в таких деревнях, где местные промыслы не обеспечивали население и где развиты были промыслы отхожие, требовавшие более сложного снаряжения. На Зимнем берегу, чем южнее, тем значительнее была роль отхожего промысла, тем богаче был кулак.

Кулакам одного села Патракеевского принадлежало 140 парусных судов, подерживавших рыбную торговлю с «Норвегией». Игнатий Бурков из Патракеевского имел 11 морских пароходов и эксплоатировал их со средневековой жадностью, вводя сокращенные штаты команды и сокращенное жалованье.

— Найдутся люди, пойдут!

И находились. Шли.

Летом, бывало, в деревне ни одной мужской души: все — на дальних промыслах и покрутах. И девушки вечером одни, взявшись за руки, водили по улице «хвост» (хоровод), укладывая в ча-стушечные, веселые, казалось бы, ритмы неожиданно скорбные слова:

Сине морюшко глубоко —
Пояском не смеряешь,
Ягодиночка далеко —
Вечерком не сбегаешь,

Кабы я была богата,
Откупила бы дружка,
Не пустила бы на Мурман,
На крутые бережка.

В южной части побережья лишь незначительная часть населения занималась местным промыслом. Для остальных деревня была только местом, где отсиживались во время зимней безработицы. Летом большинство — на Мурмане, на судах, в Норвегии.

Мурман, не имевший постоянного населения, эксплуатировался экспедиционным путем. Артели приходили сюда на летние месяцы. Орудием лова на Мурмане был ярус, а то и ручной поддев. Рыбак опускал ко дну большой блестящий крючок и дергал до тех пор, пока не поддевал набежавшую на блеск прыгающего крючка хищницу-треску.

Таким способом, ясно, много рыбы не наловишь. Рыбные богатства Мурмане оставались неиспользованными. Иностранцы ловили рыбу в наших водах траулерами. А у нас траулеров не было. И кулацкий парусный флот был занят, главным образом, перевозкой миллионов пудов покупной рыбы из Норвегии.

★

Архангельск был очищен от интервентов в 1919 году. В следующем году была выбита с Севера русская белогвардейщина, и Белое море стало морем советским.

Поскольку кулацкая сила основалась, главным образом, на судовладении, кулак утратил прежнее могущество уже с приходом советской власти, с национализацией торгового флота. В промежуточный период до 1929 года, до коллективизации, часть кулаков оставалась на прежних местах, жила в своих домах и тем или иным способом пыталась извлекать пользу из чужого труда.

Окончательно добит был кулак, как и всюду, коллективизацией. Социалистическая экономика прочно утвердилась на беломорских берегах. Деревенская молодежь не знает, что такое покрут, и старики стали о нем забывать.

★

Более живучими оказались бытовые привычки, пережитки в людском сознании.

Нельзя думать, что старое в поморском быту поспешило удалиться при первых же декретах советской власти. Прыжок из средневековья в социализм оказался нелегким. Старое упорно и дольше всего держалось в маленьких середняцких деревнях, занятых исключительно местным промыслом и не подвергавшихся социальным перетряскам с резким обрубанием нитей прошлого.

Деревня Козлы, Беломорского сельсовета,—самое молодое поселение на Зимнем берегу. В прошлом столетии здесь на пустом месте, при впадении в море реки, поселился беглец от государевых законов, прозванный Коломининым. Приобрел судно, начал торговать с «Норвегией». Был, говорят, лихим контрабандистом, на чем в скорости попался и уплатил большой штраф. Забрали у него судно и все шитое имущество. Остались у Коломинина только козлы для развешивания сетей. С тех пор ни Коломинин, ни его потомки не могли уже обзавестись судном и целое столетие по-средняцки занимаются у себя дома рыболовством. И пошла от них середняцкая деревня Козлы.

Несмотря на свою малость, деревня называется Большими Козлами. А рядом, в двух верстах, есть еще Малые Козлы. Стоит там всего один дом, и живет в нем только одна старуха Марфа Юдина.

Какая ж это деревня из одного дома? Но на Севере не все обычно для среднерусского понимания: на Севере так мало деревень, что один дом—уже деревня.

Козляки, коломининцы — угрюмцы и домоседы. Живут в глухом лесу, на судах не плавают, в городах не бывают. Линейный пароход к ним не заходит из-за малости деревни. Самое молодое из поселений Зимнего берега в культурном отношении оказалось позади других.

Три года назад Козлы были потрясены необычайным событием. Незамужняя девушка Варвара «запоганила подол» — родила сына.

Это событие всполошило деревню, в особенности ее женскую часть.

— Кака-та беда-та! Страм-от какой! Крутехонько-скорехонько с мужиком спозналась, вся приволоцилась, вся присудилась. Парато¹ гульлива. Мы поцем знам, от кого ребеночек.

Людской оценке подчинился обольститель. Он, конечно, не женился на «порченой».

Варварина мать пекла на дому для «рыбкопа» хлеб. И вот при покупке хлеба стали спрашивать:

— Ты мне чей хлеб даешь? Варварин? Да ты не перепутал ли? Кака-та кашть!

Женская часть двинулась на кооператив:

— Не хотим есть поганого хлебу! Не принимать от ней хлеба! Не давать муки!

Для Варвары Третьяковой история закончилась не так уж плохо. Алименты она судом взыскала. Не пошла бы в суд, да очень уж обозлили.

Сидела Варвара дома — но не век же сидеть взаперти — и, чтобы не ходить по деревенской улице, ушла на тону, вступила в члены рыбацкой артели.

В деревне два колхоза: рыбацкий и сельскохозяйственный. Рыбачат мужчины, заготавливают сено на долгую зиму женщины, поморские «выносливые жонки».

На тоне работают не каждый день. Как установится погода, рыбаки поставят тайники и поезживают выбирать рыбу. А в бурю, убрав сети, и вовсе лежебочничают.

«Выносливые жонки» машут косой долгий день — по условиям местности механизация сеноуборки невозможна, — а дома их ждет «обрядня» — варка пищи, дети, уход за скотом.

Вступлению женщин в рыбацкие кол-

хозы мешал раньше предрассудок: как можно жить на тоне с мужиками? Просмеют!

Варваре Третьяковой нечего было стыдиться: ее уже просмеяли. И Варвара первая вступила в рыбацкий колхоз, за нею — и другие.

Теперь немало есть и председателей колхозов и сельсоветов из женщин. В Беломорском сельсовете, в состав которого входят Козлы, председательствует Евгения Егоровна Мигунова, и, повидимому, неплохо, потому что избирают ее уже в третий раз.

★

Первое, что бросается в глаза человеку, попавшему сюда после двадцатилетнего отсутствия, это — окончательная ликвидация вековой изолированности Беломорья. Об этом говорит любая черта колхозной жизни. Прежде всего, факт бесперебойного движения по берегу почты. За 20 лет все окраины, и даже Арктика, значительно приблизились к Москве. Раньше человек смотрел себе, только под ноги. Аршинный был у человека кругозор. К чему была почта? Теперь люди живут общей жизнью со всем Советским Союзом.

Марфа Крюкова из Нижней Золотицы рассказывает свой новый сказ:

Снаряжал-то Сталин черенный большой карабель.

Большой карабель, славный ледоход...

До сих пор на Зимнем берегу по-прежнему, как много столетий назад, поморы пели о Святогоре-богатыре и похваляющемся небылыми словесами добром молодце. Пели еще вчера. А вот сегодня поют о Ленине и Сталине. От Ильи Муромца и Владимира Красного Солнышка скачок без всяких промежуточных этапов к Ленину и Сталину. Чапаеву.

Помор живо интересуется всем, что происходит в стране. Страна тоже интересуется помором. Связь получается двухсторонняя

★

Мы в самом глухом углу нашей страны. Здесь не рыли каналов, не прокла-

¹ Очень.

дывали железных дорог, не строили заводов. Здешний лес попрежнему простирается через Урал до Камчатки, и здесь попрежнему ловят медведей силками. Часть населения отхлынула отсюда в другие северные районы, развивающиеся более быстро.

Население Зимнего берега в общем итоге не возросло, а в некоторых селах даже уменьшилось. В селе Патракеевском, где до революции было 140 парусных судов, улицы пустоваты, и во многих домах окна забиты досками.

— Где хозяева?

— Переселились в Мурманск.

Таится ли в этом явлении, обычном для некоторых сел Беломорья, что-либо угрожающее? Нет, ничего страшного здесь нет. Патракеевское до революции было торговым селом, ни в малой степени не связанным с местными промыслами. Оно было населено судовладельцами и моряками. Суда возили в Норвегию муку и лес, закупали там рыбу. После распродажи рыбы в Архангельске ставили суда на зимовку и проводили зиму в бездельи.

С развитием социалистического хозяйства рыбная торговля с «Норвегией» стала не нужна: на Мурмане у нас возник мощный траловый флот. Рыбаку не приходится поддевать рыбу крючком. Паровой траулер тащит за собой по морскому дну сетевой мешок и сребрает всю попавшуюся на пути рыбу. Добыча рыбы на Мурмане перевалила с 500 тысяч за 20 миллионов пудов. Не то, что покупать, сами кому угодно продадим. Мурман превратился в советский район передовой техники.

Развитие мурманского рыболовства потребовало оседлости. На Мурмане работают уже не три месяца в год, а все двенадцать. Это, конечно, повлекло за собой перемещение населения. На Беломорском побережье остались те, кто занят местным промыслом: семгой, сеledкой, навагой, тюленем, лесной охотой.

Конечно, Мурман богаче рыбой. К тому же естественные условия допускают там широчайшее применение меха-

низации рыболовства. На Белом море и рыбы меньше, и механизацию применить трудно. При капиталистических отношениях Зимнему берегу, быть может, грозило бы вымирание. Не так при советской власти.

Белое море располагает собственными ресурсами. Ему принадлежит пока монополия по семге, наваге, тюленю. Нежная, мягкокостная беломорская сеledка — лучшее сырье для килек и шпрот. И она еще не освоена в достаточной степени. Освоение еще впереди. Беломорью есть куда развиваться.

Не надо думать, что человеку на Зимнем берегу стало тесно. Наоборот, людей здесь определенно нехватает. Нехватает, чтобы уловить всю рыбу, нехватает для других возможных промыслов.

Вот, например, миллион бревен лежит на берегу. Куда ни пойдет помор, все время шагает через бревна. Но ему некогда заняться сбором древесины. Средний заработок сплавщиков — 1 000 рублей в месяц. Помора не прельщает эта тысяча. Он не хочет отвлекаться от вековой кормилицы — рыбы.

Без ответа висят в деревнях плакаты: «Собирайте анфельцию для выработки агар-агара!». Раскачиваются на волнах кудрявые кроны иодоносных водорослей. Играют в море стаи белых дельфинов. А каждая белуха стоит тысячу рублей.

— Просторно у нас, — говорит Василий Безбородов из села Козлы, — в городе-то человек человеку иногда словно бы мешает. У трамваев-автобусов очереди. С жилой площадью тоже. Идет ли человек в баню или на трамвай, или в магазин, всегда думает: эх, кабы народу поменьше! Городской житель видит впереди себя человека без удовольствия. А у нас на тонях, как увидишь впереди прохожего, думаешь: вот он поможет карбас с берега в воду столкнуть. У нас здесь всегда видишь человека с радостью, всегда думаешь: эх, кабы народу побольше! Маловаты наши деревни. Были бы больше, в каждой деревне завели бы школы, ясли, амбулатории.

★

Лето поморы проводят на рыболовных тонях:

Первую встречу с бытом новой колхозной тони я имел на реке Керееце.

Отшагав за день изрядное расстояние, я подходил к кереецкой тоне. До села оставалось еще 10 километров, но сказывалась уже усталость от километров, оставшихся позади; хотелось отдохнуть.

Если устроиться на ночлег под открытым небом, закусуют комары. Комар в здешних местах—подлинная казнь египетская. Зайти в рыбацкую избу—запачкаешься в саже и пустишь от дыма обильную слезу.

Помню я эти курные избы. В них больше сажи, чем воздуха. Что другое, а рыбацкая изба с топкой по-черному осталась, вероятно, незыблемой и спустя 20 лет. Двадцать же лет назад в состав инвентаря избушки входила, между прочим, спиночесалка—зазубренная деревянная пластинка на длинной ручке. Ее удобно было запускать за ворот, достать любую точку на спине.

Оказалось, напрасно я боялся рыбацкой избы. За 20 лет она изменилась. Колхозы строят на тонях новые избы. С трубой. Выбеленный потолок, обои, и вместо нар—койки. И патефон,—конечно, не такая уж важная вещь, но и ему место в новом рыбацком быту.

Почему не строили хороших изб раньше? Ведь для этого не надо даже рубить лес. Щедрая Двина выносит ежегодно колоссальное количество бревен. Морская волна выбрасывает их на берег, предварительно отшлифовав о гальку до белоснежной чистоты. Все берега завалены плавником—бери и строй! Но никогда раньше помор и не вздумал бы построить на тоне хорошую избу. В первых, избы на тонях не были собственными—они принадлежали сельским обществам; чувство же общности интересов развилось только с коллективизацией. Во-вторых, из-за неряшливости. К уровню удобств своего летнего жилища помор не предъявлял до революции никаких требований.

—Как-нибудь! Ведь временно! Не круглый год.

Говорят, рыба бежит от своих рыбьих клопов из глубины моря к берегам. Рыба, она ведь прихотлива. А вот рыбак был неприхотлив. Поджидая у моря бегущую от клопа рыбу, он терпеливо кормил собой клопа в курной избушке. Да что клоп! Плодилась на рыбацком теле «ядрена вошь». Не зря же хранились в избах спиночесалки.

Революция пробудила в рыбаке чувство собственного достоинства, повысила уровень запросов.

До революции в Зимнюю Золотицу раз в год приезжал на один день из Патракеевского фельдшер. От Патракеевского до Золотицы—120 километров. Фельдшер успевал в один день записать в книгу, выслушать, выстучать и снабдить нехитрыми лекарствами до 150 человек.

—У тебя, тетка, что?.. На, помажь!..
Следующий!

Теперь в Золотице своя амбулатория, а на каждой рыбацкой тоне Золотицкого сельсовета—довольно обширный набор необходимых лекарств.

★

Я проехал вдоль Зимнего берега на пароходе. Теперь, возвращаясь, я иду вдоль Зимнего берега пешком.

Многие дни справа—море, слева—лес, под ногами шуршит песок и похрустывает галька, над головой—неповторимое северное небо.

Тишина. Только изредка на опушке леса с шумом, квохтаньем и свистом вспорхнет с земли перепуганный шагами выводок тетеревов и рассядется на ближайших деревьях.

В отличие от тихих дней ночи полны звуков. Основное в звучании ночей—птичий голос. Здесь можно услышать такое редкостное явление, как тысячеголосый хор гагар. Здесь, в субполярьи, гагары гнездятся и плавают отдельно, но поют все вместе.

На тонях и в деревнях рыбаки встречают меня расспросами:

—Что за неволя, чужая охота заставила променять пароход пловучий на пешие ноги? Пошто чудакуешь? Пошто топчешь, мил человек, желтые пески,

щуршишь галькой? Идешь ли ты по коллективизации, по травам, по рыбам или по художеству?

— Не по травам, не по рыбам. Идувольной волею, своею охотою. Хочу посмотреть, как живете.

— Чей будешь — городской, архангельский?

— Из Москвы.

— Далеко забрел, коли не врешь. Ну, садись да хвастай, коли из Москвы. Не видали мы московских жителей.

Когда я уже был в южной части побережья, с севера позвонили по телефону в южные сельсоветы:

— Идет по берегу непутевый человек, без котомки, без снаряжения, без бахил. Видать, ни к чему человек бродит. Идет не по рыбам, не по травам, не по коллективизации, а обо всем спрашивает и во все нос сует. Должно быть, беглый. Надо задержать и выяснить, кто таков.

Бежать здесь как будто бы некуда, но раз человек не пользуется культурными способами передвижения на пароходе и бродит без дела, — значит, что-то неладно.

По берегу распространился слух, что с севера идет «гопник». Что означает это слово, никто толком мне не объяснил, но, повидимому, что-то очень уголовное.

В Козлы известие о гопнике пришло в тот вечер, когда я, оказав послышную медицинскую помощь маявшейся зубами «жонке», с колотушкой в руках охранял колхозное добро.

Недавно случился в Козлах пожар. Перепуганные колхозники постановили: костров вблизи от деревни не разжигать, бань летом не топить, на поветь с огнем не входить, вести по очереди ночное дежурство.

Ночные эти дежурства составляли не совсем приятную нагрузку в страдную спешку, в разгар рыбного лова. И вот я вызвался подежурить, чтобы освободить очередного сторожа для более важных колхозных дел.

Дали мне колотушку и наказали бить в нее что есть мочи, если замечу дым или если увижу гопника. Идет, мол, с севера гопник не по рыбам, не по тра-

вам, не по коллективизации, без котомки и без бахил.

— Так это же я! Я иду с севера без бахил, не по рыбам, не по травам... Про меня говорят.

— Пошто ты! Ты—не гопник! Тебя мы знаем. Раз сказано, идет гопник, значит, идет... Зря говорить не станут.

Меня удивило необычное для поморов намерение задержать прохожего человека. До революции потомки беглого Коломинаина никогда не пытались бы задержать беглых. Зачем помору было вмешиваться в ссору человека с властями? А если бы вмешался, то оказался бы не на стороне властей.

В период интервенции со страшного острова Мудьюга убежали политкаторжане. Двое беглых шли по Зимнему берегу, и от тони к тоне, опережая беглых, бежала весть о них. Рыбаки на тонях предугадывали время их прихода, варили уху, оставляли котелок около костра, а сами уходили, чтобы с полным правом отвечать в случае чего: «видом не видали, слыхом не слышали!».

А теперь из Козел навстречу гопнику была снаряжена застава. В наши дни человек, поссорившийся с властью, — враг народа и, следовательно, враг поморов.

★

Помор—лучший предсказатель погоды. «Солнце красно с вечера — рыбаку бояться нечего». «Солнце садится в тучку — жди, рыбак, взбучку». «Солнце красно поутру—рыбаку не по нутру». Однако, если мы без поморского чутья начнем механически пользоваться такими формулами, нарвемся на беду.

Помор смотрит в корень. Для него основное — ветер. От ветра зависит вся рыбацкая жизнь. Ветер разводит звондень и заставляет убирать тайники, дает парусу поветерь или, наоборот, дует в лоб и заставляет откладывать поездку.

На границе между континентом и холодным океаном перемены погоды быстры и контрастны. «Русский» (южный) ветер несет материковое сухое тепло.

При устойчивых южных ветрах летом никогда не бывает ниже 20° тепла, и ребяташки булькаются в нагретой морской воде, а ночные бризы тянут из «шалги» хмарь отдаленных лесных пожаров. Но, стоит задуть крепкой «морянке», как температура падает за несколько часов на 15 — 20 градусов.

Перед бурей спешат убирать сети. На тоне—4 тайника. Чтобы их снять, нужно часа два, а волна нарастает с каждой минутой. Потому и чуток помор к погоде. Потому смотрит с вечера на облака и, просыпаясь по ночам, прислушивается к ветру.

Акинди́н Седунов говорит:

— Третьеводни товарищ ушел на соседнюю тону, и пришлось мне одному тайник из воды тянуть. Бросила волна карбас на кол, зацепился карбас бортовой обшивкой за верхушку,—думаю: придется мне сейчас под опрокинутым карбасом жизнь свою скончать. Спасибо, кол сломался. Помор, он ведь счастливый—всегда что-нибудь случится в его пользу.

★

Главный объект летнего лова—семга. Отсюда, с Белого моря, расходится она по «Гастрономам» и «Бакалеям». Великолепная рыба, с прекрасными вкусовыми качествами—такова беломорская семга с точки зрения потребителя.

Рыбак тоже, конечно, оценивает вкусовые достоинства семги, но он знает и другое: сети, колья, волны, приливы и отливы, бури и затишья, «побережники и шелонники»—план лова в центнерах.

В семге для помора заключается и хлеб, и чай, и ситец—все, что берет он в «рыбкопе», своем универмаге.

Мы—на тоне, в Травяной ручье Золотического сельсовета. Рыбак Акинди́н Николаевич Седунов рассказывает:

— Не желает семга ловиться в открытом море, на глубине. Пробовали ловить ее тралом, ничего не вышло. Ловим тайниками, ставными неводами. Семга к берегу подойдет. Она идет метать икру в реки вдоль морских берегов. Как найдет она устье, если не приблизится к берегу? Кроме того,

семгу гонят к берегу морские клопы. Она должна тереться о камни—соскребать паразитов.

Береговая линия всегда была для помора тем, чем является земля для крестьянина земледельческих районов. За каждым селом закреплен свой береговой участок, разделенный на тони. Нижней Золотице принадлежат 20 тоней на тридцати километрах берега.

— Раньше на хорошей тоне,—рассказывает Седунов,—ловил кто побогаче, бедняки сидели на плохих. Есть тони, занесенные песком. На песок семга не пойдет! Есть тони, где кола в дно не забьешь,—сплошная луда. Раньше в некоторых волостях тони оценивали и сдавали с аукциона. Теперь пользование тонями уравнино.

— А как можно уравнять? Ведь плохие тони остаются плохими?

— А вот как. Тони скомбинированы. Если рыбацкое звено ловит на трудном участке, ему дают вдобавок еще второй, получше. Наш Травяной ручей считается неудобной тоней, и мы соединены в одно звено с соседней хорошей тоней. Я на свою тону не жалуюсь. Я тут еще и медведей силками ловлю. Вроде, как приусадебное хозяйство.

(Силок этот по форме точь в точь как на рябчика, только удавочка соответствует размерами медвежьему росту и сделана из проволочного тросика.)

Теперь снастей у нас гораздо больше, чем было до коллективизации. На каждой тоне держим в воде по четыре снастины. Раньше у нас были только крупнейшие тайники, из которых мелкая рыба уходила. На частый тайник требуется очень много пряжи. Да и не только пряжи: сколько труда пошло бы, если бы руками вязать частый тайник. Теперь нас снабжают хлопчатобумажной делью машинной вязки, из нее сшиваем невода нужного размера. Теперь мы имеем мелкочейные хлопчатобумажные невода и ловим, помимо семги, в большом количестве сельдь, сига, корюшку, камбалу, навагу.

Место для лова и снасти—вот и все, по существу, что требуется для рыбного промысла, для зажиточной

жизни. Оба эти условия для рыбаков Беломорья разрешены благоприятно. Остальное зависит от самих рыбаков, от их умения и старанья.

А семужий лов требует и умения, и старанья.

★

В северной части Белого моря, где прибрежные глубины невелики, а высота прилива достигает 7—8 метров, установка сетей и выемка рыбы производится «по сухопутку», и рыбак никогда не пользуется лодкой.

Два раза в сутки отлив обнажает вдоль берега широкую полосу дна. В обсохшее дно забивают с высоких скамеек колья и навешивают сети. Во время прилива здесь может пройти океанский пароход. В отлив пойманная рыба обсыхает на песке.

В районе Нижней Золотицы прилив не превышает 1 метра. Поэтому здесь колья забивают в воду, и тайник — сетевое сооружение, куда рыбе легко зайти и откуда трудно выйти, — делается с поддоном. Поднимая поддон на поверхность моря, вытаскивают пойманную рыбу.

На «кроткой воде», при смене приливо-отливных течений, мы подехали к стенке тайника с наружной ее стороны. Рыбак перегнулся через борт карбаса и стал пристально смотреть в воду: есть ли что? Может быть, не стоит поднимать сеть? Если есть в тайнике семга, она обнаружится.

И в самом деле, не прошло полуминуты, как рыбак коротко бросил: есть!

В прозрачной морской воде было видно, как большая рыба медленно всплывала вверх из глубины, немигающим глазом всматриваясь в днище нашего карбаса так же внимательно, как мы смотрели на нее. Спокойно, без торопливости мы вехали внутрь тайника и стали поднимать поддон с одного угла, постепенно перегоня пойманную рыбу в другой угол. Наконец, быстро был поднят крайний угол сети, и большие серебряные рыбы очутились в карбасе. И тут только рыбаки зашпешили. Чтобы семга, самая сильная из рыб, не билась на дне карбаса и не сбивала

с себя чешуи, рыбаки торопливо «критили» рыбу ударами палки.

Красивая, полнотелая семга, только что вынутая из воды, ничуть не похожа на те иссушенные солью, похудевшие и потускневшие рыбы тушки, какие мы привыкли видеть на магазинном прилавке. Ее тело правильной формы, налитое полнокровием, цвет серебрист.

Соль, отличающаяся высокой гигроскопичностью, извлекает из рыбы ее соки. Рыба теряет в весе, «утекает». Чем крепче засол, тем больше утечка и тем больше рыба утрачивает вкусовые свойства. На выручку приходит лед. В Нижней Золотице на рыбоприемном пункте Севгосрыбтреста стоят рядами большие овальной формы чаны. Семгу «шкерят», извлекают внутренности. моют, укладывают рядами в овальные чаны, — в каждый чан по тонне. — засыпают солью и каждый слой рыбы перекладывают слоем льда. Соль и лед одновременно и засаливают, и охлаждают рыбу. Подмороженная рыба слабо впитывает соль и не утрачивает своей нежности. Перед отправкой в Архангельск семгу вынимают из чанов, снова моют и, укладывая в бочки, снова пересыпают солью и льдом.

Семга — сравнительно редкая рыба и ловится понемногу, исподволь. При существующей высокой цене на семгу даже небольшой улов дает поморам высокий доход.

Для восстановления семужьего поголовья рыбные заводы выводят мальков из оплодотворенной в искусственных условиях икры. Миллионы оплодотворенных на заводах икринок играют существенную роль в общем балансе рыбьего населения, ибо икра, выпускаемая в естественных условиях, в неметном количестве съедается хищниками. Особую роль в истреблении икры играет колюшка. Эта негодная рыбешка способна была бы вытеснить всю рыбу на земном шаре, если бы не поедала также и собственную икру.

С введением мелкоячейных тайников поморы налавливают белой рыбы значительно больше, чем семги. Рыбоприемный пункт в Козлах в 1936 году

принял одной сельди по 125 центнеров на ловца. В 1938 году селедка шла такой густой массой, что за один подъем тайника, случалось, вылавливали рыбы на 560 руб. на одного ловца.

Доходы тысячные. Живут зажиточно.

Раньше поморы всю жизнь сокрушались, что с каждым годом скудеет земля и море, все меньше становится рыбы в воде. Вспоминали, что, по рассказам стариков, в «досельные времена» от рыбьей густоты весло торчком в воде стояло.

Непрерывно бедневший помор горевал об утраченном счастье и выдумывал стоячее от рыбьей густоты весло, как выдумывал небесное царство и загробную жизнь.

Теперь помор понимает, что в море всегда всего было достаточно. Только в неводе было по-разному: до революции у богача было больше, а после коллективизации вдоволь у всего поморского люда. И с каждым днем природа все щедрее раскрывает свои обильные богатства и великие возможности.

★

Зимний берег тих и малолюден, а вдоль него пролегла большая, оживленная морская дорога. В Архангельск из всех портов мира приходят черные пароходы. Из Архангельска они возвращаются побелевшими от погруженных на палубы досок из мелкослойной северной сосны, а черные их корпуса под тяжестью груза глубоко осаживаются в воду. Пароходы проходят вдоль Зимнего побережья, мимо сел Козлы и Золотицы.

Пароходы идут без остановок, раскидывая дым и вспенивая бурунные борозды.

Впрочем, случаются иногда вынужденные, трагические остановки, — чаще всего у мысов. Вот почему мысы — место для маяков. Чем острее мыс, тем шире угол ветров, посылающих к нему прибой. В заливах тише. Селения жмутся в заливы и к устьям рек. Потому маякам суждено стоять всегда вдали от селений.

Так и пролег Зимний берег: в заливе — деревня, на мысу — маяк, снова — деревня, снова — маяк.

На мысах, вдали от селений, живут пришлые люди. Они указывают кораблям путь: по ночам — маячными огнями, в тумане — гудками сирен. Они наблюдают за проходящими судами и погодой, ведут счет штормам и меряют температуру беломорской воды. Гидрометеорологические наблюдения на беломорских маяках начали производиться с 1849 года, со времени создания в России Главной геофизической обсерватории. Беломорские станции принадлежат к числу одних из первых в России по времени возникновения, и своими систематическими наблюдениями за долгий период они внесли немалый вклад в науку о климате.

★

В обычное время отголоски с большой магистрали доходят до помора в виде предметов, смытых с палуб штормующих кораблей и выброшенных волной на берег.

Издредка море посылает помору более щедрые подарки, и случается, что отголоски большой магистрали становятся более громкими.

Поморы помнят, как в 1915—16 годах проплывали мимо погружившиеся до якорных клюзов корабли, подорванные минами. Поморы помнят интервенцию.

1 августа 1918 года к Козлам принеслось на всех парах судно:

— Берите с корабля, что хотите! Да поскорее! Будем топить!

Советское сторожевое судно осталось в море в то время, как интервенты входили уже в Архангельск. Команде ничего не оставалось делать, как, затопив судно, дальними путями, через леса пробираться на сторону красных.

Бросились козляки забирать оружие, припасы, инструменты — все в хозяйстве пригодится.

После белогвардейцы приезжали отбирать судовое имущество, да разве все соберешь!

Во второй раз море расщедрилось осенью 1919 года, когда интервенты, покидая Север, топили в море запасы, чтобы не оставлять большевикам. Море оказалось добрее интервентов, оно выбросило на берег богатые подарки поморам.

Но не одними подарками моря отмечена в памяти поморов интервенция. У Зимнего берега лежит остров Мудьюг, приобретший со времени интервенции жуткую известность. Интервенты превратили остров в каторжную тюрьму. Кой-кто из поморов Зимнего берега кончил жизнь в те годы на Мудьюге. Сколько людей погибло на острове за полтора года — никому в точности неизвестно.

☆

Помор может спокойно ставить свои невода. Второй интервенции на Севере не будет!

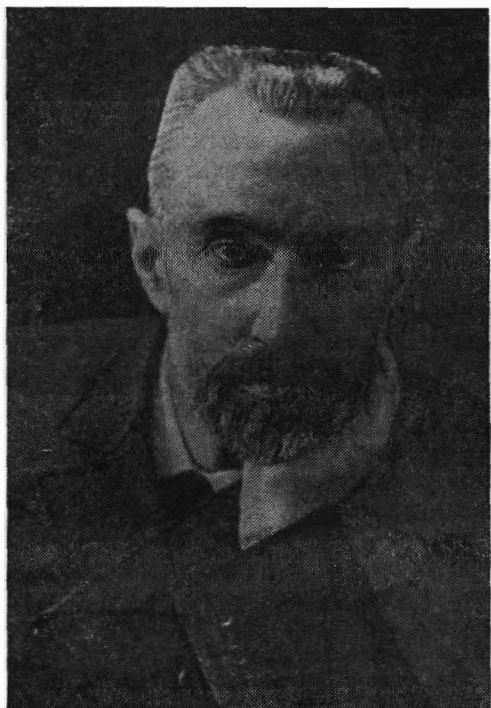
За весь императорский период своей истории Россия никогда не была сильной морской державой. Мешали, между прочим, и географические особенности: разлеглась страна широко через материк и вышла границами к несообщающимся друг с другом морям; на каждом море надо было строить и держать особый флот.

Большевики меняют географию. Там, где раньше был ледяной тупик, лежит теперь начало морского пути на восток.

Сказ Марфы Семеновны Крюковой из Нижней Золотицы:

Да это не чудо да не диковинка:
Дальний Восток — дорожечка не ближняя,
Кривой ездой ехать ровно три года,
Прямой ездой ехать ионче тридцать дней.

И если на нас нападут, противник встретит у берегов нашей страны Все-союзный Красный флот.

Пьер Кюри

Мария Кюри

Радий и его применение

Проф. М. И. НЕМЕНОВ

заслуженный деятель науки доктор медицинских и биологических наук

★

I

Непосредственно после открытия рентгеновых лучей, в начале 1896 г., Беккерелем в Париже была открыта радиоактивность.

Открытие невидимых рентгеновых лучей имело следствием усиленное искание аналогичных явлений в природе. Сюда относятся опыты французских ученых Шарля Анри и Беккереля. Последний искал невидимого излучения различных минералов, подвергавшихся предварительному освещению солнечными луча-

ми. Беккерель полагал, что солнечные лучи, освещая различные вещества, могут аккумулироваться этими веществами и трансформироваться в невидимые лучи, способные проникать сквозь плотные тела. Опыты эти производились таким образом, что различные вещества выставлялись на солнечный свет и клались на завернутую в черную бумагу фотографическую пластинку. После длительной экспозиции пластинка проявлялась. Наличие невидимых лучей должно было бы повлечь за собою появление отпечатка на фотографической пластинке.

Случайно в день постановки одного из таких опытов, где исследуемым веществом оказалась урановая руда, солнце было покрыто облаками. Завернутая в черную бумагу урановая руда пролежала на пластинке в закрытом шкафу до следующего дня. Беккерель все же проявил пластинку и, к своему удивлению, нашел на ней ясный отпечаток куска урановой руды.

Из этого опыта с очевидностью следовало, что урановая руда испускает невидимые лучи, что для этого вовсе нет необходимости в предварительном ее освещении солнечными лучами. Иначе говоря, источником невидимых лучей является сама урановая руда. В дальнейшем были открыты и другие вещества, испускающие невидимые лучи. Эти вещества получили название радиоактивных, а само явление — радиоактивности.

Открытие Пьером и Марией Кюри радия и полония относится к открытиям несколько иного характера, чем открытия Рентгена и Беккереля. Рентген не искал рентгеновых лучей, Беккерель не искал радиоактивности. Это отнюдь, конечно, не умаляет роли Рентгена. Нужна была наблюдательность и смелая прозорливость гения, чтобы открыть икс-лучи. Пьер и Мария Кюри искали радиоактивные элементы и нашли их. Это ставит обоих Кюри в ряд великих человеческих гениев, своими открытиями обогативших науку и культуру.

II

Мария Склодовская, впоследствии Кюри, родилась в Варшаве 7 ноября 1867 г. Отец ее был преподавателем математики и физики в одной из варшавских гимназий. Мать ее была начальницей женской гимназии. Таким образом, Мария Склодовская росла в небогатой интеллигентной семье. Она рано лишилась матери.

По окончании гимназии Мария Склодовская принуждена была зарабатывать на жизнь в качестве гувернантки и частными уроками. С ранней юности она пристрастилась к естествознанию и, в частности, к физике и химии.

В 1891 г., собрав небольшую сумму денег, она отправилась для продолжения своего образования в Париж и сделалась студенткой Сорбонны. В течение своих студенческих лет она вела суровую трудовую жизнь.

В 1893 г. Мария Склодовская закончила курс физических наук, а в 1894 г. — наук математических. Свою научную работу она начала в лаборатории проф. Липмана. С Пьером Кюри она познакомилась в 1894 г. и вышла за него замуж в 1895 г. Пьеру Кюри в это время было 36 лет. Он был тогда профессором Парижской Школы физики и химии. Он также был небогат и целиком был предан так же, как и его жена, научной работе.

Темой для своей докторской диссертации Мария Кюри избрала изучение лучей, испускаемых урановой рудой, открытых Беккерелем в 1896 году. При этих исследованиях она открыла, что и торий так же действует на фотографическую пластинку, как и уран. Изучая радиоактивность соединений урана и тория, Мария Кюри обратила внимание, что некоторые из этих минералов обладают гораздо большей радиоактивностью, чем это соответствовало количеству содержащихся в них урана и тория.

С гениальной прозорливостью Мария Кюри сделала заключение, что в исследуемых минералах содержится еще какое-то вещество, обладающее большей радиоактивностью, чем та, которая свойственна урану и торью. Так, например, она установила, что так называемая урановая смола обладает в 4 раза большей радиоактивностью, чем чистая окись урана. Между тем в урановой смоле окиси урана имеется лишь сравнительно небольшая часть. На этом основании Пьер и Мария Кюри, исходя из своей гениальной рабочей гипотезы, стали упорно искать в урановой руде новых сильных радиоактивных элементов. В этой работе роль физика исполнял Пьер Кюри, а роль химика — Мария Кюри.

18 июля 1898 г. Пьер и Мария Кюри объявили об открытии ими нового радиоактивного элемента, который они назвали полонием. 26 декабря 1898 г. они

сб'явили об открытии ими второго радиоактивного элемента — радия. Это была огромная и трудная работа, проделанная обоими Кюри. Имена Марии и Пьера Кюри неразрывно связаны с этим великим открытием, и трудно сказать, кто из них сделал для него больше.

Тогдашнее австрийское правительство предоставило Кюри несколько тонн урановой руды из Иоахимсталля, которую они сами перерабатывали.

Обстановка, в которой работали Кюри, была поистине жалкой. Это была маленькая лаборатория, совершенно не оборудованная, без всякого обслуживающего персонала. Денег для работы никаких не отпускалось. Эта лаборатория находилась в Школе физики и химии, где Пьер Кюри состоял преподавателем.

Для переработки огромного количества урановой руды им был отведен амбар, где они и работали. Вот что пишет Мария Кюри об этом периоде своей работы: «В этом жалком, старом амбаре мы прожили лучшие и счастливейшие наши годы. Очень часто мы здесь же «бедали, чтобы не прерывать надолго нашу важную работу... Одной из наших радостей было зайти ночью в нашу лабораторию: со всех сторон в темноте светились силуэты бутылочек и капсулы, содержавшие добываемые нами продукты».

Мария Кюри разработала методику «фракционированной кристаллизации», которая позволила ей отделить радий от бария, являющегося постоянной примесью к нему. Только в 1902 г. было накоплено несколько миллиграммов хлористого радия. Это позволило определить спектральные линии нового элемента и атомный вес его.

Излучение радия оказалось более чем в миллион раз интенсивнее, чем излучение тория.

Здесь начинается этап лихорадочного изучения радиоактивных элементов во всех культурных странах мира. Уже Мария и Пьер Кюри нашли, что радий, уменьшаясь в количестве, передает воздух и другим телам свою радиоактивность. Они назвали это явление «индуцированной радиоактивностью». Резерфорд в 1900 году открыл истинную при-

роду этого явления: он установил, что из раствора радиевой соли выделяется радиоактивный газ, названный им эманацией радия и впоследствии, по предложению Кюри, — радоном. Атомный вес этого газа — 222.

Рамзай и Соди, кроме того, установили, что из раствора радия выделяется еще и гелий и что ядра атомов гелия представляют собой не что иное, как альфа-частицы, испускаемые радием.

В результате этих крупных открытий возникла гениальная теория о превращении радиоактивных элементов. Было установлено, что уран, радий, эманация радия и полоний представляют собою продукты превращения одного элемента в другой.

Дебиерн открыл новый элемент — актиний, который является промежуточным звеном между радиоактивными семействами урана и тория и т. д.

Вся эта цепь фундаментальных открытий положила твердое основание для наших новых представлений о строении материи, о взаимоотношениях элементов. Можно уверенно сказать, что Беккерель, Мария и Пьер Кюри являются основателями современной физики, современной химии.

III

В 1903 г. Мария Кюри защитила в Сорбонне свою знаменитую диссертацию «О радиоактивных телах». В том же году Пьеру и Марии Кюри была присуждена Нобелевская премия. Пьер Кюри получил кафедру в Сорбонне, с курсом «Общая физика и радиоактивность», Мария Кюри там же получила должность руководителя научных работ. В конце 1905 года Пьер Кюри был избран членом Академии наук.

19 апреля 1906 г., направляясь пешком на заседание Академии наук, Пьер Кюри был раздавлен телегой. Трагически и нелепо прервалась жизнь и блестящая деятельность этого гениального человека.

Факультет избрал на кафедру Пьера Кюри Марию Кюри. В 1908 г. она получила звание экстраординарного, а в 1910 г. звание ординарного профессора. Несмотря на постигшее ее тяжелое горе,

Мария Кюри неустанно продолжала свои научные исследования в области радиоактивности. В 1911 году ею был создан первый эталон радия, который хранится в палате мер и весов в Севре. По этому эталону созданы вторичные эталоны для других стран. Один из таких вторичных эталонов, измеренный самой Марией Кюри, хранится в Государственном рентгенологическом, радиологическом и раковом институте в Ленинграде. В 1911 г. Марии Кюри вторично была присуждена Нобелевская премия за ее работы по химии радиоактивных веществ.

В 1910 г. в Париже, на улице, которая названа улицей Пьера Кюри, был основан Радиевый институт, который начал функционировать в 1914 г. Этот институт состоит из двух отделов: физико-химического, которым руководила Мария Кюри, и медико-биологического, во главе которого был поставлен Рего.

Здесь можно отметить особенность, характерную для капиталистических стран. Для создания института Кюри даже во Франции потребовалось 16 лет, прошедших после одного из величайших мировых открытий. Государство отпускало средства не так уж щедро. Институт Кюри в Париже построен в значительной мере на средства благотворителей. Здесь невольно напрашивается сравнение с тем, как живо откликается наше советское правительство на научные идеи, научные открытия, даже далеко не имеющие того значения, какое имеет открытие Кюри. И нужно заметить, что даже в 1914 году институт Кюри в Париже имел очень скромный вид, очень скромное оборудование и очень незначительный по количеству персонал.

Во время империалистической войны Мария Кюри принимала весьма деятельное участие в организации рентгеновской помощи раненым, как в тылу, так и на фронте. Она организовала первую передвижную рентгеновскую установку на автомобиле. В дальнейшем она организовала около 200 рентгеновских станций, которые обслуживались 20 рентгеновскими автомобилями.

Ближайшей помощницей Марии Кюри по лаборатории института сделалась ее

дочь Ирена, вышедшая замуж за известного физика Жолио, сделавшего так много для изучения атомного ядра.

После войны Мария Кюри с большой энергией продолжала свои научные исследования по радиоактивности — распаду радиоактивных тел, по изотопам и т. д.

В 1922 г. Мария Кюри была избрана членом французской Медицинской академии. Она была первой женщиной, допущенной в это учреждение.

Мария Кюри скончалась 4 июля 1934 г. Смерть Марии Кюри несомненно была ускорена той поистине титанической работой, которую она проделала при чрезвычайно вредных условиях. Начав свою работу с радиоактивными веществами в 1897 г. без всяких защитных приспособлений, так как тогда вредное действие радиоактивных веществ еще не было известно, она продолжала эту работу всю жизнь.

IV

Пишущий эти строки познакомился с Марией Кюри весной 1923 года в Париже, в ее лаборатории. Меня встретила очень бледная, с проседью, скромная женщина, одетая в скромное черное платье. Я помню, меня поразила эта скромность, я бы даже сказал, робость. Она говорила по-французски, но иногда, из внимания к советскому гостю, говорила на неправильном русском языке. Принимала она каждое русское слово. Она очень интересовалась советской жизнью и сказала мне, что она хотела бы поехать в Россию, но прежде она обязалась еще поехать в Америку.

Ее несколько суровое лицо положительно освещалось необычайно милой улыбкой. Она позвала свою дочь Ирену, которая появилась в синем рабочем халате, и познакомила меня с ней. Мария Кюри была приятно удивлена, услышав о новой жизни в нашей стране. Для нее воспоминания о России были связаны с национальным угнетением, со всеми теми «прелестями», которые были связаны у демократической интеллигенции с представлениями о царской России.

Я перешел к деловому разговору. Речь шла о приобретении нашим институтом значительного количества радия. В то время цена радия составляла 150 тысяч золотых рублей за грамм. Мария Кюри, выслушав меня, посоветовала подождать с покупкой радия до следующего года. «В 1924 г., — сказала она, — вы за те же деньги сможете приобрести двойное количество радия. Дело в том, что бельгийская компания, эксплуатирующая радиевые рудники в Конго, начинает конкуренцию с существующими американскими компаниями, а это обозначает снижение цены радия почти вдвое».

На прощание она подарила мне свой портрет с собственноручной надписью. Это первое свидание, как и последующие, оставили у меня неизгладимое впечатление необычайной простоты, необычайной доброжелательности, которая свойственна истинно великим людям.

Ровно через год, в 1924 г., я снова встретился с Марией Кюри, приехав в Париж по ее совету для закупки радия. И действительно, институтом был приобретен радий по цене, значительно более дешевой, чем это могло быть сделано в 1923 году.

Мария Кюри согласилась организовать приемку и измерение приобретенного институтом радия у себя в институте под своим руководством. Измерение количества радия производилось ее дочерью Иреной Кюри. Как я уже упоминал, Мария Кюри изготовила для института международный эталон радия, позволяющий производить у нас измерение радиоактивных препаратов с большой точностью. На всех сертификатах, хранящихся в институте, имеется собственноручная подпись Марии Кюри.

V

Выше я очертил историю открытия радиоактивности Беккерелем и ту громадную роль, которую сыграли Пьер и Мария Кюри в дальнейшем развитии наших знаний об этом интереснейшем явлении природы, историю их гениального открытия и краткую биографическую характеристику их.

Хочется более подробно изложить сущность радиоактивности и сказать о практическом применении радия и других радиоактивных элементов в технике и медицине.

В чем состоит сущность радиоактивности? В настоящее время это в достаточной степени изучено.

Как известно, атомы всех элементов представляют собою, в зависимости от их веса, более или менее сложные системы, состоящие из ядра и движущихся вокруг этого ядра по орбитам, расположенным в различных направлениях, электронов — элементарных зарядов отрицательного электричества.

При помощи электронов, движущихся по наружным орбитам атома, последний может вступать в соединение с атомами других элементов, образуя группы атомов или молекул. Таким образом, получаются различные химические соединения. Характерным для химического соединения является то, что составляющие его атомы не изменяют своей природы и могут быть снова восстановлены в своем прежнем виде. Так, соединение двух атомов водорода с одним атомом кислорода образует воду. При помощи соответствующих реакций воду можно снова разложить на соответствующее количество водорода и кислорода. Состав ядра этого атома является специфическим для каждого элемента. Нарушение целостности атомного ядра влечет за собой потерю характера элемента, превращение его в другой элемент.

Строение ядра, которое по сие время напряженно изучают физики всего мира, чрезвычайно сложно. Еще очень недавно полагали, что атомное ядро состоит из положительных частиц — протонов и отрицательных — электронов. Однако в настоящее время совершенно определенно считают, что ядро состоит из протонов (положительных частиц) и нейтронов (частиц без электрического заряда, нейтральных).

Характерным для всех нерадиоактивных элементов является устойчивое равновесие атомного ядра. В радиоактивных же элементах атомное ядро находится в более или менее неустойчивом равновесии. Атомные ядра радиоактив-

ных элементов более или менее быстро теряют свои составные части, распадаются, освобождая энергию. А это обозначает потерю атомами данного элемента своей природы, превращение его в другой элемент.

Радиоактивные элементы испускают лучи, и излучение это не однородное.

1) Они испускают так называемые альфа-частицы, которые представляют собой положительно заряженные частицы, совершенно сходные с ядрами атомов элемента гелия. Эти частицы настолько крупны, что задерживаются уже листом бумаги. Альфа-частица, вылетая из ядра атома, уменьшает вес последнего на четыре единицы.

2) Атомы радиоактивных элементов испускают отрицательно заряженные частицы — электроны, или, как их называют, бета-частицы. Эти частицы обладают весьма большой скоростью, приближающейся к скорости света.

3) Наконец, в результате освобождения внутриатомной энергии радиоактивные элементы испускают так называемые гамма-лучи, которые по природе своей совершенно идентичны с рентгеновыми лучами и с лучами видимого света, с той только разницей, что длина их волн во много раз меньше самых коротких волн рентгеновых лучей.

Чтобы получить рентгеновы лучи с такой длиной волны, какой обладают гамма-лучи, нужно было бы иметь трансформатор, дающий напряжение в 10 — 25 миллионов вольт. Благодаря такой незначительной длине своей волны гамма-лучи обладают способностью проникать через плотные тела в гораздо большей степени, чем рентгеновы лучи. Гамма-лучи могут свободно пройти через железный брус толщиной в 30 см. Гамма-лучи, как мы увидим ниже, играют большую роль в медицине, особенно в деле лечения раковых опухолей.

Чем быстрее распадаются радиоактивные элементы, тем сильнее их радиоактивность. Радиоактивность элементов определяется периодом их полураспада, т.-е. тем временем, которое необходимо для потери данным элементом половины своей радиоактивности. Этот период колеблется в огромных границах. Так, для

урана, обладающего сравнительно слабой радиоактивностью, этот период исчисляется в 8 миллиардов лет, для радия — 2500 лет, для эманации радия — 92 часа.

Интересно хотя бы вскользь проследить цепь распада урана, прародителя радия. Уран, имеющий атомный вес 238, испускает альфа-частицу и превращается в уран-икс с атомным весом 234. Последний после ряда превращений переходит в радий, с атомным весом 226. Радий в свою очередь теряет альфа-частицу из своего ядра и превращается в газообразное вещество — в эманацию радия, или радон, с атомным весом 222. Путем дальнейших превращений атомы эманации радия переходят в полоний и, наконец, в свинец. Таков путь естественного превращения радиоактивных элементов.

Как уже было упомянуто, путь превращения радия в свинец очень долгий. Радий теряет половину своей радиоактивности лишь по истечении 2500 лет. Таким образом, для нас радий является как бы источником неиссякаемой энергии. Эта энергия получается в результате естественного распада ядер его атомов. Таким образом, если бы удалось найти средство искусственно разрушать атомные ядра различных элементов, мы бы получили могучий источник энергии. Искусственным разрушением атомных ядер можно было бы создать искусственную радиоактивность и превращение одного элемента в другой. И действительно, в 1919 г. Резерфорду в Кембридже удалось бомбардированием альфа-частицами разрушить ядра атомов азота и получить из азота водород и кислород.

VI

В настоящее время вопросом разрушения атомного ядра, созданием искусственной радиоактивности, как уже было указано, занимаются ученые всего мира. И у нас в Союзе ведутся интенсивные работы в этом направлении. Этим вопросом занимается Физико-Технический институт, Радиевый институт и наш Рентгенологический и Ра-

диологический институт в Ленинграде. Над этим вопросом работает Физико-Технический институт в Харькове и т. д.

Для разрушения атомного ядра вместо альфа-частиц стали широко пользоваться атомами тяжелого водорода, получаемого из так называемой тяжелой воды. Этот водород имеет атомный вес 2. Частицам этого водорода сообщается огромная скорость в комбинированном магнитном и электрическом высокой частоты поле. Аппарат, служащий для этого, получил название циклотрона.

Частицы тяжелого водорода, или, как их называют, дейтроны, сталкиваясь с атомами элемента, который подлежит разрушению, проникают в атомы последнего и обуславливают выход из ядер некоторого количества составляющих их частиц. В результате этого элементы, обычно нерадиоактивные, становятся радиоактивными и, таким же образом, как естественные радиоактивные элементы, совершают свои превращения в изотопы, в другие элементы. Искусственная радиоактивность открывает огромные перспективы, особенно в области биологии и медицины. В Америке уже сейчас делаются попытки заменить дорого стоящий радий искусственно созданными радиоактивными элементами. Правда, созданные до сих пор искусственные радиоактивные соли обладают коротким периодом полураспада. Но, тем не менее, добытые в этом отношении результаты имеют огромное значение.

Нет никакого сомнения в том, что различные элементы, применяемые в медицине с лечебной целью, например бромистые, иодистые соединения, переведенные в радиоактивное состояние, могут оказать качественно и количественно другое действие, чем эти же элементы в состоянии нерадиоактивном.

Что касается вопроса об освобождении значительного количества внутриатомной энергии, которая могла бы иметь промышленное значение именно как энергия, то здесь фантазия некоторых исследователей значительно опередила существующей возможности. Пока

освобождение внутриатомной энергии требует затраты энергии такого же порядка.

Учение о радиоактивности, добытые за короткое время факты произвели колоссальную революцию в наших представлениях о строении материи, о взаимоотношении элементов и несомненно открыли необозримые перспективы для дальнейших научных исследований.

Практическое применение радия и других радиоактивных веществ довольно разнообразно; однако наибольшее практическое применение радиоактивные вещества получили в медицине. Радий применяется в технике для исследования толстых металлических объектов на предмет обнаружения в них раковин, трещин и пустот. Радий для этих целей имеет преимущество перед рентгеновыми лучами, так как гамма-лучи проходят через более толстый слой металла, чем имеющиеся в нашем распоряжении рентгеновы лучи. Радиоактивные вещества, будучи примешаны в самом незначительном количестве к некоторым солям (соли вольфрама, цинка и др.), заставляют светиться последние зеленым фосфорическим светом. Этим пользуются в технике для производства светящихся в темноте циферблатов, стрелок и т. д.

Радиоактивные вещества имеют применение также в метеорологии. Но, как уже было упомянуто, наибольшее практическое применение радий приобрел в медицине. Применение радия в медицине сводится к воздействию испускаемыми им гамма-лучами. В этом отношении лечение радием принципиально не отличается от лечения рентгеновыми лучами. Гамма-лучи радия имеют преимущество перед рентгеновыми лучами. Преимущество это состоит в меньшей длине волны гамма-лучей и, следовательно, в проникновении их в более интимные части молекул и атомов.

Сущность лечения рентгеновыми лучами и радием различных заболеваний сводится к тому, что эти лучи проникают в болезненные ткани, разрушают их структуру, и ткани эти погибают.

Главным условием успешного лечения рентгеновыми лучами и радием является

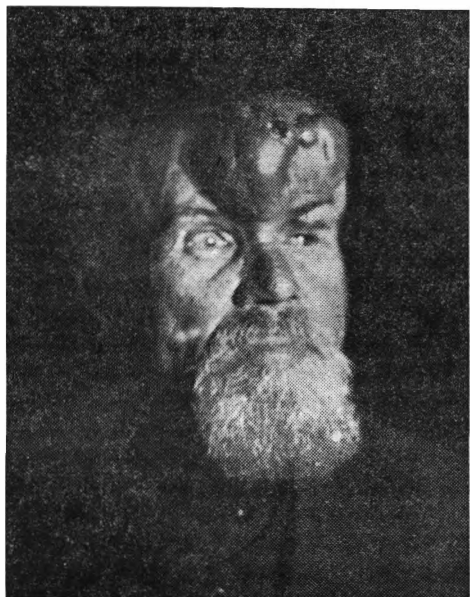

Рис. 1.

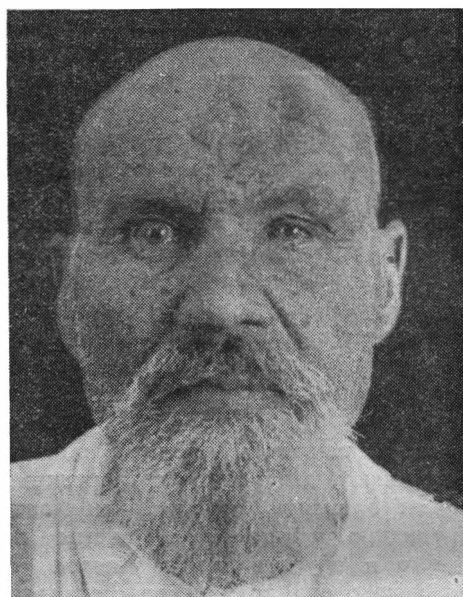

Рис. 2.

ся то, чтобы болезненные ткани обладали меньшей устойчивостью по отношению к гамма-лучам, чем окружающие их здоровые ткани. Кроме того, благоприятным условием для успешного лечения является возможность подойти с препаратом радия к болезненному очагу таким образом, чтобы приходилось освещать возможно меньше здоровых тканей. Первое условие (меньшая устойчивость болезненного очага) зависит от характера последнего. Есть опухоли, весьма чувствительные к гамма-лучам, и есть опухоли, еще менее чувствительные, чем здоровые ткани. Из этого следует, что не всякий больной со злокачественной опухолью может успешно лечиться радием.

Для лечения радием имеются специальные показания, должен производиться отбор больных опытными специалистами. Другое условие (большая доступность злокачественных опухолей для применения радия) осуществляется тогда, когда препарат с радием можно ввести или в ткань самой опухоли, или в естественную полость тела, пораженную опухолью, как, например, в полость носа. матки и т. д.

Радий для лечения опухолей применяется в виде солей его или в виде эманации (радона). Соли радия заключаются в герметически закрытые платиновые или золотые трубочки, которые называются также фильтрами, так как стенки этих трубочек задерживают альфа- и бета-лучи и пропускают только коротковолновые гамма-лучи, которыми и производят лечение.

Для получения эманации радия (радона) имеются специальные сложные приборы. Применение эманации радия для лечения у нас в Союзе впервые введено в Государственном рентгенологическом, радиологическом и раковом институте в Ленинграде. Для практического получения эманации радия, представляющей, как уже было упомянуто, газообразное вещество с атомным весом 222, необходимо иметь в растворе не менее грамма элемента радия. Этот раствор непрерывно, в результате распада атомов радия, выделяет газ — эманацию с примесью других газов (водорода, гелия и т. д.).

В результате сложного процесса очищения из этой смеси газов выделяется чистая эманация, которая загоняется в тончайшие стеклянные капиллярные

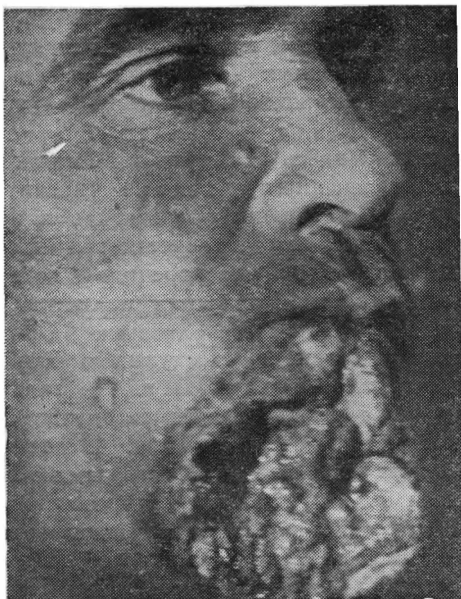

Рис. 3.

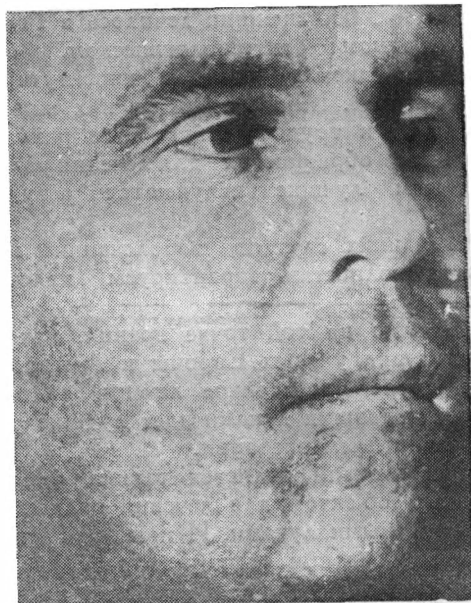

Рис. 4.

трубочки, и затем радиоактивность этих трубочек измеряется. Капилляры заключаются в платиновые и золотые фильтры вышеописанного типа или в платиновые полые иглы для введения их непосредственно в опухоль. Эманация радия через 3 дня и 20 часов теряет половину своей радиоактивности, а через 30 дней ее радиоактивность практически равна нулю. Она больше не испускает гамма-лучей: она превратилась в полоний, радиоактивный элемент, испускающий альфа-частицы. Каждый день можно из раствора радия откачивать эманацию, дающую приблизительно 10 проц. радиоактивности исходного количества раствора, а практически — количество радия в растворе не уменьшается. Через 2500 лет в растворе еще будет содержаться половина первоначального количества радия.

VII

Радий или эманация применяются, как это было упомянуто, для лечения опухолей либо введением их в самую опухоль, либо фильтры с радием или радием вводятся в полости тела, либо прикладываются укрепленные на специ-

альных муляжах к поверхности тела. Для введения в ткани опухоли применяются полые платиновые иглы, содержащие капилляры с эманацией или солями радия. Примером для такого применения является рак языка.

Рак языка представляет собой такую злокачественную опухоль, где хирургическая операция дает очень плохие результаты. Помимо тяжкого увечья, которое причиняет операция, почти во всех случаях наступает возврат болезни. Между тем лечение радием дает во многих случаях полное излечение. Лечение производится следующим образом. После обезболивания в раковую опухоль языка вкалываются платиновые иглы (до 20 штук, в зависимости от величины опухоли) и оставляются там в течение нескольких дней. Такого однократного лечения достаточно для того, чтобы во многих случаях излечить больного от рака языка навсегда.

Еще лучшие результаты, чем при раке языка, дает лечение радием в комбинации с лечением рентгеновыми лучами при раке матки. Здесь трубочки с радием или эманацией вводятся в пораженную раковой опухолью шейку матки.

Более 5 000 женщин лечилось в Государственном рентгенологическом, радиологическом и раковом институте в Ленинграде. Много сотен из них живы, здоровы и трудоспособны. Чем раньше больные обращаются для лечения радием, тем лучшие получаются результаты.

В ранних случаях заболевания мы почти полностью гарантируем излечение.

Я стою на той точке зрения, как и целый ряд ученых Европы и Америки, что умело проведенное лечение радием и рентгеновыми лучами дает лучшие результаты, чем операции.

Рак гортани является также благодарным объектом для лечения радием и рентгеновыми лучами. И при этом тяжелом заболевании операция дает мало утешительного. Удаление гортани влечет за собой весьма тяжелое увечье, и вместе с тем операция эта не страшит больного от возврата болезни. Радием и рентгеновыми лучами мы во многих случаях окончательно излечиваем больного, возвращая ему нормальную речь и трудоспособность. В высшей степени важно, чтобы больные, как и во всех случаях заболевания раком, обращались к врачу для лечения в самом раннем периоде заболевания. Чем запущеннее болезнь, тем шансы на выздоровление становятся все меньше и меньше. Однако возможность лечения радием гораздо шире, чем возможность хирургической операции. Сплошь и рядом встречаются случаи, где никакая хирургическая операция невозможна, немислима, а между тем при помощи радия и рентгеновых лучей может быть достигнуто полное и длительное излечение. Особенно это часто наблюдается при раке матки, при раке языка, а также и в других случаях злокачественных опухолей, которые являются чувствительными к действию радия и рентгеновых лучей.

Я не говорю уже о раке кожи, где радий действительно творит чудеса. Огромные раковые язвы, разрушившие кожу лица, в короткий срок под влиянием лечения радием заживают нежным, едва заметным рубцом.

Чтобы дать представление о том, ка-

ких результатов можно достигнуть при лечении радием и рентгеновыми лучами злокачественных опухолей, совершенно уже недоступных, вследствие запущенности, лечению хирургическим путем, я привожу здесь 2 случая из многих тысяч, излеченных в клинике института. Здесь фотографии больных до и после лечения радием и рентгеновыми лучами настолько красноречиво говорят, что подробные описания излишни.

Я. Г. 70-летний колхозник из Калининской области. Поступил в клинику института 1 июня 1937 г. 1½ года тому назад на лбу появилась опухоль, которая стала быстро расти. В течение болезни стал страдать сильными головными болями и рвотами, указывавшими на давление на мозг. На рентгенологическом снимке обнаружено, что опухоль разрушила лобную кость. При микроскопическом исследовании вырезанного кусочка установлена раковая опухоль. Больной лечился в клинике института рентгеновыми лучами с 3 июня по 29 июля с перерывами. 7 августа 1937 г. больной выписан совершенно здоровым и в настоящее время здоров (см. рис. 1 и 2).

Г. А. 37 лет, инспектор пожарной части, из г. Владивостока. Поступил в клинику института 19 октября 1936 г. На нижней губе около 15 лет тому назад появилась бородавка, которую больной часто скусывал. 4 года тому назад бородавка эта начала расти; образовалась глубокая язва, которая ко времени поступления в клинику приняла вид, о котором можно судить по фотографии (рис. 3). При микроскопическом исследовании вырезанного кусочка установлена раковая опухоль. После лечения радием опухоль исчезла, язва зарубцевалась, и больной выписался здоровым 3 февраля 1937 г. В настоящее время здоров (см. рис. 4).

Радий до сих пор еще относится к редким металлам. Общее количество радия, имеющегося в распоряжении человечества, еще очень мало. Оно исчисляется граммами. Цена радия поэтому еще очень высока. Грамм радия в настоящее время стоит 100 тысяч рублей золотом. Главным источником радия в

настоящее время являются рудники Бельгийского Конго. Радий добывается еще в Северной Америке, а в Европе— в Иоахимстале в Австрии. У нас в Союзе имеются богатые залежи урановых (радиевых) руд. Разработка радиевых руд чрезвычайно трудна и связана с большой вредностью для рабочих. Чтобы добыть один миллиграмм радия, приходится обработать одну тонну руды и более. Сто тысяч рублей золотом не такая уже высокая цена за грамм радия. Бельгийский концерн может конкурировать с Америкой потому, что для обработки радиевых руд он пользуется эксплуатацией труда негров Конго, оплачивая его невероятно низко. Из-за дороговизны радия последний не применяется в медицине так широко, как этого заслуживают те результаты, которые дает этот чудодейственный элемент при лечении самых тяжелых болезней, которыми страдает человечество.

До революции количество радия, которое было в России, определялось миллиграммами. Вскоре после Октябрьской революции советская власть, организовав в Ленинграде Государственный рентгенологический, радиологический и раковый институт, снабдил его большим количеством радия, что дало возможность не только лечить больных, но и разработать и усовершенствовать методику лечения радием и его эманацией, а также подготовить соответствующие кадры специалистов. В настоящее время в Союзе радия имеется в достаточном количестве в целом ряде институтов и даже больницах. Советское правительство принимает меры к тому, чтобы лечение радием сделалось доступным самым широким массам больных граждан Союза. Достижения в области создания искусственных радиоактивных веществ открывают широкие перспективы для еще большего распространения этого метода лечения.

Танки

Полк. В. ТЕРЕЩЕНКО

★

РОЖДЕНИЕ

Мысль о создании боевой самоходной машины, обладающей способностью без ущерба для себя и людей, находясь в ней, пронизывать ряды врага и уничтожать его, возникла в очень давние времена.

В средние века мысль о боевой машине занимала умы таких людей, как Леонардо да Винчи. Этот замечательный художник и ученый в письме своем к Людовику Сферца в 1572 г. сообщал: «Я строю безопасную, закрытую колесницу, совершенно неуязвимую; когда она врежется со своими пушками в глубину неприятельского расположения, какова бы ни была численность противника, последнему придется отступить; пехота может следовать за ними в безопасности и не встречая сопротивления»¹.

Прямыми предшественниками современного танка надо признать автомобиль, как повозку с мощной механической тягой, затем броневомобиль — подвижное боевое средство, несущее под своей прочной броней мощный огонь, и, наконец, трактор с гусеничным ходом, как образец машины, способной перемещаться по местности без дорог.

Все существовавшие до танка боевые самоходные машины не получили развития и роста. Они, как правило, за-

канчивали свое существование в виде проектов или отдельных опытных образцов. Причиной тому был, прежде всего, низкий уровень развития экономики и техники того времени.

Только с появлением мощного, но компактного двигателя внутреннего сгорания и гусеничного движителя идея современной боевой колесницы была, в конце концов, осуществлена.

Ускорила появление танков мировая империалистическая война, превратившаяся уже к концу 1914 г. в позиционную борьбу. Обе стороны, исчерпав весь свой наступательный порыв, закопались глубоко в землю, прикрывшись широким и прочным барьером проволочных заграждений и отлично подготовленным артиллерийским и пулеметным огнем. На западе фронт от бельгийского побережья до Швейцарии представлял собой почти непрерывную цепь прочных и труднодоступных позиций.

Наступление на такие оборонительные позиции при поддержке только артиллерии и пулеметов обычно не давало результатов и стоило огромного количества жизней бойцов пехоты.

Главным врагом наступающей пехоты были пулеметы противника, полностью подавить которые, даже путем многодневной артиллерийской подготовки, не удавалось. На разрушенных артиллерийским огнем позициях, в каше из земли, металла, проволоки, камня и бетона, некоторые пулеметные гнезда все

¹ Дж. Фуллер. Танки в великой войне 1914—18 гг. Высший военный редакционный совет. 1923 г., стр. 10.

же оставались жизнеспособными и готовыми к встрече противника. Уцелевшие пулеметы встречали наступающую незащищенную пехоту убийственным огнем и прижимали ее к земле. Наступление замирало после первых же 3—4 км. движения и требовало для своего продолжения новой длительной подготовки. Кровь десятков, а иногда и сотен тысяч жертв оказывалась пролитой безрезультатно.

Средства обороны стали сильнее средств наступления.

Наступил кризис. Через два месяца после начала войны почти вся обученная в мирное время пехота была или уничтожена, или перекалечена.

Многодневная артиллерийская подготовка в некоторой степени даже вредила наступающему. Она предупреждала оборону о готовящемся наступлении и своей длительностью обеспечивала противнику необходимый срок на подготовку контрмер. Она исключала внезапность удара.

Из создавшегося положения надо было найти выход.

Нужно было найти такое средство, которое способно было бы превозмочь упорство обороны и проложить пехоте путь через заграждения и систему пулеметного огня. Оно, это средство, постоянно должно быть где-то рядом с пехотой, в полной готовности подавать огонь оживших и подтянутых из глубины огневых точек врага. Для выполнения подобных задач средство это должно свободно проходить через проволочную сеть, рвы, окопы и воронки от снарядов и не отставать от своей пехоты.

Такое средство было найдено. Это был танк, проекты которого появились в 1914 г. в Англии и России, а в 1915 г. совершенно самостоятельно и во Франции.

В России строительство танков дальше опытного образца не пошло. Во Франции производство танков задержалось. Первая боевая машина появилась в Англии, откуда она и получила свое несколько странное, но ныне привычное для всех название. Словом «танк» в Англии называется резер-

вуар, бак, посуда для воды. Присвоение названия «танк» боевой машине произошло главным образом из-за желания скрыть на более или менее длительный срок от шпионов противника новое изобретение.

Первая боевая машина обладала рядом крупных недостатков, среди которых основными были: громоздкость, неповоротливость и тихоходность. В бою по местности, изрытой окопами и воронками, танк развивал скорость не выше 3 км. в час, т.-е. двигался очень не намного скорее пехоты. Огневая мощь его была значительной. На танке имелось две 57-мм. пушки и 4 пулемета, на некоторых танках было по 6 пулеметов. Общий вес танка достигал 28—29 тонн.

ПЕРВЫЕ ШАГИ

Наличие крупных недостатков в первых образцах танков не приостановило их производства. К лету 1916 г. было изготовлено и испытано несколько десятков машин, получивших название — танк «М-1». Решено было не спешить, лучше усовершенствовать машину, изготовить их несколько сотен и весной 1917 г. обрушить их всей массой против немцев.

Но обстановка на фронте и связанная с ней нервность главного командования английской армии внесли путаницу во все предположения. Пришлось первые же 50 боевых машин к концу августа 1916 г. бросить на фронт для участия в сражении на р. Сомме.

Сражение это, начатое 1 июля, развивалось для наступающих англичан очень неудачно. В первый же день боя потери составляли 60 тыс. человек. Лучшая часть армии уничтожалась в безрезультатных попытках прорвать фронт немцев. Под влиянием событий английское командование решило, не считаясь ни с чем, ввести в дело танки и хотя бы при помощи их поднять политико-моральное состояние своих войск.

На рассвете 15 сентября 1916 г. совершилось боевое крещение первых танков. В пять с половиной часов утра в этот день открылась первая страница истории развития, трудностей роста,

сомнений и триумфа новых боевых машин. В мировой войне наступил переломный момент.

Первый бой, в силу ряда технических причин, был не совсем удачным. Из 49 машин, назначенных для боя, только 18 участвовало в атаке. Но и эти 18 машин сумели доказать, что танк является прекрасным боевым средством, способным проложить дорогу своей пехоте в самых сложных условиях боевой обстановки. Прорыв немецкой обороны не удался, но виной тому было не качество, а количество машин. Нельзя было рассчитывать на крупный успех при наличии всего 49 машин. Этот вывод был отлично усвоен командованием, и оно, после опыта на Сомме, заказало сразу 1.000 танков.

После этого боя англичане, а затем и французы, стали все шире и больше применять танки. Машины совершенствовались, недостатки их быстро устранялись. Однако все операции с участием танков не давали резкого перелома в развитии наступательных операций, не получалось достаточно ощутительного поражения врага. Причиной тому являлся консерватизм командования, которое не хотело изменить прежнюю привычную тактику, которое втискивало новое боевое средство в старую схему артиллерийской атаки и дробило усилия танков на широком фронте.

Попрежнему отсутствовала внезапность и сокрушительность удара.

ТРИУМФ

Так продолжалось вплоть до осени 1917 г., когда, наконец, под влиянием результатов сражения во Фландрии, стоившего англичанам 400 000 человек, под нажимом убеждений и доказательств специалистов танкового дела, английское командование решило применить новые формы атаки.

Для испытания и проверки новых тактических идей был избран чрезвычайно прочный участок немецкой обороны под Камбре. Приковал к себе внимание этот участок танкодоступностью своей местности. Равнина и отсутствие лесов обеспечивали безотказное движение машин,

четкость взаимодействия и простоту управления.

Для овладения этим участком старым способом потребовались бы сотни тысяч жертв, чему порукой были прочность заграждений и фортификационных сооружений, при возможности для противника вести почти по всему району огонь из глубины.

Неприступность позиций была настолько велика, что немцы превратили участок под Камбре в своеобразное место для отдыха и приведения себя в порядок потрепанных на других участках частей.

Противник через захваченных пленных знал о предстоящей атаке, но представлял ее себе такой, какой были все предыдущие. Он ждал многочасовой или многодневной артиллерийской подготовки и затем уже броска пехоты. К этому он был в полной мере готов и заранее вписал предстоящий бой в свой актив.

Но случилось иначе. Англичане на этот раз решили применить новое средство по совершенно новому способу. Они отменили артиллерийскую подготовку. Первый залп 1000 орудий должен быть дан только по подходе танков к позициям врага. Танки, в количестве более 350 штук, двигаясь впереди пехоты, должны были проделать в 30-метровой полосе проволочных заграждений необходимые для нее проходы и вести ее за собой вглубь обороны для закрепления и развития достигнутого успеха. После прорыва в тыл немцев, с целью превращения тактического успеха в оперативный, должен быть брошен кавалерийский корпус. Таков в общих чертах был план намечавшейся операции.

Ночь перед днем атаки — с 19 на 20 ноября — была сырой, холодной и туманной. Ничто не предвещало особой опасности и неожиданностей. Немецкие часовые, секретеры и наблюдатели четко продолжали нести службу. Оборона была готова к отпору врага в любую минуту. На фронте продолжалась обычная перестрелка и артиллерийская дуэль. А в это время у англичан проводилась ничем не выдающая себя кипучая работа по подготовке удара. К рас-

свету танки вышли к исходным позициям и наладили связь с пехотой и артиллерией.

Ровно в 6 часов 20 ноября забились сердца танкистов и боевых машин. Растянувшись на фронте в 10 км., танкисты завели в точно указанное время моторы боевых машин и в 6 ч. 10 м. двинулись вперед. Вслед за ними в предрассветной дымке пошла вперед и пехота.

Люди шли в атаку в новых, непривычных условиях, но с глубокой верой в успех. Через 10 минут после начала движения в 200 м. впереди танков появилась стена подвижного заградительного огня 1000 орудий. С воздуха самолеты наступающего приступили к атаке штабов, артиллерии и резервов врага.

Бой начался. Стальные громадины, как по маслу, прошли через проволочные препятствия и атаковали защитников передовых позиций немцев.

Поднятая на ноги пехота обороны, не успев разобраться в происходящем, была вдруг атакована пехотой англичан.

У немцев наступила паника. Никто не мог понять, что произошло — где враг, где свой. Кругом, впереди и позади — беспорядочная стрельба, шум моторов, гул артиллерийской канонады. Связь нарушена. Штабы разогнаны. Управление потеряно.

Танки прорвались. Вслед за ними пехота мощным потоком продолжала заливать так недавно неприступные позиции врага.

Атака удалась. Внезапный и массивный удар, четкая организованность взаимодействия войск привели во второй половине дня 20 ноября к полному разгрому противника.

К 16 часам бой закончился полным триумфом танков. Они помогли пехоте свалить оборонительной полосой врага площадью до 130 кв. км., ограничив общие потери англичан в людском составе всего 1 500 бойцами и выхватив из рядов противника 8 000 пленных и 100 орудий.

После этой операции танки получили всеобщее признание и стали неотъемлемой силой каждого серьезного удара. Эффективность работы танков повлияла

даже на немцев, отрицавших до этого серьезность их боевого значения. Германская армия тоже решила иметь танки и применить их в 1918 г. В английской и французской армиях танки продолжали расти и количественно, и качественно.

Второй, заслуживающей особого внимания, наступательной операцией англо-французской армии является удар по немецкому выступу у Амьена 8 августа 1918 г.

Здесь атакован был фронт в 30 км. Причем был полностью повторен метод, примененный под Камбре. Успех удара был потрясающим. За 2 часа боя было взято в плен 16 тыс. человек и свыше 200 орудий. Враг был разбит. Генерал Людендорф назвал 8 августа «черным днем германской армии».

Танковый прорыв закончился следующими результатами в пользу англичан и французов: занято более 300 кв. км. территории, полностью разбито 8 германских дивизий, взято в плен 22 000 человек и 400 орудий, выведено из строя до 27 000 солдат и 700 немецких офицеров, окончательно была надломлена вера в победу у немецких солдат и офицеров.

В этой операции участвовало 420 боевых машин англичан и 90 танков французов. Артиллерийская поддержка их атаки измерялась огнем 2 600 орудий. С воздуха танки были поддержаны действиями 500 самолетов.

После 8 августа начался последовательный отход немцев, закончившийся к 11 ноября 1918 г. полным их поражением.

СОВРЕМЕННОЕ РАЗВИТИЕ

Мировая империалистическая война 1914—1918 гг. закончилась несколько неожиданно. Обе стороны в 1918 г. готовились к решающим операциям весной 1919 г. и в соответствии с этим продолжали расширять техническое оснащение армий. Количество танков в англо-французских силах предполагалось увеличить на 1½—2 десятка тысяч штук, а в германской армии — с 50 до 600 штук.

Цифры количественного роста танков со всей очевидностью убеждают в пол-

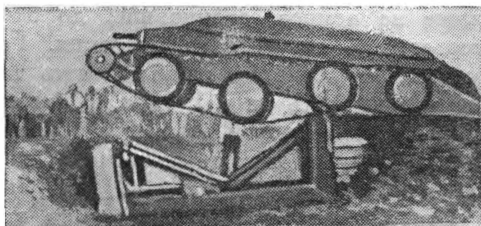

Рис. 1. Танк «Кристи» 1937 г. (США) «прыгает» через овраг. Развивает скорость на колесах до 190 км. и на гусеницах до 96 км. в час.

ном доверии, оказанном новому боевому средству.

Наступивший мир временно несколько приостановил бешеную скачку в вооружениях, но он не прекратил дальнейших работ по усовершенствованию танковой техники и развитию новых теорий войны и боя.

Танки получили чрезвычайно широкое распространение и заняли почетное место во всех армиях. В первый период послевоенного развития шла модернизация оставшихся после войны танков. Затем после 1920 г. такие страны, как Англия, Франция, США и др., приступили к выпуску новых оригинальных образцов танков. Появились образцы машин, способные удовлетворить различные потребности боя, — разведчики, истребители, танки прорыва, специальные танки. После 1925 г. появляются малые танки (танкетки). В 1931 г. создается плавающий танк — «амфибия».

Широкое развитие различных образцов машин заставил привести в порядок их номенклатуру. Создаются условные классы танков. Появляются малые танки (они же танкетки) весом до 5 тонн, легкие — до 12 тонн, средние — до 25 тонн и тяжелые, весом свыше 25 тонн. Параллельно с классификацией намечается тактическое предназначение каждого из классов. Малые и частично легкие танки отнесены к группе «разведчиков». Легкие и частично средние машины введены в группу «истребителей», средние и тяжелые машины отнесены к группе «прорыва».

Приведенная, чрезвычайно условная,

классификация машин сохранилась по сей день.

Заслуживают внимания развитие колесно-гусеничных машин и экспериментирование в области создания танков «прыгающих» и «летающих». Колесно-гусеничная машина является позднейшим образцом развития гусеничного танка. Известно, что гусеничный движитель создает большее сопротивление движению, чем колесный, и тем сокращает возможную скорость перемещения машины при данной мощности двигателя. В целях приобретения оперативной подвижности и повышения маршевой скорости боевых машин в некоторых странах созданы танки с двумя движителями — колесным и гусеничным.

Результаты получились разительные. Так, например, легкий танк США марки «Т3Е2», при моторе в 555 лш. сил, на гусеницах развивает скорость только до 60 км. в час, а на колесах по шоссе его скорость может быть доведена до 120 км. в час.

«Прыгающие» машины есть не что иное, как танки, обладающие большой относительной мощностью и способные, благодаря этому, развивать большую скорость движения. Пользуясь огромным запасом энергии и энергией, эти машины с разгона способны перескочить более широкие рвы, чем то позволяют им их технические свойства при движении на нормальной скорости. Так, например, американский танк типа «Кристи» может делать прыжки в 10—15 м. и более (рис. 1).

Танков, в прямом смысле «летающих», — нет. Под таким названием в США существуют быстроходные машины, легко перемещаемые при помощи самолетов по воздуху.

Современные танки имеют следующие тактические и технические свойства.

Начнем с танкеток или, так называемых, малых танков — «разведчиков». Кстати сказать, к этой группе относятся и итальянские танки «Фиат-ансальдо», скомпрометировавшие себя в боях с танками республиканской Испании.

Все образцы этих танков, как правило, вооружены только пулеметами и

обладают максимальной скоростью в 40—60 км.

Наибольшее развитие получили легкие танки. Они, как основное средство для боя совместно с пехотой, обычно обладают пушечным вооружением калибром в 37—47 мм. и 1—2 пулеметами. Скорость движения основных образцов легких машин на гусеницах по самым отличным дорогам не превышает 40 — 60 км. в час.

Средние танки, обладая пушечным вооружением в 37—75 мм. и 2—4 пулеметами, развивают скорость 25—50 км. в час (рис. 2).

Наименьшее количество образцов мы находим в группе тяжелых машин. Среди существующих танков этой группы самым тяжелым является французская машина «С-3» весом 74 тонны. На вооружении у нее имеется одна 155-мм гаубица, одна 75-мм пушка и 6 пулеметов. Максимальная скорость движения «С-3» не превышает 13 км. в час.

Наиболее быстроходной из тяжелых машин является английский танк «Вик-

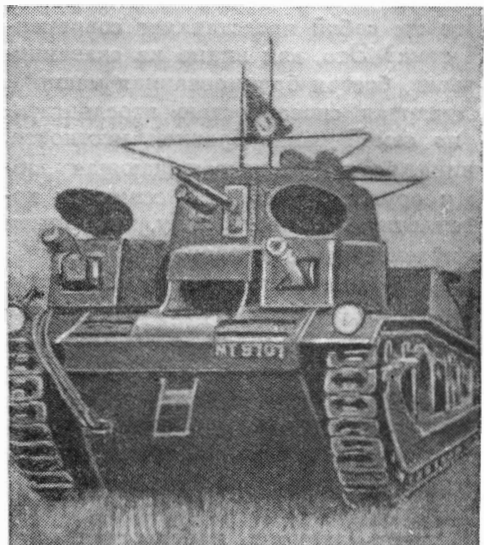

Рис. 2. Английский современный средний танк «Виккерс».

керс-индепендент», развивающий при весе 30 тонн скорость до 32 км. в час.

КРАТКАЯ СРАВНИТЕЛЬНАЯ ТАБЛИЦА

тактико-технических свойств танков периода мировой войны и современных

Свойства, образцы и год выпуска	Экипаж	Вооружение		Броня лобовая в м/м	Скорость макс. с км/ч	Запас хода в км	Вес в т	Мощность двигателя в л. с.	
		пушка калибр в м/м	пулемет					общая	на 1 т веса
Легкие танки									
Французский «Рено» 1917 г.	2 чел.	1—37	1	16	8	60	6,7	40	6
США «Т-5» 1933 г.	2 "	—	3	9,5	71	240	6	260	48
Германский легкий 1935 г.	2 "	—	2	7	50	?	6	до 120	15—18
Средние танки									
Французский «Шнейдер» 1916 г.	6 "	1—75	2	24	6	75	13,5	60	4,6
США «Т-2» 1931 г.	4 "	1—47	2	22	40	145	13,6	323	24
¹ Английский средний «Виккерс» 1929 г.	6 "	1—47	5	25,4	50	185	18	200	11
Тяжелые танки									
Английский «М-1» 1916 г.	8 "	2—57	4	15	6	18	28	105	ок. 4
Английский «М-П» 1918 г.	8 "	2—57 1—155	4	15	7,7	72	31	150	5
Французский «С-3» 1928 г.	13 "	1—75	6	50	13	150	74	1980 (3 мотора, по 600 л. с.)	26,7

¹ См. рисунки 2 и 3.

Что же собой представляет современный танк? Это, как видно из сказанного выше, боевая бронированная машина, обладающая способностью передвигаться по самой разнообразной местности, машина, безопасно перемещающая людей и оружие на своем гусеничном ходу вплотную к противнику, под огнем его пулеметов и винтовок.

К числу положительных свойств танка надо отнести мощь огня, высокую скорость движения, относительную вездеходность, большой радиус действия, прочную броневую защиту, огромную «живую силу», позволяющую танкам ломать деревья, заборы, колья проволочных заграждений и т. д.

К отрицательным свойствам танков относятся: трудность наблюдения через наблюдательные щели и приборы при движении, большая зависимость от условий местности (болота, густые леса, сыпучие пески, длинные скаты выше 40°, глубокие реки остаются по сей день непреодолимыми), ограниченная сопротивляемость брони снаряду артиллерии, зависимость от искусственных заграждений (мины, рвы шире половины длины машины и т. п.).

ФОРМЫ ПРИМЕНЕНИЯ

Успех применения танков в мировую войну и параллельно с этим выявившаяся ненадежность для буржуазии массовых армий, послужили основанием для рождения фашистских теорий о замене человека машиной. Предлагалось создать крупные механизированные силы, укомплектованные классово близкими правящим кругам отборными «молодчиками». Целая плеяда авторов новой тактики и стратегии, вроде Фуллера, Каммона, Лиддела Харта, Зольдана, воспевали танк и броневомобиль как конницу наших дней, как средство, способное избавить буржуазные правительства от необходимости иметь массу ненадежной пехоты.

При помощи броневой техники на земле, поддерживаемой мощной авиацией, тоже укомплектованной «отборными» людьми, эти «теоретики» предполагали закончить будущую схватку с воздуха в

течение нескольких десятков часов. При чем дело решалось удивительно просто. Механизированная армия, предваряемая разрушительными действиями авиации, сокращает на своем пути все живое и беспрепятственно занимает столицу намеченной жертвы. Враг повержен и раздавлен. Остается только подписать мирные условия и, вслед за этим, идти против следующей жертвы.

Под влиянием последующих событий и практического анализа возможностей ведения машинной войны малыми армиями все «гаражные» теории быстро были отвергнуты даже самой буржуазией. От них остались только отголоски в виде теорий, предлагающих такое насыщение армий боевой техникой, чтобы на пехоту падала обязанность только «чистильщика» окопов врага и оккупация его территории. Ярким представителем подобных идей является австрийский генерал Эймансбергер, работающий на фашистскую Германию с 1933 г. и по сей день.

Проверка подобных теорий производится в настоящее время в Испании. Там фашисты и интервенты стремятся задушить свободный испанский народ при помощи превосходного количества техники. Пехота их призвана только для занятия очищенной огнем территории. Но, как показала практика, без хорошо обученной и стойкой пехоты можно добиться только частичного и только временного успеха. Героическая испанская армия в лице ее славной пехоты опрокинула все расчеты врага и, опираясь на свою все возрастающую технику, стоит сейчас на пути полного разгрома его.

Побеждает не техника, а человек. Пехота является главным родом войск, только она, при содействии танков, авиации, артиллерии и других родов войск, способна начать, развить и закончить бой с полным поражением противника.

В свете этой теории танки ни в какой степени не теряют своего значения и положения. Они остаются всеми признанным грозным оружием, способным обеспечить пехоте продвижение вперед и победу ее над врагом «малой кровью».

Полевой устав Рабоче-Крестьянской Красной Армии 1936 г. в ст. 7 говорит, что «артиллерия и танки в наступлении обеспечивают пехоте продвижение вперед путем подавления пулеметных и всех других огневых средств противника... Танки, усиливающие стрелковые соединения, помимо непосредственной поддержки пехоты, выполняют задачи прорыва в глубину противника с целью уничтожения его резервов, артиллерии, штабов и парков, а также выхода на пути его отхода».

Таким образом, наша армия допускает очень широкое использование танков, отводя им почетное место в современном бою. При этом устав с полной категоричностью подчеркивает, что «применение танков в наступлении должно быть массированным».

Врага надо бить кулаком. Растопыренными пальцами разгрома добиться нельзя. Жиденькой цепочкой танков серьезного урона противнику не нанесешь.

В тесном взаимодействии с авиацией танки будут являться инструментом развития побед, средством для поражения резервов врага на его собственной территории.

За рубежом, в империалистических странах, по сей день существуют и борются две основные точки зрения применения танков — английская и французская. Англичане, основоположники танковой доктрины и строители крупных механизированных соединений, стоят за развитие быстроходных танков и создание из них мощных соединений в виде подвижных дивизий. По их представлениям, танки, как их конница в прошлом, могут не искать плечевой связи с пехотой. Будучи сведенными в мощные кулаки, подкрепленные ездящей пехотой, они способны к широким оперативным действиям. Для достижения быстрой победы в общевойсковом бою танки должны работать и двигаться повышенными темпами.

Французы же считают, что ценность танков не в скорости их движения, а в прочности брони и солидности вооружения. Они говорят, что на быстром движении огневой борьбы вести нельзя,

поражать цели можно только на невысокой, боевой скорости или с коротких остановок, а так как танки прежде всего сильны своим огнем, то им большая скорость не нужна.

По французским взглядам, танки не могут являться надежным средством для самостоятельных оперативных действий. Их место в составе пехоты и в борьбе с противником — в теснейшем взаимодействии с последней. Даже больше того, они считают танки неотъемлемой частью пехоты, ее средством борьбы с огневой системой врага.

Война в Испании берется французами как пример, доказывающий торжество их танковой доктрины. Подполковник Перре в мартовском номере журнала «La revue d'infanterie» говорит: «Опыт войны в Испании подтвердил наши выводы, а наши британские друзья, как известно, более послушны фактам, чем самым жестоким аргументам, и поэтому сейчас они усиливают броню, а за ними, кстати, следуют и их прежние ученики».

Следует отметить, что испанский опыт применения танков не может являться полноценным. Дело в том, что там борьба протекает при очень незначительном количестве танковой техники и в условиях резко выраженного горного театра войны. В настоящее время можно сделать твердые выводы только в части применения танков в тесном взаимодействии с пехотой на резко пересеченной местности. Для этих условий французская точка зрения верна. Для спровождения пехоты в горных условиях скорость движения таким танкам не нужна, им необходимы здесь мощные моторы и более прочная броня, сокращающая их потери от огня противотанковых пушек.

Вопросы применения большого количества танков на равнинной местности, использования их в составе мощных групп дальнего действия и механизированных соединений остаются открытыми и совсем не освещенными практикой войны в Испании.

Теоретический вывод, что скорость движения танков играет и в бою, и в операции огромную роль, пока-что не только не отвергнут, но даже самими испанскими выводами подтвержден:

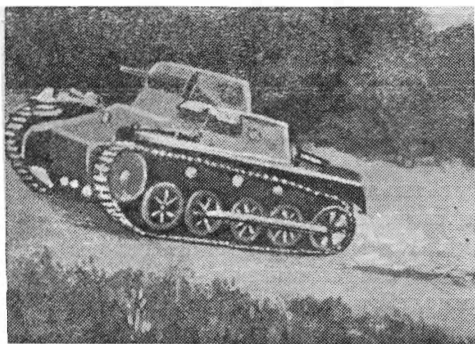

Рис. 3. Современный легкий танк фашистской Германии. Впервые появился в 1935 г. Скомпрометирован в боях с танками республиканской Испании.

Взять хотя бы операцию под Гвадалахарой в 1937 г., где был разбит целый итальянский моторизованный корпус. Здесь огромную роль сыграла мобильность и подвижность танковых частей республиканцев. Танки, будучи представленными в очень небольшом количестве, опираясь только на свою скорость движения, успевали бить врага то в одном, то в другом месте и появляться в критические минуты именно там, где они были необходимы.

В заключение не лишне будет упомянуть, что в последние годы разница во взглядах двух приведенных школ несколько сглаживается практическими мероприятиями в развитии вооружения Франции и Англии. Французы строят танки, обладающие скоростью не ниже 30 км. в час и создают отвергаемые ранее «опытные», но мощные механизированные соединения. Англичане, в свою очередь, повышают прочность брони некоторых образцов танков и теснее связывают работу танков с пехотой.

Фашистская Германия переживает в настоящее время период переоценки ценностей. Задавшись целью создать армию, в полной мере отвечающую их захватническим задачам, фашисты стали широко развивать моторизацию и механизацию своих частей и создавать крупные механизированные соединения (танковые дивизии). Их доктрина очень близка к английской, они считают, что танки не должны быть тесно связаны с

пехотой. Их устав говорит: «Привязанность танков к пехоте лишает их возможности использовать свое преимущество в скорости».

Генерал-майор Гудериан, начальник бронетанковых войск фашистской Германии, тоже стоит на такой точке зрения. В своей статье в американском журнале «The Coast Artillery Journal» (ноябрь—декабрь 1937 г.) он приходит к выводу, что «атака танков для того, чтобы использовать все преимущества внезапного нападения, должна быть проведена с максимальной быстротой... Другими словами, скорость является главным требованием к механизированным войскам. Наряду с быстротой наступления танков должны также быстро двигаться и все части, находящиеся во взаимодействии с ними».

В соответствии с подобными установками германская армия пошла по линии развития только подвижных, но слабо вооруженных и с непрочной броней, легких танков (рис. 3).

Опыт интервенции в Испании, превращенной фашистами в полигон для испытания своей техники и проверки тактических установок, в отношении танков оказался неудачным. Германское командование разочаровано. Танки германского производства показали полную свою несостоятельность при встрече с более мощными машинами войск республиканцев и прочной системой активной и пассивной противотанковой обороны последних. Они, как и итальянские танки, всегда оказывались битыми танками республиканцев. Одной только скорости движения оказалось недостаточно.

В последнее время фашисты приступили к выпуску более мощных пушечных машин и замене ими скомпрометированных танков в Испании.

Обращает внимание создание Германией механизированных соединений (танковых дивизий), предназначенных, видимо, для целей «большой войны». Состав каждой танковой дивизии, по французским источникам, таков: один моторизованный разведывательный отряд, танковая бригада в составе 500 танков, одна стрелковая бригада на вездеходных автомобилях, один мотоциклет-

ный батальон, один полк моторизованной артиллерии, отряд противотанковой артиллерии и вспомогательные рода войск.

Всего таких дивизий имеется 4—5. Все они поспешно перевооружаются новой танковой техникой.

Общее количество танков в основных капиталистических странах даже в «мирное время» очень велико.

В связи с завязкой и бешеным разви-

тием новой мировой войны цифры роста танков с каждым днем повышаются.

Так, например, к 1938 году танков имелось¹: в Германии — 3 500 шт., в Италии — 1 500 шт., во Франции — 4 500 шт., в Японии — 1 800 шт.

Таков путь развития танка, машины, олицетворяющей ныне наступательные тенденции современных армий.

---

¹ Вооружения капиталистических стран. Под редакцией Е. Варга. Воениздат. 1938.

Разгром Врангеля

Полковник С. ГУРОВ

★

ОБСТАНОВКА НА ЮГЕ В 1920 ГОДУ

В декабре 1919 года красные армии Южного фронта, выполняя гениальный план товарища Сталина по разгрому Деникина, вышли в район Донбасса. Силы белых были разделены на две части. Одна из них, оперировавшая ранее в Правобережной Украине, по приказу Деникина стала отходить на Одессу и в Крым, другая — главные силы Деникина — отходила на Северный Кавказ.

12-я и 14-я красные армии разгромили белогвардейцев за правым берегом Днепра и преследовали их к польской и румынской границам. 13-я красная армия, наиболее слабая из армий Южного фронта, была направлена для преследования белых, отступавших в Крым. На этом направлении со стороны белогвардейцев действовал корпус генерала Слащова, насчитывавший 2 200 штыков, 1 200 сабель и 32 орудия. Слащов быстро уходил за крымские перешейки. Части 13-й красной армии, выйдя левым крылом к побережью Азовского моря, приступили к операциям по овладению Перекопским и Чонгарским перешейками. Условия для наступления были крайне неблагоприятны. Узкие перешейки, особенно Чонгарский, не позволяли развернуть на них значительные силы. Стояли холода, населенных пунктов было мало, и красноармейцы по несколько суток оставались под открытым небом.

Противник успел укрепить крымские

перешейки, реорганизовать свои части, пополнить их за счет частей, отступивших в Крым с других направлений. Все попытки 13-й армии в течение января, февраля и марта месяцев 1920 г. овладеть крымскими перешейками окончились неудачами. Сил было явно недостаточно. Крым остался в руках белых и послужил в дальнейшем базой для образования нового фронта белой армии. Пока шли бои 13-й армии за овладение крымскими перешейками, Красная Армия на Северном Кавказе громила главные силы Деникина. В феврале 1-я Конная и 10-я красная армии под Торговой, Белой Глиной и Егорлыкской нанесли жестокие поражения лучшим частям Деникина, и белые начали спешно отступать к Новороссийску. Командование Кавказским фронтом недооценило силы Деникина и допустило ряд ошибок оперативного порядка. Белым удалось в Новороссийске погрузиться на суда и уйти в Крым. По подсчету самого Деникина, в Крыму высадилось около 40 000 бойцов. Эти силы и составили остов будущей врангелевской армии. Так, в результате допущенных ошибок, образовалась «крымская заноза» — новый Крымский фронт.

Товарищ Ленин обратил внимание на заминку в операциях по овладению Крымом. В своей записке РВС Республики от 19 марта 1920 г. он писал:

«Нужно постановление РВС: — Обратить сугубое внимание на явно допущенную ошибку с Крымом (во время не двинули достаточных сил);

— все усилия — на исправление ошибки (события в Германии крайне обостряют вопрос об ускорении и добития Деникина);

— в частности приготовить морские средства (мины, подлодки и т. д.) и возможное наступление с Тамани на Крым...

— Ряд точнейших и энергичнейших постановлений РВС об этом не обходим немедленно»¹.

Троцкий, возглавлявший РВС, этого указания Ленина предательски не выполнил. Крупных пополнений на Крымский фронт послано не было.

ТРЕТИЙ ПОХОД АНТАНТЫ

Панская Польша в течение всех трех лет гражданской войны вела борьбу с Советской Россией. Польская республика с момента своего образования встала на путь политики захватов и насилий. На неоднократные предложения советского правительства заключить мир Польша отвечала отказом. Она мечтала захватить Белоруссию, Украину, Литву и Галицию, превратив их в свои колонии. Время от времени польские войска переходили в наступление, захватывали города и села Советской республики. Так, например, 8 августа 1919 года поляки захватили столицу Белоруссии — Минск и ряд городов западной части Украины. Однако к решительным действиям поляки не переходили. Не в интересах польской буржуазии было укреплять русских белогвардейцев, стремившихся восстановить «единую и неделимую Россию», которая включила бы в себя и Польшу.

Но, когда были разгромлены белогвардейские генералы — Колчак, Юденич и Деникин, мечтавшие о «неделимой России», настал момент и для поляков осуществить свои захватнические планы.

25 апреля 1920 года польские войска перешли в решительное наступление. Главный удар поляки наносили на юге — по Советской Украине.

Это был новый — третий — поход Антанты.

Товарищ Сталин в статье, напечатанной в «Правде» от 25—26 мая 1920 года, писал: «Не подлежит сомнению, что поход панской Польши против рабоче-крестьянской России есть, по существу, поход Антанты. Дело не только в том, что Лига Наций, руководителем которой является Антанта и членом которой состоит Польша, одобрила, очевидно, поход Польши на Россию. Дело, прежде всего, в том, что без поддержки Антанты Польша не могла бы организовать своего нападения на Россию, что Франция, прежде всего, а потом и Англия с Америкой всячески поддерживают наступление Польши оружием, обмундированием, деньгами, инструкторами».

В этой же статье дальше товарищ Сталин писал: «Польша воюет с Россией пока что одна. Но было бы наивно думать, что она остается одинокой. Мы имеем здесь в виду не только всестороннюю поддержку, которую, несомненно, оказывает Польша Антанта, но и тех боевых союзников Польши, которые отчасти уже найдены Антантой (например, остатки деникинских войск), отчасти же будут, по всей вероятности, найдены во славу европейской «цивилизации»².

Таким образом, товарищ Сталин предвидел, что «остатки деникинских войск» окажутся союзниками Польши. Так оно и случилось. После разгрома Деникина потерпели крушение и все основные политические пути и лозунги деникинщины.

Деникин, возглавлявший помещичье-буржуазный блок, был дискредитирован и в военном, и в политическом отношении в глазах армии и всех контрреволюционных сил.

На место Деникина выдвинулся другой белогвардеец — барон Врангель. Этот черный барон, как его называли, еще при Деникине возглавлял оппозиционное течение, имел уже свою программу действий. В рапорте Деникину

¹ «Разгром Врангеля». Сборник статей. Изд. Коммунистической академии. Стр. 59.

² К. Е. Ворошилов. Сталин и Красная Армия. Стр. 129 и 136.

он писал: «Продолжение борьбы для нас возможно, лишь опираясь на коренные русские силы». Эти силы он видел в союзе с верхушкой крестьянства — кулаками, рассчитывая привлечь их на свою сторону уступками за выкуп части помещичьих земель.

Врангель был ставленником Франции. Правительство последней рассчитывало комбинированным ударом с юга и запада, при помощи Врангеля и Польши, добиться свержения советской власти. Хотя между Врангелем и Польшей и были некоторые трения по вопросу дележа незавоеванной еще территории Советской России, однако общая цель борьбы против рабочих и крестьян, против трудящихся страны Советов объединяла их действия.

Товарищ Сталин в беседе с сотрудником «Правды», напечатанной 11 июля 1920 г., говорил: «... Не следует утешать себя надеждой о том, что Врангель не споется с поляками. Врангель уже спелся с ними и действует заодно с ними». Далее товарищ Сталин приводит выдержки из газеты Шульгина «Великая Россия», выходившей в Севастополе: «Нет сомнения, — писала эта газета, — что мы своим наступлением поддерживаем поляков, ибо оттягиваем на себя часть большевистских сил, предназначенных для польского фронта. Также несомненно, что поляки своими операциями существенно поддерживают нас. Не нужно ни симпатии к полякам, ни антипатии; мы должны руководствоваться лишь холодным политическим расчетом. Сегодня нам выгоден союз с поляками против общего врага, а завтра... завтра будет видно»³.

Фронт Врангеля был продолжением польского фронта. Польша и Врангель были, как указывал Ленин, — две руки французского империализма.

ВЫХОД ВРАНГЕЛЯ В СЕВЕРНУЮ ТАВРИЮ

Вступив в командование белогвардейскими частями, стянувшимися со всех

сторон в «крымскую бутылку», Врангель развил энергичную деятельность по реорганизации, переформированию и подготовке «Русской армии», как называлась армия Врангеля, к новым боям. Все разрозненные части белых были сведены Врангелем в 4 корпуса. I армейский корпус генерала Кутепова состоял из добровольческих дивизий: Дроздовской, Марковской и Корниловской. Всего в корпусе насчитывалось: 6 200 штыков, 410 сабель, 130 пулеметов и 50 орудий. II армейский корпус составили части, отошедшие в Крым во главе с генералом Слащовым (13-я и 14-я дивизии); в корпусе насчитывалось: 5 580 штыков, 870 сабель, 147 пулеметов и 24 орудия. Донские казаки образовали Донской корпус (1-я, 2-я и 3-я донские дивизии), численностью в 7 640 штыков, при 116 пулеметах и 12 орудиях. Наконец, кубанские, терские, астраханские и горские полки образовали сводный корпус генерала Писарева в составе: 5 096 штыков, 1 180 сабель, 137 пулеметов и 140 орудий. Регулярная конница была сведена в 1-ю и 2-ю кавалерийские дивизии. Всего в армии Врангеля насчитывалось: 27 316 штыков, 4 560 сабель, 630 пулеметов и 108 орудий. Кроме того, в армии было 24 бронеавтомобиля, 12 танков, 4 бронепоезда и 12 самолетов.

План Врангеля сводился к следующему:

1) Выдвижение на линию Бердянск, Пологи, Александровск, Днепр.

2) Овладение Таманским полуостровом с целью создать на Кубани новый очаг борьбы.

3) Выдвижение на линию Ростов, Таганрог, Донецкий каменноугольный район, ст. Гришино, ст. Синельниково.

4) Очищение от Красной Армии Дона и Кубани (казаки должны были дать живую силу для продолжения борьбы).

5) Бесперывное укрепление крымских перешейков (доведение укреплений до крепостного типа).

6) Создание в Крыму базы для вооруженных сил юга.

В начале июня 1920 г. армия Вран-

³ К. Е. Ворошилов. Сталин и Красная Армия. Стр. 146.

геля заняла исходное положение для наступления в Северную Таврию. I армейский корпус ген. Кутепова с 1-й и 2-й кавалерийскими дивизиями, отрядом танков и бронемашин, общей численностью в 9 000 штыков, 2 510 сабель, 66 орудий, 6 танков, 12 бронемашин и 6 самолетов, сосредоточился на Перекопском перешейке.

На Чонгарском перешейке развернулся сводный корпус ген. Писарева, усиленный 6 танками, 12 бронемашинами и 4 бронепоездами.

Корпус генерала Слащова готовился к десантной операции у озера Молочное.

Главный удар должен был наносить корпус генерала Кутепова. Корпус Слащова, захватив Мелитополь, должен был действовать на тыл чонгарской группы Красной Армии.

Всем этим силам белой армии противостояли силы 13-й красной армии: на Перекопском направлении — 52-я, Латышская и 3-я стрелковые дивизии, 85-я и 124-я стрелковые бригады; всего 6 475 штыков, 793 сабли, 94 орудия.

Против Чонгарского перешейка стояла 46-я стрелковая дивизия и 2-я кав. дивизия, переброшенная с Северного Кавказа. В этой группе насчитывалось 2 109 штыков, 2 020 сабель, 31 орудие и 3 бронепоезда. Всего в частях 13-й красной армии насчитывалось: 8 584 штыка, 2 813 сабель, 125 орудий и 3 бронепоезда. Таким образом, силы белых значительно превосходили силы Красной Армии. Троцкий, вопреки указаниям товарищей Ленина и Сталина, что Врангеля нужно расценивать как серьезного противника, предательски не выделил достаточных сил на Крымское направление, считая, что для удержания Врангеля достаточно держать заставы.

Утром 6 июня корпус Слащова неожиданно на судах появился у д. Кирилловка (50 км. восточнее Геническа) и почти беспрепятственно высадился на берег. К вечеру 6 июня передовые части Слащова подошли к железной дороге Мелитополь — Севастополь.

Для ликвидации десанта Слащова из 46-й стрелковой дивизии была выделена одна бригада, сил которой было не-

достаточно, чтобы сбросить обратно в море части Слащова. 7 июня Врангель перешел в наступление по всему фронту. Упорные бои завязались на Перекопском направлении. 3-я стрелковая дивизия, 85-я и 124-я бригада 13-й красной армии контратакой пытались разбить врангелевские части, вышедшие из Перекопского перешейка. Но противник, превосходящий численностью и техническим оснащением, 8 июня оттеснил эту группу, и 13-я армия начала отступление на север и северо-восток.

Тем временем корпус Слащова продвигался к Мелитополью. 9 июня Мелитополь был взят белыми, 12 июня захвачена Каховка (на левом берегу Днепра). К 23 июня фронт борьбы растянулся от Черного моря по линии Днепра до Васильевки и далее через Б. Токмак и колонию Ганденфельд к Азовскому побережью. Вся Северная Таврия с огромными запасами хлеба оказалась в руках Врангеля.

В конце июня и начале июля 13-я красная армия, получив подкрепление в виде одного конного корпуса и 40-й стрелковой дивизии, сделала попытку перейти в наступление на противника. Главный удар должен был наносить прибывший на усиление конный корпус и 40-я стрелковая дивизия. Эта группа должна была из района Цареконстантиновки (в 30 км. юго-вост. Пологи) нанести удар на Мелитополь и далее развивать успех на Перекоп и Сальково. 3-я, 15-я, 46-я и 23-я стрелковые дивизии должны были наступать на Мелитополь с севера, 52-я и Латышская дивизии — от Бериславля на Перекоп.

Задуманное наступление 13-й красной армии окончилось неудачей. Противник перегруппировал свои силы и 3 июля оттеснил ударную группу, а затем отбросил и остальные части 13-й армии, начавшие было развивать наступление.

В это время Красная Армия на польском фронте гнала поляков к Варшаве. Но наличие в нашем тылу армии Врангеля ставило под угрозу наши успехи и на польском фронте.

Товарищ Сталин в приведенной выше беседе с корреспондентом «Правды» го-

ворил: «... Очевидно, врангелевский фронт является продолжением польского фронта, с той, однако, разницей, что Врангель действует в тылу наших войск, ведущих борьбу с поляками, т. е. в самом опасном для нас пункте.

Смешно поэтому говорить о «марше на Варшаву» и вообще о прочности наших успехов, пока врангелевская опасность не ликвидирована. Между тем Врангель усиливается, и не видно, чтобы мы предпринимали что-либо особенное, серьезное против растущей опасности с юга».

И далее товарищ Сталин говорил: «... Нет оснований сомневаться в том, что Россия найдет в себе силу для отпора и новым противникам. Но об одном все же нужно помнить: пока Врангель цел, пока Врангель имеет возможность угрожать нашим тылам, наши фронты будут хромать на обе ноги, наши успехи на антипольских фронтах не могут быть прочными. Только с ликвидацией Врангеля можно будет считать нашу победу над польскими панами обеспеченной. Поэтому партия должна начертать на своем знамени новый очередной лозунг: «Помните о Врангеле!», «Смерть Врангелю!»⁴.

Центральный Комитет большевистской партии, во главе с Лениным, всецело поддерживал товарища Сталина. В письме ЦК всем партийным организациям, посланном в начале июля, говорилось о том, что Врангеля надо уничтожить возможно быстрее, что в ближайшие дни внимание партии должно быть сосредоточено на Крымском фронте.

2 августа 1920 г. Ленин провел в ЦК решение, в котором врангелевский фронт был признан «...имеющим огромное, вполне самостоятельное значение...»⁵.

Товарищу Сталину поручалось сформировать Реввоенсовет. Целиком сосредоточить свои силы на врангелевском фронте.

В этот же день Ленин написал товарищу Сталину: «Только что прове-

ли Политбюро разделение фронтов, чтобы Вы исключительно занялись Врангелем...»⁶.

Товарищ Сталин немедленно приступил к усилению этого фронта. Благодаря его заботам численность наших войск была доведена до 55 000 штыков и 4 000 сабель. Врангель располагал 45 000 штыками и 15 000 саблями. Однако техническое превосходство было на стороне Врангеля. Антанта щедро снабдила его танками, артиллерией, авиацией и бронемашинами.

По директиве товарища Сталина в районе Бериславля на Днестре были сосредоточены четыре дивизии. В ночь с 6 на 7 августа эти дивизии переправились у Бериславля, атаковали II корпус белых и заняли район Каховки.

7 августа товарищ Сталин из Лозовой телеграфировал В. И. Ленину: «Седьмого утром наши части форсировали Днестр, заняли Алешки, Каховку и другие пункты на левом берегу, есть трофеи, которые подсчитываются. По всему Крымскому фронту наши перешли наступление и продвигаются вперед. № 7320.

СТАЛИН»⁷.

ПОРАЖЕНИЕ ВРАНГЕЛЯ В СЕВЕРНОЙ ТАВРИИ

В районе Каховки на левом берегу Днестра сосредоточились наши 51-я, 15-я и Латышская дивизии. Здесь развернулись работы по укреплению плацдарма для дальнейшего перехода в наступление на противника.

21 сентября Реввоенсовет Республики постановил сформировать новый южный фронт. Командующим фронтом был назначен пролетарский полководец М. В. Фрунзе. В состав фронта вошли: 6-я, 13-я и 2-я конные армии.

С польского фронта спешно перебрасывалась на южный фронт Первая Конная армия во главе с товарищами К. Е. Ворошиловым и С. М. Буденным. Внутри страны проводилась огромная работа по формированию пополнений и

⁴ К. Е. Ворошилов. Сталин и Красная Армия. Стр. 146 и 147.

⁵ К. Е. Ворошилов. Сталин и Красная Армия. Стр. 28.

⁶ К. Е. Ворошилов. Сталин и Красная Армия. Стр. 28.

⁷ К. Е. Ворошилов. Сталин и Красная Армия. Стр. 158.

снабжению фронта вооружением, снаряжением и обмундированием. Тысячи коммунистов и комсомольцев по директивам ЦК мобилизовались местными организациями и направлялись на фронт против Врангеля. С Кавказского фронта и из Сибири перебрасывались новые дивизии.

Выполняя стратегический план товарища Сталина, М. В. Фрунзе решил разбить армию Врангеля в Северной Таврии. Группировка сил Южного фронта была следующая (схема 1).

13-я армия занимала фронт от берегов Азовского моря до Орехова. Вновь сформированная 4-я армия — от Орехова до берегов Днепра. 2-я конная ар-

тября стремительным маршем должна была выйти в район Аскания, Громовка, откуда повернуть на север и атаковать в районе Серагозы резервы белых с юга. Днем наступления для всех армий назначалось 28 октября.

С 28 по 31 октября на полях Северной Таврии развернулось величайшее сражение.

Первая Конная армия, переправившись 28 октября у Бериславля, прошла Каховский плацдарм и направилась в указанный ей район. 29 октября ее дивизии вышли в район Аскания Нова, Громовка. 6-я армия разгромила II корпус белых и главными силами подходила к Перекопу. 2-я конная армия вела

Схема 1. Бои в северной Таврии в конце октября 1920 г.

мия — по правому берегу Днепра, главные ее силы в районе Никополя, 6-я армия — южнее 2-й конной армии до устья Днепра, Первая Конная армия сосредоточивалась у Бериславля.

По директиве командующего фронтом от 26 октября армии должны были наступать: 13-я армия — в западном, 4-я — в юго-западном направлении. К 30 октября 13-я армия должна была занять Мелитополь, 6-я армия должна наступать главными силами на Перекоп, 2-я конная армия — на Серагозы.

Первая Конная армия, переправившись через Днeпр у Каховки, к 29 ок-

тобря в районе Рогачик, Белозерка. 4-я армия успешно продвигалась к ст. Федоровка. 13-я армия главными силами шла на фронт Федоровка — Мелитополь. Противник отходил.

Командующий фронтом, видя такое развитие действий своих армий, приказывает: Первой Конной армии изменить направление удара — вместо Серагозы (на север) наносить удар на Сальково (на юго-восток и восток).

Правофланговые части Первой Конной армии (4-я, 14-я кав. дивизии и Особая бригада) беспрепятственно дошли до Сальково, и к вечеру 30 октября

4-я кав. дивизия захватила район Ново-Алексеевка и Геничск, отрезав путь белым в Крым. 14-я кав. дивизия сосредоточилась в Рождественском, Особая кав. бригада — в Отраде (10—15 км. западнее Рождественского). Тем временем левофланговые дивизии Первой Конной армии (6-я и 11-я) в районе Айгаман столкнулись с ударной группой белых — корпусом генерала Кутепова. Здесь разыгрался ожесточенный бой, в котором погибли командир и военком 11-й дивизии. Группа Кутепова отбросила части 6-й и 11-й кав. дивизий Первой Конной армии и спешно начала отходить на юг. В 15 часов 31 октября ее авангард с севера подошел к с. Отрада, где расположились полевой штаб Первой Конной армии и Особая кав. бригада. Белые ворвались в село. В это время товарищи Ворошилов и Буденный находились в хате. Они немедленно со штабным эскадром бросились навстречу белым. К ним же пробивался 1-й резервный полк Особой бригады. Весь день Особая бригада и штаб армии отражали атаки врага. Товарищи Ворошилов и Буденный лично руководили боем, находясь в центре боевых схваток. С утра 1 ноября бой продолжался. В полдень с севера появились головные части 11-й кав. дивизии, восточнее — на Рождественское — вела атаку 6-я кав. дивизия; в то же время с востока подходили бригады 14-й кав. дивизии. Почти вся Первая Конная армия собралась под Отрадой. Белые яростно пробивали себе дорогу на юг, расплачиваясь за свободный путь жестокими потерями.

На позициях других армий Южного фронта происходили следующие события. 2-я армия белых, действовавшая против 13-й красной армии, получив сведения о появлении у себя в тылу Первой Конной армии, спешно стала уходить к Чонгару. К этому времени Донской корпус белых, успевший быстрее других частей белой армии убраться к Чонгарскому перешейку, наскочил на 4-ю кав. дивизию Первой Конной армии у Ново-Алексеевки (севернее Сальково). Превосходя во много раз 4-ю кав. дивизию, Донской корпус отеснил ее с своего пути и ушел по чон-

гарским мостам и Арабатской стрелке в Крым. Вслед за ним — 1 и 2 ноября прошли и главные силы врангелевской армии, преследуемые дивизиями Первой Конной армии. К вечеру 2 ноября подошедшая дивизия 4-й армии вместе с частями Первой Конной армии опрокинула заслон белых, ворвалась через проволочные заграждения на Чонгарский перешеек, но через узкие Чонгарский и Сивашский мосты не могла пробиться в Крым.

6-я армия, еще 29 октября достигшая Перекопа, все эти дни пыталась взять Перекопский перешеек лобовой атакой, но все ее попытки окончились неудачей. Сильно укрепленные позиции на перешейке оказались неприступными.

Так закончился первый этап разгрома Врангеля. 5 ноября М. В. Фрунзе по поводу разгрома главных сил Врангеля Первой Конной армией в Северной Таврии писал: «Первый этап по ликвидации Врангеля закончен. Комбинированными действиями всех армий фронта задача окружения и уничтожения главных сил врага к северу и северо-востоку от Крымских перешейков выполнена блестяще. Противник понес огромные потери, нами захвачено до 20 тыс. пленных, свыше 100 орудий, масса пулеметов, до 100 паровозов и 2000 вагонов и почти все обозы и огромные запасы снабжения с десятками тысяч снарядов и миллионами патронов.

Лишь отдельные части армий противника прорвались в Крым по Сальковскому перешейку, да небольшая группа укрылась за Перекопским валом. Все северное побережье Сиваша занято нами...»⁸.

ШТУРМ ПЕРЕКОПА

Опять, как и год назад, белые укрепились на Крымском полуострове. Теперь уже их нужно окончательно уничтожить. Но предстоят огромные трудности. Крымские перешейки сильно укреплены. Инженеры Антанты много потрудились над укреплением позиций.

⁸ М. В. Фрунзе. Собрание сочинений. Т. I, стр. 160.

Что собою представляли эти укрепления? Перекопский перешеек имеет всего 8—15 километров. Местность ровная—степная, слегка волнообразная. У древнего города Перекопа перешеек пересекается так называемым Турецким валом, тянущимся от Перекопского за-

тым огнем. Вся местность впереди позиции была пристреляна. Такую позицию взять лобовой атакой было трудно. Ее можно было взять обходом через Сиваш и Литовский полуостров, укрепления которого были слабее и не закон-

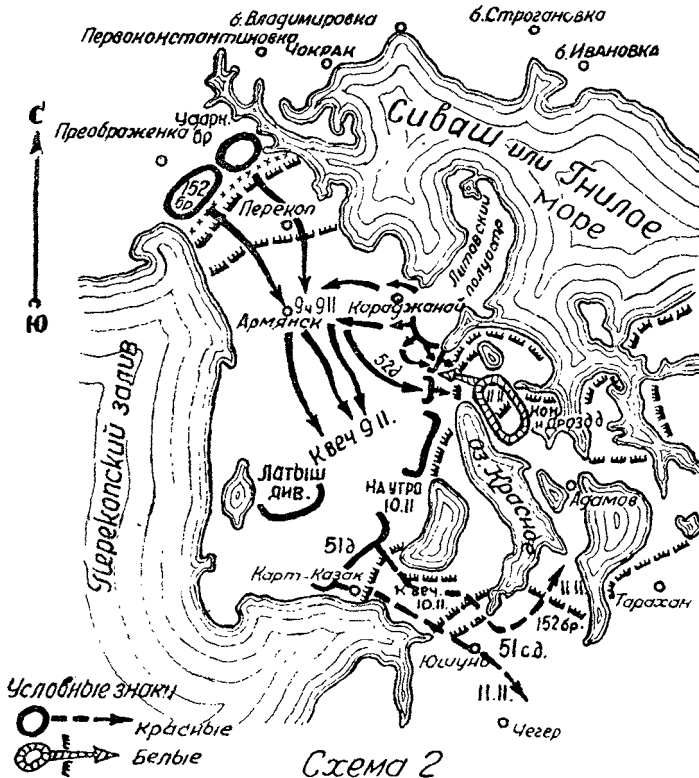

Схема 2
Атака Турецкого вала в ночь на 9 ноября.
Атака Юшуньских укреплений 10-11 ноября.

лива до Сиваша. Ширина вала у основания 12—15 м., по верху—2—3 м., высота—8—10 м. Перед валом ров, глубиною 8—10 м., шириною—40—45 м. Позиция состояла из двух линий окопов: одна из них проходила в 600 м. севернее Перекопа, другая—по Турецкому валу. Перед первой и второй линиями были сильные проволочные заграждения, особенно широко были развиты проволочные заграждения перед Турецким валом. На позициях были хорошо оборудованы пулеметные гнезда. Проволочные заграждения из этих гнезд простреливались вдоль пулемет-

Вторая линия укреплений, так называемые Юшуньские позиции, проходила между Каркинитским заливом и озерами Красным и Соленым (схема 2). Эта позиция состояла из 3—4 линий окопов с проволочными заграждениями и хорошими укрытиями от огня артиллерии. Вот такие позиции и нужно было взять, чтобы ворваться в Крым и уничтожить остатки белой армии.

Когда попытки частей Красной Армии овладеть перекопскими укреплениями фронтальной атакой окончились неудачей, М. В. Фрунзе приступил к тщательной подготовке операции. План опе-

рации был таков. Одновременно с атакой Турецкого вала с фронта обойти его по Сивашу и через Литовский полуостров нанести удар с тыла. На этих двух направлениях силы сторон были такие. На перекопском направлении с нашей стороны были назначены две бригады 51-й стрелковой дивизии. Со стороны белых Турецкий вал защищали — Сводный гвардейский полк и два дроздовских полка.

На направлении Литовского полуострова (через Сиваш) с нашей стороны были выделены: 15-я стр. дивизия, 52-я стр. дивизия, 153-я отдельная стр. бригада и отд. кав. бригада. Со стороны белых на Литовском полуострове находились кубанские части ген. Фостикова.

Кроме этих сил, расположенных на Перекопском перешейке и Литовском полуострове, противник имел сильные резервы: в г. Армянске Дроздовскую дивизию, в х. Карпова Балка — 13-ю и 34-ю пех. дивизии, в с. Юшунь — конный корпус Барбовича, Корниловскую и Марковскую дивизии.

Для атаки на Чонгарский полуостров готовилась наша 30-я стр. дивизия.

В общем, против 35 500 штыков, 3 200 сабель, 937 пулеметов и 159 орудий нашей 6-й армии Врангель имел: 11 540 штыков, 4 590 сабель, 695 пулеметов и 197 орудий.

С вечера 2 ноября началась разведка Сиваша. Результаты разведки оказались следующие. Средняя глубина Сиваша была около 2 метров. Уровень воды зависел от направления ветра: при восточном ветре мелеет восточная часть Сиваша, при западном — западная.

В ночь с 6 на 7 ноября саперы 15-й дивизии по указанию местных жителей д. Строгановки вышли ставить вехи по бродам через Сиваш, мостить топкие места фашинами, соломой, сучьями и досками.

В 22 часа 7 ноября части Красной Армии начали переходить Сиваш. Противник обнаружил движение и открыл артиллерийский огонь. Переменился ветер, и вода стала прибывать. Но ни огонь артиллерии противника, ни вода не испугали доблестных красных бой-

цов. В 24 часа переправа была закончена, и после упорного боя утром 8 ноября Литовский полуостров был в наших руках.

С утра 8 ноября началась подготовка атаки Турецкого вала. После артиллерийской подготовки полки 51-й дивизии несколькими волнами пошли в атаку. Но стена заградительного огня противника задерживает движение.

Тем временем на Литовском полуострове противник бросил в контратаку свои резервы против 15-й и 52-й дивизий. Нужно было оказать им помощь атакой со стороны Турецкого вала. В 18 часов вновь атаковали части 51-й дивизии, они дошли до самого вала, но здесь перед проволочными заграждениями и под ураганным огнем противника залегли. Но победа уже была близка. Еще раз герои-бойцы 51-й дивизии в ночь на 9 ноября поднялись в атаку, и около 3 часов 9 ноября Турецкий вал был взят. Противник спешно отходит на Юшуньские позиции. Предстоят еще трудные бои.

С утра 10 ноября 51-я дивизия подошла к Юшуньским позициям и захватила две первых линии укреплений. Противник собрал все свои резервы, атаковал ими наши 15-ю и 52-ю дивизии, наступавшие севернее озера Красное. Конница белых вышла на тылы 51-й дивизии. Но последняя уже прорвала укрепления Юшуньских позиций и 11 ноября, в свою очередь, вышла в тыл всем силам белых.

В эту же ночь с 10 на 11 ноября 30-я стрелковая дивизия переправилась у Чонгарского и Сивашского мостов и стала развивать наступление на Джанкой.

Белые окончательно были разбиты и спешно начали уходить на юг — ко всем портам Черного моря: Севастополю, Евпатории, Ялте, Феодосии. Им вслед неслись полки красной конницы. Со стороны Перекопа на Севастополь наступала Первая Конная армия, на Джанкой — 2-я конная армия и на Керчь — 3-й конный корпус (схема 3).

Тысячи врангелевцев бросали оружие и сдавались в плен.

Во всех портах Черного моря лихо-радочно происходила погрузка на паро-

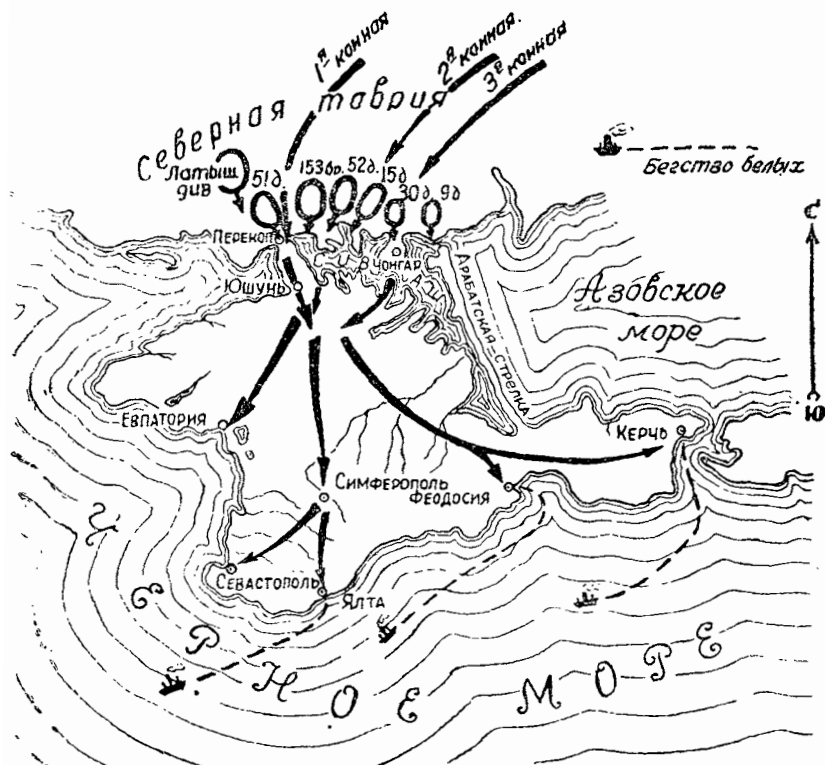

Схема 3
Общая схема атаки Перекопа, Юшуня, Чонгара и вдоль
Арабатской стрелки, 7-11 ноября. Преследование белых.

ходы. Все, что нельзя было увезти, уничтожалось и бросалось в море.

Всего Врангелем было эвакуировано: 46 100 чел. военнопленных и 37 300 чел. гражданских беженцев. 80 тысяч отпетых белогвардейцев Красная Армия выбросила с советской земли.

15 ноября Первая Конная армия и 51-я стр. дивизия заняли Севастополь. 17 ноября 3-й конный корпус занял Керчь.

Так был разгромлен последний южной контрреволюции — черный барон Врангель. Дорого поплатилась Красная Армия за предательство Троцкого, не выполнившего директив товарища Ленина — «обратить сугубое внимание на явно допущенную ошибку с Крымом (во-время не двинули достаточных сил)».

Красная Армия покрыла себя неуязвимой славой в боях за Перекоп.

В. И. Ленин так оценил эпопею борьбы с Врангелем:

«...какой необыкновенный героизм проявила Красная армия, одолев такие препятствия и такие укрепления, которые даже военные специалисты и авторитеты считали неприступными. Одна из самых блестящих страниц в истории Красной армии — есть та полная, решительная и замечательная быстрая победа, которая одержана над Врангелем»⁹.

Воспитанная на героических подвигах доблестных бойцов гражданской войны, Красная Армия, оснащенная современной техникой, и в будущих боях покажет чудеса храбрости и героизма, как показала в боях в районе озера Хасан. На этот раз враг, если он вздумает посягнуть на границы нашей родины, не только не будет допущен на советскую землю, но будет уничтожен на его собственной территории.

⁹ В. И. Ленин. Сочинения, т. XXVI, стр. 25.

Октябрь в испанской литературе

Ф. КЕЛЬИН

★

В день XXI годовщины Великой Октябрьской революции Хосе Диас и Долорес Ибаррури от имени Центрального Комитета коммунистической партии Испании приветствовали Центральный Комитет ВКП(б) следующими словами:

«Товарищи, в день XXI годовщины славы Октябрьской революции шлем горячий привет вам, сумевшим привести народы вашей страны к победе над угнетателями, вам, работающим 21 год над построением социализма и неутомимо борющимся за счастье и благополучие прекрасной советской родины.

Мы, испанские коммунисты, многому научились у партии большевиков СССР, у великой партии Ленина и Сталина. Ваш пример научит нас энергично и твердо бороться с врагами трудящихся, бороться с самыми большими препятствиями и побеждать их.

В тяжелые ноябрьские дни 1936 г., когда войска иностранных интервентов приближались к Мадриду, тысячи коммунистов вместе со своим народом создали из своих тел непреодолимую преграду, о которую разбились свирепые атаки фашизма. Мы помним страстность, с которой защищали Петроград. У большевиков учились мы героизму и смелости и передали их несокрушимый дух народу. И Мадрид был спасен.

Сколько доказательств любви, активной солидарности получили мы от вас, от товарища Сталина, от великого советского народа с июля 1936 г. Борясь за нашу независимость против врагов прогресса и свободы, мы радостно празднуем в этом году годовщину советской революции, приветствуя успехи и счастье братского народа страны Советов.

В Испании нас ожидают жестокие битвы. Мы идем к ним, уверенные в конечной победе. Мы будем неутомимо бороться за укрепление организации, за создание таких условий, которые позволят наносить сильные удары интервентам, пока они не будут разбиты. Мы будем бороться за еще более крепкое и плодотворное единение всего народа.

Да здравствует борьба испанского народа за независимость!

Да здравствует партия большевиков СССР и великий советский народ!

Да здравствует товарищ Сталин, любимый вождь мирового пролетариата!

От имени Центрального Комитета коммунистической партии Испании.

Хосе Диас.

Долорес Ибаррури».

Барселона.

«К концу второго года войны,—писал 18 июля 1938 года знаменитый испанский поэт Антонио Мачадо,—мы под-

тверждаем, что верим в победу. В свете этой войны многие из нас, любящие СССР, ясно видят великий творческий труд его народов. Не только из чувства благодарности к благородной и бескорыстной помощи, которую оказывает нам Советский Союз, но также и потому, что он всего этого заслуживает, обращаем мы наши взоры к Москве, чтобы еще раз сказать, что СССР—это мощный, яркий маяк, освещающий будущее мира.

Товарищ Сталин! В день второй годовщины испанской войны испанцы приветствуют тебя!».

«Россия, благородная Россия» — восклицает в своем стихотворении «Голос Испании», посвященном писателям Советского Союза¹, Антонио Мачадо:

Ты во сто крат милее сердцу стала
С тех пор, как ты, и скипетр твой, и посох
Сломав навеки, серп взяла и молот.
Здесь крайний выступ Запада, здесь горы
Уходят высь зубчатой стеною,
Здесь солнцем камень раскален... Повсюду,
Где темные равнины, где поля
В пространствах зеленеют, где глубоко
Струятся реки, где морской простор
Светло смеется, где растет терновник,
Лимоны зреют и цветет гвоздика,
Где желтый дрок взбегаёт по вершинам
От гор к горе, и от реки к реке,
Испании ты слышишь голос?
Раскат грозы военной покрывая,
Он говорит тебе:

«Сестра!»

Так пишет о Советском Союзе замечательнейший представитель старшего поколения испанских поэтов — Антонио Мачадо. Так же говорит о нем один из деятелей литературного движения народной Испании — Рафаэль Альберти. 29 апреля 1936 года, т.-е. за три месяца до начала гражданской войны, он выступил от лица всех революционных испанских писателей со стихами, посвященными передаче знамени Центральному Комитету компартии Испании от районного комитета Севильи и ЦК испанской молодежи. В своем стихотворении, обращаясь к «андалузской реке» Гвадалквивиру, Альберти возвращается

к постоянной теме испанской революционной поэзии—к теме Ленина.

«Твой голос вечно неизменен»—говорит поэт Гвадалквивиру:

И имя гордое одно
В твоих волнах повторено,
Мы знаем это имя: Ленин.
Не заглушит ни бури свист,
Ни ветер воплями своими,
Сердцами поднятое имя.
Гвадалквивир, ты — коммунист,
Ты плещешь алыми волнами,
Хиральда в нетерпении ждет,
Когда над ней взвывается знамя,
Когда заря ее взойдет.

Вспоминая это выступление поэта, Илья Эренбург пишет в своем испанском альбоме «УНР»: «Поэт Рафаэль Альберти читает на митингах свои стихи. Даже самые «благонамеренные» критики вынуждены признать, что Альберти — прекрасный поэт. Теперь он нашел людей, которым поэзия нужна, как хлеб. Глядя на него, я вспоминаю Маяковского, «Наш марш», в цирке перед рабочими и красноармейцами. Кто после этого скажет, что поэзия и революция враги?».

В другом стихотворении, «Две реки», написанном в марте 1937 г. в Москве, поэт изображает себя стоящим на берегу Москва-реки:

На берегу Москвы задумчив я стою,
Недвижим бег ее, он крепко скован льдами.
Но знаю я: под белой плесеною
Широких плеч, среди снегов, согретых
Ее дыханьем, жарко бьется сердце.
Оно поймет меня, оно услышит...

Обращаясь к реке, поэт дальше говорит:

Ты, что качаешь в зеркале холодном
Прозрачных льдов багряный профиль башен.
Где заменила царских ты орлов
Семью звезд, светящих путеводно;
Ты, что руке послушна Человека,
Соразмеряешь бег свой с ритмом новой,
Могучей жизни, ты, река детей,
Река ветров целебных, что способны
Навеять свежесть на виски больного,
Измученного мира, — ты мала
И так огромна—над тобой раскинул
Свою зарю высокую Октябрь,
Чтоб ты ее плечами поддержала.
Послушай же меня, река вселенной,
Я голосом и нежным, и глубоким,
Как ты сама, сказать тебе хочу
(Хотя б мороз прервал мое дыханье):

¹ Стихотворение было написано в сентябре 1937 г., как и остальные стихи, приводим в нашем переводе.

«Есть дальний, дальний край—среди бесчеловечных

Зеленых миль, покрытых дубняком,
За пустырями желтыми равнин,
Растет ребенок—он непобедим...
Там груди тел, там много ран глубоких,
Но крепнет он, становится великим,
Как город тот, который обнимает
Его рукой, простреленной в боях...
Сестра любимая! Река другая
Растет и крепнет юным исполном,
И вот она чрез голову Европы
Тебя приветствует и на плечах,
Одетых снегом, пишет гордо:
«Я—Мансанарес».

В феврале 1938 г. Альберти посвятил одно из своих стихотворений «Бойцам Красной Армии». Этим стихотворением испанская революционная литература отмечала двадцатилетнюю годовщину Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Голос Альберти—это голос всей передовой испанской интеллигенции. Вот это стихотворение:

В душе моей живете вы всегда,
Но в этот день еще вы сердцу ближе.
В жестокой тьме моей испанской ночи,
Когда снега холодные сиерры
Обломки, кровь и гибель засыпают..
В душе моей живете вы всегда,
Вы от нее неотделимы стали,
Я вокруг себя бойцов таких же вижу.—
Они взошли из-под земли разбитой,
Как всходит первый колос свежей нивы...
Далекая и близкая охрана
Прав человека на привольный труд!
В жестокой тьме моей испанской ночи
Свой слабый голос превратить хочу я
В могучий голос целого народа,
И в годовщину светлого начала
Великих дел я вам сказать хочу:
«Всегда и всюду с вами неразлучно
Испании свободной сердце!».

Октябрь, Советский Союз, Ленин, Сталин—эти темы глубоко вошли в самое сердце литературы народной Испании. Известно стихотворение испанского крестьянина Санчо Переса о Сталине, записанное И. Эренбургом в одной из деревень Кастилии:

Плакали дети, кричали ослы.
Плохо жили крестьяне.
Был один человек, он трубку курил,
Его имя было: Сталин.
Он жил далеко, там летом снег,
Туда на осле не доехать.
Он сказал: «Маслина растет для всех.
Зачем обижать человека».

Он хотел, чтобы все пили вино.
Он хотел, чтобы дети смеялись.
Я сегодня почистил ружье
И сказал матери: «Сталин!».
Она у меня стара и темна,
Я сказал ей одно слово: «Сталин».
Это все равно, что сказать: «мать»,
Это все равно, что сказать: «товарищ»,
Если меня застрелит враг,
Отдай ружье младшему брату.
Надо уметь умирать,
Надо уметь драться.
Сталин думает о Москве,
Я думаю о моей деревне.
Но у нас с ним один свет,
Одно горе, одна победа¹.

Недавно испанский революционный писатель Сесар М. Арконада, автор «Турбины», «Бедняков против богачей» и «Раздела земли», закончил свой новый роман «Река Тахо». Роман этот рассказывает трогательную историю кастильского пастуха Чапарехо и девушки из интеллигенции Флоры Фермоселье, для которых борьба за свободу и независимость их родины стала великой воспитательной школой. Действие романа разворачивается в одном из самых глухих, заброшенных уголков кастильской Сиерры, где живут одни пастухи. Туда, в атмосферу средневековья, врывается вихрь борьбы за свободу, за новую, лучшую Испанию. Пастухи сначала образуют небольшой повстанческий отряд, затем развертывающийся в батальон. Вождем их становится Чапарехо. Роман является первой крупной художественной вещью, созданной испанскими писателями, о гражданской войне 1936—1938 г. ² Среди многих других эпизодов, рассказанных в романе, мы находим сцену эвакуации родного для пастухов села, повторяем, одного из самых глухих «медвежьих уголков» Кастилии. (Так определяет его сам Арконада.) Что же берут с собой уходящие из него пастухи?

«Грегорьо, — читаем мы здесь, — также помогал своей жене собираться

¹ Перевод Ильи Эренбурга.

² Книга Романа Х. Сендера «Испания перешла в контратаку», Мануэля Д. Бенавидеса «Преступление Европы» и др. в значительной части своей являются публицистическими.

в дорогу. Его жена и десятилетняя дочь уезжали на муле. Путь свой они держали на Навалусильос, где жила их родня. С собой они брали только одеяла и перекидные корзинки с наспех засунутым в них бельем.

— А куда девала ты книжки, которые у меня лежали наверху в комод? — спросил Грегорьо.

— Я положила их в ящик.

Грегорьо поднялся наверх. Это были коммунистические брошюры, вырезки из газет, биография Ленина, портрет Сталина. Он спустился с ними и заботливо запрятал их в свой походный ранец.

— Знаешь, — сказал он жене, — сейчас, когда все, от Чапаррехо и до последнего бойца, учатся, я не хочу отставать от других. Подучусь и я, чтобы лучше служить нашему делу.

Жена и дочь уехали.

Стояло холодное утро. Горы были покрыты снегом. На вершинах бушевал снегопад. Внизу в долине шел мелкий упорный дождь, дул серенький осенний ветер. Люди, накрыв голову от дождя одеялом, медленно двигались вперед, в повозках, на ослух, пешком. Бесконечный, печальный караван. Это была война».

Да, война, но война, которую ведет сейчас народ-герой за передовое и прогрессивное дело всего человечества, за свою свободу и независимость, за лучшую, счастливую Испанию, — война, в которой он встречает могучую моральную поддержку у великой родины всех трудящихся и угнетенных — Советского Союза.

II

Одним из наиболее мощных проводников Октябрьской революции в Испании была советская литература. Когда и в какой форме начало сказываться ее влияние — вот вопрос, который в первую очередь может заинтересовать исследователя. Попробуем на него ответить.

Обычно принято считать, что первым годом влияния советской литературы в

Испании был 1924 г. Обстановка, создавшаяся к этому времени в Испании, очень мало этому благоприятствовала. У власти с октября 1923 г. стояло так называемое «правительство полковников», возглавлявшееся «диктатором» Примо-де-Риверой. «Диктатор», опиравшийся, помимо военных кругов, на феодалов, духовенство, промышленников и наиболее реакционные силы испанской буржуазии (в более либеральных кругах его политика встречала себе противодействие), финансировался иностранными банками. Испания являлась ареной ожесточенной борьбы за господство на подступах к Африке и к Атлантическому океану между «морскими державами» — Англией и Францией (Германия и Италия тогда еще делали первые шаги по завоеванию Пиренейского полуострова). Еще была в полном разгаре африканская авантюра, приведшая в июле 1921 г. к разгрому испанских войск при Аннуале¹ и крайнему обострению внутренних противоречий в стране. Испания, с 1917 г. вступившая в полосу непрекращающихся потрясений, находивших себе выражение в стачках, крестьянских восстаниях и т. п., начинала новый для себя «революционный цикл», завершившийся свержением монархии в апреле 1931 года.

Ураганом для Испании явилась гражданская война 1936 — 1938 гг. Но буря бушевала над полуостровом уже в начале двадцатых годов. К концу 1924 года, — признаваемого первым годом проникновения советской литературы в Испанию, — диктатура Примо-де-Риверы уже обнаружила свое подлинное звериное лицо. Захватив власть в свои руки для «оздоровления страны», Примо-де-Ривера и его «полковничья» клика стали жестоко расправляться со всяким проявлением общественного протеста в стране. Они сумели озлобить даже совершенно безобидных представителей поколения 1898 г., наивно полагавших, что своим отходом от политической жизни они способны испугать

¹ По своему значению катастрофа при Аннуале была тем же для феодальной Испании, что Мукден или Цусима для царской России.

тупую и кровожадную королевскую власть. Высылка Мигеля-де-Унамуно, Эдуардо Ортега-и-Гассе, Родриго Сорриано и др., тюремные заключения, штрафы, закрытие и восстановление в «обезличенном виде» центра испанской культурно-художественной жизни мадридского «Атенео», — вот чем были отмечены первые шаги военной диктатуры. При этих условиях советской литературе было, конечно, нелегко проложить себе в Испании дорогу. Положение еще осложнялось почти полным незнанием с русским языком и отсутствием переводчиков. Если сейчас русский язык входит в обиход испанской речи и даже оказывает на нее влияние, то в начале двадцатых годов нашего столетия дело обстояло иначе. С крупнейшими произведениями советской литературы испанский читатель (совершенно к тому же специфический, принадлежавший к верхам столичной мадридской интеллигенции) в середине двадцатых годов знакомится по тем скудным переводам, которые доходят до него из-за границы, главным образом, из Франции и из Германии. Собственного кадра переводчиков с русского языка еще нет. Несмотря на явный интерес читателя-массовика ко всему советскому, он еще совершенно лишен возможности познакомиться с художественной продукцией СССР, так как предпосылкой для этого является знание иностранных языков. В таком же положении находятся и издательства. Здесь на первом плане стоит почти полное незнание русского языка и невозможность найти переводчиков, так как имевшиеся кадры из рядов белой эмиграции были настроены крайне враждебно к каждой новой советской книге, проникавшей на испанскую почву.

Характерным памятником этого периода являются те советские художественные произведения, которые были переведены на испанский язык с французского или немецкого. Таковы, например, «Республика Шкид» Пантелеева и Бельих в издании «Зенит», снабженная указанием: «перевод с немецкого», и др.

О том, как распространялась в эти

годы в Испании советская литература, дает нам красноречивое представление вступительная часть из напечатанного леворадикальной газетой «Ля-Тьерра» в июне 1932 г. открытого письма одного «республиканца» к Илье Эренбургу по поводу его книги «Испания, республика трудящихся». Речь идет в этом отрывке о «Хулио Хуренито».

«Господин Гомес-де-ля-Серна дал мне прочесть рукопись перевода «Хулио Хуренито», и с тех пор я заделался вашим ревностным читателем. Я участвовал в издательстве, печатавшем левого направления книги,—газеты и журналы были подчинены тогда предварительной цензуре диктатуры».

Таким образом, представители передовой испанской интеллигенции должны были знакомиться с советскими книгами в рукописи, а этот путь был доступен, конечно, лишь для немногих.

И все же, несмотря на эти препятствия, советская литература очень быстро проложила себе дорогу в Испанию. С ней в двадцатых годах испанский читатель знакомился не только по переводам, но и по отзывам испанцев, приезжавших в Советский Союз. Если среди книг этих последних было немало неудачных и просто вредных, вроде «путевых заметок» «нотариуса из Бадахоса» и позднее военного министра правительства Леруса Диего Идальго, подавлявшего астурийское восстание 1934 г., то было немало и ценных книг. Таковы «Новая Россия» и «Россия через 12 лет» Хулио Альварес-дель-Вайо, «Современная Россия» популярного в Испании беллетриста Педро-де-Репиде и некоторые другие.

Приезжавшие в СССР испанцы не только содействовали разрушению «черной легенды» о «новой России», но и давали возможность испанскому читателю углубить свои сведения о ней, собрать разрозненные отрывки в одно более или менее ясное целое. Книга Хулио Альварес-дель-Вайо («Россия через 12 лет») сделала многое для испанского читателя в области ознакомления его с советским искусством. До появления этой книги испанский читатель

бродил, как бы в тумане. У него было известное количество имен и заголовков, которыми он оперировал, но в которых плохо разбирался. «Россия через 12 лет», посвящающая целую часть советскому искусству («Театр, кино, литература», в общей сложности 70 страниц), явилась для него стержневой книгой, около которой он был в состоянии сгруппировать свои сведения. Правда, далеко не все характеристики Альварес-дель-Вайо оказались правильными, многие из них были опровергнуты временем. Однако книга Альварес-дель-Вайо была бесспорно полезной и важной. В каждом слове, в каждой характеристике в ней чувствуется живость, наблюдательный ум писателя-профессионала, проникнутого горячими симпатиями к Советскому Союзу, к социалистическому строительству¹.

Если на первом этапе своего проникновения в Испанию советская книга возбуждала интерес главным образом в качестве литературной новинки (любопытство читателей-одиночек было еще лишено сколько-нибудь ярко выраженной политической окраски), то в скором времени положение существенно изменилось. В 1928—1929 гг. (т.-е. к последним двум годам диктатуры Примо-де-Риверы) интерес к советской литературе приобретает массовый характер у испанского читателя и охватывает все более широкие общественные круги. И понятно, почему. В конце двадцатых годов Испания вступает в полосу ожесточенных классовых боев. Число стачек, крестьянских восстаний, заговоров непрерывно возрастает. Внутри самой правящей партии происходит перегруппировка сил. Под давлением иностранного (английского и французского) капитала диктатура и королевская власть пробуют изменить приемы борьбы, заменив грубые ее методы более «утонченными» и «современными». Это им не удается, и начинается новая эра правительственного террора, массовых расстрелов и арестов. В 1929 г. обанкרו-

тившийся Примо-де-Ривера вынужден уйти в отставку. Его сменяет более «либеральный» на вид генерал Беренгер, несколько смягчающий репрессии, но продолжающий вести страну к гибели.

На общественном фронте также происходит перегруппировка сил. На смену старшему поколению — «поколению катастрофы 1898 г.», предпочитавшему замыкаться в «башни из слоновой кости» и всячески воздерживающемуся от участия в политической жизни страны, в 1925—1927 гг. приходит новое поколение, которое мы можем назвать «поколением социальной тревоги». Несколько позднее оно начинает называть себя «поколением 1930 г.»¹.

Испанская передовая молодежь резко расходится со старшим поколением в оценке методов борьбы. Пути обоих поколений, правда, не надолго, совпадают в конце двадцатых годов, когда выведенные из состояния пассивности разгулом правительственного террора «старички» против своей воли включаются в борьбу с диктатурой. Но затем пути снова расходятся.

При этих условиях интерес к советской литературе, показывавшей примеры борьбы и учившей, как следует строить новую жизнь и готовить испанский Октябрь, должен был достигнуть большей остроты. К 1928 г. относится появление на испанском языке двух советских книг, произведших сильное впечатление на литературные и читательские круги Испании, — «Хулио Хуренито» Ильи Эренбурга и «Цемент» Ф. Гладкова. Об успехе их свидетельствует, например, тот факт, что «Цемент», выпущенный мадридским радикальным издательством «Зенит», с предисловием Альварес-дель-Вайо, разошелся в несколько месяцев, что при тираже в 8 000 экземпляров представлялось фактом, весьма показательным для испанского книжного рынка.

Как реагировала реакционная Испания и в частности умиравшая диктатура Примо-де-Риверы на успех советской книги? На первых порах они отнеслись

¹ Любопытно отметить, что советский читательзнакомился в те же годы с Испанией по прекрасной книге Льва Никулина.

¹ 1930 г.—первый год без Примо-де-Риверы.

к нему довольно равнодушно, объясняя интерес испанского читателя увлечением всем чуждым, «экзотическим». Затем картина резко меняется. Реакционная Испания, правильно усматривая в советской литературе опасного врага, спешит нагнать упущенное. Свою борьбу с советской книгой она пытается облечь в более гибкую форму. Действовать посредством простого цензурного запрета, дискредитации и т. п. не представлялось более возможным. Реакционная Испания прибегает к другим приемам. Не отрицая художественной ценности советской литературы, официальные рецензенты всячески пытаются отвлечь внимание читателя от ее социальной и классовой значимости. «Смотрите, — говорят они испанскому читателю, — на эти книги, как, может быть, и на высококачественный, но совершенно чуждый Испании продукт непонятной и ненужной нам жизни, воспринимайте главным образом его литературную сторону».

Одновременно с этим отдельные мадридские издательства, не без воздействия правящих кругов, приступают к выпуску в свет художественной продукции белых эмигрантов. Испанская реакция, перейдя в контрастступление, пытается противопоставить советской книге не только эмигрантскую литературу, но и использует для этой цели русских классиков, особенно Толстого и Достоевского. (К этому времени относятся также переводы Пушкина, Гоголя, Чехова.) Это был своеобразный прием дискредитации советской литературы. Ее социальную правду правительственная печать пробовала побить белоэмигрантской ложью. Ее художественные достоинства опорочить, противопоставляя ей лучшие образцы дореволюционной эпохи. Политическое и социальное содержание советской книги испанская реакционная критика всячески старалась подменить философским истолкованием. Усиленно, например, выдвигалась проблема «русской души», трактованной в плане Достоевского и Леонида Андреева. В основу русской жизни клалась «идейное бунтарство» и т. д. Чтобы проиллюстрировать методы борьбы испанской реакции с советской кни-

гой, приведем одну из первых по времени испанских рецензий на «Цемент» Ф. Гладкова, напечатанную в официальной мадридской «Литературной газете» (№ 50 от 15 января 1929 г.).

Автором ее была некая Валентина Жданова, или лицо, скрывшее себя под этим псевдонимом. Цель рецензии — всячески обезвредить роман Гладкова. «Цемент», — читаем мы в этой рецензии, — заставляет нас переживать в течение ряда часов ощущения неизвестной для нас жизни, существование которой мы едва ли могли подозревать. Это жизнь рабочих масс новой России в эпоху революции. Она изумляет нас и интересует (sic!), как шарада, решение которой представляется мучительно трудным (sic!). Но мы не следили шаг за шагом за возникновением этой жизни и не смотрели испуганным взглядом на гигантские прыжки (sic!), которым суждено устремлять этот огромный народ в сторону его гибели или освобождения (sic!).»

После этого изумительного по «силе мысли» вступления автор переходит к анализу «Цемент». «Это произведение, — говорит он, — является или апологией или критикой (sic!) существующего (читай: в СССР) порядка вещей. По характеру своему это роман почти без всякого действия, крайне медленно развивающийся и довольно бледный по стилю. Только в редких случаях его оживляет бесспорно мастерские страницы, налагающие на него отпечаток большой красоты. Что касается самого языка романа, то он представляет собою ту странную тарабарщину, которая возникла в самое последнее время. Язык этот, несомненно, не имеет никакого будущего и непереволим даже для самого добросовестного переводчика».

Указав в дальнейшем, что центральная фигура «Цемент» — «свободная женщина-коммунистка, женщина, освобожденная и преображенная на самом пороге смерти ценою бесчисленных страданий и опасностей», и подчеркнув еще раз, что «фигура эта, может быть, основная и решительно преобладающая там» (т.-е. в Союзе), совершенно нова

для Испании, — Валентина Жданова обращается к подробному пересказу фабулы «Цемент» и даже цитирует из него отдельные места. И вот тот вывод, к которому она приходит. «Воздержимся, — говорит она, — от всякого суждения по поводу этих теорий. Они могут иметь для нас только документальный интерес. По нашему мнению, произведение Гладкова представляет ту бесспорную ценность, что является для нас как бы зрелищем нового мира, полного странных существ, сложных и непостижимых, но за трагической эволюцией которых в сторону таинственного будущего мы следим с несомненным интересом».

Никакие попытки правительственных критиков «обезвредить» советскую литературу, отнять у нее боевой, политический характер не могли, однако, убедить испанского читателя. Напрасно рецензенты типа Валентины Ждановой говорили о «гигантских прыжках» и пускались в пространные рассуждения на тему «чуждости» для испанского читателя героев советской действительности и литературы. На все их убеждения испанский читатель отвечал дальнейшим повышением интереса к советской книге.

К 1929—1930 гг. на испанский язык уже было переведено большинство крупнейших произведений советской литературы того времени (речь идет главным образом о художественной прозе). Мы не станем перечислять их, укажем лишь, что, кроме Ф. Гладкова и Ильи Эренбурга («Хулио Хуренито», «Любовь Жанны Ней» и др.), в переводе на испанский язык появились: А. Фадеев («Разгром»), К. Федян («Города и годы»), Ф. Панферов («Бруски»), Н. Огнев («Дневник Кости Рябцева» и «Костя Рябцев в вузе»), А. Серафимович («Железный поток»), Л. Леонов («Соть», «Барсуки»), М. Шолохов («Тихий Дон»), Вс. Иванов («Партизаны»), Вера Инбер и др. Горький — один из любимейших в Испании писателей, оказавший очень большое влияние на развитие испанской литературы в XX столетии, — был переведен к этому времени почти целиком. Хуже обстояло

дело с поэтами, но и здесь имелся ряд переводов из В. Маяковского и др.

Старшее и младшее поколения, конечно, не одинаково реагировали на советскую литературу. Относясь к ней, в общем, с явными симпатиями, «старики» довольно охотно шли по линии тогда «философского» ее истолкования, которое подсовывала читателю реакционная критика. Старшее поколение интересуется в советской литературе главным образом проблема «нового человека». Вот, например, что писал крупнейший авторитет в области народного образования Испании, Луис Бельо (умер в 1936 г.), о книгах Н. Огнева.

«Издание «Дневника Кости Рябцева» меня глубоко заинтересовало, — говорит Луис Бельо, — так как я знал, что это хорошая книга о русской школе... Она говорит нам о миросозерцании русских детей и, вообще, подрастающей русской молодежи, воспитывавшейся в эпоху революции. Вероятнее всего, именно это и ищем мы в русской литературе. Нас интересует «душа», вычеканенная на этом новом чекане. Когда мы ранее читали русские книги от Толстого до Достоевского, то, по существу, нас влекли к себе именно зачатки революции. Столько тревожных дум, столько пламенных пересмотров своей совести, столько полных терзаниями жизней, столько безумия, и все для того, чтобы произвести революцию... И революция произошла... К нашему страстному желанию узнать, как живут люди, только что перевернувшие самым радикальным образом весь свой строй, примешиваются и другие чувства, — и в первую очередь чувство нежности, когда мы думаем о детях революции, о малышах. Какой большой пройден ими путь от «Сашки Жигулева», где мы имеем бесплодные действия, отчаянье, находящее себе исход в грабительстве (все это в результате избытка «моральной чувствительности»), до Кости Рябцева, маленького учащегося революционной школы, делегата в школьном совете, где мальчик и преподаватель, девочка и преподавательница являются равноправными гражданами. Если мы всмотримся в пройденный ими путь, то увидим, что

исходной его точкой были великодушные грезы Саши. Костя растет, как морально ценный человек».

Отзываясь с похвалой о деятельности отдельных испанских издательств, которые хотят приобщить испанскую литературу к «космополитическим тревогам последнего времени», Луис Бельо советует им выпускать в свет «произведения сильные, хотя бы они нас смущали и отличались жестокостью изображения вроде «Дневника Кости Рябцева», так как в них проявляется мирозерцание нового человечества, знакомство с которым крайне необходимо для каждого человека нашего времени».

Другой книгой, произведшей сильное впечатление в Испании, был «Разгром» А. Фадеева. «Разгром» сперва читался во французском переводе, а затем был переведен и на испанский язык, повидимому, с французского. Роман А. Фадеева с большой силой поставил перед испанским читателем вопрос о «новом человеке». Вот что писал по поводу «Разгрома» один из лидеров испанских социалистов, Даниэль Ангиано, в радикальной мадридской газете «Ля-Либертад» (номер от 9 января 1930 г.): «Когда читаешь «Разгром» Фадеева, то невольно понимаешь как из самого повествования, так и из тех мыслей, которые оно навеивает, что переход от капитализма к социализму — неизбежный результат экономического развития, — факт, предусмотренный в качестве неизбежного вывода всей социальной наукой. Но этот факт осуществляется людьми ума и сердца, а вовсе не падает в виде манны с неба».

Даниэля Ангиано интересует не только художественная сторона «Разгрома», но и психология его автора, история его духовного роста. Изложив биографию Фадеева, Ангиано приходит к следующему выводу: «Его молодая жизнь была проникнута чувством самоотречения. Он целиком отдал себя на служение коллективному делу. Он испытал сильную физическую и нравственную боль, но зато — жил напряженной внутренней жизнью, полной эмоций. Отказ от эфемерных радостей дня и вместо того безмолвное удовлетворение

от сознания, что он является вместе со всеми строителем новой жизни, представляющей совершенно исключительные возможности личного и коллективного счастья, — вот существование нового человека».

Если старшее поколение стремится найти в советской литературе некоторое философское обоснование тем переменам, которые происходят в окружающем его мире, то передовая испанская молодежь уже с первых шагов ищет в ней великие примеры борьбы за освобождение от власти капиталистов. Для молодых испанских писателей советская литература становится боевым знаменем, высоким примером, утверждением тех творческих надежд, которыми оно живет.

«Россия! — восклицает Сесар М. Арконада. — В какой другой стране мира найдется в наши дни столько молодых авторов, переведенных на все языки? Только в России. И это понятно: русские пережили бури голода и крови. Им знакома стальная необходимость черных дней, судорожные потрясения, историческое «проветривание», потери и приобретения. В конечном итоге они получили вполне естественную награду за свои страдания. Россия в наши дни имеет единственную в мире новую литературу, мы хотим сказать, подлинно новую литературу. Здесь все отвечает друг другу: новый мир, новая жизнь, новое искусство». «То, что мы называем на Западе «новым искусством», — говорит далее Арконада, — является только результатом слияния двух течений. Одно из них — инстинктивное, вполне серьезное, так сказать, подлинное, восходит к общему источнику эпохи. Другое — ложное, упадочническое — представляет собою квинт-эссенцию буржуазного духа или, еще лучше, квинт-эссенцию снобизма — этой накипи буржуазной эпохи. Вот почему новое искусство на Западе имеет исключительно трудное дно, отличающееся большой причудливостью формы.

Само по себе это искусство служит именно снобизму, являющемуся в своей причудливой форме конечным выражением этого упадочнического буржуазного духа».

«Русские романисты, — пишет Арконада, — возможно, в один прекрасный день и перестанут передавать в художественной форме эпопею своей революции. Но это не будет значить ровно ничего. Это не явится их провалом. Провал русского романа мы имели бы только в том случае, если бы он стал буржуазным, «французским», слабоумным. А это совершенно невозможно. Русская жизнь, перетрясенная, вспаханная, поднятая, как целина, представляет в наши дни для призматического взора романиста бесконечные и к тому же неиспользованные возможности. Молодые русские писатели умеют очень хорошо использовать те девственные недра, которые представила в их распоряжение историческая судьба. И весь мир зависит от них. Издательства печатают в отделе «Молодые русские» их книги, их романы. Государства не признают советские республики, но зато литература их признается за лучшую в мире».

Испанский критик Рафаэль Кансинос-Ассенс в своей статье о романе Сендера «Семь красных воскресений», вспоминая в 1932 г. об увлечении писательской молодежи Испании советской и немецкой революционной литературой, сравнивал его с эпидемией. Действительно, сильное влияние советской художественной прозы может быть установлено почти для всех крупнейших произведений «литературы социальной тревоги». Мы находим следы этого влияния и в «Магните» Рамона Х. Сендера, и в «Турбине» Сесара М. Арконады, где сама тема (электрификация испанской деревни) навеяна советским романом, и в «Кротах» Исидоро Асеведо, и в «Евангелическом Хусто» Хоакина Ардериуса, и в «Блокгаузе», и «Механической Венере» Хосе Диес-Фернандеса. Молодая испанская поэзия, развивавшаяся под сильным влиянием Поля Валери, постепенно освобождается от подражания, сохраняя свою связь с народной поэзией, уже давшую замечательные образцы в творчестве Рафаэля Альберти и Федерико Гарсиа Лорки («Цыганский романсеро»). Молодые испанские поэты (речь здесь идет о передовом их крыле) ищут сбли-

жения с радикальными французскими поэтами и с поэзией Маяковского.

Свержение монархии Альфонса XIII и установление республиканского строя, как известно, явилось моментом дальнейшего расслоения среди испанских писателей. 1931 год был годом, когда испанский читатель уточняет свое отношение к советской книге, к советской литературе.

Как известно, большинство писателей и общественных деятелей старшего поколения охотно пошли на службу к буржуазно-помещичьей республике Алькала-Саморы, заменившей клерикально-феодалную монархию Альфонса XIII. Став же на сторону буржуазно-помещичьего строя, представители старшего поколения (далее мы увидим, что среди них очень скоро выявилась «оппозиция», образовавшаяся из лучших, т.-е. наиболее передовых и прогрессивных, элементов), естественно, изменили свое отношение к советской книге. Пробным камнем явилась для них «Испания, республика трудящихся» Ильи Эренбурга. Вокруг книги Эренбурга завязался ожесточенный спор. Смелое разоблачение советским писателем буржуазно-помещичьей республики Алькала-Саморы вызвало сильное раздражение у всех «благонамеренных» элементов страны. На Эренбурга ополчились как правые и умеренные республиканцы, так и «леваки» и псевдо-революционеры, в скором времени скатившиеся в лагерь ничем не прикрытой реакции и фашизма. В своих ответах Эренбург еще больше подчеркнул боевую остроту своей книги. На упреки одного республиканца, напечатанного в газете «Тьерра» (май 1932 г.) открытое письмо Эренбургу, в котором он утверждал, что в своей «Испании, республике трудящихся» автор «издевается» над испанцами, изображая их «питекантропосами», т.-е. существами низшего порядка, Эренбург ответил также открытым письмом. Его он закончил следующими словами: «Испанский народ, великий и несчастный, живет нищенски. Республика «трудящихся» — вывеска, вдвойне издевательская для Испании, а издеваться над несчастным не годится».

Таково то чувство, которое должна вызвать, по словам Эренбурга, его книга.

В другом своем ответе, адресованном представителю «леваков» Фелипе Фернандес Арместо, Эренбург писал: «Мою книгу об Испании испанские республиканцы встретили достаточно своеобразно. Они утверждали, что я наемный агент, который курит исключительно египетские папиросы и презирает порядочных людей... Газета «Либертад» требовала не только конфискации столь зловредной книги в Испании, но даже «дипломатического давления», дабы добиться запрета ее в других великих и малых державах. Крестьяне Санабрии, прочитав мою книгу, в отличие от республиканских журналистов, возмутились не книгой, но феодальными оброками. Они пригрозили тотчас же поджечь несколько соответствующих домов, а я с удовлетворением могу отметить, что моя книга помогла им в их борьбе. Я получил из Испании книгу газетных вырезок, заполненных бранью, и несколько писем от рабочих и крестьян со словами дружбы и признательности. Я не был никак удивлен: я понимал и ярость свободолобивых журналистов, и сердечность крестьян Санабрии».

Появление книги Эренбурга об Испании имело очень большое принципиальное значение. Если от нее отшатнулись те представители «либеральных» кругов, которые под «либерализмом» скрывали свое подлинное лицо, то зато она показала молодым испанским писателям, как нужно разоблачать буржуазно-помещичью власть, оперируя языком цифр, фактов и художественных образов. Скоро среди писателей и общественных деятелей старшего поколения выделилось передовое, или оппозиционное, крыло, не скрывавшее своих симпатий к советской России, к советской литературе (1932 г.). Правда, еще долго представители этой группы путались в понятиях, сравнивали коммунизм с христианством (Антонио Мачадо), давали мистическое толкование русской революции («Святая Русь» Хасинто Беноvente) и т. п. Однако сближение с передовой и революционно настроенной

молодежью скоро помогло им разобраться в истинном смысле развертывавшихся вокруг них событий. Один из замечательнейших представителей этой лучшей части старшего поколения (ум. в 1936 г.), Валье-Инклан, перед смертью выразил сожаление, что он не был членом компартии, не успел посетить Советский Союз и пожать руку Горькому.

В 1932 — 1933 гг. молодые испанские писатели вступили в непосредственный контакт с советской действительностью. Сперва это были Рафаэль Альберти и Мария Тереса Леон (декабрь 1932 г. — февраль 1933 г.), затем Рамон Х. Сендер (май — июль 1933 г.). Таким образом, на протяжении полугода Москву посетили крупный поэт и выдающийся прозаик молодого поколения. Непосредственное общение их с советскими писателями было крайне плодотворным для испанской революционной литературы. Вернувшись в Испанию, Рафаэль Альберти, Мария Тереса Леон и Рамон Х. Сендер приступили к немедленной организации литературных сил будущего народного фронта.

Первая крупная революционная поэма Испании о Советском Союзе зародилась на Красной площади в Москве, близ мавзолея Ленина, — это было в декабре 1932 г., на второй день приезда в Союз Рафаэля Альберти. Поэт ночью, в метель, повстречался на площади с отрядом красноармейцев. Красноармейцы пели бодрую, боевую песню.

Эта встреча так взволновала Альберти, что, вернувшись в гостиницу, он написал свое знаменитое «Приветствие Красной Армии», являющееся сейчас одной из классических вещей испанской революционной поэзии¹.

Пойте, товарищи!
Пойте, громче!
Пусть ваши песни
Испания слышит, —

говорит поэт, обращаясь к красноармейцам.

¹ На русский язык «Приветствие» перевел его М. Светловым.

Громче, товарищи,
 Пойте песню
 Нашим крестьянам,
 Нашим рабочим.
 Вы — их единственная защита, —
 Пойте, товарищи, пойте громче!
 Слышите — кричит вам красная Севилья:
 Да здравствует Красная Армия!

Поэт предвидит тот день, когда

Красная Армия всей Европы
 Маршем пройдет сквозь барьер границ,
 И под песню поплывет на Запад
 Подошедшая с Востока звезда.

Именно с этой мыслью возвращались Альберти и Мария Тереса Леон в Испанию. В другом стихотворении, также написанном в Москве и посвященном «детям Эстремадуры»¹, поэт с любовью и восхищением говорит о детях Советского Союза, противопоставляя их счастливую, радостную жизнь горькой участи испанских детей.

Дети Советского Союза, —

говорит поэт, — знают,

Что Красная Звезда — солнце:
 Она озаряет чужие небеса.

Она
 Согревает сердца людям и детям,
 Согревает сердца детям,

Которые видят во сне

Тюрьму

И смерть!

Дети Советского Союза —

Дети вольных полей и заводов —

Живые зерна

Первой человеческой весны!

Они уже знают:

Бог —

Только картинка, лишённая всякого смысла!

Поп —

Грубый, старинный рисунок —
 смешной лубок!

Дети Октября —

Слава Ленина! —

Молоты и серпы.

Они в песнях пронесут по земле его имя!

Они увидят:

Народы земли соединятся, —

И земля обратится в мирную звезду!

Вспоминая в августе 1933 г. о своем путешествии в Советский Союз («Дневник поэта в СССР», мадридская газета «Лус»), Альберти писал следующее:

«Чем была для меня Россия, когда в Кадиксе еще ребенком играл я в войну

на застекленном «патио», под яркими лучами южного солнца? — Только бесконечной снежной равниной, обогрелой горячей кровью, наполненной тучами казаков, скачущих бешеным галопом. Позднее в Мадриде в 1917 г. очертания России расплылись, утратили свою форму и снова воскресли передо мной в 1930 г., после падения диктатуры Примо-де-Риверы, когда я начал предчувствовать современное нам величие России. Но теперь я уже воспринял ее с новым подлинным ее именем: Союзом Социалистических Советских Республик».

«Ленин, Ленин, — восклицает Альберти дальше, описывая посещение мавзолея. — О тебе говорят поэмы и легенды, о тебе поют и на крайнем Севере остяки и ламуты, и в Средней Азии узбеки, таджики и туркмены, и в горах Кавказа осетины и кумыки. Авторами этих песен и поэм являются рабсоды, слепые и неграмотные. Они пользуются почетом у крестьянства и бродячих племен... За гостеприимную встречу они платят песнью... Ленин! Может быть, в длинной веренице людей, ожидающих сегодня доступа в твой мавзолей, стоит новый Гафиз из числа тех, кто прославляет твое имя по дорогам и в первых колхозах Востока».

Альберти из Москвы привез с собою в Мадрид любовь к Ленину, к Сталину, к Красной площади, к Октябрю. С этого времени тема Советского Союза входит в его творчество. Когда в апреле 1933 г. поэт основал вместе со своей неразлучной спутницей и боевым товарищем Марией Тересой Леон и группой революционно настроенных друзей журнал, ставший одним из форпостов испанской интеллигенции в ее борьбе за освобождение испанского народа, он назвал его «Октябре» — «Октябрем»¹. В нашей печати неоднократно уже говорилось о той огромной работе, которую провела группа «Октябре», взявшая на себя организацию боевых сил передовой испанской интеллигенции (и в частности ее писательского крыла). Поддер-

¹ Группа стала называться по имени журнала также «Октябре».

¹ Русский перевод А. Адалис.

живая тесный контакт с лучшими представителями старшего поколения (с Валье-Инкланом, Антонио Мачадо, Хуан Рамон-Хименесом), неустанно воспитывавшая талантливый молодежь, Альберти и его группа готовили те кадры передовой испанской интеллигенции, которые так блестяще показали себя в эпоху гражданской войны 1936—1938 гг. Об успехе журнала у населения может свидетельствовать тот факт, что № 4—5 (специально посвященный XVI годовщине Октябрьской революции) разошелся в Мадриде в два часа.

Журнал посвятил ряд своих страниц Ленину и Сталину. Здесь—впервые на испанском языке—появились воспоминания Горького о Ленине и стихи о нем народных поэтов Армении. Здесь же, в номере шестом (апрель 1934 г.), Альберти, а с ним и вся редакция «Октябре» с чувством глубокого удовлетворения подвели итог проведенной ими среди читателей анкеты: «Какая книга произвела на вас наибольшее впечатление и почему?». Вот начало редакционной заметки, опубликованной по этому поводу:

«Из огромного числа ответов, полученных журналом «Октябре» от трудящихся, явствует, что:

- 1) больше всего в Испании читают «Государство и революция» Ленина,
- 2) наиболее известной из литератур является русская».

В том же номере было опубликовано весьма интересное высказывание уже неоднократно упоминавшегося нами крупнейшего поэта старшего поколения Антонио Мачадо о «будущей поэзии», или, как он ее называет, «коммунистической лирике, которая могла бы притти к нам из России». Сближение Мачадо с молодым поколением революционных поэтов связано с именем Ленина, с Советской Россией, «стремящейся освободить человека, всех людей, от рабского труда». «Только это, — восклицает Мачадо, — заслуживает того, чтобы быть воспетым в наши дни, и только это, пожалуй, может быть воспето».

Благодаря журналу «Октябре» испанский читатель мог познакомиться с

«Гренадой» Михаила Светлова, ставшей в переводе Рафаэля Альберти в Испании народной песней, творчеством Льва Кассиля, Всеволода Вишневского и др. Журнал еще больше утвердил в испанском читателе его любовь к Октябрю, к советской литературе.

Когда в октябре—ноябре 1933 г., во время парламентских выборов, испанская революционная поэзия впервые активно включилась в борьбу, она вышла на улицу, связалась с массами, то это опять-таки прошло под лозунгом ленинской партии, с именем Ленина—Сталина. В эти дни революционные поэты и художники оформляли плакаты, писали агитпьесы, разыгрывавшиеся на площадях Мадрида. Среди плакатов один привлекал особое внимание и собрал толпы народа. Это был художественно оформленный плакат с портретами «трех учителей»—Маркса, Ленина, Сталина.

Молодой валенсийский поэт Паскуаль Пля-и-Бельтран, с гордостью пишущий в своей автобиографии, что он принадлежит «к партии Ленина», в стихах передает любовь молодой революционной Испании к великому учителю человечества. Его стихи носят название «Песнь испанских детей о Ленине».

Слушай, о чем наши дети
Утром, сходясь, поют:
Ленин всех лучше на свете,
Равного нет ему.
«Дышит январь морозом,
Убран цветами апрель,
Ленин пришел вместе с розой,
Ленин пришел в метель...».
Пули войны гражданской
Свищут и в сердце бьют,
Дети земли испанской
Утром, сходясь, поют:
«Просто одетый с другими,
Жизнью ты жил простой;
Пусть же гремит твое имя,
Ленин, над всей землей».
Месяц встает холодный,
В поле растет трава,
Слушай детей голодных —
Наших детей — слова:
«Дай нам, апрель, из сада
Роз, только алых роз,
Нам января не надо:
Ленина он унес...».
Черное, черное поле,
Всадников серых ряд,
Дети о лучшей доле
Греют и тихо говорят:

«Нам января не надо:
Ленина он унес, —
Дай нам, апрель, из сада
Роз, только алых роз».

Эти стихи Пля-и-Бельтрана, отпечатанные в виде листовок, раздавались в Валенсии и Мадриде.

В январе 1934 г. Международное объединение революционных писателей провело среди членов своей испанской секции¹ анкету на тему о влиянии на них Октябрьской революции и советской литературы. На анкету откликнулись все виднейшие революционные писатели и поэты Испании. Свой ответ прислали: Рамон Х. Сендер, Сесар М. Арконада, Рафаэль Альберти, Мария Тереса Леон, Пля-и-Бельтран, Хоакин Ардерюс, Артуро Серрано-Пляха и др. Приведем выдержки из этих интересных высказываний.

Для Рамона Х. Сандера «победоносный Октябрь» был «мощной линией окопов. В статьях, в книгах, политических и профсоюзных дискуссиях и в самой уличной борьбе существование СССР давало нам» (т.-е. молодым испанским писателям) «спокойствие и уверенность». Свое отношение к советской литературе Сендер выразил в следующих словах: «Я с восхищением отношусь к тому, что родилось в пролетарском сердце в разгаре борьбы за освобождение. Это так далеко от упадочнической чувствительности западноевропейской буржуазии». Любимые советские книги Сандера — «Бронепоезд» Всеволода Иванова и «кое-что» из Гладкова².

Рафаэль Альберти, указав на то, что после его возвращения в Испанию из Советского Союза все, что он пишет, «служит интересам трудящихся», признает, что «новое поколение советских писателей уже превзошло литературу дореволюционной эпохи». Альберти выражает надежду, что «те возможности,

которые постоянно развертывает социалистическая жизнь, заставляют ожидать, что в ближайшем будущем мы будем иметь великую советскую литературу». Хоакину Ардерюсу «советская литература кажется фундаментом литературы, необходимой для человечества, и путем к освобождению писателя». «Русская революция и ее успехи превратили меня, — пишет Хоакин Ардерюс, — из пессимиста, индивидуалиста и нищезаица в писателя-коллективиста, энтузиаста жизни».

«В 1931 г., — говорит поэт Пля-и-Бельтран, — после 11 лет пути вслепую меня крепко и просто захватили колоссальные усилия Советской России. Они захватили меня, овладели мною и зажали мою кровь, в корне изменив мой жизненный путь». «Сегодня, когда меня спрашивают: «С кем ты?», — я всегда отвечаю словами Горького: «Я с рабочими культурными силами, за создание новых форм жизни».

На вопрос анкеты: «Ваше мнение о советской литературе» — Пля-и-Бельтран ответил: «Съезд советских писателей создается в действительно необычайное время: в то время, когда писатели всего СССР собираются, чтобы обсудить свои методы и свою творческую работу, писатели капиталистических стран находятся в разброде, занимаясь фельетонами, бульварным репортажем и порнографическим романом. Первые представляют собой культурное оружие рождающегося класса. Вторые — гнусные утешители гниющей буржуазии, которая, выполнив свою историческую миссию, неудержимо идет к тому, чтобы стать прошлым, археологической древностью. Советские писатели, с М. Горьким во главе, — выразители мыслей своего класса, гениальные творцы его литературы. Серафимович, Гладков, Либединский, Бабель, Шолохов — все вы делаете великое, гениальное, замечательное дело — дело революции». Свой ответ на анкету Пля-и-Бельтран озаглавил: «Я отвечаю словами Горького».

На Сесара М. Арконаду «советская литература производит впечатление того, чем она должна быть: части целого, части сложного комплекса психологиче-

¹ Секция образовалась в мае 1933 г., когда возник журнал «Октябре».

² Эти высказывания испанских писателей опубликованы в журнале «Интернациональная литература», № 3—4, 1934 г.

ских, материальных и моральных проблем социалистического строительства». В отличие от литературы капиталистических стран советская литература, по мнению Арконады, «обладает подвижностью и постоянно обновляющейся и обогащающейся динамичностью». «Мне случилось прочесть роман М. Горького «Мать»¹, — отвечает на анкету молодой поэт-коммунист Родриго Фонсека. — Он полностью изменил мои мысли. Я заинтересовался Россией, и мне захотелось понять смысл этих четырех букв: СССР. И я понял, не совсем, но достаточно для того, чтобы увидеть, что мир — не черный колодезь, как я его себе представлял. СССР был блестящей огромной красной звездой пролетарской победы, пожаром, уничтожающим нищету и ужас капиталистического строя. Он был путеводным факелом моего класса вообще и моим лично, как рабочего и писателя. Моя позиция определилась: защищать СССР и стремиться к тому, чтобы весь мир стал, наконец, единым Советским Союзом». «Советская литература, — говорит Родриго Фонсека, — влияет на рабочие и мелкобуржуазные массы так же, как цифровые данные о социалистическом строительстве, если не больше; она — первостепенный фактор революционного подъема и культурно-художественный вклад такого значения, которое должны признать даже враждебные ей буржуа».

«Ваша великая победа, — пишет Мария Тереса Леон, — пробудила во мне чувство новой — социалистической — родины. Теперь я работаю, ставя целью добиться для испанского пролетариата того, чего уже достигли рабочие и крестьяне Советского Союза».

«Мы в Испании, — продолжает Мария Тереса Леон, — следили, конечно, по переводам за развитием русского литературного движения все эти семнадцать лет существования советской литературы. Никогда еще не было написано таких конкретных, непосредственных, ре-

шительных произведений по животрепещущим вопросам. Возможно, конечно, что чрезмерная схематизация сковывает иногда литературу и лишает ее необходимой зрелости и совершенства. Но само по себе время, когда все эти книги писались (я имею в виду революцию, гражданскую войну, соцстроительство), настолько величественно, что книги эти переживут эпоху, хотя бы уже потому, что они насыщены фактической и документальной правдой. Задачи советских писателей в деле помощи культурному пробуждению их необъятной страны так широки, что писатели остального мира могут смотреть на них только с завистью».

В заключение приведем высказывание о советской литературе молодого поэта и критика Артуро Серрано-Пляхи:

«Заранее и без страха мы можем сказать, что советская литература — великолепна. Советская литература не может быть изолированным фактом, оторванным от всей жизни СССР. Действительно, нельзя отделить такой фактор, как литература, как промышленность, как культурно-экономический уровень, как развитие науки, от жизни Советского Союза, как целого, и мы извне, из обстановки полного упадка капитализма, можем изолировать их лишь путем спекулятивного и абстрактного усилия, потому что каждый из этих моментов является причиной и следствием, результатом и дополнением всех остальных моментов развития СССР».

Так, например, разве возможно было бы создание такой литературы, если бы ей не предшествовало такое событие, как Октябрьская революция?

И хотя можно с уверенностью сказать, что любая литература более или менее зависит от политического момента, переживаемого страной, — в СССР революция и созданная ею литература настолько слиты между собою, что их невозможно разделить.

Нет, невозможно прочесть статью Луначарского, роман Гладкова, посмотреть фотографии постановок Мейерхольда, фильм Эйзенштейна без того, чтобы не вспомнить сейчас же о Ленине и октябрьских днях!

¹ Переделка «Матери» Горького была одной из первых пьес революционного театра Испании.

Выражая наше мнение о советской литературе, мы должны всегда говорить о ее содержании, несомненно замечательном, о возрождении громадной страны, начавшемся в Советском Союзе»¹.

Как мы можем заключить из приведенных нами высказываний, испанские революционные писатели отнеслись с большой серьезностью к вопросам, поставленным анкетой. Они не только восхищаются, но и критикуют. Тем важнее их единодушное мнение: советская литература — лучшая литература в мире, только ей одной принадлежит будущее.

Когда поэт Мануэль Альтолягирре написал свое стихотворение «Громким голосом», посвященное Советской России, его устами высказалось все поколение 1930 г.:

Нет России, — над вселенной,
Светлой мыслью вознесен,
Есть один Союз Советский;
В нем закон и справедливость,
В красоте его бесценной.
В братстве радостном племен.

О, далекая отчизна,
Шлю привет твоей стране,
Верю я, что день настанет,
И исчезнут все границы,
В этот день, давно желанный,
Ты приблизишься ко мне.

Набегут на берег волны —
Волны чистые твои,
И в один союз сольются
Племена, пространства, люди:
Так в одно впадают море
Все потоки, все ручьи.

О, гори звездой красной,
Ты, прославивший ее,
Пусть попрежнему алеет,
Словно пламенное сердце,
Кровью чистой и прекрасной
Знамя гордое твое!

Будь могучим неизменно
В светлом братстве братских уз,
Красотой сияя вечной,
Наш Союз — Союз Советский,
Ты один для всей вселенной
Всеобъемлющий Союз!

¹ Интересно отметить, что почти все высказавшиеся писатели жалуются на свое недостаточное знакомство с советской литературой и на недоброкачественность переводов.

III

В июле 1934 г. испанские революционные писатели, только-что создавшие в Мадриде свою третью по счету «Ассоциацию революционных писателей и художников» (АЭАР¹) и давшие такие замечательные книги, как романы «Бедняки против богачей» Сесара М. Арконады, «Семь красных воскресений», «В деревне, где произошло преступление» Рамона Х. Сендера, художественный репортаж-сатиру Мануэля Д. Бенавидеса «Последний пират Средиземного моря», стихи Рафаэля Альберти, Паскуаля Пля-и-Бельтрана, Эмилио Прадоса, Мануэля Альтолягирре и др., отправили свою делегацию в составе Рафаэля Альберти и Марии Тересы Леон в Москву на первый Всесоюзный съезд советских писателей. Альберти на съезде выступил с большой речью, в которой указывал на большую положительную роль, сыгранную советской литературой в организации революционного литературного движения в Испании. Одновременно он призывал к дальнейшему укреплению братских уз между обеими литературами. В своей речи он жаловался на плохое качество испанских переводов и выдвигал идею создания в Мадриде особого издательства «Советской художественной книги». В своих беседах с А. М. Горьким, проявившим очень большую, чисто «горьковскую» заботу об испанской революционной литературе и поделившимся с Рафаэлем Альберти и Марией Тересой Леон своим огромным опытом, испанские делегаты просили помочь им в организации издательства, направив в Мадрид одного из советских товарищей².

Свою речь Альберти закончил обещанием, что близок тот день, когда над Испанией будет развеяться красное знамя и когда испанские революционные писатели смогут пригласить к себе

¹ Параллельно ей существовало в Валенсии объединение пролетарских писателей и художников на правах автономной секции.

² Первой книгой было решено издать «Поднятую целину» М. Шолохова. Книга увидела свет только в 1936 г.

ганизаторами Альянса были Хосе Бергамин, Рафаэль Альберти, Мария Тереса Леон и некоторые другие). О горячих симпатиях Альянса к СССР свидетельствует, как факт горячего приема, оказанного лучшими представителями испанской интеллигенции (и особенно писательских кругов) «Поднятой целине» М. Шолохова, так и большая скорбь, охватившая всю передовую Испанию при вести о смерти А. М. Горького. На траурном митинге в Мадриде выступали Долорес Ибаррури, Венеслао Росес, Хулио Альварес-дель-Вайо. Все они говорили о Горьком—великом писателе и человеке, о горьковской ласке, тепле. Многие из говоривших могли лично в этом убедиться во время своего пребывания в Советском Союзе в зловещие дни «черного двухлетия»¹.

Сейчас, когда в Испании еще продолжается гражданская война, рано говорить о созданной ею литературе. Однако уже теперь можно указать на все крепнущую связь между творчеством испанских писателей народного фронта и советским искусством. Известно то впечатление, которое произвел в республиканской Испании фильм Всеволода Вишневского и Дзигана «Мы из Кронштадта», содействовавший скорейшей организации регулярной армии.

«Мы из Кронштадта» оказал бесспорное влияние и на литературу гражданской войны. Так, следы этого влияния мы можем найти в сборнике повестей молодого писателя Антонио Санчес-Барбудо «Между двух огней». Сюжет одной из повестей, «Четыре», целиком и полностью навеян эпизодом героической защиты кронштадтскими моряками занятого ими участка фронта. В другой повести, «Дом Рамирес», творчески использован эпизод гнусного убийства моряков белогвардейцами (сбрасывание со скалы). «Моряками из Кронштадта» был назван один из четырех батальонов, образованных в Мадриде в трагические ноябрьские дни 1936 г., и этот факт художественно отображен в ряде

«романов» (таковы хотя бы «Четыре батальона» Артуро Серрано-Пляхи»¹).

Пишущему эти строки довелось присутствовать при первой постановке «Оптимистической трагедии» Всеволода Вишневского на испанской сцене и даже принять участие в ее переводе. «Оптимистическая трагедия» была поставлена в октябре 1937 г. в Мадриде силами театра «Искусство и пропаганда», руководимого Марией Тересой Леон. Театр находится в 700 метрах от линии фронта. Репетиции шли во время бомбардировок. Было радостно видеть, с каким энтузиазмом следили зрители на премьере (среди присутствовавших находился генерал Миаха, представитель верховного командования и правительства) за развитием действия. Радостно было сознавать великую воспитательную силу советского театра.

Огромная моральная поддержка, оказываемая Союзом героическому испанскому народу, борющемуся сейчас за дело всего передового и прогрессивного человечества, также нашла себе широкое отражение в литературе республиканской Испании. Начиная с престарелого поэта Луиса-де-Тапия (умер в 1937 г.) и кончая поэтами-новичками—рядовыми бойцами гражданской войны, — почти все испанские поэты посвятили стихи советским кораблям, привозившим продовольствие в Испанию. Среди этих стихотворений некоторые пользуются заслуженной известностью. Таков романс «О красном корабле» молодого валенсийского поэта Хуана Хилья-Альберта, романс об интернациональной солидарности и великой родине трудящихся — Советском Союзе. Особенно много стихов и очерков написано республиканскими поэтами и писателями о «Комсомоле» и его доблестном экипаже.

Переходя от случаев прямого воздействия советского искусства на испанскую литературу гражданской войны, к случаям воздействия косвенного, мы в первую очередь считаем необходимым указать на общность трактовки самой темы «гражданской войны», «героизма»,

¹ Так называется в Испании 1934—1936 гг., период, когда у власти стояли Лерус и Хиль Роблес.

¹ Не меньшее впечатление произвел и фильм «Чапаев»

«любви к родине» и т. д. в обеих литературах. Здесь сказались массовое знакомство республиканских писателей с советскими книгами о гражданской войне. Конечно, многое здесь объясняется самой общностью положения, условий борьбы. Однако можно утверждать, что хорошее знакомство с советской литературой, наличие таких книг, как «Разгром» А. Фадеева, «Тихий Дон» М. Шолохова и др., облегчило республиканским писателям освоение новой для них темы.

Влияние советской литературы о гражданской войне можно отыскать и в «Романсеро», и в «Испания перешла в контратаку» Рамона Х. Сендера, и в большом романе Сесара М. Арконады «Река Тахо», и в очерковых книгах Мануэля Д. Бенавидеса «Преступление Европы», Хосе Эррера-Петере «Мадридская сталь» и коллектива писателей (Х. Искаррай, Клементе Симорра, Мариано Перла и Эдуардо-де-Онтаньона) «Мадрид наш», и в повестях молодых республиканских прозаиков (Антонио Санчес-Барбудо, Висенте Салас-Вью и др.). Чрезвычайно показателен тот факт, что в выпущенном в ноябрьские дни 1936 г. в Мадриде № 11 журнала Альянса антифашистской интеллигенции «Мона Асуль» в юбилейной статье, посвященной годовщине Великой Октябрьской революции, говорится о Маяковском, о помощи советской интеллигенции, о выпущенном советскими поэтами сборнике «Мы с вами». И на той же странице опубликован большой портрет А. М. Горького с надписью: «В нем для нас символ советской культуры».

В июле 1937 г. в работах второго международного конгресса в защиту культуры, имевших место в Валенсии, Мадриде, Барселоне и Париже, принимала участие делегация советских писателей (Алексей Толстой, В. Ставский, И. Эренбург, А. Фадеев, В. Вишневский, А. Барто, В. Финк, Ф. Кельин). В их выступлениях на конгрессе, в их встречах с бойцами республиканской армии, с испанскими крестьянами, с интеллигенцией, с писателями ярко сказались братская связь, су-

ществующая между обоими народами. И когда 8 июля в Мадриде глава Альянса антифашистской интеллигенции Хосе Бергамин от лица «делегатов испанских стран» (Испании и Латинской Америки) заклеил гнусную клевету Андре Жида на Советский Союз, его голос был голосом всей испанской демократии, проникнутой чувством горячей симпатии к СССР.

В свою очередь испанские писатели приезжали также за время гражданской войны в Советский Союз. Так, в марте 1937 г. в Москве находились по делам подготовлявшегося тогда конгресса Рафаэль Альберти и Мария Тереса Леон, тепло встреченные всей советской общественностью. 20 марта они были приняты товарищем Сталиным.

«Два часа, проведенные нами с товарищем Сталиным, — сообщили Рафаэль Альберти и Мария Тереса Леон представителям советской прессы, — слишком короткий срок, чтобы понять и выразить то, чем он является и что собой представляет».

Первые минуты нашего свидания с ним мы были охвачены волнением: мы говорили так просто и сердечно с вождем великого Советского Союза. Товарищ Сталин еще сердечнее, еще человечнее, чем все, что можно сказать о нем. Мы были поражены четкостью и правильностью его слов и суждений об испанских делах. Он говорил с нами самым сердечным образом о наших героях, наших народных вождях, наших крестьянах, наших писателях.

С ласковой улыбкой говорил он о своих симпатиях к нашей храброй молодежи. Другие писатели, его посещавшие, особенно подчеркивали его энергию, его твердость. На нас произвели сильное впечатление его доброта, его знание людей, его желание видеть их счастливыми, совершенно особая способность товарища Сталина разрешать в своем уме те постоянные проблемы, которые ставит перед ним счастье его огромной страны и то, что он находит в нем место и для нашей родины».

В Испании, в истерзанной, но непобедимой Мадрид Рафаэль Альберти и Мария Тереса Леон увезли с собой

сталинскую заботу о людях, и она явилась для них и для всей республиканской интеллигенции великой духовной поддержкой в тяжелые дни гражданской войны.

В октябре 1937 г. в состав испанской делегации, приехавшей в СССР на празднование двадцатилетия Октября, входили писатель Хосе Бергамин и поэт Пля-и-Бельтран. Это были дни избирательной кампании. «Я всего несколько дней в Москве, — сказал в беседе с сотрудником «Литературной газеты» Хосе Бергамин, — но с самого первого момента почувствовал, что в вашей стране праздник. Ваш народ радуется и торжествует. Ваша избирательная кампания не имеет прецедентов, это нечто совершенно новое, невиданное, ни с чем не сравнимое. Там (т.-е. в капиталистических странах) избирательная кампания выливается во взаимное обливание друг друга грязью, подкупы, сведение личных счетов, ненависть и злобу, а здесь, у вас, единодушные в отношении лучших, любимейших сынов родины, стремление дать им как можно больше голосов, бурная радость в тех округах, где они дали согласие баллотироваться.

Для меня, испанца, сына борющейся

за свою свободу страны, — выдвижение в кандидаты А. Толстого, В. Ставского, М. Шолохова и других писателей имеет особое значение. Я всегда говорил, что писатель должен быть с народом, действовать заодно с ним. Писатель, оторванный от народа, — не писатель. И политические воззрения писателя не могут быть иными, чем воззрения народа, к которому он принадлежит. Иначе это — не писатель.

А теперь я в Москве. И прежде всего хочу для Испании такой же конституции, какую получили вы здесь, в СССР. Именно за такую конституцию должен драться мой народ».

Этими словами Хосе Бергамин, являющегося сейчас одним из самых популярных и влиятельных писателей республиканской Испании, и хочется нам закончить нашу статью о влиянии Великой Октябрьской революции на испанскую литературу. Проходят дни, растет и крепнет героическое сопротивление испанского народа объединенным силам мирового фашизма, а вместе с ним усиливается и крепнет та связь, которая соединяет испанскую литературу и культуру с великой родиной трудящихся — СССР.

А. А. Остужев¹⁾

ПАВЕЛ НОВИЦКИЙ

1

В цирке на Сенной площади показывали фокусы, и акробаты ходили по канату. Вокруг цирка сновали шустрые, неуловимые ребяташки. Наибольшую живость проявлял худенький мальчик с горящими от восторга и любопытства глазами. Он убежал из дома с утра и целый день провел на площади около цирка, неоднократно проникая внутрь. С веселым возбуждением он следил за смелыми кульбитами акробатов, ловкостью канатоходцев, остротами клоунов, гордыми позами прекрасных наездниц. Все это было необычайно и ослепительно. Надо было еще поспеть на пляж, но туда его тянуло меньше, хотя там тоже было хорошо. На пляже от ребят пестрило в глазах, и вода кипела в реке. Отец мальчика—железнодорожный кондуктор Алексей Иванович Пожаров—поздно хватился сына. Он долго бродил по пляжу, расспрашивал и сердился. Он узнал только, что в этот день трое ребят уже утонуло. На пляже следов сына он не нашел. Решив, что мальчик утонул, отец понуро побрел обратно. Дома притаилась напряженная тишина. Но к вечеру Саша Пожаров с невинным видом вернулся домой.

Тогда произошла почти немая, трагическая сцена. Отец аккуратно нарвал пучок из сирени, обильно росшей в саду вокруг дома, молча и торжественно повел сына в сарай, там подозвал к себе

и, не обращая внимания на его вопли, обещания и клятвы, перевернул, стиснул его голову коленями и вышорол. В течение недели мальчик не мог сидеть. Но любовь к цирку воспламенилась еще более. Эта сцена запомнилась на всю жизнь, но не оставила в сердце горечи. Саша Пожаров упорно верил в светлое будущее, восторженно мечтал о головокружительной отваге цирковых актеров и видел себя среди них. С товарищами стал учиться ходить по канату. Окна двух соседних изб соединяли бревном и по бревну переходили с шестом из конца в конец.

Александр Алексеевич Остужев родился в Воронеже 16 апреля 1874 г. Детство его было тяжелым. Но он научился рано мечтать. Однажды случилось большое несчастье: отца уволили. Он пришел домой мрачный, молчаливый и убитый. В доме воцарилась страшная тишина. Были слышны только всхлипывания матери. Оказалось, что в поезде отца ночью был пожар, и к утру в суматохе было расхищено два вагона мануфактуры. Отец к преступлению не был причастен, но его привлекли к суду. В течение пяти месяцев длилось следствие, и семья голодала. Мать шила для интендантства мешки за гроши, а шестилетний мальчик ходил с мешочком по дворам и собирал кости; кости он продавал по 2 коп. за фунт. На суде выяснилась невинность отца, его оправдали и восстановили на работе. Но страшный след от этих месяцев остался на всю жизнь.

¹ Из книги «Образы актеров».

Народный артист СССР, орденосец А. А. Остужев

Во время процесса и суда Пожаровы познакомились с семьей присяжного поверенного Полякова. Он вел дело Пожарова и помог ему оправдаться. Человек он был деловой, либеральный, общительный. Он не ограничился деловыми отношениями с Пожаровым, он стал бывать у него с семьей. Две дочери Полякова, взрослые девушки, учительницы, стали обучать маленького Сашу Пожарова грамоте. Стал бывать у Пожаровых и брат их—гимназист Саша Поля-

ков. Он-то и сыграл в жизни Остужева большую роль.

2

Саше Полякову было 13 лет, когда он впервые появился у Пожаровых. Это был уже вполне сложившийся, очень самостоятельный, глубокий характер. Он как-то сразу вошел в семью Пожаровых и занял в ней первое место. Так велико было обаяние этого мальчика, что его влиянию подчинялись не толь-

ко дети, но и взрослые. Он был первым по праву. Он об'единял вокруг себя, возбуждал жажду к жизни, развивал требовательность к людям, вкус, живой интерес к книгам. Он приносил замечательные книги, среди которых не было ни одной пустой или пошлой, с увлечением их читал, играл с детьми в свайку, вместе с ними клеил змея. Между ним и Сашей Поляковым была значительная разница в годах, он был старше своего маленького друга лет на 6, на 7. Но дружба от этого не уменьшилась. Саша Поляков не знал уступок и компромиссов в вопросах чести, правды и справедливости. Он весь загорался негодованием и ненавистью, когда сталкивался с проявлениями человеческой подлости, лжи и трусости.

Однажды в семье Поляковых произошло невероятное событие. Саша приходит из гимназии, подходит к отцу и заявляет ему, что больше в гимназию ходить не будет: «Я не желаю быть адвокатом, не желаю защищать всяких жуликов, мошенников и грабителей. Я не хочу мириться с тем, что ты защищаешь всяких мерзавцев. Я знаю все и все обдумал. Я не хочу и не буду этим заниматься». Произошла тяжелая сцена, в результате которой отец выгнал сына из дому. Саша Поляков был человеком четких и прямых решений. Он знал, на что идет. Он пришел к Пожаровым и рассказал свою историю, заявив, что домой более не вернется. Он сразу определил свое новое положение: он пошел во двор, нарубил дров, принес воды, стал помогать по хозяйству. За эту работу он молчаливо просил приюта. Он не оставался долгое время в одном месте. Он стал жить по знакомым, всюду активно помогая по хозяйству. У Пожаровых он был желанным гостем.

Каждый вечер Саша Поляков читал, возбуждая все большую страсть к книге в своем маленьком товарище. Тот лихорадочно ожидал наступления вечеров. Так были прочитаны Пушкин, Гоголь, Тургенев, многие русские классики. Вечера чтения страшно развили впечатлительность, способствовали бурной игре воображения, привязали Сашу Пожарова к его юному другу. Однажды

вечером был прочитан «Отелло» Шекспира. Впечатление было необычайное. Из всех действующих лиц мальчик запомнил одного Отелло. Он жалел его и плакал над его судьбой. Трогали страдания сильного человека, несчастья закаленного героя. Таким образом Отелло запомнился в детстве и был пронесен через всю жизнь.

Саша Поляков часто перекочевывал к другим своим знакомым. Тогда его маленький друг считал минуты, оставшиеся до его возвращения домой. Казалось, трудно себе представить жизнь без любимого товарища. Но расстаться пришлось. Саша Поляков был неспособен засиживаться на одном месте. Он ушел вскоре из Воронежа, много бродяжил. Одно время он постригся в монахи. Потом ушел из монастыря, женился на крестьянке, осел на землю, стал пахать, сеять и пить. Как запил, так и пропал из виду. Остужев не мог разыскать его следов.

3

Учился Саша Пожаров сначала в уездном училище. Потом поступил в техническое железнодорожное училище. Работал в столярном, слесарном и кузнечном цехах, очень заинтересовался техникой. Это влечение не проходило в течение всей жизни. Когда он стал знаменитым актером и всей душой отдался театру, он никогда не забывал своих столярного и слесарного станков. Он работает на них до сих пор. Но техника никогда не заполняла всего его существования. Отец был очень доволен, что сын будет техником. Это верный кусок хлеба. Отец не знал, что наряду с техникой его сын увлекается театром. Напротив дома Пожаровых жил музыкант из городского театра. Его маленькому сыну Саша Пожаров как-то помог решить задачку. Мальчик в благодарность предложил сводить его в театр. В городском театре работала тогда «малороссийская» труппа. Дети прошли под сцену. Шли, сгорбившись, пролезли в маленькую дверь, и вдруг открылось громадное пространство зрительного зала. На сцене горела изба, и какой-то молодой человек выносил из огня девушку. Саша

Пожаров не запомнил первых пьес, которые он увидел. Он запомнил только впечатление совершенно нового мира, который перед ним раскрылся. Как будто внутри что-то оборвалось. Такой восторг был в душе, и так светла была надежда. Он стал вертеться около театра. Познакомился с трагиком А. К. Любским. С одним из товарищей — учеником учительской семинарии — поставил дома «сцену у фонтана» из пушкинской трагедии. Товарищ изображал Марину Мнишек, Саша — Дмитрия. Для эффекта он надел отцовский кондукторский мундир.

Семья Пожаровых жила недалеко от городского летнего театра. Мать сдавала комнату. В ней однажды в начале летнего сезона поселился актер Кромский-Сельской. С ним Саша стал чуть ли не ежедневно ходить в театр. И даже стал участником спектакля. В «Цыганском бароне» была выходная роль цыганенка. Ему намазали физиономию сажей с салом, надели на голову что-то неопишное и выпустили на сцену. Это было первое его актерское выступление и первый заработок. За выступление заплатили 30 копеек. Ему было 14 лет, и весь мир лежал у его ног.

Техническое училище он так и не кончил. Когда осталось два месяца до выпускных экзаменов, произошел инцидент, который поставил предел его железнодорожной карьере. Как сын кондуктора, он пользовался казенной обмундировкой. Однажды, придя в пансион получать вещи, он начал напевать и громко декламировать. Инспектор в очень грубой форме сделал ему замечание. Пожаров дерзко ответил и бросился на него с кулаками. Из училища, конечно, исключили. С трудом удалось устроиться чертежником в материальный отдел железнодорожного управления. Так начался период самостоятельной работы. Зарабатывал мало и всю поучку обязан был приносить отцу. На все личные потребности сына отец выдавал ему из его заработка 3 рубля в месяц. В период службы в железнодорожном управлении появился у Пожарова новый товарищ — писец из казенной палаты А. Е. Буйнов. После работы они

встречались в маленькой пивной или в городском саду и мечтали о будущем. Оба стремились попасть в театральное училище. Как это сделать? Чтобы поехать в Москву и там жить, нужны деньги. Одному из них пришла в голову шальная мысль: пойти к местному архиерею и попросить его предоставить им ссуду в три тысячи рублей сроком на три года; ведь он имеет деньги, и он поймет! Потом раздумали ходить к архиерею. Бедные провинциальные мечтатели поняли комизм своей затеи.

В Воронеже, кроме зимнего театра, было два летних — в городском саду и Эрмитаж. Театры конкурировали друг с другом. Летом 1895 г. труппу в городском саду держал П. П. Струйский, а в Эрмитаже — А. Н. Соломин. Хотя театры состязались невероятными афишами и сногшибательным репертуаром, ни в том, ни в другом не было сборов. Тогда они решили соединиться. Отобрали лучших актеров обеих трупп и стали играть в городском саду. В Эрмитаже осталось актеров немного. Среди них и Остужев. Чтобы продержаться как-нибудь, решили выписать гастролеров. Согласились приехать Киселевский, Дарский, Южин.

И. П. Киселевский напоминал английского лорда: корректность, надменность, холодное равнодушие к низшему брату. Он обладал знаменитым на всю Россию красивым низким баритоном. Первая его гастроль в Воронеже — «Свадьба Кречинского». Роль Кречинского — самая выигрышная из его ролей. На долю Остужева выпало играть полицейского чиновника. Считалось удачей и счастьем играть с гастролером. Обычно утром — репетиция, а вечером — уже спектакль. Срепетировали благополучно, пришло время спектакля. Выходить полицейский чиновник должен в конце третьего акта. Пока не наступил этот момент, Остужев жадно следил за игрой Киселевского из-за кулис и из зрительного зала. Когда его вызвали на сцену, он надел свою обмундировку, сказал свои слова и от волнения забыл, что должен вместе с Бекон уйти. Он остался торчать в дверях с портфелем, саблей и фуражкой. Стоял и смотрел,

как будет «кончать Киселевский. Тот сделал три прохода поперек сцены, с яростью глядя на Остужева, потом, видя, что тот не собирается уходить, подошел к нему вплотную и крикнул с бешенством: «Вон!». После спектакля Киселевский долго выкрикивал всякие ругательства по адресу Остужева. Остужев не мог понять причины своей неудачи.

Кончились гастроли Киселевского; приехал другой гастролер — М. Е. Дарский. Объявлены его гастроли: «Гамлет», «Ричард III», «Ромео». В «Гамлете» Остужев получил роль Марцелла, офицера стражи, произносящего несколько фраз. Реплику: «На террасе, где мы стражу держим» — Марцелл приносит в ответ на вопрос Гамлета: «Где это было?» (появление призрака). С этой фразой и произошла история. На репетиции Гамлет — Дарский почти не играл, а только небрежно скороговоркой подавал реплики. Во время спектакля Гамлет вдруг совершенно неожиданно налетает на Марцелла, резко хватая его за руку и с силой швыряет на авансцену. Марцелл — Остужев от всего этого ошалел, движения его стали страшно неловки, и на трагический вопрос: «Где это было?» — он ничего не может ответить. Дарский — Гамлет бешено трясет его за руку и вторично задает вопрос: «Где это было?». Остужев открыл рот, но язык его совершенно не слушался. Заикаясь, с большим трудом он произнес только: «Тер... тер... тер...». «На террасе» не вышло. Такая речь произвела фурор. Общий хохот и аплодисменты. Тогда Дарский зверски сжимает ему руку и кричит в ухо: «Вон со сцены!». Остужев вырвал руку и стремглав скрылся. Когда он уходил из уборной, вдгонку ему неслась целая буря ругательств и негодующих выкриков. Вся первая сцена была испорчена.

В последнем гастрольном спектакле Дарского «Ромео» некому было играть роль Париса. В обеих труппах не было подходящего молодого исполнителя. Соломин с робостью говорит Дарскому: «Михаил Егорович, у нас есть подходящий актер, только я не знаю, как вам предложить». — «Кто это?». — «Осту-

жев». — «Ни под каким видом не допущу на сцену этого мерзавца». В труппе была артистка Моншейн, очень нарядная, красивая и добродушная. Она любила покровительствовать молодым, начинающим актерам. Она должна была играть Джульетту. Гастролер за ней ухаживал. Соломин сообразил, что она может повлиять на Дарского. «Играть роль Париса некому, а Бровский (первая сценическая фамилия Остужева) подходит». Моншейн согласилась уломать Дарского, и тот должен был уступить. Но, уступивши, отвел себе душу тем, что вымарал почти всю роль Париса. У Париса в склепе у гробницы Джульетты есть красивый и звучный монолог. Остужев уже знал наизусть всю роль и с увлечением произносил знаменитый монолог. Когда он узнал о согласии Дарского допустить его на сцену, он решил пойти на риск — просить Моншейн довести свое покровительство до конца. Задыхаясь от робости и стыда, он изложил свою просьбу Моншейн. Та обещала выпросить согласие Дарского на восстановление монолога. В день спектакля Остужев со страхом пришел на репетицию. Как его встретит Дарский? Выгонит или не выгонит? Издали вежливо поклонился олимпийцу. Тот кивнул головой. Репетиция началась. Монолог прочитан. Но после него начинается стычка между Парисом и Ромео на рапирах. Обращаться с рапирой Остужев не умел. Новое препятствие! Но Дарский милостиво решил показать молодому неопытному актеру все приемы обращения с рапирой. Со страшным внутренним напряжением прорепетировал Остужев бой. Кажется, все удалось. Препятствия все преодолены. Перед спектаклем Остужев старательно отобрал весь реквизит, надел трико и шапочку с пером, начистил пояс. Вел спектакль и выпускал актеров Илюша Мирский. Ему передалось волнение юного исполнителя. Он умолял его взять себя в руки. Остужев вышел на сцену ни жив, ни мертв. Прочитал монолог хорошо. Появляется Ромео, и Парис прячется, но, когда узнает Монтекки, воспламеняется гневом и пытается его арестовать. Ромео выхватывает рапиру.

Противники становятся в позицию с большим огнем. И тут вдруг происходит совершенная неожиданность. В фехтовании есть скользящий удар, когда противник бьет по клинку плашмя. Нужно иметь громадный опыт, чтобы при этом рапира не выпала из рук. На репетиции Дарский не применял этого приема. А на спектакле он, увлекшись, бьет скользящим ударом рапиру Остужева. Тот чувствует, что рапира вываливается из его рук. Когда он это ощутил, его охватил такой испуг, что он забыл сцену, схватил рукоятку обеими руками и замер в неподвижности. Дарский бьет по его рапире направо и налево. Остужев остается, как вкопанный. Он не чувствует ударов, стоит окаменелый, как памятник. Дарский неистовствует и становится смешным. В зале гомерический хохот. Зловещим шипением Дарский требует: «Умирайте!». До сознания Остужева это требование не доходит. После третьего яростного шипения Остужев осознает, наконец, значение бешеных слов, бросает рапиру и неловко падает на землю. Гомерический смех повторяется. «Я говорил, что нельзя пускать на сцену этого мерзавца! Второй спектакль мне сорвал!» — неистовствовал Дарский после спектакля. Все в недоумении разводили руками. Ничего нельзя понять, что это такое приключается с этим актером!

Но жизнь шла своим чередом. Над неудачами Бровского-Остужева посмеялись, посоветовали и стали снова его занимать в спектаклях. Какое-то непонятное очарование, какая-то могучая лирическая сила были в этом неопытном актере. Остужева стали приглашать в основную труппу, игравшую в городском саду, стали предлагать ему главные роли в мелодрамах.

4

В конце лета 1895 г. в Воронеж приехал А. И. Южин. Он гастролеровал в «Отелло», «Эрнани» Гюго, в своей пьесе «Молодость Грозного». Начинались гастролы в «Эрмитаже» с «Эрнани». Во время репетиции мелодрамы в театре городского сада появляется Соломин,

проходит на сцену и говорит Остужеву: «Бросьте немедленно свою роль, вы сегодня нужны в Эрмитаже. Приехал Южин, нужно сыграть в «Эрнани» небольшую роль, но к ней Южин предъявляет особые требования. Для него это очень важно».

Остужеву было жалко своей большой мелодраматической роли, но, с другой стороны, ему было лестно играть с Южиным, о котором он много слышал. Сели на извозчика, поехали. По дороге Соломин пригласил Остужева в свою труппу, которую он набирал на зимний сезон. Машинально согласился. Соломин подвел Остужева к очень красивому, несколько полному человеку, с маленькими, коротко подстриженными усами. Очень хороши и приветливы у него были глаза, когда он протянул руку молодому актеру. Пожатие было дружеское. Сразу сделалось хорошо и спокойно на душе. Южин, словно продолжая прерванную беседу, спросил: «Вы что, так любите театр, что отрываете для него время от своей основной работы?». После первых фраз Остужева Южин сказал: «У вас красивый голос». Потом предложил роль — всего 11 строф! — и объяснил ее значение для пьесы.

Стали репетировать. Остужев читал роль без тетрадки. Текст сразу запомнился.

Когда кончилась репетиция, Южин тотчас же сказал Соломину: «Это очень хорошо! Кто этот молодой человек? Расскажите о нем подробнее».

Перед спектаклем Остужев по обыкновению очень волновался. Явился, как всегда, очень рано. Был в торжественном настроении, в упоении от красивых стихов и от счастья выступать вместе с Южиным. Только в его волнении не было того чувства унижительного страха, которое он переживал, играя с Дарским. Наступило время его выхода. На этот раз все обошлось благополучно. Он хорошо читал стихи, хорошо держался на сцене. Кажется, не было никаких неприятностей для гастролера. Ушел со сцены с облегченным чувством. В уборной чувствовал себя на десятом небе. Снял колет и медленно разгримировыв-

вался, наслаждаясь сознанием удачи. Вдруг в уборную входит незнакомый молодой человек и спрашивает: «Здесь артист Александр Алексеевич, игравший роль посла?». — «Это я». — «Как раз-гои-ччруетесь, Александр Иванович просит вас зайти к нему в уборную». Все блаженное настроение как рукой сняло. Мысли ураганом пронеслись в голове: «Раз вызывает, значит что-то случилось, значит будет разносить за какие-то промахи. Кажется, ничего не пропустил, все сделал верно! Что же это такое?». В голове звенела фраза Расплюева: «Судьба! за что гонишь?».

Переступил порог уборной Южина и поднял на него глаза. На лице Южина ласка, привет и очаровательная, теплая улыбка. Тревога оказалась напрасной. Южин встал, усадил Остужева, пожал ему руку и стал расспрашивать его, где он учился, что делают его родители, где он работает в настоящее время, почему находится на любительском положении в театре, какие имеет планы на будущее. Остужев ответил, что его заветная мечта стать настоящим актером. Рассказал и о предложении Соломина. Южин помолчал, а затем спросил: «Вам кто-нибудь говорил, что вы представляете собою как актер? Никто? Так я вам скажу». И начал говорить такие вещи, что Остужев расплакался. Он не верил своим ушам. Из «мерзавцев» и «сукиных сынов» он внезапно превратился в художника, на которого можно возлагать надежды. «Без моего ведома ничего не предпринимайте, — просил Южин, — никаких контрактов не подписывайте. Ждите от меня письма и побольше читайте».

Когда Южина провожали, пили шампанское и произносили речи. Позади всех с краю жался Остужев. На прощанье Южин повторил ему: «Работайте, как работали, ничего не предпринимайте, ждите моего письма».

После отъезда Южина прошло много дней. Остужев и Буйнов гадали, чем все это кончится. В труппе к Остужеву стали относиться внимательнее. Некоторые завидовали.

Прошло лето. Наступила осень. Когда однажды Остужев вернулся грустный

домой, на пороге стоял отец и держал высоко над головой письмо. «Послушай, тебе письмо». Письмо было от Южина. Остужев долго его не вскрывал. Наконец, осторожно распечатал и несколько раз медленно прочел. В голове совсем помутилось. Выступили слезы радости. Южин приглашает немедленно приехать в Москву.

Он писал:

«Я говорил с управляющим императорскими московскими театрами, Павлом Михайловичем Пчельниковым, Александр Алексеевич, поручился за Ваши способности и за Ваше трудолюбие. С первого сентября Вы будете зачислены на первый курс императорского театрального училища в Москве, а с 1 января 1896 года, т.-е. через 4 месяца, Вам будет назначена стипендия в размере трехсот рублей в год и Вы будете освобождены от платы за слушание лекций. По окончании 3-летнего курса Вы будете приняты в состав Малого театра на жалованье первый год — 600 руб., а дальше Вам открыта дорога. Теперь с матерьяльной стороны Вам надо иметь рублей сто, чтобы приехать сюда, внести 50 рублей за первое полугодие и просуществовать до октября. К октябрю я найду средства помочь Вам дотянуть до стипендии и вообще помогу Вам, сколько я в силах».

Если Вы не раздумали итти на сцену, если Ваши семейные и домашние дела позволяют Вам отдаться в полне Вашему призванию, ответьте мне немедленно: до 5 сентября я должен получить от Вас категорическое решение, а самое позднее к 10-му Вы должны быть здесь.

Теперь есть другая, не матерьяльная и важнейшая сторона. Объясняюсь коротко, но вдумайтесь в каждое мое слово, взвесьте его и решите.

Сцена требует, кроме таланта, от актера всех его сил, всего труда, сознательного и серьезного, на который он способен. Если Вы думаете, что достаточно обладать голосом, внешностью и известным огнем, чтобы больше уже ни о чем не заботиться,

пожинать легкие лавры и легко забатывать — не идите на сцену. Если Вы готовы отдать ей всю душу и все силы, не ожидая скорого и легкого успеха, работать всю жизнь, не покладая рук, и искать возможно-го совершенства в своей работе, — идите. Вы — первый человек, которому за всю мою жизнь я советую идти на сцену, потому что Вам много дано для нее. Но многое с Вас и спросится, Александр Алексеевич. Помните это.

А. Южин».

1 сен. 95 г.

В этом письме все замечательно: единение деловой четкости и точности с высоким моральным идеализмом, глубокая чуткость и подлинное внимание к человеку, целомудренная сдержанность в оценках, нежность и суровость тона. Посредственный драматург и актер, Южин был великим театральным деятелем, художником величайшего благородства и творческого размаха в искусстве распознавать людей, их воспитывать и растить. Мудрый и тактичный художественный руководитель театра, тонкий и деликатный человек, он великолепно знал природу актера и видел все опасности и тернии в развитии таланта в театральной среде. Он не любил громких фраз и преувеличений. В Остужеве его сразу привлекла «душевная красота» его таланта, его лирическая сила, моральная чистота его образа. В письме к П. П. Гнедичу, написанном в это же время, Южин был менее сдержан в оценках. Он сразу угадывает существенные стороны дарования Остужева. Он пишет Гнедичу:

«О лирической актрисе думать нечего: я нигде не встречал ни одной поэтической актрисы. Зато я нашел в Воронеже сокровище, в которое я верю, как в крупную будущую силу, и смело первый раз беру на себя ответственность за всю его жизнь, извлекая его из службы при юго-восточных дорогах на сцену. Рекомендовать я его не могу: он любитель, опытности никакой, вернее — никакой рутины, зато чуткость таланта,

настоящего таланта, заменяет ему эту рутину вполне. Он 21 года, красавец той милой, задушевной красотой, сдержанной, непоказной, которая действует обаятельно и главным образом чарует тогда, когда в нее взглядишься. Он умеет чем-то неуловимым заставить слушать себя, глядеть на себя и ценить каждый звук его вибрирующего неподдельным внутренним чувством голоса, каждый взгляд чудных, глубоких серых глаз. Я хочу на свой счет, если Дирекция мне поверит, поместить его в Театральное училище в Москве. Если ты приедешь ко мне, так чтобы нам вместе 5 августа выехать в Москву, я тебе его покажу проездом в Воронеже. Ну, устал смертельно. Пиши мне. Прости за слог, три часа утра. Целую ручки Ольги Андреевны.

Твой А. Сумбатов».

Молодому актеру-любителю, застенчивому провинциалу, повезло. Его страстные мечты были поддержаны одним из самых выдающихся и чутких представителей русского театра, разглядевшим свежесть, красоту и сердечность его таланта.

Алеша Буйнов, который поощрял мечты своего друга о театральном училище, растерялся, когда прочитал письмо Южина, когда понял, что мечты эти осуществляются. «Как же так? Если ты решишься ехать, тебе придется все бросить — и службу, и дом...».

Остужев побежал к своему непосредственному начальнику, инженеру Лаппо-Данилевскому. Его сестра работала в Александринском театре. Он знал авторитет и значение Южина. Когда он прочел этот замечательный в истории русского театра документ, он иными глазами посмотрел на Остужева. Он увидел его будущее, он обнял его и расцеловал: «Дорогой мой, я очень рад и счастлив за вас. Хорошо, что вы ко мне сразу пришли. Вам надо немедленно ехать в Москву. Пишет вам большой человек. Вы завтра же уедете. Вам придется держать экзамен в театральное училище. Я вам даю двухмесячный отпуск с сохранением содержания и бесплатный про-

езд в Москву и обратно. Если все удастся, оставайтесь в Москве. Если не выйдет, возвращайтесь, — будем работать, как работали до сих пор».

Дома письмо Южина вызвало другое отношение. Начались отговоры, жалобы, угрозы. Отец говорил, что актеры — пропащие люди, люди ненадежной профессии. Разве можно бросать постоянный кусок хлеба, который в руках? Мать плакала. Когда сын рассказал про свой разговор с Лаппо-Данилевским, отец и мать смирились.

Провожали Остужева ближайшие товарищи. Алеша Буйнов, такой же бедняк, как и его друг, вынул из жилета вороненые свои часы и на прощанье отдал ему. Стоял светлый день золотой осени. Остужеву был 21 год.

5

А. И. Южин встретил Остужева очень приветливо, сразу усадил его за обед и послал за А. П. Ленским, который жил рядом. Остужев, попав в необычную обстановку, в богатый, культурный дом знаменитого актера, чувствовал себя неловко и застенчиво. Растворилась дверь, и вошел очень полный, седой человек, небольшого роста, с чудным, вдохновенным лицом, с необыкновенными громадными глазами, поражающими своей красотой. Ленский подал руку и молча сел за стол. Когда окончился обед, Ленский осведомился у Остужева: «Дружок мой, вы располагаете сейчас свободным временем? Саша, — обратился он к Южину, — я хочу взять его с собой в школу».

Сели и поехали. Остановились перед домом с вывеской: «Императорское театральное училище». Лестница, ковры, радостный визг приветствий, красивые молодые люди во фраках, прекрасные девушки в форменных платьях. Наверху большой зрительный зал, в глубине которого освещенная сцена. Ленский сел на свое обычное место и рядом с собой посадил Остужева. Началась репетиция.

Остужев ничего не понимал. Все, что с ним произошло, казалось прекрасным сном. Во время перерыва появился ка-

кой-то элегантный человек в пенсне и вицмундире, с небольшой аккуратной бородкой. Ленский представил Остужева инспектору училища Черемухину. Прошли в директорский кабинет. Остужеву сообщили, что к экзамену надо приготовить басню и небольшой отрывок из пьесы. Остановились на пьесе Островского «Не в свои сани». Репетиция через день. Остужев с самого приезда в Москву не сомкнул глаз. Утром в день репетиции все лицо его и тело оказались покрытыми громадными красными пятнами. Поднялась температура. Когда его увидели в училище, все ужаснулись. Тем не менее он прочел все, что полагалось, и прочел хорошо. Его признали годным для школы. Группа учеников окружила его, стала поздравлять и восторгаться его голосом. Позвали доктора. Доктор констатировал нервную лихорадку и спросил: «У вас какое-то несчастье в жизни?». — «Нет, не несчастье, а счастье!».

Доктор не мог понять, что бывает лихорадка от счастья.

6

Учителями Остужева в жизни и в искусстве были А. И. Южин, А. П. Ленский и В. И. Немирович-Данченко.

Южин «открыл» Остужева, был его воспитателем, старшим товарищем и другом. Литературные и художественные вкусы Остужева определились под влиянием Южина. Дом его стал родным для Остужева.

Первые месяцы жизни в Москве Остужев голодал. Жил он в студенческих номерах на Никольской и очень плохо питался. Он ходил по черной лестнице к повару третьеразрядного рестораника на Сретенке, и тот отпускал ему обеды с чужих тарелок за 15 копеек. От такой жизни Остужев серьезно заболел. Доктор написал Южину, что его протеже погибает. Южин категорически потребовал, чтобы Остужев ходил к нему обедать. Каждый день к четырем часам он должен был появляться в квартире Южина. Обеды редко сохраняли замкнуто-семейный характер. Они превращались в оживленные лите-

ратурно-театральные беседы и творческие дискуссии. Часто бывали В. И. Немирович-Данченко, П. Д. Боборыкин, М. И. Чайковский, почти ежедневно бывал А. П. Ленский.

7

Ленский вдохновлял всю школу, с чрезвычайной бережностью пытался вызвать наружу все скрытые в каждом человеке возможности. Школа его боготворила. Редко кто-либо отсутствовал на его репетициях. Он не боялся показывать, часто увлекался и начинал сам играть. Это увлекало учеников, но не лишало их творческой самостоятельности. Глаз Ленского застигал их всюду. Атмосфера сердечной доброты и творческого воодушевления была тесно связана с величайшей требовательностью и строгостью руководства. Школьные годы пролетели стрелой. Остужеву они достались легко — в школе он был на виду. В конце первого года школьных занятий он стал уже выступать в Малом театре.

Ленский был первоклассным организатором. Он с большой смелостью ставил и разрешал крупнейшие вопросы производственно-творческого порядка. Он первый в истории русского театра практически разрешил вопрос о творческой нагрузке актерской молодежи. Он добился организации в Малом театре утренников, в которых он занимал молодежь театра и учеников театрального училища. Одни получали работу, необходимую для их нормального творческого роста, другие получали сценическую практику. Но и этого было мало для полного разрешения вопроса — нужно было получить лишнюю сценическую площадку, нужно было организовать особый молодежный театр студийного типа. По настоянию Ленского, директор императорских театров Теляковский купил бывший Шелапутинский театр, хорошо его отремонтировал, сделал отличную сцену и прекрасные уборные и предоставил помещение Ленскому. Так возник в 1899 г. Новый театр. В этом театре, бывшем, по существу, студией Малого театра, играла образованная

Ленским группа из молодых актеров Малого театра и актерской молодежи, только-что окончившей театральное училище.

Остужев впервые ступил на сцену Малого театра в небольшой выходной роли в «Воеводе» Островского. Остужев выступал и в других спектаклях утренников. В «Горячем сердце» он изображал одного из пьяных мастеровых (ноябрь 1897 г.). Роль казалась трудной. Грим, костюм, все поведение персонажа было найдено самостоятельно. На одной из репетиций был Станиславский, отметивший активность творческой фантазии молодого актера. На выпускных экзаменах Остужев играл Незнамова в «Без вины виноватые» и Жадова в «Доходном месте». Окончил училище блестяще и в 1898 г. был принят в Малый театр. Одновременно в 1899 г. состоял актером Нового театра. Мечты Остужева осуществились. Перед ним была открыта дорога.

В Новом театре господствовало радостное возбуждение. Спектакль сменялся спектаклем. Сезон открыли «Ревизором», потом поставили «Лес», «Таланты и поклонники» Островского, «Севильского цирюльника» и «Свадьбу Фигаро» Бомарше. После исполнения своих ролей в Новом театре молодые актеры перебегали через Театральную площадь в Малый театр и там выступали в выходных ролях.

В «Лесе» Остужев играл роль Буланова. После исполнения этой роли, получившей очень хорошие отзывы, Остужеву стали давать более значительные роли на большой сцене Малого театра. В «Эгмонте» он играл Фердинанда, сына герцога Альбы (Эгмонта играл Южин). И, наконец, получил первую большую роль, в которой он творчески нашел самого себя, — роль Ромео в бессмертной трагедии Шекспира. В роли Ромео Остужев выступил 18 октября 1900 года. Это его первая этапная роль.

8

Для Остужева началась замечательная жизнь. Репетиции утром и вечером.

После репетиций, запершись в школьной аудитории, обложив себя тетрадками и книгами о Шекспире, Остужев систематизировал впечатления прошедшего дня. Он особенно старательно выписал свою роль, оставив чистые страницы против текста для цитат, литературных и исторических комментариев, указаний Ленского. Он рылся в книгах, слыхал переводы, делал выписки. Раз как-то сидел в аудитории и выписывал цитаты. Входит Ленский: «Ты что здесь делаешь, мой дружок?». Остужев ответил, что он работает над комментариями к «Ромео». Ленский горько и сочувственно улыбнулся. «Самые злейшие враги Шекспира, — сказал он, — это его комментаторы. Зрелый человек не может все читать без разбора. Он должен иметь свою точку зрения, а не усваивать чужие точки зрения. Книги закрой. Больше верь себе. Комментарии мешают творческой сосредоточенности».

Ленский поручил роль Ромео Остужеву потому, что из всех молодых актеров тогдашнего Малого театра он отличался наибольшей пылкостью и чистотой. Образ Ромео в исполнении Остужева — это мелодическая, лирическая песнь о счастье и о гибели счастья. Остужев сумел передать в этой роли прежде всего победоносную, ликующую молодость.

Он показал благородство и энтузиазм доверчивого веронского юноши, весеннюю свежесть его чувств, наивную чистоту его отношения к миру. Ленский заботился всегда о содержательности и выразительности глаз актера. Он с восторгом повторял фразу Самойлова: «Молодость и старость, батенька, не в коже, а в глазах». Он мог бы прибавить от себя: и в голосе. Юный Остужев имел изумительный, певучий голос. Живую трепетность и правду чувства, обаяние молодости он передал глазами и голосом.

Весной 1900 г. Остужев играл роль Кассио в «Отелло» с Томазо Сальвини. Великий трагик был радостно поражен голосом и музыкальностью молодого актера. Сальвини играл Отелло. На репетиции, когда Остужев заговорил, Сальвини спросил В. А. Нелидова, чиновника особых поручений при конторе

императорских театров: «Кто этот актер? Он не из певцов? Какой замечательный тембр голоса у этого человека! Ему многие певцы позавидовали бы». Голос звучный, прозрачный и ясный, прекрасного бархатного тембра и юной напевности, был выражением чистоты помыслов и чувств молодого актера. Если молодость в пламени глаз и в свежей прозрачности голоса, то Остужев донес свою молодость нерастраченной до наших дней.

Остужев тех дней (38 лет тому назад!) был полон светлых надежд и страстных мечтаний. Молодость и счастье были в его руках. Вот он и сыграл победу и счастье, сыграл молодость, упоенье жизнью и страстью.

Это была победа актера и победа его благородного учителя. Это было серьезное вступление в искусство крупного и своеобразного актера. Но тупые и бездарные тогдашние газетные рецензенты ничего не увидели и ничего не расслышали.

9

В 1901 году, весной, Остужеву пришлось на год уйти из Малого театра и поступить в театр Корца.

В Новом театре, во время окончания «Свадьбы Фигаро», в которой Остужев играл Альмавиву, когда актеры раскланивались публике, среди шума аплодисментов один из актеров, стоя рядом с Остужевым, позволил себе сделать гнусное замечание по адресу человека, которого Остужев ценил выше всех. Остужев с трудом сдержал себя на сцене. Подавляя в себе ярость, он прошел в уборную к обидчику и потребовал, чтоб тот, если он не трус, повторил те слова, которые он только-что произнес на сцене. Как только тот начал свою фразу, Остужев бросился на него и повалил его на пол. Когда тот попытался встать, Остужев снова так ударил его, что он снова упал и начал звать на помощь. Прибежали люди и с трудом спасли наглеца, хотя он был гораздо старше, крупнее и сильнее Остужева. В гневе, как у Отелло, страсть у Остужева затемняет рассудок. На сле-

дующий день чиновник особых поручений Нелидов вызвал Остужева в контору и предложил ему подать в отставку. «Вы избили артиста императорских театров. По статуту императорских театров, это очень серьезный проступок» — сказал Нелидов. «А по моему статуту, — возразил Остужев, — я обязан был немедленно разбить ему физиономию».

Как только стало известно, что Остужев уходит из Малого театра, Н. Н. Синельников немедленно прислал ему записку: «Не заключайте контракта ни с кем до переговоров со мной. Синельников». Потом явился лично и предложил службу у Корша. Остужев запросил мнения Ленского и Южина. Оба советовали ему дать согласие.

В театре Корша Остужев пробыл один сезон. Он много играл, был занят каждый день, успех был великолепный, но работа творчески была малопродуктивной. Остужев у Корша сыграл Роберта в «Чести» Зудермана, Фердинанда в «Коварстве и любви», Алешу в «Детях Ванюшина», Бориса в «Грозе». Участвовал в совершенно невероятных пьесах, вроде «Измаила». В свой бенефис играл Мелузова в «Талантах и поклонниках».

В 1902 г. дирекция Малого театра пригласила Остужева вернуться. Малый театр переживал в это время большой упадок. Пьесы не делали сборов, театр не посещался, печать подсчитывала неудачи и провалы. Кризис старейшего русского театра, обладавшего колоссальными творческими ресурсами и сохранявшего в лице живых своих представителей ценнейший опыт многих поколений русского актерства, объяснялся беспринципностью и бездарностью бюрократического руководства.

10

Остужев за 40 лет своей сценической работы сыграл много ролей. Многие из них носили экспериментальный характер, характер пробы сил. Для творческого развития Остужева они не прошли бесследно, они дали ему большой сценический опыт и более правильное

представление о своих возможностях. Но основной поток созданных им образов вытекает из роли Ромео. Лирико-героический характер его дарования и гуманистическая его направленность нашли свое выражение и в роли Чацкого, и в роли Кассио, и в роли Фердинанда («Коварство и любовь»), и в роли Жадова («Доходное место»), и в роли Незнамова («Без вины виноватые»), и, наконец, в роли Карла Моора («Разбойники»). К ним примыкает Фиеско и Альбер («Скупой рыцарь»). Это — одна линия, одна дорога. Хлестаков был отклонением от этой дороги. В пути были приобретены новые качества, новые свойства. К ликованиям жизненных сил присоединились кóты скорби, в победоносную мелодию молодости ворвались аккорды страдания. Борьба стала напряженнее, протест против страдания и раздавленной жизни приобрел силу и глубину трагического величия. Остужев поднялся до высоты двух своих этапных образов — образа Освальда в «Привидениях» Ибсена и Отелло.

Образ Отелло вынашивался с ранних лет. Когда в детстве Саша Поляков читал эту трагедию, Остужев запомнил из всех действующих лиц одно — Отелло и запомнил навсегда.

Через много лет он увидел шекспировскую трагедию в театре. Это был, однако, не тот Отелло, который запомнился в детстве. Вместо трогательного, страдающего, задушевного образа он увидел устрашающего зверя и убийцу. Было не жалко, а страшно. Нет, о таком характере не стоило думать. Он стал мучительно мечтать о подлинном Отелло, о страдающем герое, о несчастье сильного человека.

Когда он служил на железной дороге, его однажды командировали на месяц на ст. Глубокое, Воронежско-Ростовской ж. д. Кругом этой станции беспредельные поля, засеянные рожью и пшеницей. В железнодорожном магазине Остужев познакомился с молодым рабочим, увлекавшимся боем перепелов. Оба со страстью занялись этим делом. Ловили перепелов сетью. Во время этих перепелиных охот, бродя по полям,

Остужев учил монологи Отелло и Уриеля Акосты по книжечкам «Дешевой библиотеки» Суворина. Он ходил по дорожкам, жестикулировал и наслаждался, приводя в изумление своего товарища.

В театральном училище, помимо работы над Островским и Мольером, Ленский заставлял учить отрывки из «Отелло».

Остужев очень интересовался всеми исполнителями этой роли. Он видел в этой роли Сальвини, Мунэ Сюлли, Южина, Дальского, Адельгейма, Дарского. Ни один из них, однако, не произвел того впечатления, какого жаждала душа. Самые большие актеры великолепно декламировали, пользовались трагическими, широкими жестами, показывали походку тигра, прекрасно рычали, но никакого удовлетворения не давали.

Когда в Малом театре Остужеву предложили сыграть Отелло, он не сразу согласился. Он начал думать о задачах работы, старался понять, почему исполнители роли Отелло, как общее правило, обычно не дают удачного образа. Он пришел к выводу, что объясняется это просто. Исполнители показывают генерала, война, тигра, а о человеке забывают. Остужев постарался забыть все, что он видел, и когда это ему удалось, он безумно обрадовался — расчистилось поле для работы.

Остужев с трепетом ожидал знакомства с С. Э. Радловым, постановщиком и режиссером спектакля. Примет ли он его трактовку? Предлагался новый перевод трагедии — А. Д. Радловой. Остужев очень привык к Вейнбергу, его стилю, его певучести. Но перевод Вейнберга мешал намерению показать просто, обыкновенного человека; он был напыщен. Перевод Радловой был удобнее, он помогал очеловечить образ. И Остужев без колебаний принял новый перевод, более соответствовавший его замыслу.

На читке впервые провел свое намерение. Поборол свою застенчивость и безумное волнение и прочел первый акт по-новому. Радлов был удивлен, он ожидал другого. То, что предложил ему

Остужев, было не только исключительно оригинально, это была та благородная простота, та свобода, которая требуется трагическим образом, о которой он сам мечтал, это было глубоко и волнующе-высоко, это была настоящая трагедия. Одобрение окрылило Остужева. Он начал работать — с января 1935 г. — над выделением человеческой сущности в образе Отелло. Забыть прежний текст, освоить текст Радловой было трудно. В течение всего лета на Истре готовил он монологи Отелло. В сентябре начались первые репетиции на сцене. С каждой фразой, монологом и жестом Остужев приближался к тому, что наметил. Чем дальше актер вживался в образ, тем яснее становился окружающим его замысел. Они видели, что здесь не война, а трагедия доверчивости, трагедия большого доверчивого ребенка.

Определяющее влияние на новую трактовку образа Отелло оказала эпоха пролетарской революции. В газетах волновали заметки о расовой ненависти фашистов, о судах Линча, о преследовании негров в Америке.

Перед глазами Остужева была судьба негритянских юношей в Скоттсборо. Много думал он о трагедии бесправия, трагедии отвержения человека, трагедии неполноценности. Когда он трудился над монологом в сенате, в котором Отелло так по-детски искренне рассказывает свою жизнь, ему чудилось, что патетика этой речи должна исходить от наших событий, от содержания нашей борьбы. Ему казалось, что Отелло в сенате не все сказал. Когда он рассказывал о своей жизни, о своем прошлом, о своих чувствах Дездемоне, то ей он говорил все. Но в сенате он о многом умолчал. Может быть, его отец или брат были засечены кнутом насмерть; может быть, он сам пережил рабство. От Дездемоны он не скрывал обид и унижений, пережитых в детстве, он ей верил вполне и до конца. Такие предположения влияли на ход работы, способствовали раскрытию образа. Чем больше думал Остужев над образом, тем более уходил от доспехов, шлемов и военной бутафории той эпохи.

Первая тема остужевского *Отелло* — тема неполноценности, бесправия, угнетения. Вторая тема его *Отелло* — тема одиночества. Остужев невольно обратил внимание на абсолютное одиночество *Отелло*. Вокруг него нет близких людей: те, кто притворяется другом, — предатели. Одна *Дездемона* прорывает этот трагический круг одиночества, но и с этим утешением *Отелло* принужден проститься. Была мысль: не завести ли какую-нибудь обезьяну в качестве друга? Кому-то ведь надо пожаловаться. «Ведь надо же, чтобы человеку было куда пойти». Мысль об одиночестве помогла увидеть под более широким углом зрения человеческие чувства *Отелло*. Эта мысль была решающей. В *Отелло* Остужев играл трагедию неполноценности и одиночества.

Третьей темой остужевского *Отелло* была тема возможности доверять людям, тема о доверии, о доверчивости. Если нельзя никому доверять, если нет честных и чистых людей, которым можно вверить свою честь, свою жизнь и свое дело, тогда невозможно и жить.

Из развития этих трех тем выросло ощущение образа *Отелло*. Остужеву хотелось вложить в грудь *Отелло* все скорби мира, все страдания обездоленного человечества. Он сильный, мужественный, большой человек. Хладнокровием, уверенностью, волей он иногда подавляет в себе голос крови, крик чувства. Он — закаленный человек, полководец, честный работник. Но он — наемник, специалист, профессионал, не идейный сторонник и патриот Венецианской республики. *Дездемона* полюбила его и за бранный труд, за подвиги, и за муки, за боль личного чувства. «Дела *Отелло* — вот его лицо» — говорит *Дездемона* перед сенатом. Родриго говорит про *Отелло*: «Бездомный, всегда чужой». Благодаря бранной жизни он никогда не был по-настоящему знаком с женщиной, никогда не переживал настоящей любви к женщине. Он впервые увидел прекрасную женщину и впервые полюбил. *Дездемона* для него — новый

мир, новая вера, его надежда на жизнь, оправдание жизни, все. «Я люблю тебя, — говорит *Отелло*, — а если разлюблю, вернется хаос». Женщина, которая была олицетворением верности, правдивости и чистоты, безупречное небесное создание, оказывается вероломным, живым и грязным. Этого перенести нельзя. Мужественная воля, убедившись в наличии зла, обязана его уничтожить. Но тогда и самому не остается воздуха для жизни.

Таков замысел Остужева, его подход к образу *Отелло*. Из замысла вытекал психологический рисунок роли. В замысел художника входило дать самое сильное выражение горя, которое переживается великим и мужественным человеком в обществе угнетателей. Слезы такого человека страшны. Страдания такого человека невыносимо тяжки.

11

Остужев показал в *Отелло* великий, целостный человеческий характер с силой и глубиной, каких давно в театре не звучало. Остужев показал самого обыкновенного человека, но в нем показал величие. *Отелло* Остужева великодушен, благороден, полон человеческого достоинства. Это — открытый, прямой, простодушный, детски наивный, доверчивый и непосредственный человек с юной пылкой душой и детским ясным сердцем. Никакой необузданности, звериной ярости, стихийной биологичности в нем нет и в помине. Остужев глубоко понял слова Пушкина: «*Отелло* не ревнив, он доверчив». Он воплотил эти слова в живом образе. Он сыграл в *Отелло* не ревность, но любовь к человеку и женщине, гибель веры в человека. Он хочет верить людям, он доверяет им, он верит в их благородство, честность и чистоту, потому что он сам благороден, честен и чист. Он не способен на бесплодный скептицизм, эта глубоко верующая душа. Он легко ошибается в людях, так как их идеализирует, видит в них только самые лучшие стороны, доверяет их порядочности. Он не подзревает, он не может допустить, чтобы человек, дружески к нему расположенный, был спо-

собен на ложь, на обман, на вероломство, на подлость. Как же жить с людьми, чем же оправдать жизнь, если самое чистое и прекрасное существо его предает, его обманывает, ему лжет? Он до конца спектакля сомневается, что это так, он до конца продолжает в глубине своего существа сохранять веру в возможность невинности и чистоты. Даже тогда, когда его душой овладевает святой гнев, когда в нем разрушена и поругана вера в человека, волны нежности и любви неожиданно в нем возникают и заливают теплом его безумную, мятущуюся душу. Он должен искоренить зло, вырвать с корнем вероломство и измену. Он не может простить поругания веры в человека. Но он совершает свой страшный суд с тревогой и предельным страданием, он убивает не только любимую женщину, он убивает любовь, чистоту, свою веру в человека, убивает себя и право человека на жизнь. Его сердце не знает зависти, вражды, мести, ревности, злости. Остужев с гневом разрушил это пошлое, вульгарно-обывательское представление об Отелло. Сердце Отелло девственно-нежно и доверчиво-открыто, но оно загорается от гнева и негодования, оно вспыхивает от ненависти и беспощадности, когда покушаются на его «святое святых» — на его веру в человека. Такого Отелло показал нам Остужев, и в этом его величайшая заслуга перед Шекспиром и социалистическим театром.

Вот он появляется в первом акте перед венецианским сенатом. Пожилой человек с благородной и гордой осанкой, спокойный, сосредоточенный и мягкий. Что-то грустное в его манере прислушиваться к тому, что говорят, в его задумчивой, сдержанной улыбке. В каждом жесте необыкновенное благородство, мягкость, нежность. У него легкая, юношеская походка. Он словно порхает. И одновременно ступает твердой и уверенной поступью. В ответ на обвинения Брабанцио он закрывает лицо руками — жест, неоднократно повторяющийся, потому что Отелло Остужева хочет защититься от надвигающейся на него волны грязи, хитрости, вероломства и лжи. Когда он приступает к рассказу о том, что

он обрел любовь у «милой госпожи», голос его начинает звенеть страстью и восторженностью влюбленного человека. «Ее отец любил меня и звал» — Остужев делает при этих словах благородный, крайне выразительный и красноречивый жест в сторону Брабанцио. Когда он перечисляет свои странствия и путешествия, жесты его приобретают округлость, начинают рассказывать и лирически звучать. Я бы сказал, что Остужев начинает жестами описывать события и выражать чувства. Это — эпические и лирические его жесты. Голос приобретает певучую нежность и гибкость, когда он обращается к Дездемоне. Он глядит осторожно руки Дездемоны. Он веряет ей свою честь и судьбу. Он раскрывает ей свою душу. Мы видим открытый и великодушный характер, благородную простоту, детскую доверчивость по отношению к политикам и врагам. И какое врожденное достоинство: «Мой честный Яго!», «Порукой жизнь моя!».

Во втором акте, в сцене прибытия на Кипр, — та же легкая, грациозная, невинная походка счастливого человека. Отелло появляется на острове, когда война уже закончена и турецкий флот разбит его союзником — морской стихией. Он щедро одарен славой, любовью, счастьем. Он не ценит военную славу больше любви. Он весь светится радостью и ликованием от встречи с Дездемоной. Он нежно ее целует и осторожно поддерживает на лестнице. В красном плаще и в голубом головном уборе, он отвешивает земной поклон своей госпоже и владычице.

С потрясающей психологической силой и яркой живописной изобразительностью Остужев проводит сцену укрощения драки. Он — в черном восточном костюме, вышитом золотом. Дездемона проснулась от шума столкновения. Он полон досады и гнева и с колоссальным трудом сдерживает ярость. «Сейчас мой разум подчинится крови» — говорит он медленным голосом, пытаясь сдержать крик. «А если двинусь я иль руку подыму, падет любой из вас от гнева моего». Он подчиняет буйство крови и яростную страсть своему твер-

дому, волевому разуму и делает это с таким страшным напряжением, что все понимают, как ужасен может быть его гнев. При словах Монтано он в гневе сгибает пополам клинок сабли, и этот жест всех повергает в ужас. Он красноречивее слов передает угрозу. Это — борьба с самим собою и убедительная демонстрация угрозы.

В третьем акте открытая и доверчивая душа Отелло сталкивается с первыми припадками сомнения. В начале акта Отелло еще весь во власти своего безоблачного счастья. Он гладит руки Дездемоны, кладет доверчиво свою голову на ее колени, ласкает их. Когда она уходит, гладит ее лицо, словно хочет осязанием убедиться в прочности и верности своего счастья. Потом простирает вослед ей руки.

Яго пытается расшатать его доверие к Дездемоне, медленно вливает в его сознание капли яда. Яго трудно победить эту веру, это доверие. Когда Яго говорит, что везде видит обман («Из'ян мой души — искать везде обман»), Отелло делает машинально протестующий жест. Он смотрит испытующим взглядом в глаза Яго. Он смеется над слепой яростью крови: «Ты на козла меня сменяй, тогда отдам я душу пустым и вздорным подозрениям». Разум торжествует над кровью в последний раз. Но сомнения уже начали терзать его. Он проверяет руками и глазами истину, ощупывая лицо и Яго. Когда понимает, весь вспыхивает и становится страшен. Он хватается за раненное сердце, выходит на авансцену и с невыразимой мукой и жалостью к себе, жалобным дегским голосом, с отчаянием и болью произносит, почти кричит со слезами в голосе: «Черный я?!». При этом он трогательно бьет в досаде ладонью о ладонь и протягивает руки вперед, навстречу судьбе.

В этих словах такая боль, в этом жесте такая жалоба, что весь театр вздрагивает от сострадания.

Отелло — Остужев впервые не может вынести прикосновения к себе Дездемоны. Он пытается защититься от разрушительного хаоса. Он глядит ей в глаза, отворачивается и снова глядит. На лест-

нице он переводит глаза с Дездемоны на Эмилию и обратно, внезапно оглядывается на Эмилию, словно догадываясь о чем-то, что-то постигая. Он ощущает рукой лицо Дездемоны, как слепой, пытается прочесть правду в ее глазах. Борьба между уверенностью в чистоте Дездемоны и сомнениями в ее верности тонко передана в интонациях, то грустных и нежных, то грубых и беспощадных. Он еще сопротивляется подозрениям, но мир уже для него расколот, он уже не знает, где истина и когда человек бывает сам собою. Остужев с громадной силой показывает падение человека, который, после ликующего упоения счастьем и любовью, после гордого величия, падает на дно мелких страстей и катается с Яго по полу в отчаянной и обидной схватке. Отелло сразу весь вспыхивает. Походка становится тяжелой, страшно трудной. Это — совсем другой человек.

В четвертом акте Отелло весь во власти подозрений и сомнений. Тяжелая походка, красные, воспаленные глаза. Неужели мир — это обман, подлость, лицемерие, предательство? Как найти критерий человеческой искренности и честности? В изнеможении горя он кричит: «Смеешься ты?». В этом крике у Остужева — и жалоба, и горечь, и угроза. Он виртуозно проводит гениальную сцену со слов: «Как я убью его, Яго?». Яго блестяще разыгрывает Отелло. Но он не рассчитывал найти в сердце Отелло столько любви и нежности к Дездемоне. Отелло совершенно внезапно испытывает прилив бесконечной жалости к этой несчастной, бедной, запутавшейся женщине, которая ему так глупо изменила, с таким недостойным и пошлым чело- веком, как Кассио. Поведение Кассио по отношению к Бианке он принимает за его отношение к Дездемоне и возмущен его низостью. «Мне хотелось бы десять лет подряд его убивать». И после этих припадочно-гневных слов Остужев — Отелло мечтательно-иронически произносит: «Прелестная женщина!». Потом — тоном утверждения непрерываемой действительности: «Красивая женщина!». И наконец, побежденный воспоминаниями, нахлынувшими внезапно, покорный

и грустный, он тихо добавляет: «Нежная женщина!».

Похваляясь своим каменным сердцем, он произносит с бесконечной грустью: «О, во всем свете не было прелестнее существа». После этого — снова грубые и гневные слова. И снова победное констатирование: «У ней такой высокий, такой богатый ум и воображение». Голосом бесконечной жалости, грусти и нежности, с величайшей человечностью, Остужев тихо произносит: «О, Яго, как жаль, Яго!». Это — самые сильные слова Остужева в роли Отелло. Их можно поставить рядом только с непревзойденной горечью слов: «Черный я?!». Вся жалость к себе и к Дездемоне сконцентрирована в этих словах. В них весь Отелло, его человеческая сущность! Пусть злоба и ненависть тотчас побеждают жалость. Но мы видели душу Отелло: она была близка к слезам и прощению.

Актер донес эту сущность Отелло с величайшей выразительностью, с потрясающей, возможной в театре, лирической силой.

Отелло подвергает Дездемону беспощадному допросу. Он должен знать истину! Он берет в руки голову Дездемоны, со слезами и пытливостью глядит в ее глаза: «Мне в глаза глядите! Смотрите прямо». «Кто вы?» — с тоской и мукой спрашивает Отелло. Он не выдерживает жестокости, он срывается, слезы заполняют его глаза. Отелло снова — большой, несчастный, насмерть обиженный ребенок. Дездемона его утешает, как мать. Он жалуется на судьбу. Он способен вынести все муки и все унижения, гибель всех надежд. Но, чтоб быть изгнанным из сердца Дездемоны, которое было высшим прибежищем чистоты и истины, — этого он перенести не может. «Но здесь, где сердце я сберег, где должен я жить или жизнь не вынести, источник, откуда жизни должен течь поток... быть изгнанным отсюда!». Из этого сознания вспыхивает безумная ярость, гнев и горечь.

Тогда Отелло переходит к оскорблениям: «Как, и не шляха вы?». Рыдая, Отелло — Остужев закрывает голову плащом и занавесью, что-

бы спастись от страшной действительности.

Все самое ужасное пережито. Вера в человека поругана и разбита. Смерть Дездемоны уже не может быть ужаснее. Перед убийством Отелло упивается сладким дыханием спящей Дездемоны. Он нежно целует ее. Он плачет и утирается плащом. Но простить он не может. Он «карает то, что любит». Он убивает потому, что любит. Остужев страшен и трогателен в момент безумного убийства. Величайшая заслуга артиста в том, что он донес сомнения и лирику любви Отелло до конца трагедии. Донес и его детскую душу. Когда раскрывается обман, нет предела отчаянию и страданию Отелло. Он плачет уже последними слезами, и к небу несется вопль истерзанного, умирающего сердца: «О, Дездемона! Мертвая! О, о!».

Таким показал венецианского мавра актер Остужев. Эта роль — не только лучшая его работа, вершина его мастерства, но и одно из образцовых произведений русского классического актерского искусства. Поэт возвышенного, художник, с громадной силой выражающий протест против мещанской действительности и мечту о совершенном человеке, художник великих страстей и исключительных положений, романтический художник по своему существу, в образе Отелло сумел сочетать чрезмерность чувств с мудрым, почти математически точным расчетом каждого жеста, каждой интонации и каждого движения, т.-е. с качествами классического художника. Остужев показывает все оттенки в выражении горя и страданий. Остужев показывает все оттенки в выражении любви и ненависти. Изображая клокочущую бурю страстей и чувств в своей груди, бешеный хаос в сердце, мятежный огонь, охватывающий пожаром все его существо, он, как искусный механик, управляет этой бурей, этим хаосом и этим огнем и заставляет действовать каждую из эмоциональных стихий по своему замыслу и директиве. Остужев достигает вершин мастерства в использовании своего огромного, исключительно чистого и звонкого в верхах, певучего, про-

зрачного голоса. Он дает все оттенки и переходы в интонациях. К каждому из окружающих у него особый тон, своя нота. Мелодическое богатство и интонационная гибкость его голоса достигают высоты виртуозности. Тонкость и прозрачная ясность рисунка роли является выражением не одного мастерства, но глубокой человечности и душевной правдивости художника. В образе Отелло нет ни одной неоправданной детали. Вся роль и вся пьеса им продумана до мельчайших подробностей, и все подробности оправданы идеологически, психологически и этически. Я говорю: и «этически», потому что Остужев в Отелло решал не только вопрос искусства. В Отелло он, как подлинный большой художник, решал вопрос жизни, разрабатывал главную тему своей творческой биографии и своей человеческой жизни. Тема об Остужеве, это — тема о гуманизме.

12

Всю жизнь Остужев занимался вопросом: как так сделать, чтобы спасти человека от боли, горечи, страдания? Борьба со страданием — главная, генеральная тема его творческой работы. Ему казалось, что если изобразить страдание с предельной правдой, с предельным сочувствием к страдающему человеку, то страдание в какой-то степени будет преодолено. В Отелло Остужева, глубоко человеческом и потрясающе-правдивом, в гуманистическом Отелло Остужева — слишком много жалости. Жалость в нем часто перевешивает мобилизационную готовность духа, волю, черты борца. В этом вся суть.

Гуманизм заключается не в том, чтоб пожалеть несчастного, замученного, страдающего человека, не в том, чтоб плакать над ним и утешать его, гуманизм заключается в том, чтоб найти самые действенные средства для избавления его от страданий, эксплуатации, гибели и вырождения. Гуманизм заключается в суровости, непреклонности и беспо-

щадности борьбы, в мобилизационной готовности духа. «Только жалость, это очень обманное чувство, — говорит Горький, — пожалет человек, и кажется ему, что он уже сделал все, что может и что надобно, да, пожалев, и успокоится. Кладбищенское это чувство — жалость, оно достойно мертвых и, как все, — безвредно для них, живым же и обидно и вредно»¹.

Социалистический гуманизм любовь и внимание к отдельному конкретному человеку соединяет с непреклонной волей к победе над врагами человечества. Пощады к смертельным врагам он не знает. Он призывает не к тому, чтобы быть всегда готовым умереть. Он призывает к готовности победить. Он заинтересован в чистоте и правильности целесообразного политического действия.

В трактовке образа Отелло Остужев еще полностью не воплотил того героического гуманизма, сущность которого он так глубоко понял в последнее время. О таком понимании свидетельствуют выступления Остужева в печати по вопросу о героическом. Эти замечательные статьи должны еще получить свое выражение в творчестве Остужева. В статье «Мысли о героическом» Остужев пишет:

«Имя Сократа, как имя великого мученика за правду, волновало меня еще с юных лет... Величайший образец непоколебимого человеческого мужества... Героизм я воспринимаю, как проявление высокого духовного и нравственного строя человека, отдающего себя целиком и без остатка служению идее добра... Сейчас я ощущаю мир, — говорит Остужев, — пришедшим, наконец, после тысячелетий в свое нормальное состояние. Сейчас я ощущаю человеческий героизм как бы разлитым повсюду в воздухе, которым я дышу... Иногда мне хочется ничего не говорить на сцене, ничего не играть, вообще, перестать быть актером, а взять в руки кайло или винтовку, стать у станка, чтоб присоединить свои усилия к уси-

¹ Горький, Собр. соч., т. XI, стр. 365. 1933.

лиям моего народа и слиться вместе с ним в одном героическом порыве... Природа героизма нашей социалистической страны — в действительности, в напряженной целеустремленности, в предельной мобилизации всех физических и моральных сил человека в борьбе за коммунизм. Подлинный герой тот, кто отдает себя целиком на служение идеалам будущего»¹.

В статье «Велик гнев нашей страны», по поводу процесса «правотроцкистского блока», Остужев пишет: «Каждый человек, который с гордостью ощущает себя сыном великой социалистической родины, испытывает жгучее чувство гнева при мысли, что в нашей стране могли долгое время орудовать эти профессиональные убийцы, отравители, бандиты...

Органы советской разведки выполняют величайшее дело социального и морального оздоровления нашей страны, очищая наше общество от тех двуликих предателей, которые сумели, надев на себя личину друзей, проникнуть в наш стан»².

Таким языком может писать только человек, который понял природу социалистического героического гуманизма, который понял, что главными его признаками являются: мужественность и непреклонность в борьбе, воля к победе и беспощадность к врагам народа, к врагам человечества.

13

Напрасно Остужев думает, что героизм и мужество могут проявляться только у станка или на границах нашей страны. Напрасно ему хочется перестать быть актером. Можно проявить величайший героизм и мужественность также и в работе актера. Примером такого высокого героизма и благородного мужества является творческая работа народного артиста СССР—актера Остужева.

Не многие знают, что этот замечательный актер с незабываемо-красивым,

певучим и прозрачным голосом, удивительным и редким по своей чистоте и музыкальной мелодичности, лишился слуха 30 лет тому назад, что большинство своих лучших ролей он создал, будучи совершенно глухим. Это кажется невероятным, но это так. Исключительная, феноменальная память, страшное напряжение нечеловеческой воли, умение вполне владеть собой, виртуозно-развитое внимание и чуткость к своему партнеру помогает Остужеву создавать роли и работать в спектаклях. Он изучает роль партнера, как свою, он играет в известном смысле за всех, играет с идеальным партнером, неуклонно следит за жестами, мимикой, движением губ, выражением глаз, положением партнера на сцене — и по всем этим данным судит о моменте действия. Когда партнер его по ходу действия должен находиться сзади него, и он его не может видеть, тогда только ему помогает суфлер, — не словом, конечно, а условным мимическим знаком, разрешающим начать реплику. При этом ошибки никогда не бывает, и мелодическая ткань образа безупречна. Профессора-специалисты, после просмотра спектаклей с участием Остужева, с удивлением разводят руками. «Как вы это делаете? — спрашивают они у Остужева. — И чего вам это стоит?».

Когда я впервые осторожно заговорил с Остужевым о его глухоте, он сразу весь ушел в себя, пристально на меня посмотрел и через несколько минут молчания сказал: «Нужно ли об этом говорить? Это страшная вещь... Это страшно подрезает уверенность и дерзость, необходимые для творчества. Я не могу дерзать — у меня подрезаны крылья». И еще через некоторое время очень тихо, с невыразимой мукой он произнес: «Неполноценный я человек! На 100 процентов инвалид для сцены». И я слышу, как жалобным детским голосом, звенящим от боли и слез, Отелло кричит: «Черный я?!».

Не жалость хочу вызвать этим рассказом, — жалеют слабого, — а восхищение человеческой доблестью, гордость за человека, любовь к мужественной красоте его образа.

¹ «Мысли о героическом». — «Советское искусство», 17 апреля 1937 г.

² «Советское искусство», 4 марта 1938 г.

Из переписки А. П. Чехова и О. Л. Книппер

Окончание ¹

★

73. А. П. ЧЕХОВ — к О. Л. КНИППЕР

27 сент[ября] 1903 г. Ялта.

Дусик мой, лошадка, я уже телеграфировал тебе, что пьеса кончена, что написаны все четыре акта. Я уже переписываю. Люди у меня вышли живые, это правда, но какова сама по себе пьеса, не знаю. Вот пришло, ты прочтешь и узнаешь.

Вчера были Михайловский и Панов. Первый много рассказывал, я с удовольствием слушал, второй помалкивал. Потом приезжал Костя. Он, хотя и не согласен с чем то, но повидимому доволен. Михайловский очень мне его расхваливал.

А третьего дня приехал неожиданно твой необыкновенный друг рыжеусый Шапошников. Сегодня он был опять, обедал и после обеда уехал с Машей в Су-уксу, к Соловьевой. Скучен он донельзя, до того, что, слушая его, хочется высунуть язык.

Если бы ты, лошадка, догадалась прислать мне телеграмму после первого представления «Юлия Цезаря»! Вишневый сад я пишу на той бумаге, которую мне дал Немирович; и золотыми перьями, полученными от него же. Не знаю, будут ли от этого какие перемены.

Ах, бедный Володя, зачем он слушает своих родственников! Певца из него не выйдет ¹, а адвокат, хороший и

усердный, уже выходил из него. И почему вас так пугает карьера адвоката? Разве порядочным адвокатом хуже быть, чем петь в театре тенорком в течение десяти лет, по 4.500 р. в год, а потом уходить в отставку? Очевидно, вы понятия не имеете о том, что значит присяжный поверенный, адвокат.

На море качает, но погода хорошая. Панов уже уехал. Он и Михайловский будут на первом представлении «Вишнего сада» — так они говорили.

Шнапу поклонись и поблагодари его от моего имени, что он не напугал тебя, что шея его не исковеркана. Шарик доволен жизнью. Тузик временами впадает в пессимизм.

Тебя пишет Средин? Да, это удовольствие, но удовольствие, которое можно претерпеть только раз в жизни. Ведь ты уже писалась им, Срединым!

Ну, лошадка, глажу тебя, чищу, кормлю самым лучшим овсом и целую в лоб и в шейку. Господь с тобой. Пиши мне и не очень сердись, если я тебе буду писать не каждый день. Теперь переписываю пьесу, стало быть, заслуживаю снисхождения.

Кланяйся всем.

Твой А.

1. Предсказание Чехова не сбылось. В. Л. Книппер (Нардов), заслуженный артист республики, в течение длинного ряда лет работал на сцене, как певец, а в настоящее время — педагог.

¹ См. «Новый мир», кн. кн. 10 и 11 с. г.

74. О. Л. КНИППЕР — к А. П. ЧЕХОВУ

27 сент[ября 1903 г. Москва], утро.

И письмо и телеграмма вчера — какая роскошь! Поздравляю с окончанием пьесы, дорогой мой, половинка моя! Как я счастлива, как я рада! Как бы я тебя целовала и умилялась, если бы была около тебя! Все значит хорошо?

А сегодня снег идет хлопьями, большими зимними хлопьями. По улицам от слякоти нельзя будет ходить. А тебя солнышко греет, сидишь в зелени. А я все мерзну.

Ты ждал от меня телеграммы из Москвы? Дусик, еслиб я только знала, я прислала бы. Но ведь ты презираешь такие зрящие телеграммы и я не хотела доставить тебе неудовольствие и все писала открытки. Ведь ты их все получил? Был ли у тебя Шапошников?

Вчера обедали у меня Иван с Софи. Володя уехал в Лефортово. Жаль, а я ему приготовила сюрпризик, отдала родителям. Иван страшно занят и утомляется. Беседовали оживленно, кушали с аппетитом, ушли они после 7-ми, а я отправилась в театр смотреть черновую репетицию 5-го акта Цезаря. По моему красиво будет здорово. Декорация — поле битвы удивительна. Масса воздуха, даль и как то величаво. Внизу в люке проходят legionеры и видны их головы, шлемы копыя. Ставили палатку Брута — тоже красиво. Под звуки лютни поет Люций — Асланов, мягким тенором, очень музыкально. Поэтично. Музыка Манькина. Жду с нетерпением генераль-

ной репетиции завтра, которая верно продлится с 7-ми до 2-х ночи. Напишу тебе тогда весте.

Шнап грызет зубочистку и заигрывает со мной. Вчера днем я ходила к Зинаиде Сергеевне, сказать ответ о зале, но не застала ее. Шла назад, через Каретный ряд, встретила твоего друга Членова, кот. пошел со мной, говорил о том, что он хочет читать эту зиму. Проходили мимо новой квартиры Алексеевых — там как раз фуры и Егор распоряжается; обрадовался мне и тут же начал умолять, чтобы ты ответил ему на его письмо. Ты ответишь?

Утром вчера разбирала фотографии, стелили ковры. Сегодня попрошу Николашу выбрать мне инструментик, а то скучно без музыки.

Костя верно очень работает, и оттого не был у тебя. А мне это грустно. Хочется, чтобы он бывал почаще у тебя. Я ему еще не писала.

Про Татаринова я уже здесь слышала.

Буду ждать Куркина. Вишневному передам, что велел. С адским нетерпением буду ждать Вишневого сада, и буду смаковать каждое слово. — Кошку я отдала Марьюшке, это ее отрада, а если хочешь привези ее в Москву, я разрешаю.

Целую тебя и обнимаю, ты мой Вишневый сад. Кому кукиши теперь показываешь?

Твоя Оля.

75. О. Л. КНИППЕР — к А. П. ЧЕХОВУ

28 сент[ября 1903 г. Москва] утро.

Здравствуй милый мой, дорогой мой! Видишь — я прилежна пишу каждый день. Как все таки хорошо в этой квартире — есть твоя комната, стол письменный, следы твоего пребывания, мне это приятно. — Снежок лежит на крышах, ноль.

Вчера я слушала чтение Цезаря и очень волновалась. Мне кажется что должно быть красиво. Третьего дня я видела декорацию 5-го акта, вчера слышала чтение — и то и другое мне нра-

вится. Есть простота и величавость. Качалов очень хорошо читал. Каждая фраза точно из свинца отлита, красивая, рельефная. Кассий — Леонидов немного шипит, у Вишневого слышны прежние и обыкновенные его недостатки но за то темперамент искренний. К. С. местами нравится, возьмет красотой и пластичностью. Савицкая немного искусственно тонирует, Бутова неопытна, не понимает что в такой короткой сценке надо дать одну рельефную хорошую ноту а не пестрить интонации. Мне бы хотелось играть Калфурнию. Сегодня смотрю ге-

неральную наконец. Вечером я опять была в театре и видела К. С. уже без усов¹. Помолодел, похож на более молодого Карабчевского, но в общем смешно. Во всей белой голове только две черные брови. Ты будешь закатываться. Днем во время чтения, в перерыве я сообщила о твоей телеграмме и известие было принято аплодисментами. Вишневному передала, что велел.

Сегодня К. С. обедает у меня. Заказала уху с растягачиками, цветн. капушту, ростбиф и шоколад.

Заходил ко мне Толя Средин. Здесь он как-то манерами очень напоминает отца.

Ужасно голо у меня в комнате, потому что нет драпировок. Завтра куплю солдатского сукна и завешаю.

Маклаков просил передать что с земель в Воскресенске все улажено и можно покупать.

А вдруг бы это состоялось?!...

Мимо, читатель, мимо...

Получила от Набгольца целую кипу

фотографий «Дна», только те, где я сама. Приедешь — увидишь.

Скажи чтоб Костя написал мне о своих делах. Я все о нем подумываю. Хочется знать.

Прочти в Театре и Искусстве об'явление на самой последней странице, на обертке, сверху. Посмеешься.

Скажи мамаше, что я ей на днях пришлю свою фотографию, а то у нее нет.

Как ты кушаешь, как настроение? Забор делают? Поправились ли Машины нервы после моего от'езда? Обнимаю и целую тебя, моего дорогого. Псыянс раскладываешь? Дусик мой нежный!

Твоя лошадка.

1. В книге своих воспоминаний «Из прошлого» В. И. Немирович-Данченко отмечает, что Станиславский расстался с усами нелегко и только потому, что Брут, роль которого исполнял Станиславский, с усами был невозможен.

76. А. П. ЧЕХОВ — к О. Л. КНИППЕР

29 сент[ября 1903 г. Ялта].

Необычайная жена моя, хорошенькая, гладенькая лошадка, здравствуй! Пьеса уж окончена, но переписываю медленно, так как приходится переделывать, передумывать; два-три места я так и пришлю недоделанными, откладываю их на после — уж ты извини. Пьесу, по всей вероятности, привезет Маша.

Брат твой опять не показывается. Я кашляю меньше, чувствую себя здоровым, только часто злюсь (на себя) и ем не особенно много, без аппетита. Костюм меняю каждый день, умываюсь по старому, сплю очень хорошо, зубы чищу, мармелад ем.

Вчера вечером пошел дождь, дуся моя, стало хорошо, свежо, тихо. Розы цветут. Вообще никто не бывает. Впрочем была Софья Павловна [Бонье], твоя подруга. А ты стала ходить по театрам? Да еще на пьесы Тимковского? Ведь Пасхалова уже старая актриса, моя ровесница по крайней мере, она играла когда то у Корша; это актриса совер-

шенно провинциальная, неинтересная и я не знаю, почему это так о ней заговорили. Вот еще: она урожденная княжна Чегодаева, жена того господина, который убил Рошкина-Инсарова¹.

Я тебя люблю, дусик.

Если бы здоровье мое поправилось, то я отправился бы куданибудь в дальнее плавание. Это необходимо, ибо дома закинешь, станешь Тимковским.

Скажи Бунину, чтобы он у меня почесался, если нездоров; я его вылечу.

Ну, лошадка, целую тебя в шею и глазу. Ах, если бы ты в моей пьесе играла гувернантку. Это лучшая роль, остальные же мне не нравятся.

Будь здорова и весела, Христос с тобой.

Твой А.

1. Н. П. Рошкин-Инсаров (Пашенный) — актер. Убит был в 1899 г. на почве ревности к Пасхаловой ее мужем, художником Маловым. В воспоминаниях Горького посвящена страничка Малову, как исключительно отгакивающему человеку.

77. О. Л. КНИППЕР — к А. П. ЧЕХОВУ

29 сент[ября] 1903 г. Москва] утро.

Ну-с, смотрела я вчера генеральную Цезаря, но не всю. Дусик мой, дорогой, отчего ты не мог смотреть вместе со мной, чтоб поделиться впечатлениями! Я устала от впечатлений. Просто устала. Я еще не могу разобраться. Знаю одно — удивительная красота постановки, красота, простота, величавость. Когда раздвинулся занавес, когда со сцены хлынула волна южной, живописной уличной жизни, античной, когда проносили великолепного Цезаря, проходила сго блестящая свита — я чуть не завизжала от восторга, от неожиданности впечатления красоты. Все это точно жизнь вдохнули в древность, точно возродили давно погребенную красивую античную жизнь. И это впечатление не покидало меня. Сад Брута, декорации, позы, группы заговорщиков — все красиво и пластично, и это чувство красоты, как-то так много говорит, так захватывает, что я передать не могу. Сцена у Цезаря великолепна. Сенат и форум в особенности последний захватывает. Сенат весь белый, всюду мрамор, белые тоги сенаторов и среди них характерная фигура Цезаря в красной тоге. Ну понимаешь, я просто купалась в чувстве красоты и эстетики. Теперь об игре: Качалов чудесный Цезарь, как изваяние, каждое слово рельефно. Вишневский очень приятный, искренний Антоний, красиво ведет сцену над телом Цезаря и говорит умно на Форуме. Брут — Конст. Серг. отлично говорит речь на Форуме над телом Цезаря, просто красота, а остальную роль по моему слишком задушил голосом, слишком всю смягчил и утратил рельеф, ушел в что-то Гамлетовское и нет римлянина. [...] У Кассия Леонидова — характерная голова и было бы все хорошо, еслибы говорил своим настоящим красивым голосом, а то тоже шипит и напрягает голос. Каска — Лужский не важен.

1-ый акт удивителен: в начале — солнце, праздник, музыка, пляска, цветы, в конце гроза, облака ходят, вихрь, молния, гром, и взволнованный шопот заговорщиков, мелькающие тени. Порция — Савицкая приятна, красива. Калпурния — Бутова нехороша, т. е. для Бутовой это очень много, что она сделала, но для пьесы мало. Дальше Форума не играли вчера. В убийстве Цезаря есть что-то недоделанное что-то не то. Ну, хоть немножко понял из того что я писала? Как мне хочется чтобы ты это увидел поскорее!

Присутствовал Пчельников для цензуры. Была маманя, Мария Петровна, Савва Мамонтов.

Мне вчера так не хотелось идти домой в пустую квартиру после такого возбуждения, такой приподнятости и я долго сидела болтала с М. Петр., Стаховичем. [...]

Между главарями вышло несогласие в совещании после репетиции. Влад. Ив. находит что надо отложить спектакль, т. к. еще многое не готово; а главное антракты убьют. Алекс. Леонид. ни за что не соглашается, т. к. деньги иссякают. Конечно, когда я посмотрю во второй раз — найду недочеты, мелочи, но общее впечатление — чудесно.

Вчера я сидела дома. Обедали у меня Конст. Серг., мама, Ольга Мих., Николаша, пришел д. Саша и на взводе и смешил К. С., который его видел, оказывается, в первый раз.

Не теплеет. Крупа какая-то идет с неба. Гриневский знает в Петровск. парке очень хороший дом, теплый, удобный. На днях даст знать и я поеду смотреть.

Ну, дусик дорогой вот я тебе все высипала. Адски жду «Вишневый сад». Будь здоров Антончик мой, береги себя. кушай, не хмурься, будь покоен. Целую тебя много и нежно [...] золотой мой.

Твоя Оля.

78. А. П. ЧЕХОВ — к О. Л. КНИППЕР

30 сент[ября] 1903 г. Ялта].

Радость моя, сейчас получила от тебя посылку. Спасибо тебе, тысячу раз спа-

сибо! Гамаша уже надел и чувствую в ногах необычайную теплоту, и это очень кстати, так как сегодня здоровье мое не

того, пишется совсем скверно и даже сказал в телефон Альтшуллеру, чтобы он пришел. Аппетита нет, кашель. Слава богу, что хоть сплю хорошо. Альтшуллер вероятно залепит мушку.

Вчера я томился, не работал и, если моя пьеса опоздает дней на пять, то простите бога ради. С Машей едва ли успею послать.

Наш Шарик подрастает, говорят, что он хорошо лает, но я лая его не слышал еще ни разу. Сегодня пасмурно, прохладно. Каменный забор вокруг двора становится все выше и выше; кажется, так уютнее. Оттого, что на дворе холодно, в комнатах стало мух много, надоели.

После первого представления «Юлия Цезаря» пиши мне подробнее, я ведь очень и очень интересуюсь, дуся.

Сегодня в нашей газете крупными буквами напечатано, что флот ушел в

Корею с запечатанными пакетами... Ой, уж не война ли? ¹

Будь здорова, моя лошадка, будь весела и кушай себе овес. Мне без тебя томительно скучно. Температура 37,5.

Мелкий дождик. Храни тебя, создатель. Обнимаю.

Твой А.

1. Чехов не ошибся: подготавливалась война с Японией, разразившаяся несколько месяцев спустя. После поездки в 1890 г. на Сахалин Чехов проявлял усиленный интерес к Дальнему Востоку и в иных случаях прозревал грядущие события много раньше профессиональной дипломатии. Так, за девять лет до русско-японской войны, когда стало известно о приобретении Россией Порт-Артура, Чехов написал Суворину: «Не было у бабы хлопот, так она купила поросю. И мне кажется, что с этим незамерзающим полотом мы наживем себе массу хлопот. О! обойдется нам дороже, чем если бы мы вздумали завоевать всю Японию».

79. О. Л. КНИППЕР — к А. П. ЧЕХОВУ

30 сент[ября] 1903 г. Москва] утро.

Как я заволновалась, дорогой мой, когда прочла в твоём письме что тебе нехорошо отчумывания! Ведь я виновата в этом!

Боже, какая я дура, какая я нелепая дура! Никуда я не гожусь. Прости меня, родной мой! Ты теперь скверно думаешь обо мне, не будешь ни в чем верить?!

Теперь тебе лучше, все таки? А как мне тоскливо здесь одной! Холодно и нехорошо. И в природе зима, настоящая мягкая зима, второй день сыпит пушистый снег и появились санки. Вечером вчера шел удивительно красивый снег, точно бриллианты сыпались.

Я рада что Костя об'явился наконец. Скажи ему что я его целую и очень люблю. Как и где он познакомился с Михайловским?

Вчера было очень холодно и снежно, а я много бегала по улицам в кофтенке и весь вечер в театре неистово зябла. Обедала у мамы, вдвоем. Заходила в меховой магазин узнать о мехе. Сказали

что самый теплый и легкий — крестоватик или недопесок, от 60 р. и дороже. Мягкий, приятный, светленький мех. Себе еще не заказывала шубейку.

Была М-те Фейгина из Питера. Жалуется на петерб. гимназии. Мальчики не могут привыкнуть к духу чиновничьему. Директора должны называть Ваше превосходительство. Вообще все тоскуют о Москве.

Да, был редактор молоденький, журнала Природа и жизнь, просит твоего сотрудничества, принес журнал. Я ему посоветовала написать тебе, но не обнаджила его. Получил ли ты? Я даже фамилии его не знаю.

После завтра открытие нашего театра. Что-то будет! Пришлю тебе телеграмму. Вчера смотрела конец Цезаря. Конечно Брут и Кассий слабоваты, не чувствуешь железных характеров. Но красиво удивительно. Дух Цезаря великолепно устроен. — Целую моего дорогого, ненаглядного мужа, обнимаю и еще раз прошу прощения.

Твоя Оля.

80. О. Л. КНИППЕР — к А. П. ЧЕХОВУ

1 окт[ября] 1903 г. Москва, утро.

Вот и Покров! Снег, снег и снег, все бело, на улицах нет грохота, слышны голоса людские, как то интимнее стало на улицах. Фигуры с'ежившиеся от неожиданной зимы; гимназисты уже пробуют снежки. Улицы взрыты, работы приостановлены и, как пишут, так и останутся взрытыми всю зиму. Вообще Москва так гадка, так неудобна, так грязна и некрасива, что жить противно. А извозчики! О ужас! Вчера и пешком трудно было идти, на тротуарах не скальвали и люди падали, а на мостовых лошади падали. Все это противно до нельзя. Вспоминаешь времена Алексеева и Власовского¹.

А снег все идет. Колокола звонят. Ждут прибытия Вишневого сада.

Пришла Эля, славненькая свеженькая. Поедем с ней в Петровский парк. Про Володю ты прав, я с тобой согласна. Но мне кажется заграничный профессор его не будет прочить в певцы и он тогда успокоится. Посмотрим что будет.

Вчера была генеральная Цезаря. Полна зала публики набралась. Всем нравится, все говорят что подобного не даст ни один европейский театр. От Качалова все без ума. Эфрос соблаговолил поговорить со мной, но глядел в сторону. Я улыбалась.

Спектакль длится невозможно долго.

Сделают еще купюры. Была Надежда Ив., мама и все в восторге, только слишком длинно, тем более что главный захват — это Сенат и Форум, а там идут уже и по Шекспиру менее захватывающие сцены. [...] Вишне夫斯基 вчера перенервил, перекричал, но это ничего. Значит играть будет хорошо. Кончился Цезарь около 2-х часов, и это еще без вызовов, без аплодисментов. Завтра кончим в 1 час, я думаю.

Как мой дусяк живет? Вот были вместе, жили одной жизнью, тихой, идиллической, а теперь я метусь, и нервлюсь, хотя еще не очень. Все находят меня пополневшей, отлично выглядывающей (какое ужасное выражение — о литератор, прости).

Скоро примемся за излюбленного автора нашего, будем рассыпать Чеховский жемчуг перед публикой, будем кружево плести, кружево тончайшей психологии людской. О, как я пишу, что со мной?! Ты не сердисься? Целую мою красивую милую голову, чудные глаза мои. Обнимаю и благословляю. Нежный мой!

Твоя лошадка Оля.

1. Алексеев был в Москве городским головой, Власовский — обер-полицеймейстер; оба — деспоты и самодуры, бесконтрольно хозяйничавшие в городе.

81. А. П. ЧЕХОВ — к О. Л. КНИППЕР

2 окт[ября] 1903 г. [Ялта].

Здравствуй, лошадка, спасибо тебе за письмо об «Юлии Цезаре», о репетиции, ты хорошо написала, я очень доволен. Жду все новых и новых писем, недовольное я животное. Пиши, дуся, пиши, родная.

Сегодня у меня температура нормальная. Альтшуллер прописал такие пилюли, что теперь я буду по семи дней не бегать, не надевать халата. Осталась слабость и кашель. Пишу ежедневно, хотя и понемногу, но все же пишу. Я пришлю пьесу, ты прочтешь ее и увидишь, что можно было бы сделать из

сюжета при благоприятных обстоятельствах, то есть при здоровьи. А теперь один срам, пишешь в день по две строчки, привыкаешь к тому, что написано и проч. и проч.

У нас летняя погода, цветут розы. Вчера вечером забегал твой брат.

Меня стали откармливать. Напихали полный живот.

Вчера Альтшуллер долго говорил со мной о моей болезни и весьма неодобрительно отзывался об Остроумове, который позволил мне жить зимой в Москве. Он умолял меня в Москву не ездить, в Москве не жить. Говорил, что Остроумов вероятно был выпивши.

Платье чистят каждый день. Твое мыло, которое ты прислала, превосходно; завтра буду голову мыть порошком. Как я рад, что я женился на тебе, мой мордасик, теперь у меня все есть, я чувствую тебя день и ночь.

У халата я отрезал пояс наполовину, а то бывали неприятные пассажи. Писал ли я, что мать в восторге от твоих подарков? Я научил ее пасьянсу тринадцать в таком виде, как мы с тобой раскладывали.

82. О. Л. КНИППЕР — к А. П. ЧЕХОВУ

2 окт[ября 1903 г. Москва] утро.

Голубчик мой, как ты живешь? Как пьесу переписываешь? Как самочувствие, настроение? Кто был у тебя за это время? Получаешь ли все мои письма? Аккуратно? Я ни одного дня не пропустила.

Шнап вроде безумного кидается, бросается по комнате, все хочет кусать. Очень порывистая натура и я боюсь когда он с разбега налетает на меня.

Вчера я ездила с Элей по электричке в Петровский парк, смотрели домик, в котором они когда жили летом, но он зимний. Рядом с электричкой. Весь в саду, славенький, чистенький, с паркетными полами, с печами, камином, с террасой, пахнет в нем деревом. Наивный и славенький. В нем жили 2 года зимой. Снег шел все время и сегодня опять сыплет. Цена домику 900 р., по моему дорого, т. е. это в год, а не на зиму. Продрогли мы с Элей адски, ибо ездили не в шубах.

Обедали у мамы очень вкусно и приятно, шутили и смеялись. Потом с Элей же поехали к Срединным отвозить билеты, которые по растерянности моей мо-

Господь с тобой. Целую тебя, обнимаю, хлопаю по спинке [...]. Будь здорова, моя лошадка.

Твой А.

Опиши первое представление поподробнее.

Пришла Варвара Константиновна, а Маше и матери надо уходить в город по очень важному делу. Вот как тут быть теперь?

сковской забыла у мамы, и Марию Григорьевну дома не застали. Все вышло по глупому.

Весь вечер сидела дома одна, играла, отогревалась, и читала Анну Мар из Одиноких. Прочла Найденова «№ 13» в двух картинах. Хорошо. Прислал ли он тебе?

Дусик, если Маша еще не уехала попроси ее привезти несколько бутылок Ай-Ян, и захватить мою чайную ложечку, к которой я привыкла. Получил ли посылку? Удобна ли гребеночка мамаше? Напиши.

Вчера был Куркин и к несчастью не застал меня дома. Жаль.

Пойду заказывать шубку, а то ходить не в чем, еще распростужусь, пожалуй. Я тебе далекой кажусь? Милый мой, родной мой. [...]

Сейчас прервал меня Куркин, поговорили с ним, я дала карточку к Морозову, и дам к Мешкову пропуск, только вот узнаю где он. Ну, до завтра, милый мой, сиди побольше на воздухе, в саду, а не у себя в кабинете, без воздуха.

Целую и обнимаю тебя нежно.

Твоя Оля.

83. О. Л. КНИППЕР — к А. П. ЧЕХОВУ

(Телеграмма)

[3 октября 1903 г. Москва].

Победа успех солидный ободели от красоты привет Оли.

84. А. П. ЧЕХОВ — к О. Л. КНИППЕР

3 окт[ября] 1903 [г. Ялта].

Зачем, лошадка, ты в таком обидном тоне пишешь насчет обливаний? Альт-

шуллер запретил их, правда, но все же от запрещения его тогда мне не стало лучше и обливания я возобновлю не-

пременно, как только припру в Москву. Теперь мне стало лучше, хотя кашель, особенно по утрам, дает себя знать и скоро утомляюсь. Все таки, повторяю, мне с каждым днем все лучше и лучше. Маша тебе расскажет, как я теперь ем. Е.м, как тигр.

Если понадобятся деньги, то возьмешь у Вишневого в кассе, в счет будущих благ. Жду телеграммы насчет «Юлия Цезаря». Уже солнце садится, а телеграммы все нет.

Только что были у меня Михайловский и знаменитый Тейтель, следовательно из Самары, еврей. Тейтель будет у тебя в Москве, чтобы устроиться как нибуду насчет театрального билета. Был и твой брат, усталый, но веселый, мы его покормили ужином.

За пьесу не сердись, дусик мой, мед-

ленно переписываю, потому что не могу писать скорее. Некоторые места мне очень не нравятся, я пишу их снова и опять переписываю. Но скоро, скоро, лошадка, я кончу и вышлю. Как только вышлю, дам знать по телеграфу. Я ведь не так скуп, как ты, богатая актриса; от тебя телеграммы сегодня я так и не дождался.

Дуся, прости за пьесу! Прости! Честное слово, я кончил ее и переписываю.

Маша расскажет тебе, как я растолстел. К тебе придет муж-толстячок вот увидишь. Сплю я превосходно. Сняты летучие мыши.

Ну, лошадка, хлопаю тебя по спине [. . .] целую и обнимаю. Будь здорова и крепка, не забывай своего толстого мужа.

А.

85. О. Л. КНИППЕР — к А. П. ЧЕХОВУ

3 октября [1903 г. Москва], утро.

Ну вот и сыграли Цезаря, дорогой мой! Сколько волнений! У меня чувство точно я играла всю пьесу сама. Так жила со всеми участвующими! Смотрела ровно три раза и еще пойду. Впечатление не ослабевает. Это прямо что-то колоссальное. Честь и слава Владимиру Ивановичу! Ты просто поразишься. Как я счастлива, что мое предчувствие оправдалось! Я очень стояла за постановку Цезаря. В публике только одобрения. Всех просто подавляет красота и сила впечатлений. Конечно публика «первых представлений» отнеслась сравнительно холодно. Не было шума и треску. Только после Форума поднялась овация, и после конца. Беда в том что и у Шекспира после Форума трагедия идет на убыль и в зрителях впечатление также ослабевает. Да это и понятно.

Нервы так подняты на Форуме, что дальше идти некуда. Меня лихорадка треплет когда я смотрю Форум. Вишневецкий был очень хорош вчера и многие прослезались. От Качалова все с ума сходят. Брут был лучше гораздо вчера; Леонидов нравится. Влад. Ивановичу поднесли венок. Он кажется так устал что не понимает ничего. В Эрмитаж ездили все таки: я тоже подбывала, прости, но не могла вернуться одна в пустую квартиру.

Вообще я совсем не знаю куда девать себя если я не занята в театре. Меня ужасает одиночество и никому ненужное существование мое. Вообще во мне сегодня все ходуном ходит, как говорят. Я счастлива что 5-го играю. Скорее бы за дело, скорее Вишневый сад.

Целую, обнимаю крепко.

Оля.

86. А. П. ЧЕХОВ — к О. Л. КНИППЕР

4 окт[ября] 1903 [г. Ялта].

Дусик мой хороший, половинка моя, пишу тебе на красной бумаге, и, кажется, бумага неудачная, по ней трудно писать, да и читать не легко. Сегодня отправил Машу, сегодня же утром полу-

чил от тебя телеграмму насчет Юлия Цезаря. Ты и представить себе не можешь, лошадка, как ты обрадовала меня этой телеграммой. Стало быть, успех? И большой успех? Молодцы! И письмо твое сегодняшнее такое хоро-

шее, ароматичное, его можно раз десять прочесть и оно не надоеет. Пиши же мне, моя толстенная жена, пиши, я ценю!

Я тебя люблю, лошадка.

87. О. Л. КНИППЕР — к А. П. ЧЕХОВУ

4 окт[ября] 1903 г. Москва] утро.

Дусик милый, мне ужасно беспокойно за тебя. Тебе все нездоровится. Зачем я уехала? Что сказал Альтшуллер? Он меня ненавидит, и я его понимаю.

Сегодня туманно, сыро, моросит, все тает, такая гадость, что на свет глядеть не хочется. Какая я непригодная для жизни! Бесхарактерная, бессильная. Прости что так пишу, но на душе уж очень подло.

Вчера утром пробовала «говорить» свои роли. Конечно начала с 4-го акта «Сестер» — разревелась сильно. Начала читать заключительные мои слова и жаль стало, что их вымарали, такие чудесные слова!¹ Скорее бы играть, жить и чувствовать за других. Ты смеешься надо мной?

Вчера Гриневский возил меня в Парк смотреть дом, но увы — он занят уже, а во вторых его сдают за 4000 р. Целая роскошная вилла с полной обстановкой. У Гриневского верно смеалки нет. Я ему показала домик за 900 р. но и я и он убедились что для зимы непригодно.

Потом я заехала к Мерчанским к брату генерала. Он бедный совсем ослеп почти; рады были до слез когда я пришла; жену мне очень жалко. Он женился уже сильно пожилым на молоденькой и она так и зачахла и захирела с ним. Вспоминали давнишние времена, мое детство, целые полосы жизни. Потом я обедала дома одна, тоскливо; без супа. Пришла Эля и долго сидела у меня. Она ходит под сильным впечатлением Цезаря. Говорили с ней много о жизни, т. е. о ее жизни. Очень у них сложная психология происходит. Мне хотелось бы поговорить с тобой. Я давно чувствовала что у Эли на душе неладно и вчера она высказалась. Мне так стало грустно что я тебе передать не могу. Боже, все кругом страдают, все мучаются. Писать об этом трудно. Зачем я

Целую тебя и обнимаю. Христос с тобой.

Твой А.

Приеду я в конце октября. А певец немец наврет Володе с три короба, вот увидишь.

только молчала в прошлом году, когда я все это чувствовала и хотела говорить, да вот и промолчала. Не хорошо когда люди сдерживают порывы, не надо быть чужими друг другу.

Володя писал мне вчера, описывал «На дне», кот. он видел в Берлине. В общем совсем не хвалит, понравились только Клещ, Сатин и актер. Про свое пение он подробно писал маме. Профессор советует ему доучиваться и идти в оперу. Но Володя конечно ничего не решил и очень трезво смотрит на дело. Вот скоро приедет, посмотрим, послушаем.

Будь здоров и весел, мой дорогой Антон; отчего тебе особенно улыбается роль гувернантки?² Не понимаю.

Отчего Маша не пишет когда приедет? Эберле все хворает, в театре ее нет. Зайду сегодня. Целую тебя крепко, не проклинай меня дусик.

Твоя Оля.

7-го вечером иду к Наталии Яковлевне Давыдовой чай пить. Я в театре на Цезаре сидела рядом с ней и с Якунчиковыми. Вся Нара была в сборе и Вика с мужем и с Гардениным.

Оля.

1. В заключительной сцене «Трех сестер», в рукописи Чехова, реплика Маши была гораздо пространнее того текста, который известен в печати. После слов: «Мы останемся одни, чтобы начать нашу жизнь снова. Надо жить... Надо жить...» — далее следовало: «(с м о т р и т в в е р х). Над нами перелетные птицы, летят они каждую весну и осень, уже тысячи лет, и не знают, зачем, но летят и будут лететь еще долго, долго, много тысяч лет, пока, наконец, бог не откроет им тайны...».

2. Можно думать, что роль Шарлотты в «Вишневом саде» казалась Чехову наиболее удачной по той причине, что смешение элементов комического с драматическим, характеризующее пьесу в целом, с особенной рельефностью выражено именно в названном персонаже.

88. А. П. ЧЕХОВ — к О. Л. КНИППЕР.

5 окт[ября 1903 г. Ялта].

Дусик мой, лошадка, обращаюсь к тебе с просьбой. Если будет окказия, то пришли мне зубного порошку, возьми у Гетлинга (тимолевого) и пришли также мне мою фуражку, чтобы было что надеть в вагоне; если дома две фуражки, то пришли ту, что потеплее. Поняла?

Здоровье мое поправляется. Сегодня на мне мушка. Теперь возиться придется дня четыре с мазями. Принимаю пилюли, порошки и капли, ем как удав. Боюсь, что тебя с'ем, когда приеду. Сегодня был Первухин, ялтинский писатель; сидел долго. Был Л. Л. Толстой и тоже сидел долго. Сначала я был с ним холоден, а потом стал добрее, стал говорить с ним искренно; он расчувствовался. У его жены воспаление почек, уезжают в Каир.

6 октября. Продолжаю на другой день. Мать велит передать тебе, что гребенка ей очень нравится, только она,

гребенка, не сидит на голове; надо бы попроще.

Сегодня опять великолепная погода. Я встал с головной болью, долго возился с мушкой, которую надо было снять. Настроение хорошее, буду сегодня работать. Сейчас утро, я жду газет от 3 окт., буду читать про ваш театр. Окна у меня в комнатах открыты.

Пьесу скоро пришлю. Вчера совсем не давали писать.

Пришло твое письмо об Юлии Цезаре. Спасибо, дусик! Ты пишешь: «меня ужасает одиночество и никому ненужное существование мое». Насчет одиночества я еще понимаю, допускаю, но вот насчет ненужности существования — извини, ты не лошадка, а Шарик, так же много логики.

Я тебя люблю. Ты это знаешь?

Получил письмо от Горького.

Ну, будь здоровехонька, не хандри, не кукси. Кланяйся всем.

Твой А.

89. О. Л. КНИППЕР — к А. П. ЧЕХОВУ.

5 октября [1903 г. Москва] утро.

Начинаю, дусик, с дела, т. к. третий раз уже забываю написать об этом. Была у меня Щедрина из женск. медицинск. института, про кот. говорил Куркин. К Морозову я дала ей карточку, и он обещал весной дать 300 р. всего, говорит что все распределено на этот сезон. Мешкова нет в Москве. Я обещала ей устроить об'явления в Русское слово, в Курьер, и будь добр, напиши Соболевскому чтобы он не отказался напечатать в Русских ведомостях воззвание что-ли, не знаю как назвать, и что жертвования поступают или в редакцию данной газеты или в Петербург, Фурштадская, 20 Дмитрию Васильевичу Стасову, для недостаточных слушательниц женского медицинского института. Можешь ты сделать это? Соболевский меня мало знает и пожалуй мимо ушей пропустит. Будь милым. Ну вот и все дело.

Как твое здоровье, дорогой мой? Ты никогда не должен сердиться на этот во-

прос, а всегда отвечать совсем откровенно.

Вчера вернулась знакомая из Ялты и говорит что у Кости очень болен сын и Костя сильно волнуется. Слышал ли ты чтонибудь?

У нас все ползет, все тает, совсем конец Марта.

[...]

Вчера прошли все «На дне», сегодня играем. Был Горький в театре. Представь — он устраивает как бы филиальное отделение художеств. театра в Нижнем, набрал труппу, берет нашего Тихомирова как режиссера, набирает пайщиков по 100 р. меня пригласал, но у меня же ведь никогда 100 р. не водится. Горький подстриженный, и в тужурке, точно помолодел.

Была вечером вчера у Эберле. Она все лежит, у нее анемия мозга; как встанет, так поднимается рвота, головокружение сильнейшее. Она приходила в такое отчаяние что решила ехать в клинику вскрывать череп, как она выражается. Лечит Майков. Так ее жалко.

Хорошо что она не одна — ее женщины ухаживают за ней. В театре ее любят.

Иван Павл. с Софией Влад. были на 1-м представлении, я посылала билеты; они в восторге. — До завтра, родной мой, кланяйся Вишневному саду, и

90. О. Л. КНИППЕР — к А. П. ЧЕХОВУ.

6 окт[ября] 1903 г. Москва] утро.

Милый мой! Я просто не знаю что писать тебе. Знаю, что ты нездоров, что я для тебя ровно ноль, который приедет, поживет с тобой и уедет. Такая ужасная фальшь в моей жизни, что я не знаю как мне жить. Как раз когда ты нездоров, когда я нужна тебе — меня нет. И здесь хожу бесприютная. Бичую себя, обвиняю со всех сторон, чувствую себя кругом виноватой. С чем-то я не могу совладать в жизни. Прости мне, что я плачусь, но я никак не могу писать и разговоривать весело, когда у меня чорт знает что на душе.

Ну, не обращай внимания на то что я пишу.

В Москву конечно не приезжай совсем. Надо слушаться когонибудь одного, доверяй тогда Альтшуллеру если ты ему веришь и считаешь его за такого отличного доктора. Умоляю тебя не при-

91. А. П. ЧЕХОВ — к О. Л. КНИППЕР.

7 окт[ября] 1903 [г. Ялта].

Дусик мой превосходный, очарование мое, здравствуй! Вчера приезжала ко мне Ольга Михайловна, красивая дама, нужно было поговорить о деле, о попечительстве в гурузфской школе; о деле мы говорили только пять минут, но сидела она у меня три часа буквально. Буквально, я не преувеличиваю ни на одну минуту, и не знаю, сколько бы она еще просидела, если бы не пришел отец Сергей. Когда она ушла, я уже не мог работать, внутри у меня все тряслось, а пьеса моя между тем еще не переписана, я еле еле дотянул только до середины III акта. Тяну, тяну, тяну и оттого, что тяну, мне кажется, что моя пьеса неизмеримо громадна, колоссальна, я ужасаюсь и потерял к ней всякий аппетит. Сегодня все таки я переписываю, не

скажи чтобы он зацветал скорее. Целую и обнимаю.

Твоя Оля.

Горький очень просит тебя дать рассказ в их сборник¹.

1. В сборник «Знания». Чехов отдал для сборника «Вишневый сад».

езжать, а то ведь все обрушивается на меня, что я гублю тебя, что я настаиваю на том чтобы ты жил здесь. Этого не может быть и я никогда не буду настаивать если нельзя. Я не настолько своевольный и капризный человек.

А конечно, я как жена, слишком беспокойна и безалаберна для тебя.

Вчера играла первый раз — не игралось. Было полно. Горький был, но публика не знала. Днем было собрание всей труппы.

После театра Сулержицкий пил у меня чай, рассказывал про то, как он сидел¹.

Ну, до свидания, целую тебя, будь здоров, дорогой мой.

Оля.

1. Л. А. Сулержицкий был арестован весной 1902 г., а осенью 1903 г. — освобожден.

беспокойся. Здоровье лучше, хотя кашляю попрежнему. Сегодня получил от Чирикова нежное, ласковое письмо. Он острит на двух страницах, но остроты его не смешны. Прислал мне фотографию свою и своей дочери, которую называет так: Новелла Чирикова. Но и это почему то не смешно. А мальчик добрый и теплый. Пришлет мне свою пьесу, которую очень хвалит Горький.

Когда будешь у Мюра, то купи пачку бумаги за 18 коп., на которой не пишут, и пришли мне с фуражкой при okazji. Сегодня буду мыть голову твоим порошком.

Зачем ты хандрить? Ведь это так несправедливо! Ты дома, ты у любимого дела, ты здорова, мужа нет, но он скоро приедет. Надо быть умной!

Я еще не был в городе с тех пор, как ты уехала. А я не похудел с прош-

лого года, а чуть ли еще не пополнел: фуфайка (с пуговками около плеч) Егера тесна мне, очень тесна. Сегодня надел чистую рубашу. Костюм чистят каждый день. Перепадает дождик. Тепло. Ну, лошадка, прости, надо писать. Пре-

кращаю письмо. Будь здорова, миленькая моя, господь с тобой. Я пишу тебе часто, почти каждый день. Не ленюсь.

Целую тебя в затылочек.

Твой А.

92. А. П. ЧЕХОВ — к О. Л. КНИППЕР.

8 окт[ября 1903 г. Ялта].

Дусик мой, писать воззвание от женских курсов нельзя, ибо мы имеем дело с частной просьбой курсистки Щедриной, а не с просьбой всех курсов. Ты посоветуйся с Гольцовым, он научит, что делать, или подожди моего приезда.

Ты пишешь, что вчера вернулась знакомая из Ялты и говорит, что у Кости очень болен сын и Костя сильно волнуется. Все вздор. У Кости сын был болен lapsus'ом recti, выпадением прямой кишки, общедетской болезнью, пустяшной, и давно уже Костя получил письмо, что сын его здоров. Повторяю, все вздор. У Кости манера: всем рассказывать ужасы.

В газетах о курсах уже писали с приглашением посылать пожертвования Стасову. Надо бы вот поскорее мою пьесу поставить и дать спектакль в пользу курсисток. А пьеса моя подвигается, сегодня кончаю переписывать III акт, принимаюсь за IV. Третий акт самый не скучный, а второй скучен и однотонен, как паутина.

М. Смирнова прислала мне письмо, но забыла приклеить марку. Пришлось платить штраф. Она просит меня написать ей; скажи, что писать мне запрещено, ибо я занят пьесой.

93. О. Л. КНИППЕР — к А. П. ЧЕХОВУ

8 окт[ября 1903 г. Москва] утро.

Вчера я не писала тебе, потому что написала бы чорт знает что, да и сейчас не знаю — сдержусь ли. Я расплзаюсь по всем швам, и очень трудно соображаю. Нутро кипит. Точку опоры потеряла. Ничего не могу читать, ничем увлечься — что-то торчит в голове, что мне мешает везде и всюду. Ты конечно улыбаешься снисходительно? Считаешь все за дурь? Я верно очень не культурный человек.

На дворе серо; голова тяжелая. Ко-

Получил письмо от Немировича.

Здоровье мое сегодня лучше, кашель меньше, но уже бегал два раза. Должно быть, ялтинская вода содержит в себе что нибудь этакое, что действует на меня расслабляюще. Вот уже правда истинная, дуся: если пьеса моя не удастся, то прямо вали вину на мои кишки. Это такая возмутительная гадость! Давно уже у меня не было нормального действия, даже не помню, когда¹.

Прости, лошадка, что я тебе наскучаю этой гадостью. Костя был вчера, мы долго разговаривали, он добрый, хороший человек.

Кто, кто у меня будет играть гувернантку?

Театр в Нижнем у Горького не пойдет. Это не горьковское дело и не тихомировское, хотя пусть Тихомиров поболтается по свету, это ему не повредит.

Поцеловать тебя, моя радость? Изволь. Целую в шею, в затылочек, в лоб и в губы. Не брани мужа, он еще постоит за себя.

Твой А.

1. Чехов не подозревал, что в то время у него туберкулез распространился уже и на кишечник.

фе пила в постели, читала газеты. И Новости и Курьер заняты тобой. У меня много номеров Освобождения и номерок Революционной России. Дала мне Эля, привезла из за границы. Вчера вернулся Володя из Дрездена, с подъемом, веселый привез маме письмо от профессора, кот. «с чистой совестью» советует Володе продолжать учиться еще два года. Володя пел в знаменитом Дрезденском Opernhaus'e и пел хорошо. Профессор говорит что надо еще год учиться и год составлять репер-

туар. Много его учеников поют там в опере. Еще ничего не решено, конечно, передаю тебе только то, что было. Нашел Володю очень и очень музыкальным. Не знаю что будет. Вчера вечером у мамы было сборище, я заезжала на часок, т. к. давно уже обещала Давыдовой. У нее ужасно мило: маленькая квартирка, вся кустарным убрана. Все беленкое, свеженькое такое как она сама. Была Мария Федоровна, Вика, за которой позднее заезжал супруг. Говорили о Цезаре конечно [...].

Посылаю тебе рисуночек-карикатуру сделанную Владим. Яковлевичем на Давыдову. Они послали такую давно еще нам в Ялту и мы не получали. Я ужасно хохотала, тем более что видела такую сцену на шоссе около Нары.

94. А. П. ЧЕХОВ — к О. Л. КНИППЕР

9 окт[ября] 1903 г. Ялта].

Лошадка моя, не пиши мне сердито унылых писем, не запрещай мне приезжать в Москву. Что бы там ни было, а в Москву я приеду и, если ты не пустишь меня к себе, то я остановлюсь гденибудь в номерах. Мне ведь в Москве нужно не многое (если говорить об удобствах): место в театре и большой ватер-клозет. Дусик мой, здоровье мое гораздо лучше, я пополнил от еды, кашляю меньше, а к 1-му ноября, надеюсь, будет совсем хорошо. Настроение у меня прекрасное. Переписываю пьесу, скоро кончу, голубчик, клянусь в этом. Как пошлю, буду телеграфировать. Уверяю тебя, каждый лишний день только на пользу, ибо пьеса становится все лучше и лучше и лица уже ясны. Только вот боюсь, есть места, которые может почеркнуть цензура, это будет ужасно¹.

Родная моя, голуба, дуся, лошадка, не беспокойся, уверяю тебя, все не так дурно, как ты думаешь, все благополучно вполне. Клянусь, что пьеса готова, уверяю тебя тысячу раз; если не прислал до сих пор, то потому только, что переписываю слишком медленно и передельваю по обыкновению во время переписки.

Правда, славно сделано?

А знаешь — Нилов — полковник и Анна Львовна — певица поженились. На днях была свадьба. Помнишь мы их встретили в встречном поезде, когда уезжали из Нары?

Будь здоров милый мой, поправляйся и не приезжай в Москву. Потерпи эту зиму, может лучше будет, тогда видно будет что делать.

Целую тебя и обнимаю

Твоя Оля.

Маша приехала благополучно. Я убивалась, когда слушала про тебя.

Видела вчера Петра Вас. у Мерилиза, говорит что Лизочка, помнишь? совсем умирает и живет у него. Уже не встает.

Сегодня дождь, прохладно. Приносили двух живых перепелов.

Дуся, я приеду в Москву непременно, хоть ты меня зарежь, и приехал бы, если бы не был женат; стало быть, если задавит меня в Москве извожик, то ты не виновата.

Играй хорошо, старательно, учись, дуся, наблюдай, ты еще молодая актриса, не раскисай пожалуста. Бога ради!

Мыл голову (писал ли я тебе?), но у меня жидкость не пенилась. Вероятно, много воды взял.

Вчера была Срединка. У Леонида Вал. нефрит, появились на лице отеки. Он в большом беспокойстве, очевидно, так как все время глядит, сколько у него белка.

Обнимаю мою радость. Господь с тобой, будь покойна и весела.

Твой А.

1. Опасения Чехова отчасти оправдались: цензор исключил в пьесе два места в монологах Пети Трофимова: «У всех на глазах рабочие едят отвратительно. спят без подушек, по тридцати, по сорока в одной комнате»; «Владеть живыми душами — ведь это переродило всех вас, живших раньше и теперь живущих, так, что ваша мать, вы, дядя уже не замечаете, что вы живете, в долг, на чужой счет, на счет тех людей, которых вы не пускаете дальше «передней». Вторую купюру Чехов заменил новым текстом.

95. О. Л. КНИППЕР — к А. П. ЧЕХОВУ

9 окт[ября 1903 г. Москва], утро.

Снег, крыши белые, мокро... Звуки метлы по асфальту через открытую форточку. На улицах мокрая грязь, слякоть, ежащиеся фигуры от пронизывающей сырости, со страхом смотрящие на экипажи на шинах. Толпа противная, будничная, без пятен. Ух как гадко в Москве [...]. Газеты считаешь еще серее на душе делается. Сегодня напр. о народном образовании, по поводу выставки в Ярославле. Цыфры посмотришь и скучно.

Я рада 12-го играть Три сестры. Ужасно рада, а то как то тоскливо в театре, нет свежести, нег новых чувств. Ты опять скажешь что я ненасытная. Может быть. Да уж я такая. Не могу сидеть, не волнуюсь и платонически относиться ко всему. Это вероятно признак души довольно паршивенькой, не глубокой. Правда?

А ведь ты один считаешь меня за несдержанную, в глазах всех я — сдержанный человек. А если я и стала кипятивая к старости, то это оттого что в молодости я относилась к жизни философски, т. ч. меня звали даже Кантом, не кипятилась а спокойно и довольно равнодушно смотрела на жизнь, как она проходила мимо меня, не задевая меня. Видишь ли, то что должно было быть в молодости, пришло ко мне

96. А. П. ЧЕХОВ — к О. Л. КНИППЕР

10 окт[ября 1903 г. Ялта].

Здравствуй, лошадка. Сегодня от тебя писем нет, я горжусь, значит я исправнее тебя. Здоровье мое сегодня недурно, даже отменно хорошо, кашляю мало и туда совсем не ходил. Пьесу переписываю в другой раз и пришлю непременно через три дня, о чем уведомя телеграммой.

Сегодня был Костя; он вчера сидел долго в ресторане и записывал миллиардные выражения для моей пьесы¹.

Будь покойна, все благополучно.

на склоне жизни. А ведь я чувствую что ты не любишь когда человек так много говорит о себе как я. Ты вот никогда о себе не говоришь, но не думай что я это высоко ценю; т. е. по отношению к себе — я бы хотела чтобы ты много говорил о себе. Затмение нашло — не могу фразу состряпать. Но ты понял? или нет?

Пойду сегодня гулять с Шнапом, пойду к Эле посмотреть ее таксика, а потом к Ольге Мих. хочу через Вишневого похлопотать о ее муже, т. е. о повышении. Вишневецкий знаком с главным акцизником и сам вызвался помочь если можно.

«На дне» идет отвратительно у нас. Расклеилось. Горький ругался. У меня в уборной очень уютно стало. Я переставила мебель.

Зубы мои портятся с необычайной быстротой. Надо копить деньги на челюсти. Бедный муж! Вчера обедал у нас Бунин. Был Сытин; я заходила к нему и не застала. Взялся поместить заметку о Медиц. инст. Говорил что с Русской мыслью все благополучно. Я просила его подробно написать тебе обо всем. Может быть Соболевскому просто отнести составленную Куркиным заметку и попросить поместить или сам составит?

Целую тебя и обнимаю мой дорогой.
Твоя Оля.

Целую мою голубку. Читал, что Брута вместо Станиславского будет играть Лужский. Зачем это? Хотите, чтобы сборы с'ехали на 600 р.? Для Лужского я написал подходящую роль². Роль коротенькая, но самая настоящая.

Пупсик мой, обнимаю.

Твой А.

1. Гаев в «Вишневом саде» то-и-дело в разговоре употребляет термины миллиардной игры: «От шара направо в угол», «Режу в среднюю» и т. д.

2. Чехов первоначально предназначал для Лужского роль Епиходова, в конце концов порученную И. М. Москвину.

БИБЛИОГРАФИЯ

РОЖДЕНИЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОБРАЗА В ТЕАТРЕ КУКОЛ

(О книге С. В. Образцова «Актер с куклой»)

★

Содержание этой искренней книги тонкого и думающего художника выходит далеко за грани узко специальной области.

Все, что делает с куклой С. В. Образцов на эстраде и в детском театре, отмечено не только большим художественным тактом, изобретательностью и вкусом, — это всегда глубоко пережито и принципиально. То же самое и в этой книге.

Автор предупреждает в обращении к читателю: «Я пишу не в конце моей работы, а в самом ее разгаре; поэтому книга не сможет выйти ни мемуарной, ни тем более итоговой».

Это, конечно, верно по отношению к самому автору: он энергично работает, ищет, продолжает двигаться в своем искусстве неустанно вперед, — еще рано говорить об его окончательных личных итогах! Но читатель, прочтя эту книгу, сделает для себя немало полезных выводов, подведет интересные и значительные итоги. Для него — читателя — работа Образцова с куклой будет, хотя и «частным», но чрезвычайно красноречивым примером. Из этой работы и из того, как она осмыслена самим Образцовым, неизбежно рождаются широкие обобщения, важные для любой области художественного труда, т.-е. всюду, где создается идейно направленный художественный образ. Такова всегда сила конкретной художественной правды! Книга Образцова будет интересна самым широким кругам советской интеллигенции.

Далеко не лишня в нашей стране и та пропаганда, которую неустанно ведет Образцов, борясь за развитие кукольного театра: «Если вы, читатель,

не имеете никакого отношения по своей работе ни к «человеческому», ни к кукольному театру и если вы все-таки хотите прочесть эту книгу, значит, вы любите театр. Тогда моя цель состоит только в том, чтобы вы полюбили и театр кукол, театр увлекательный, интересный и, несомненно, нужный, особенно в нашей стране, где легкость, портативность кукольного театра, его театральная заразительность, доходчивость и острота найдут особое применение...». По СССР рассеяно множество кукольных театров — им книга Образцова может помочь в первую очередь.

Всякое большое искусство рождается только из большой любви к жизни и к своему делу. Книга Образцова рассказывает о такой любви.

Как человек и артист, Образцов сформировался целиком после Октябрьской социалистической революции. Его первая кукла «Негр» родилась в студенческие годы — в Высших художественно-технических мастерских. Это было время бурного и трудного рождения нового общества, новой морали, нового искусства... Дадим слово воспоминаниям Образцова.

«Двадцатый год — время как будто и не очень далекое, но, чтобы представить себе его, надо совсем забыть Москву тридцать шестого года. Забудьте о метрополитене, светофорах, милиционерах в белых перчатках и думайте о большом городе, занесенном снегом. Вместо трамваев, в обычном смысле этого слова, ходят какие-то странные, разрушенные грузовые вагоны, наполненные песком или мороженым картофелем. Представьте себе людей, бродящих с мешками на плечах (так как вме-

сто жалованья на работе им выдавались пайки), людей, возящих эти пайки на саночках, иногда привязав их к буферу трамвая. Представьте себе маленький кусочек хлеба, выданный «едоку» на два дня, хлеба невкусного, с соломой. Я помню, как однажды в столовую вошел красноармеец с Южного фронта; он сел обедать и вынул из-за пазухи белую булку, — окружающие встали и долго внимательно смотрели на него. Представьте себе тиф, фронты со всех сторон. Все время мысль о том, что не с севера, так с юга, не с запада, так с востока может притти что-то очень большое, страшное и погубить революцию. И вот я уверен, что, представив себе все это, вы будете думать, что люди не смеялись, что в Москве не было веселых лиц, что было очень трудно, очень тяжело, безнадежно, безрадостно и что, во всяком случае, слово «интересно» не подходит к этому времени. Неверно: были смеющиеся лица, было много веселого, радостного, была огромная вера в жизнь...». «Однажды в общежитие приехал Ленин, долго говорил со студентами, и я помню, как потом во Вхутемасе передавали его фразу (я не могу, конечно, ручаться за ее точность, так как лично не слышал ее): «Хорошие вы ребята, а вот картины мне ваши не нравятся...». Из Вхутемаса я ходил в университет, где занимался на философском факультете. Занятия были вечером, после дня работы слушать было тяжело. Я вспоминаю тетрадку одной студентки. Она была смешная, эта тетрадка, в ней был записан ряд неоконченных фраз с длинными хвостиками в конце каждой фразы. Хвостики легко было расшифровать: студентка засыпала от усталости, и карандаш соскальзывал. Но это вовсе не значило, что занятия были нудные, что в перерывы с той же самой студенткой мы не спорили с пеной у рта о «субстанции», о «вещи в себе»...

Студенты для заработка рисовали плакаты, Образцов вспомнил оставленную далеко в детстве игрушку — куклу «би-ба-бо» и сделал своего первенца «негра», рассчитывая его продать. Негр никто не купил, — Образцов об

этом не пожалел, так как «негр» в его руках наполнил смехом и его дом, и мастерскую Вхутемаса, и аудиторию университета. Образцов вспоминает, что тогда «никак не мог предполагать, что этот маленький негренок определит в дальнейшем работу и радость моей жизни...». Но, что кукла ожила в руках Образцова, было, конечно, не случайно. И не только особенности актерского таланта, а, как мы увидим дальше, и личное отношение к природе «образа», т.-е. философия Образцова-артиста, помогла ему стать в кукольном театре крупным художником-водителем, отчасти и новатором.

Интересно в этом отношении первое принципиальное выступление негрителки. Образцов к этому времени уже учился в частной «консерватории». Преподаватель пения заставлял его исполнять романс Чайковского «Средь шумного бала» по системе, якобы, К. С. Станиславского, — в вульгарном толковании самого преподавателя. Образцов с большим чувством юмора описывает, как он садился на стул около рояля, долго «накачивал» себя на влюбленность, а замороженная, как сомнамбула, пианистка держала руки наготове... «Наконец, наступал момент, в который я решал, что уже окончательно влюбился, и тихонько, чтобы не спугнуть в себе этого чувства, делал знак пианистке, что я уже «дошел». Пианистка начинала тихо играть вступление, а я петь романс... Таинственный акт, похожий на тишину спиритического сеанса, заканчивался нотой «лю-ю-блю-у-у». Образцов тут же правильно говорит: «Самое страшное, что вранье оставалось нерасшифрованным, и преподаватель меня хвалил. Урок кончался; с чувством какой-то душевной непорядочности я возвращался домой».

Не говоря еще о страшной ответственности и фальши такого приема игры, Образцов вспоминает об одной из причин своего стыда: «Преподаватель просил меня вспомнить какой-нибудь случай из моей личной жизни, аналогичный ситуации данного романса, и вообразить себя самого на балу, влюбленным в прекрасную девушку, и

о том, как именно я влюблен, через романс рассказать присутствующим. Делать это мне казалось очень стыдно, ибо влюбленность — сугубо личное переживание, о котором можно сказать только предмету своей любви, но не публике. Такой публичный показ своих чувств, своей личной влюбленности, хотя бы и через романс, мне казался чем-то очень похожим на душевную проституцию, — термин, может быть, несколько шокирующий, но, по-моему, верно определяющий тогдашнее мое психологическое состояние».

Так через личный стыд, — «ощущая в подсознании какое-то нарочитое вранье», — актер подошел к основному, к вопросу о жизни актера в образе.

Слишком навивный, или, напротив, потерявший всякий стыд преподаватель пения профанировал мысли К. С. Станиславского. Константин Сергеевич неустанно искал правду в поэтическом художественном выражении жизни и всею силой своего таланта и мудрости воевал со всяческим враньем... Молодой актер-ученик по-своему тоже стал искать этой правды и конкретизировал ее тогда так:

«Другое дело, если бы я рассказал о влюбленности героя моего романа (а не о своей! — Х.), — за него мне не может быть стыдно».

«Нас заставляли... не образ создавать, не о герое рассказывать, говорить не о большем, чем ты сам, а, наоборот, героя суживать, спрессовывать и втискивать в себя самого, т.-е. во что-то принципиально меньшее».

Одна из сторон таланта Образцова — умение всякую фальшь, всякое вранье мгновенно, ярко и убийственно осветить посредством пародии. Под рукой была кукла-негренок. На следующем уроке ученик заявил преподавателю, что «вот, мол, у меня «по системе» пение не выходит, а у негра получается...». «Стал показывать, и уже на первом жесте негра, на знаке, который он дал пианистке, раздался хохот, — хохотали и ученики, и преподаватель... Негр «с переживаниями» пел «Средь шумного бала»... «Вот это уже было куда проще и приятнее. За негра мне не было стыд-

но, бог с ним, пусть откровенничает! Негр ложился, засыпал, плакал, вообще, делал все, что полагается по коротенькому сценарию этого романа, и у негра получалось даже, если хотите, трогательно. Трогательно и смешно...». «С этого дня мой негр стал актером».

Его рождение было полемическим и пародийным, но в этом была только часть находки. А главное заключалось в том, что перед зрителями был художественный образ, освобожденный от всего лишнего, мешающего.

Этот негр, повидимому, оправдывал или мог оправдать слова Белинского о том, что всякая поэзия должна быть выражением жизни, но, чтобы быть выражением жизни, поэзия, прежде всего, должна быть поэзией...

В ту пору Образцов все еще не придавал успеху своей шутки большого значения, но, так или иначе, борьба была начата, и вот вся книга — история его жизни в искусстве — говорит об этапах развития борьбы чуткого, совестливого и страстного художника за искренность в искусстве, за художественную правду, за чистоту и идейность художественного образа и, наконец, за создание такой эстрадной кукольной труппы и такого кукольного театра, волшебного театра фантазии, которым доступно выражение сложных человеческих идей и чувств, доступны лирика и ирония, юмор и общественная сатира, героика и пафос.

С. В. Образцов очень живо и убедительно рассказывает о школе, которую он, после упомянутой «консерватории», прошел уже в семье артистов Московского Художественного театра. Замечательные советы и указания он получил от ученицы и соратницы Е. Б. Вахтангова Ксении Котлубай, затем от Вл. Ив. Немировича-Данченко. У молодого артиста все более крепло убеждение, что, «когда зритель говорит: «Как замечательно! Как естественно! Как по-настоящему!», когда зритель плачет от смерти героя, радуется его поцелую, взволнован заревом пожара, — то все-таки где-то, в подсознании, он знает, что все это происходит в театре, на сцене, а не по-настоящему. Поэтому

зритель, несмотря на то, что его главоко и до слез взволновала и огорчила смерть героя, возвращаясь из театра, говорит: «Замечательно! Необыкновенно! Я получил огромное удовольствие». Какое же удовольствие, по правде говоря, можно получить от смерти человека, да еще любимого, а герой всегда любим? А в то же время в этом нет противоречия, так как зритель получил удовольствие от жизненной правды, не от действительной правды, а правды изображенной, и если бы ему, этому зрителю, хоть на минуту показалось, что не герой, а данный актер фактически умирает, он просто в ужасе вскочил бы со своего кресла, и если он человек инициативный, то побежал бы за каретой скорой помощи».

Толчком к широким выводам и мыслям об искусстве послужили С. Образцову слова, сказанные ему однажды Вл. Ив. Немировичем-Данченко: «В вашем Терапите сейчас есть физическая противность. Это не значит, что вы не должны играть его горбатым или даже уродливым. Но это значит, что эта горбатость и уродливость должны относиться только к образу, но не переходить на вас лично. Образ может быть противным, но актер, играющий этот образ, должен оставаться тем более обязательным. Вот, предположим, в спектакле «На дне» на нарах лежат грязные тряпки. Зритель должен понимать, что они грязные, но он ни на минуту не должен подумать, что в данных, именно данных, тряпках есть клопы, — иначе зрителю будет физически неприятно».

Учась, Образцов все острее и глубже понимал художественную условность театра. Но, тогда как иные, даже очень талантливые, художники, бывало, порой от сознания этой истины скатывались к формализму, к пустому эстетству, к выхолощенному стилизаторству, Образцов рос и креп с постоянным глубоким ощущением необходимости в искусстве жизненной правды. Через ряд личных опытов, поражений, ошибок, исканий и достижений он учился конкретно находить, проверять и углублять эту живую основу искусства.

С. Образцов неизменно приходил к выводу:

«Искусство должно быть настоящим, органически связанным и с человеком, и с временем, а стилизация — это эстетская бедность».

Параллельно с выступлениями Образцова, актера «человеческого» драматического театра (Терапот в «Периколле», шут в «Двенадцатой ночи», царевич Федор в «Смерти Иоанна Грозного», профессор Досса в «Мольбе о жизни» и др.), росло его увлечение куклами. Он «возится» с ними все больше и упорнее. И, наконец, должен признаться: «Кукла залезла в меня незаметно, и не чужая, а моя. Вероятно, поэтому она так сильно, так требовательно меня за собой тащит, и мне от нее уже не отвертеться».

Вначале Образцов не избежал имитации куклами людей и на этом пути исполнял различные романсы, арии и даже инсценировал рассказы Чехова. Но вскоре убедился, что «надо отказать от фотографической имитации человека, оставить эту имитацию только частным случаям жеста, позы, искать же кукольных возможностей, кукольных решений». Постепенно появлялись специфические кукольные приемы игры, кукольные элементы образа, но при этом очень часто не было основного — «зачем?». Во многих эскизах, трюках, комичных «хомах» не было серьезной идеи, глубокого смысла... А основной принцип Образцова-артиста, как он говорит, «своя дорожка» требовала от него непременно органического, непременно предельно искреннего индивидуального осмысливания каждого жеста куклы, каждой интонации и уж, конечно, прежде всего, осмысленного сюжета!

Во время гастрольной поездки Музыкальной студии В. И. Немировича-Данченко за границу Образцов жадно знакомился с кукольным театром везде, где только его находил. В маленькой, культурной Чехословакии он увидел театр марионеток, ставящий пьесы Шекспира, Гоцци и современных авторов. В этой стране имелось более двух тысяч зарегистрированных кукольных театров. В прошлом, когда страна

БИБЛИОГРАФИЯ

была порабощена немцами, раз'езжавшие по ярмаркам кукольные театры были одним из средств пропаганды за национальное освобождение. Кукольные театры являются там, кроме того, испытанными помощниками в школах. Они прочно вошли в быт. И на смену старому Кашпарку (Петрушке) там был рожден новый современный выразительный герой Шпейбл. В Америке Образцов познакомился с очень интересным кукольным театром энтузиаста Ремо Буфано.

Но дальнейшее органическое развитие «своей дорожки» в мастерстве Образцова дали не внешние толчки, а его чуткое личное общение с советским зрителем, — общение у этого артиста необычайно развито. Свои выступления на эстраде С. Образцов, очевидно, ощущает как своеобразную форму диалога со зрителем. В этом смысле монолог Образцову органически чужд. Зрителя своего он называет лучшим, замечательным режиссером, и это заявление, несомненно, искренно.

На ряде примеров Образцов раскрывает, как проверка на зрителе помогала создавать ему его маленькие концертные шедевры и спасала от фальши, от скуки, от пустяков и штампа.

Образцов внимательно слушает и с готовностью «слушается» зрителя, но только тогда, когда зритель помогает органическому развитию мысли и образа у артиста, когда зритель и артист, оба, — взыскательны и заинтересованы искусством, творчеством. Как далеко отсюда до вульгаризации и приспособленчества! Образцов очень хорошо знает, как бывает, что очень примитивный юмор, примитивная «слеза», а иногда и пошлость зрителем воспринимаются сочувственно. Из этого артист не делает вывода, что надо эту пошлость закреплять. Но зато он думает, что «не имеет права считать хорошим то, на что он «санкции» не получил». Образцов принципиально и горячо борется со всякого рода снобизмом. Он заявляет:

«Нельзя утешать себя тем, что неважно, если зритель чего-нибудь не поймет. Сейчас, мол, не поймет, так поймет потом. Зрителя, дескать, надо

«воспитывать». Это очень неверно. Нельзя никого воспитывать на непонятном. Особенно неверно это для актера. У него нет «потом», у него есть только «сейчас». Актер не имеет никаких оснований ждать «посмертного признания».

Образцов жадно и счастливо живет творчески в своей стране, вместе со всем ее народом и его лучшими людьми. Это огромная радость художника. Она дает ему антееву силу. Раскрывает новые перспективы для будущего. Образцов с его куклами — частый и желанный гость в клубах советской интеллигенции, на фабриках и заводах, у Красной Армии. Он выступает и на линкор «Парижская Коммуна», и на торжественных праздничных вечерах-встречах в Кремле. И по тому, как он относится ко всем выступлениям и как относятся зрители к нему, — это представитель подлинно народного искусства, молодой народный артист.

Очень тепло С. В. Образцов рассказывает о встрече с товарищем Сталиным и делает правдивую запись:

«Невольно, через головы людей, стал искать глазами Сталина и вдруг увидел, что он стоит почти рядом, так близко, что это кажется невозможным...». «Все портреты и бюсты ожили и воплотились в одном человеке; все оказалось бесконечно знакомым, — не только лицо, но даже сапоги, куртка, трубка, даже жест, которым Сталин держал и курил ее. И единственное, что было для меня ново, — это какая-то особая человеческая простота в манере обращения с людьми, в теплой, простой улыбке, трудно передаваемой на портретах. И, может быть, от этого уважение и любовь к Сталину стали как-то особенному конкретны и ощутимы».

«Я чувствую, что передать в книге впечатления от встречи со Сталиным невозможно. Трудно объяснить почти физическое ощущение того, как любовь огромного количества собравшихся в одном зале людей направлена на одного человека, что любовь эта какой-то невероятной силы и напряжения, что она наполняет тебя самого до предела, что этот человек, такой простой и улы-

бающийся, становится большим, огромным, как самые большие понятия — как мир, как жизнь».

«Вероятно, многие, так же, как и я, часто мысленно говорят со Сталиным, рассказывают ему о каких-то своих делах, о своих неудачах или удачах. Я думаю, что я в этом смысле — не исключение. Все мечтают говорить со Сталиным. А вот тут, в Георгиевском зале, это желание куда-то исчезло. Вероятно, потому, что видеть — уже было необыкновенно много».

Читатель книги найдет много интересных наблюдений, мыслей, выводов в рассказах Образцова о том, как рождалась и совершенствовалась форма его кукол и их поведение. Но, как бы эти рассказы ни были содержательны, они неполны. Нужна не только книга Образцова, но и искусствоведческая критическая книга об Образцове. Надо сохранить для истории развития «кукольного» искусства точное описание и аналитический разбор его произведений. Они заслуживают большего освещения, чем дал им сам Образцов.

Вульгаризаторам, должно быть, покажется парадоксальным наше утверждение о народности искусства Образцова. Помилуйте, — могут они сказать, — поет артист негромким камерным голосом, например, сентиментальный «цыганский» романс «Мы только знакомы, как странно», или «С тобою мне побыть хотелось» Гречанинова, или «Мы сидели с тобой у заснувшей реки» Чайковского, — из-за ширмы, вместо людей, показывает каких-то кошечек и собачек, — что же тут, собственно, народного?.. Но в том-то и дело, что Образцов пародирует сусальность, пародирует с позиций подлинно народного гуманизма, издеваясь над опшлением человеческих чувств, издеваясь над сахаринной фальшью, над мещанской ограниченностью некоторых исполнителей-певцов. Да и не только исполнителей!.. Нечего греха таить, мы еще немало волочим с собою налипшего на нас наследства духовного «мещанства», оно в'едливо и расползается вновь, как ржавчина, если с ним не бороться. На массового зрителя (в том числе и достаточно интелли-

гентного!) пародии Образцова действуют, как освежающий душ. Замечательно, что у зрителей всегда поднимается чувство удовлетворения и растет благодарность к Образцову. Этого никогда не могло бы быть, если бы за иронией, за смехом, за «карикатурой» Образцова не было острой и требовательной мысли гуманиста, обращающегося к здоровому, жизненному чувству своих зрителей, которых он знает и любит, как гражданин и художник.

Есть при этом у Образцова еще одна программная сторона его творчества. Он ненавидит ненужное страдание. Всюду, где он слышит нотки любования собственным страданием, он высмеивает их особенно едко, уничтожающе. Хочется напомнить в связи с этим слова Максима Горького из его письма к Зощенко (1936 г., март): «Как хорошо было бы, если бы вы дали в такой же форме книгу о страдании. Никогда и никто еще не решался осмеять страдание, которое для множества людей было и остается любимой их профессией. Никогда еще ни у кого страдание не возбуждало чувства брезгливости. Освященное религией «страдающего бога», оно играло в истории роль «первой скрипки», «лейтмотива», основной мелодии жизни. Разумеется, оно вызывалось вполне реальными причинами социологического характера — это так!.. Страдание — позор мира, и надобно его ненавидеть для того, чтобы истребить...». «Высмеять профессиональных страдальцев — вот хорошее дело...». Образцов от всей души делает на эстраде это хорошее дело.

И так же, с позиций социалистического гуманизма, которые Образцов не надуманно, а непосредственно-органически несет в себе, он с гневным сарказмом и с чувством огромного превосходства зрителей над «героем» показывает вредного идиота-бюрократа (чулок, натянутый на кулак, — и уже образ, уже характер!) в превосходном сатирическом монологе Ильфа и Петрова «Веселющаяся единица». Мертвая тупость этого человека, ничтожного и пустого, как еловое полено, передана изумительно.

Образцов ненавидит все, что тормозит, унижает или пачкает нашу цветущую жизнь, наше творчество, нашу радость. Но, что для кукольника всего труднее и считалось до сих пор просто технически невозможным, он находит средства петь полным и чистым голосом вдвоем с куклой, художественно, без всякой карикатуры, о глубоких лирических чувствах, о любви, о дружбе. Это — его «Колыбельная» на музыку Мусоргского с куклой-ребенком Тяпой. Трудно описать словами глубину чувства и тонкое мастерство этого исполнения. Оно потрясает. И хочется, чтобы этот артист без конца няньчился со своим Тяпой и рассказывал ему проикновенно, как Арина Родионовна, самые современные народные сказки.

В другой раз Образцов встречает папанинцев, прибывших с полюса в Кремль, песенкой белого медведя: «Вернись, я все прошу»... И нельзя определить — чего больше в этой песенке: юмора или лирики, — во всяком случае больше всего любви к папанинцам и радости встречи.

Образцов, как художник социалистического реализма, хорошо знает, что не может быть истинного произведения искусства, которое не было бы олицетворенным завершением чувств самого народа, что истинно великое может быть даже в «малой форме», если оно подслушано в душе народной. Образцов творит не только «для» народа, не только «ради» него, а вместе с ним.

Творчество Образцова оптимистически утверждает нашу действительность, великий творческий смысл и искренность, правду и радость наших чувств и дел.

О силе художественных образов, создаваемых Образцовым, красноречиво говорит случай, бывший на наших глазах при исполнении «Колыбельной». Уговорив Тяпу, одну из своих самых любимых, волшебным образом оживающих в его руках кукол, лечь спать и убаюкав его на своих руках, Образцов кончил петь и осторожно передал «спящую» куклу одному из сидевших в первом ряду зрителей. А сам ушел. Человек, побледнев, держал куклу в напряженных руках. И

сзади, в полной тишине, в замершей зале, вскрикнула в это мгновение от неудержимого восторга и одновременно от удивления и испуга девочка-подросток: «Ой!.. Спит!». Тяпа продолжал, совершенно, как живой, «спать», хотя все мы видели, что его «жизнь» была заключена в руках Образцова. Мы любовались этими руками художника, и вот артист вынул их из опустевшего тела — тряпочки... Откуда же осталась жизнь в Тяпе!? Продолжал жить образ.

В 1930 году при Центральном доме художественного воспитания детей был организован Государственный центральный театр кукол. С. Образцов стал его художественным руководителем.

Новая для Образцова работа — специально для детей, с целым коллективом артистов-кукловодов, режиссерские постановочные обязанности на большой сцене, где, кроме обширной труппы кукол, действуют — и как выразительно должны действовать! — леса, поля, облака, моря, великаны, — все эти трудности привели и к новым крупным достижениям.

Образцов правильно понял, что «суть работы для детей не столько в изменении тем, сколько в изменении приемов. Тему ребенок может воспринять почти любую, такую же, что и взрослый. Можно ему рассказать и о революции, и о Петре Первом, и о героизме, и о честности, и о подлости, и о великих изобретениях (и о любви и браке!—X.), о чем угодно. Но вот найти способ, как это все детям рассказать, — вот это очень сложно. Часто режиссеры детского театра, и я в том числе, желая поближе подойти к ребятам, начинают не с того конца. Мы обедняем идею, тему спектакля, делаем ее более детской, чем сами дети, а постановочные приемы, методы, выразительные средства берем такие, которые понятны лишь взрослым. Непонятным языком говорим слишком понятные вещи. А делать надо совершенно обратное. Нужно о новых, интересных детям вещах говорить простым и до конца понятным языком».

Благодаря этому методу театр Образ-

цова становится передовым, ведущим для всех «кукольников».

Кукольный театр — театр чудесной художественной фантазии, увлекательной, мудрой сказки, красочной феерии — стал под руководством С. В. Образцова одним из самых оригинальных и интересных в столице. Работе этого театра посвящены заключительные главы книги, с исторической справкой, обращенной к «скептикам». В этой краткой справке автор напоминает, что куклы и кукольные театры имеют глубокую и богатую историю с древнейших времен — в Греции, Индии, Китае, Японии, да и во всем мире.

«Никогда не может быть, чтобы я бросил кукол, и не потому, что увлечен или верю в них, а потому, что просто знаю, ясно вижу возможность очень интересных, очень больших открытий в области театра кукол, в котором много общетеатральных законов, совершенно своих, только куклам присущих приемов выразительности и единая со всем искусством цель. Залогом того, что этой цели можно достигнуть, служит мне та сила воздействия на зрителя, которую несут с собою куклы, которую я ощущаю и на спектаклях для детей, и на выступлениях для взрослых». Так заканчивает С. Образцов свою книгу.

К этому можно добавить, что ее автор в своей практической работе, благодаря внимательному и глубокому ее осмыслению и выдающемуся, очень культурно воспитанному таланту, довел технику актера с куклой и мастерство кукольного театра до степени большого искусства, отнюдь не архаического, а живого, современного, дающего с каждым днем все больше радостей и детям, и взрослым. Это искусство в нашей стране продолжает свои лучшие традиции народности и высокой идейности, о чем даже между строк непосредственно, всем существом своего содержания говорит эта хорошая, полезная книга.

Социалистическая революция раскрыла перед кукольным театром в СССР совершенно новые возможности. Дело не только в том, что С. Образцов по-

лучил хорошее театральное помещение, средства и помощь, что зал его театра всегда наполнен детьми и взрослыми (билеты сюда все раскупаются заранее, как во МХАТ), что С. Образцов и его товарищи пользуются в нашей стране общим уважением, какого никогда «кукольники» раньше в России не имели. Дело еще в том, что этот московский театр стал культурным центром для сотен растущих подобных профессиональных и самодеятельных театров в стране. Число их растет. Артисты-кукольники появляются везде: в Красной Армии, в школах, на дворах больших городов, в колхозах.

Несомненно, что кукольный театр может стать и одним из самых интересных видов детской самодеятельности. Тут ребята все могут делать сами: лепить, раскрашивать и шить куклы, строить и рисовать декорации; инсценировать сказки, басни, рассказы, сами сочинять сценки и пьесы, составлять оркестр из любых имеющихся инструментов, наконец, сами будут играть куклами, — словом, развивать способности к живописи, скульптуре, литературе, музыке, актерской игре, — все в единстве цели и метода. Метод — создание художественного образа, понятного, содержательно-го, идейного, народного.

О широком распространении кукольного театра неустанно напоминает Образцов, но, видимо, плохо помнит изд-во «Искусство», выпустившее его книгу.

Издана книга хорошо, она богато и интересно иллюстрирована, но стоит она непомерно дорого — 15 рублей. Не считает ли издательство «Искусство» книгу о кукольном театре предметом роскоши, интересным для любителей и малонужным для массового читателя?

Следует переиздать работу С. Образцова и выпустить специальное издание в «Детиздате» — в изложении для детских кружков. Как это сделать понятно и интересно для детей, Образцов, без сомнения, отлично знает! Литературным языком он владеет так же превосходно, как и сценическим.

Х. Херсонский.

И. М. МОСКВИН — «Творческие беседы мастеров театра».

Изд-во «Всероссийское театральное общество», 1938 г. Тираж 4 200. Ц. 3 р. 50 к.

Народный артист Мих. Мих. Тарханов рассказывал, как раньше училась театральная молодежь. «Прихожу я в гостиницу к трагику Мамонту Дальскому, который меня до этого жутко разругал. Пришел и заплакал. Учите меня, говорю». И Мамонт Дальский дал несколько советов начинающему актеру Тарханову.

Советской молодежи не приходится плакать. Опыт старых мастеров театра не засекречивается, как прежде. С открытой душой протягивают они руку молодежи. Примером тому служит книга депутата Верховного Совета СССР — народного артиста СССР И. М. Москвина.

История книги такова: Всероссийское театральное общество организовало ряд творческих бесед мастеров советского искусства с театральной молодежью. Беседы эти стенографировались. Вот из такой беседы и родилась книга И. М. Москвина.

Совершенно ясно, что богатейший опыт выдающегося русского актера Ивана Михайловича Москвина, создателя незабываемых образов царя Федора, штабс-капитана Снегирева («Братья Карамазовы»), Луки («На дне»), Фомы Опискина («Село Степанчиково»), Хлынова («Горячее сердце») и др., не может быть исчерпан в трехчасовой беседе. Но у театральной молодежи так мало данных о работе больших мастеров русского театра, что выход этой небольшой, изящно изданной книжечки надо всячески приветствовать.

В книге всего 61 страница. Изложена она в форме вопросов и ответов, которые задают участники беседы Ивану Михайловичу. Ответы Москвина глубоко поучительны.

Как и основатели Художественного театра К. С. Станиславский и В. И. Немирович-Данченко, Москвин ненавидит на сцене фальшь, неискренность, наигрыш, кривляние и ремесленный подход к созданию образа. Глубочайший реалист на сцене, Москвин призывает молодежь к борьбе против штампа и несерьезного подхода к роли, против схематизма и шаблона.

«...Зрители не виноваты в том, — говорит Москвин, — что актер играет роль в пятисотый раз, ведь они в первый раз пришли смотреть пьесу, с трудом достали билеты, явились в театр, как на праздник, и в праве требовать: «Ты дай мне настоящую жизнь, а не отдаленное эхо».

С огромной любовью говорит Москвин о нашем советском зрителе, о тех десятках тысяч людей, которые ежедневно наполняют театры нашей родины. Актер-гражданин, верный сын своего народа, Москвин борется с вредной теорией — искусством для себя.

В старое дореволюционное время в артистической среде нередко говорили: «Публика — дура». Нет, не дура наша публика. Отметая

все ложное и фальшивое, она любовно оценивает настоящее реалистическое искусство. Дорог советский зритель Москвину. «Такому зрителю, — говорит он, — мы обязаны нести настоящее искусство, а не суррогат, который подчас подают под видом искусства. Подделка под искусство ничего не дает зрителю, а только путает его. Если в театре зритель видит правдиво изображенную жизнь, спектакль глубоко западает ему в память, волнует его и многому учит».

На такие насущные вопросы для молодежи, как взаимоотношения режиссера и актера, о построении сценического образа, Москвин дает в своей книге-беседе исключительно интересные ответы. Правдиво, жизненно трактует он и вопрос о том, может ли актер играть роли, противоположные его человеческой индивидуальности.

«Возьмите такую громадину, как Лев Николаевич Толстой. Добрый человек был, благородный, а сидел в нем чорт, который беспокоил его всю жизнь».

Актер, замечательно сыгравший в Художественном театре Федю Протасова, прекрасно понимает Льва Толстого. Он понимает внутренние противоречия этого великого художника и поражается его художественному проникновению и знанию жизни.

«Удивительно, как он (Толстой) все знал и обо всем мог писать! Ведь вот писал он про лошадь, и так писал, что лошадь сама о себе так не напишет. А описание родов? Для него не было тайн. Мне кажется, он слышал, как трава растет и как земля дышит».

Какое прекрасное определение Толстого-художника!

Очень ясно определяет Москвин на примерах своих ролей, что такое «зерно роли», сквозные действие, внутренняя характеристика роли. На опыте своей работы он показывает, какое величайшее значение имеет для актера «азбука сценического искусства», система К. С. Станиславского, этого великого режиссера, всю жизнь борющегося с фальшью на сцене. «Надо меньше врать на сцене, надо все брать из жизни, надо с каждым предметом на сцене обращаться, как в жизни, и тогда это приведет к правде».

Рассказывая, как К. С. Станиславский боролся с ложью на сцене, Москвин приводит интересный эпизод. «Был, например, актер Петросян. Играя Яго, он сразу же показывал его мерзавцем, и Станиславский ничего не мог с ним сделать. В начале спектакля это впечатление еще как-то скрашивали партнеры, но, как дело доходило до монолога в палате дождей, Станиславский, видя, что он все равно ничего от актера добиться не может, придумал такую мизансцену: все уходило из палаты дождей, Яго оставался один со своим монологом. Как только он начинал его читать, в па-

лату входили служители и начинали покрывать кресла чехлами, так как совет дождей был уже закончен. Публику этот процесс уборки немного отвлекло от монолога, который актер сворил из рук вон плохо....».

Конечно, эта мизансцена не была выходом. Об этом и говорит далее Москвин, указывая на последующего, уже после Октябрьской революции, исполнителя роли Яго, покойного актера Синицына, который прекрасно играл эту роль в Художественном театре и настолько правдиво передавал этот монолог, что публика слушала, затаив дыхание. Само собой разумеется, что служителей тут выпускать не пришлось.

С огромнейшим уважением и благодарностью говорит И. М. Москвин об учителях, создателях МХАТ, — Константине Сергеевиче Станиславском и Владимире Ивановиче Немировиче-Данченко. Последний был первым учителем Москвина еще по филармонии.

Когда Станиславский искал исполнителя для роли царя Федора, Немирович-Данченко придал письмо Станиславскому:

«Вижу в Федоре только одного Москвина».

Рассказывая об этом изумительном знатоке актерской души, Москвин отмечает, что «он ничего не говорил актеру лишнего, мимо, а все в цель».

В старом театре в выявлении способностей актеров большую роль играл случай. Если бы не случай, — говорит в своей книге Москвин, —

я бы не играл царя Федора, а вот уже 39 лет я играю.

«Теперь же на советской сцене актеру дают больше возможностей для проявления своих способностей».

Детально раскрывает Москвин и такие понятия, как сценическая мысль, слово, логическое ударение. На примерах больших мастеров русского театра Южина и Остужева Москвин доказывает, что нельзя слепо механически копировать чужое творчество. Например, игра актера, подражающего Остужеву, но не обладающего напевностью его речи, не имеющего его обаяния и темперамента, будет только смешна.

Жаль, что И. М. Москвин ничего не говорит о своих встречах с Максимом Горьким, совсем не упоминает и о своей биографии. Ничего не говорит он и о своих ролях профессора Горностаева («Любовь Яровая»), Пугачева («Пугачевщина») и др. Между тем все эти творческие искания очень интересны и глубоко волнуют молодежь.

Книга И. М. Москвина очень полезна и интересна для актеров, участников художественной самодеятельности, театральных художников, а, впрочем, также для всех, любящих театр. Это в нашей стране означает — многомиллионного читателя.

Цена книги — 3 р. 50 к. — высока, а тираж — 4 200 экземпляров — безусловно мал.

Г. Мерлинский

★

ЮРИЙ ЖУКОВ — «Граница». Гос. изд-во «Художественная литература», М. 1938 г., стр. 223, тираж 10 000 экз. Ц. 2 р. 75 к.

★

Народный поэт Дагестана Сулейман Стальский в своих мудрых, глубоко прочувствованных «Думах о родине» восторженно восклицал:

Я славаю тысячи дорог

И Дальний — близкий мне — Восток!

В этом поэтическом двестишии ярко выражены мысль и чувство многомиллионного советского народа. Общность интересов объединяет всех людей необъятного Советского Союза. Она связывает их за тысячи километров, через горные вершины и непроходимую тайгу. Она рушит территориальные преграды и сближает всех строителей социализма, где бы они ни находились.

Военно-политические события в районе озера Хасан, кровь героических защитников социалистической родины, самоотверженно проливая ими на далеких сопках Заозерной и Безымянной, еще более сблизили и сроднили нас с отдаленным краем. Жизнь его людей, их доблестные подвиги и творческий труд, как никогда, приковывают к себе всеобщее внимание. Интерес к этому краю ширится и нарастает. Советский народ хочет более подробно и конкретно знать о Дальнем Востоке. И это

налагает на советских писателей особую обязанность художественного отображения дальневосточной действительности.

К чести советских писателей следует признать, что ими этот счет массового читателя принят и уже отчасти оплачен. За последние два-три года опубликовано несколько художественных произведений, посвященных дальневосточной тематике («На Востоке» П. Павленко, «Дальневосточные рассказы» Б. Лапина и Э. Хапреева, «Патриоты» С. Диковского, «Дальний Восток» бр. Васильевых, «Шпион» Р. Фраермана и др.). К числу таких произведений относится и новая книга «Граница» Ю. Жукова, которому посчастливилось совершить интересное путешествие в вагоне редакции «Комсомольской правды». «Этот вагон исколесил 20 152 километра, — бригада «Комсомольской правды» участвовала в тактических учениях войск ДВКА, была на учениях Тихоокеанского флота, гостила у дальневосточных пограничников, у строителей Комсомольска на-Амуре, у комсомольцев Владивостока, Ворошиловска, Хабаровска». Огромный запас дорожных впечатлений и наблюдений от этого необычного путешествия Ю. Жуков и исполь-

зовал для создания книги, основная ценность которой заключается в правдивом изображении ярких явлений дальневосточной жизни.

По уверению писателя, в его книге «изложены только факты, взятые без прикрас... В этих путевых заметках, — говорит он, — описано путешествие по границе, — горд за городом, застава за заставой, — в том самом порядке, в каком оно совершалось».

Следует однако отметить, что композиция путевых очерков «Граница» более оригинальна и сложна. Стержневая сюжетная линия этой книги, действительно, — хроникальное повествование о путешествии. Но это повествование систематически прерывается авторскими отступлениями, перемежается вставками различного характера и содержания. Автор нередко делает исторические экскурсы то в дореволюционное прошлое Дальнего Востока (рассказ о Геннадии Невельском — отчаянном «русском Колумбе», открывшем устье Амура и впервые доказавшем, что Сахалин не полуостров, а остров; рассказ о скандальном путешествии царского наследника по Дальнему Востоку), то в героическую эпоху гражданской войны (воспоминания об японской интервенции). Наряду с этим писатель широко пользуется цитатами из различных источников: из дневника знаменитого русского путешественника Пржевальского (описание Уссурийского края), из книги «Русские на Восточном океане» Макарова (описание военной экспедиции Баранова на Дальний Восток в конце XVIII в.), из книги «Наш Дальний Восток» Д. И. Шрейдера (описание пограничного поселка Ново-Киевского в царское время), из книги военного губернатора Приморья, генерала Унтербергера, о сибирских дорогах дореволюционного периода, из вахтенного журнала, многотиражек, «ильничовок», красноармейских писем и т. п. Наконец, большое место в книге Ю. Жукова занимают рассказы о боевых эпизодах, изложенные непосредственно от имени пограничников и имеющие часто значение самостоятельных очерков-новелл (например, рассказ Карачупы об его сторожевой собаке «Индус», рассказ Дальского о героических подвигах красноармейцев в эпоху гражданской войны, рассказ майора Евсеева о борьбе с браконьерами — искателями женьшеня).

Многие из этих вставных материалов включены с целью контрастного сопоставления советского Дальнего Востока с его дореволюционным прошлым. Так, описывая захватывающие картины советского Владивостока, писатель обращается к «томам старинных книг, переплетенных в добротную свиную кожу. Эти книги рассказывают страшные были о старом Владивостоке — грязной, скучной деревушке «Владей-Востоком», в которой спящиеся офицеры от тоски играют в «тигра»: в темной комнате босиком, бесшумно бродит один из играющих, а остальные стреляют в него наугад из револьвера»... В другом месте автор, любуясь красивыми силуэтами заново отстраиваемого индустриального города Ворошилов-

ска, тут же невольно вспоминает: «Ворошиловск... Да ведь это то самое село Никольское, в котором когда-то августейший наследник российского престола катался на крестьянских девушках, запряженных в коляску!».

Характеристика замечательных людей советского Дальнего Востока, пламенных энтузиастов социалистической стройки, влюбленных в свой край, точно так же становится еще более яркой и убедительной, когда этим жизнерадостным патриотам автор противопоставляет людей старого Дальнего Востока, приводя о них цитату из книги Д. И. Шрейдера, изданной в 1897 году: «Все урочища так похожи одно на другое... Бродишь по улицам, как по кладбищу. Тоскливо, монотонно и скучно живет немногим европейцам, волею судьбы поселившихся здесь... Тоска по родине — это непрерывное, всепоглощающее страдание, затмевающее в одержимом им все желания, помыслы, чувства... Чисто стихийное пьянство, сумасшествие или самоубийство являются лишь неизбежными последними актами его». Как это не похоже на советских дальневосточников!

Таковую же идейно-художественную функцию выполняет в книге и воспоминание о Геннадии Невельском — «русском Колумбе», встретившем, вместо поддержки и помощи, лишь бюрократическое равнодушие со стороны буржуазно-помещичьего общества царской России. Этот образ непризнанного исследователя еще более оттеняет ту небывалую атмосферу исключительного внимания и заботы, которыми окружены люди советского Дальнего Востока, получившие полную возможность для безграничного проявления своей творческой инициативы и энергии. Целесообразно в этом плане включение в путевые очерки Ю. Жукова, например, и такой цитаты из книги царского генерала Унтербергера: «Морские сношения области (Дальнего Востока. — П. Б.) как с Европейской Россией, так и с заграницей, год от году все увеличиваются, причем преобладающими являются во Владивостоке германские, а в Николаевске японские суда». Эта цитата красноречиво объясняет отчасти причины лютой вражды некоторых сопредельных государств к Советскому Союзу, сумевшему в короткий срок, вместо «германских и японских судов», создать свой советский могучий флот.

Однако все эти исторические экскурсы и параллели играют в книге лишь служебную роль. Основное же внимание писателя сосредоточено на непосредственном показе современного Дальнего Востока и, главным образом, его славных пограничников.

Путевые заметки Ю. Жукова хорошо передают обстановку боевых будней дальневосточной армии, наглядно убеждают в ее несокрушимой мощи, в совершенстве ее технического оснащения. Вот автор приехал в один из пограничных районов. «Вечерет. Мы прогуливаемся с командиром по роще, слушая его рассказы о том, как приходилось ему вести бетонные работы, как надо было разбираться в тонкостях новых механизмов, как он воспитыва-

людей, которые сумели в конце-концов отлично овладеть этой новой техникой.

— Да, но где эта техника, чорт возьми? Что здесь есть, кроме кустов жимолости и папоротника?

Командир, усмехаясь, раздвигает рукой листву».

Боевые будни дальневосточников полны постоянной тревоги. Мужественные пограничники должны быть каждую минуту готовы к отпору врага. Вот характерная сцена. Семья лейтенанта — начальника заставы — мирно обедает. «Вдруг раздается стук в окно.

— Кто там?

— Товарищ начальник! Вас к телефону.

Лейтенант отодвигает тарелку и надевает фуражку. С лица Нины сбегает улыбка.

— Я сейчас.

Через минуту за окном какое-то движение. Люди в зеленых гимнастёрках быстро и ловко сажают коней. В комнату входит лейтенант. Он попрежнему спокоен. Надевая на ремень винтовку, он бросает через плечо:

— К сожалению, вам придется пообедать одним.

Я по-штатски брякаю:

— А что случилось?

— Да так, ничего особенного...

Через секунду за окном слышится топот. Жена улыбается вслед удаляющимся всадникам. Она умоляется. И лишь нервно стиснуты пальцы левой руки».

А вот и одна из батальных картин борьбы с японо-манчжурскими налетчиками: «Всю ночь до рассвета гремят разрывы гранат, раздается пулеметная стрельба, скрежещут, ударяя друг о друга, штыки и сабли. Ветер разносит над унылыми размокшими сопками хриплые крики разгоряченных дракой людей, протяжные стоны раненых, отрывистые приказания. И только под утро японские офицеры окончательно убедились в том, что их затея безнадежна. Густые колонны японо-манчжур отхлынули обратно через границу, оставляя трупы убитых, оружие и снаряжение. Было попрежнему сыро, холодно и ветрено. С неба падал снег. Начинаясь метель. Усталые пограничники спешили подобрать трофеи, пока их не замело сугробами.

— Вот это был настоящий бой! — заметил после некоторого раздумья работник штаба.— Арифметика здесь простая: у японцев восемнадцать пулеметов, а у нас два; у японцев батальон, у нас тридцать пять бойцов. Мы отстояли свои позиции, японцы бежали. Вот вам и весь итог».

Таковыми боевыми схватками и победами богата жизнь дальневосточников. Об этом красноречиво говорит выписка из истории одной ча-

сти погранохраны, приведенная в книге Ю. Жукова.

«1922—1928 годы. Ликвидировано 19 банд. Убито 189 бандитов. Захвачено 141. Ликвидировано 5 крупных банд прорыва с регулярными воинскими частями в их составе».

1929 год. Разбита банда полковника Назарова.

1930—1932 годы. Ликвидировано 15 банд.

1933—1935 годы. Проведено 14 интернирований. При этом изъято 3 орудия, 85 ящиков снарядов, 29 пулеметов, 1719 винтовок, 628 револьверов, 100 тысяч патронов».

Цифры живо рассказывают о том, что на Дальнем Востоке вооруженная борьба фактически не прекращается, что хасановские события выделяются лишь по своим размерам, что наши бесстрашные дальневосточники ежедневно мужественно и стойко защищают священные границы социалистического отечества от наглежащих японских банд, нанося им каждый раз сокрушительные удары. В целом ряде ярких эпизодов писатель показывает изумительную героику наших дней. В его книге дана обширная галерея незабываемых образов прославленных героев, известных всему Советскому Союзу: красноармейцев Семена Лагоды, Валентина Котельникова, Василия Баранова, капитана Агесва, лейтенанта Демченко и др., описаны их подвиги, доблесть, отвага, непоколебимая преданность партии Ленина—Сталина, любовь к социалистической родине.

Путевые очерки Ю. Жукова написаны задолго до разгрома японских налетчиков в районе озера Хасан. Однако всем своим содержанием книга «Граница» приводит к выводу о неизбежности этого разгрома. Больше того — она убеждает в том, что и в дальнейшем враг встретит такой же сокрушительный отпор, если он дерзнет нарушить неприкосновенные рубежи Советского Союза.

Очеркист Ю. Жуков не претендует на широту художественных обобщений. Своей скромной задачей он поставил лишь ознакомление советских читателей с наиболее яркими явлениями дальневосточной жизни, которую ему довелось наблюдать во время путешествия. Но, поскольку эти явления сами по себе весьма характерны и типичны, значение книги соответственно повышается.

Написанная культурно, живым литературным языком, насыщенная увлекательным содержанием, эта книга, несомненно, привлечет внимание широкого читателя и в известной мере удовлетворит его растущий интерес к жизни на Дальнем Востоке.

П. Березов.

СОДЕРЖАНИЕ
ЖУРНАЛА „НОВЫЙ МИР“
за 1938 г.

**РОМАНЫ, ПОВЕСТИ, РАССКАЗЫ,
ПЬЕСЫ:**

- В. Билль-Белоцерковский. Дикий рейс, рассказ. V—177.
С. Гехт. Узкая колея, рассказ. VIII—123.
И. Гехтман. Погоня, рассказ. IV—139.
Ф. Гладков. Энергия, роман, часть четвертая. X—15, XI—35 и XII—81.
А. Дерман. Дело об игумене Парфении, роман-хроника. VII—109, VIII—51, IX—101.
С. Диковский. Конец «Саго-Мару», рассказ. II—143.
С. Диковский. Старики, рассказы. XI—13.
Иван Евдокимов. На солнце, из записок художника. VII—57.
М. Зингер. Настойчивость, рассказ. III—135.
М. Зингер. Дорога жизни, повесть. VII—93.
К. Клосс. Танкисты, повесть. II—157.
К. Клосс. Сигналы бедствий, повесть. IX—125.
Борис Лавренев. Выстрел с Невы, рассказ. II—129.
Б. Лапин. Витька, рассказ. X—89.
Л. Леонов. Половчанские сады, пьеса. III—17.
Вл. Лидин. Ваня, рассказ. III—75.
Вл. Лидин. Апрель, рассказ. VIII—45.
В. Лосев. Молодой человек, роман. X—95, XI—89, XII—143.
К. Львова. На станции, рассказ. III—105.
Ал. Малышкин. Люди из захолустья, роман, продолжение. I—123.
Ал. Малышкин. Гражданин, кино-повесть. XII—25.
Н. Москвин. Дни юности, рассказ. IV—155.
Павел Нлиин. Знаменитый Павлюк, рассказ. III—93.
Ив. Новиков. Сын тысяцкого, повесть об авторе «Слова о полку Игореве». V—113.
Вадим Охременко. Девушка из Чervoного Бора. IV—161.
Андрей Платонов. Ольга, рассказ. VII—17.
О. Рунова. Вор, рассказ. VIII—136.
П. Русин. Последний выстрел. IX—149.
А. И. Сви́рский. Польша (главы из романа). VI—151.
А. Смолян. Тезка, рассказ. III—81.
А. Смолян. Лишние люди, рассказ. III—86.
Ал. Снегов. В колхозе, рассказ. VI—13.
Ал. Снегов. Ягоды, рассказ. VIII—142.
Л. Соловьев. Высокое давление, роман. V—15, VI—103.
Д. Стонов. Отец, рассказ. IV—127.
Д. Стонов. Братья, рассказ. VIII—111.

- В. Тарсис. Дездемона, повесть. IX—9.
Ал. Толстой. Хлеб, повесть. I—33, II—27.
В. Федорович. Звезда, рассказ. IX—167.
В. Федорович. Аканф, рассказ. X—75.
Давид Хаит. Дом с садом, рассказ. III—141.
Мих. Шолохов. Тихий Дон, роман. I—97, II—105, III—61.
М. Шошин. Свидание, рассказ. VI—143.
М. Шошин. Огни, рассказ. VI—148.
М. Шошин. Три рассказа. XI—142.
И. Шпарро. Дед Чучков, рассказ. III—153.
В. Щербаков. Бегство, рассказ. VII—164.
И. Эренбург. Рассказы. XII—133.
Евгений Юнга. Моряжи летучей рыбы, рассказы. VI—171.
Евгений Юнга. Портовые рассказы. XII—63.
М. Юфит. Зрелость, повесть. IX—44.

СТИХИ И ПОЭМЫ:

- М. Алигер. Победители, II—127.
М. Алигер. Стихотворение. XI—152.
Рафаэль Альберти. Монте де эль Пардо, пер. с испанского Бор. Пастернака. VIII—16.
П. Антокольский. Родина. VI—20.
П. Антокольский. Большая Москва. VII—173.
П. Антокольский. Утро в Баку. IX—166.
Микола Бажан. Узбекские стихи, пер. с укр. П. Антокольского. XII—77.
Н. Берендгоф. Стихи о трех летчиках. XI—33.
Эрих Вайнерт. Четыре стихотворения, пер. с немецкого В. Бугаевского. XI—138.
Верден. Стихотворение, пер. с французского Бор. Пастернака. VIII—50.
Выходи за меня, ингушская песня, пер. С. Липкина. VI—101.
С. Галкин. Стихотворение. III—15.
С. Галкин. Стекло. III—16.
Р. Гицбург. Сын. III—73.
С. Гуревич. У гроба Чкалова. XII—27.
В. Державин. Памяти героя. XII—26.
Джамбул. Поэма о наркоте Ежове. I—92.
Джамбул. Вооруженный народ, поэма. II—17.
Джамбул. Первомайские песни. V—12.
Л. Длигач. На родине. IV—135.
Е. Долматовский. Шесть стихотворений. X—129.
А. Ерикеев. Комсомолка Гюльсара, пер. с татарск. М. Голодного. X—12.
А. Ерикеев. Комсомолка-партизанка, пер. с татарск. М. Исаковского. X—13.
В. Звягинцева. Про песню. III—72.
В. Звягинцева. Саратовская земля. IX—41.
В. Звягинцева. Стихотворение. XII—76.
М. Зенкевич. Валерий Чкалов. XII—28.

- М. Исаковский. Девушка, песня. III—71.
 Л. Квитко. Стихотворения, пер. с евр. V—193.
 С. Кирсанов. Четыре сонета. VI—141.
 А. Коваленков. Разлука. VII—108.
 А. Коваленков. Четыре минуты, поэма. XI—87.
 А. Коган. Рассказ Нади. X—93.
 О. Колычев. Конопля, глава из поэмы «Щорс». IV—153.
 А. Коштейн. Летчица. VIII—122.
 А. Коштейн. Застава. XII—52.
 А. Коц. Горная баллада. IX—98.
 М. Кочнев. Дождь. III—103.
 М. Кочнев. Два стихотворения. X—88.
 С. Крыжановский. Песня, пер. с укр. Кезон. VIII—135.
 Павел Кустов. Изба. III—133.
 Павел Кустов. Конь. XII—132.
 В. Лебедев-Кумач. Выборная песня. VI—19.
 Г. Литвак. Песня. III—102.
 Манас, киргизск. народный эпос, пер. Л. Пеньковского. III—157.
 Сергей Марков. Заморский капитан. Донат, китовый дружок. I—118.
 Л. Мартынов. Пленный швед. VII—91.
 М. Матусовский. Товарищи. X—11.
 М. Матусовский. Траурный марш. XII—25.
 И. Муратов. Баллада о квалде Коваленко, пер. с укр. Д. Петровского. IX—178.
 А. Недогонов. Каска. X—87.
 Н. Незлобин. Партизанская. II—126.
 Н. Незлобин. Две дороги. XI—32.
 Л. Озеров. Песня в горах. XI—12.
 А. Ойслендер. Гейне. IX—124.
 Л. Ошанин. Города. VII—32.
 Л. Ошанин. Десятилетнему. XI—153.
 Л. Первомайский. Последняя встреча, память Матэ Залка, пер. с укр. П. Антокольского. VIII—13.
 Песня о Серго, пер. с ингушского С. Липкина. VI—100.
 Песня пастуха, грузинск, народн. песня, пер. К. Липскерова. XI—85.
 В. Полторацкий. Баллада о земляке. VIII—109.
 Мамед Рагим. Бессмертный герой, пер. с азерб. М. Алигер и П. Антокольского. XII—22.
 Расскажите Сталину про меня, белорусская народная песня, пер. М. Исаковского. IV—126.
 Всев. Рождественский. Парк в городе Пушкина. XII—141.
 Максим Рыльский. Идиллия, пер. с укр. Н. Брауна. XI—151.
 И. Сельвинский. Челюскинана. V—141.
 Н. Сидоренко. Восточная песенка. III—134.
 Н. Сидоренко. Медный грошик. VIII—121.
 К. Симонов. Флаг. IX—148.
 К. Симонов. Однополчане. X—14.
 А. Ситковский. Три стихотворения. III—104.
 Михаил Спиров. В пургу. VII—163.
 Сулейман Стальский. О ком поет народ (отрывок из посмертной поэмы о Сталине). I—90.
 Сулейман Стальский. Донецкий слесарь, пер. с лезгинского С. Липкина. XI—11.
 Алексей Сурков. Походная. II—142.
 Эми Сяо. Стихотворения, пер. с китайск. V—111.
 Эми Сяо. Стихотворения. VI—170.
- «ТВОРЧЕСТВО НАРОДОВ СССР»:
 По твоим заветам все исполнилось, русский сказ. I—17.
 Два сокола, пер. с украинского. I—20.
 Он живет, пер. с даргинского. I—21.
 Твоим бойцом я стану, пер. с арм. I—23.
 Исполни веков, пер. с тадж. I—24.
 Слава Сталину будет вечная, русская былина. I—25.
 Ленинская правда, белорусск. сказка. I—30.
 Как Федосья Никитишна у Ленина была. I—32.
 Ленин — вождь, пер. с армянск. II—11.
 Нас повел товарищ Сталин, пер. с укр. II—16.
 Фрунзе, стихотворение, пер. с казахск. II—178.
 Обращение к Ворошилову, стихотворение, пер. с казахск. II—188.
 По долям и по взгорьям. II—210.
 Освободителю Кавказа, пер. с кабардинского. II—224.
 Леся Украинка. Стихотворения, переводы Е. Благиной и М. Алигер. VIII—42.
 Ник. Ушаков. Красные в горах. VI—180.
 Ник Ушаков. Шоссе VII—56.
 Ф. Федоров. Маяковский. X—72.
 Ф. Федоров. Западные стихи. X—73.
 И. Фефер. Клад, поэма пер. С. Липкина. IV—136.
 Чеченская песня, пер. С. Липкина. VI—102.
 Симон Чиковани. Тбилисский рыбак, пер. с грузинск. Бор. Пастернака. IV—167.
 С. Чиковани. Посещение рыбака, пер. с груз. Бор. Пастернака. IV—168.
 Симон Чиковани. Горы, пер. П. Антокольского. VI—11.
 Шекспир. Сонет, пер. с английского Бор. Пастернака. VIII—49.
 В. Шульчев. На покосе. III—74.
 С. Щипачев. Зависть. III—140.
 С. Щипачев. Четыре стихотворения. V—63.
 С. Щипачев. Чу. XI—86.
- СТАТЬИ, ОЧЕРКИ, ДОКУМЕНТЫ:
 П. Александров. Приезд товарища Сталина в Первую Конную армию. II—276.
 К. Ананьев. Климент Ворошилов. II—189.
 Ив. Анисимов. Байрон. I—293.
 Ив. Анисимов. Друг трудящихся. XI—260.
 М. Аплетин. Антифашистский фронт писателей. VIII—236.
 Микола Бажан. Леся Украинка (1871 — 1913 гг.). VIII—247.
 Проф. Д. Балака. Горький над страницами философских книг. VIII—253.
 С. Н. Барышев. Депутат Верховного Совета РСФСР. Три четверта века, воспоминания. IX—203.
 П. Березов. Писатель-герой (к годовщине смерти Матэ Залка). VI—256.
 И. Беркович. С. М. Киров на Астраханском фронте. X—160.
 Н. Богословский. Эстетика Чевышевского. VII—269.
 Боевые эпизоды, документы героических боев в районе озера Хасан. IX—179.

- С. Борщевский. Новое о Салтыкове-Щедрине. VII—247.
- С. Брейтбург. Неразысканная рукопись Горького о Толстом. VI—251.
- Г. Бровман. Великий поэт революции. IV—244.
- Г. Бровман. Великий критик (к 90-летию со дня смерти В. Г. Белинского). VI—260.
- Г. Бровман. Литературные заметки о современной теме. XI—199.
- Полк. комиссар И. Булочников. Красная Армия — оплот мира. VIII—197.
- Великая годовщина. XI—5.
- А. Виноградов. Василий Чапаев. II—231.
- А. Владим. Джамбул и его поэзия. V—243.
- М. Водопьянов. Как сбывался мечта. V—213.
- Всенародное торжество. VI—5.
- Выборная кампания началась. IV—3.
- Героический комсомол. X—5.
- Полк. С. Гуров. Оборона и наступление в современной войне. VII—211.
- Полк. С. Гуров. Оборона Царицына. VIII—209.
- Полк. С. Гуров. Артиллерия в современном бою. IX—230.
- Полк. С. Гуров. Разгром Врангеля. XII—208.
- А. Гурштейн. Повесть о хлебе («Хлеб» Ал. Толстого). III—257.
- Двадцать лет Красной Армии и Военно-Морского Флота. II—5.
- С. Дзержинская. Памяти Феликса Дзержинского. I—218.
- И. Дукор. Здравствуй, жизнь! X—208.
- Мих. Евгеньев. Щорс и Боженко. II—247.
- А. Еголин. Горький — борец за коммунизм. VI—237.
- А. Еголин. Некрасов и наша современность. XI—218.
- Л. Жариков. Письма в вечность. X—144.
- И. Жига. Подземная газификация, очерк VIII—146.
- Полк. Н. Журавлев. Роль авиации в современной войне. X—197.
- Полк. Н. Журавлев. Героическая борьба испанского народа. XI—190.
- За мир, за социализм, против войны и фашизма. VIII—5.
- За овладение боевой большевистской теорией. IX—3.
- Ал. Зотов и П. Сысоев. Успехи советской живописи (к открытию выставки «Индустрия социализма»). I—303.
- Ив. Зыков. Зимний берег. XII—172.
- Избранники народа. I—220.
- Избранники народов СССР. VII—176.
- Из переписки А. П. Чехова и О. Л. Книппер. X—270, XI—232, XII—257.
- Г. М. Ильин. Моя жизнь. VI—198.
- А. Карцев. Кондуктор Никифоров. VIII—164.
- К двадцатилетию ВЧК — ОГПУ — НКВД. I—209.
- Ф. Кельни. Испанская молодежь и ее литература. XI—219.
- Ф. Кельни. Октябрь в испанской литературе. XII—218.
- В. Кирпестин. Великий русский поэт Н. А. Некрасов. I—284.
- Б. Козьмин. Памяти Д. И. Писарева, к 70-летию со дня смерти. VII—239.
- Б. Козьмин. Литературная борьба вокруг Успенского. IX—267.
- Д. Косарик. Шевченко и русская литература. VIII—262.
- О. Котовская. Воспоминания о Котовском. II—255.
- Проф. Х. Коштоянц. Новое о природе нервного процесса. XI—154.
- Проф. С. Кравков. Взаимодействие органов чувств. XI—162.
- Н. Кружков. М. В. Фрунзе. II—179.
- К совести всего человечества. Воззвание чехословацких писателей. Ответ советских писателей писателям Чехословакии. Письмо президиума Союза защиты немецких писателей. Письмо британских писателей. Письмо Л. Арагона. X—205.
- Проф. Б. Г. Кузнецов. Из прошлого русской науки. VIII—175.
- А. Лейтес. О двух поэтах. IV—248.
- П. Лепешинский. Мастера большевистской литературной критики. V—272.
- Лидделл Харт. Европа под ружьем. IV—203.
- И. Лильчицкий. Над Заозерной. X—133.
- П. Логинов-Лесняк. Шелковая ткань, очерк. VII—201.
- Н. Лысиков. Боевое крещение. X—137.
- Май 1938 года. V—5.
- П. Мануйлов. Героини-летчицы. XII—161.
- С. Марков. Н. Н. Миклуха-Маклай. IV—169.
- П. Марков. Сорок лет Художественного театра. X—228.
- Г. Мезенцев. Возвращение. I—232.
- Е. Мелнкадзе. Выставка «20 лет РККА и Военно-Морского Флота». VI—270.
- П. Метелин. Его время пришло. XI—211.
- Проф. М. Неменов. Радий и его применение. XII—187.
- П. Новицкий. А. А. Остужев. XII—238.
- О постановке партийной пропаганды в связи с выпуском «Краткого курса истории ВКП(б)». XII—9.
- Оправдать доверие народа. I—12.
- От редакции. III—287.
- От редакции. А. Г. Малышкин (некролог). VIII—11.
- Памяти К. С. Станиславского. VIII—219.
- А. Панфилов. Ганки идут в бой. X—141.
- К. Паустовский. Маршал Блюхер. II—211.
- А. Первенцев. Иван Кочубей. II—263.
- Р. Пересветов. Музей МХАТ. X—243.
- В. Перцов. Исторические романы Ал. Н. Толстого. VIII—224.
- Писатели Чехословакии о Горьком. VI—254.
- Пламенный борец за коммунизм. XII—21.
- Н. Пяско. Маяковский в борьбе с врагами. IV—239.
- Н. Пяско. В. И. Лебедев-Кумач. VI—188.
- Под знаменем Сталинской Конституции. XII—3.
- Полк. И. Попов. Военно-экономические ресурсы и вооруженные силы Японии. VII—221.
- Полк. И. Попов. Угроза новой мировой войны. VIII—202.

Полк. И. Попов. Чехословакия и ее вооруженные силы. IX—240.
 Полк. И. Попов. Фашистская Германия и ее вооруженные силы. X—188.
 Полк. И. Попов. Китай и его армия. XI—182.
 Разгром антисоветской право-троцкистской банды. III—5.
 И. Раневский. РСФСР. V—197.
 Иван Рахнало. Великий летчик нашего времени. XII—30.
 З. Рихтер. Нина Шовгенова. X—149.
 С. Ромм. Рассказы А. Ульянского. IX—260.
 Вс. Саблин, З. Фазни. Товарищ Серго. II—225.
 В. Сахновский. К. С. Станиславский. VIII—220.
 В. Сахновский К. С. Станиславский. IX—249.
 Дм. Семеновский. А. М. Горький, письма и встречи. III—263.
 К. Ситник. Выставка грузинского искусства. I—313.
 Комбриг П. Смирнов. Как вооружался пролетариат. XI—171.
 Эдгар Сноу. Вожди и герои китайского народа. I—250.
 Сообщение Центральной Избирательной комиссии. I—10.
 Сообщения центральных избирательных комиссий. VII—11.
 И. В. Сталин. Речь на предвыборном собрании избирателей Сталинского избирательного округа г. Москвы 11 декабря 1937 г. в Большом театре. I—5.
 Н. Сут. «Слово о полку Игореве». V—252.
 Эми Сюо. Литература и искусство героического Китая. VII—229.
 В. Тарсис. Павло Тычина. VI—192.
 Полк. В. Терещенко. Танки. XII—198.
 Триумф большевизма. VII—5.
 Проф. В. П. Федоров. Биография гелия. VI—225.
 Евгений Федоров. Мои первые шаги в Арктике. III—177.
 Проф. Ю. Фролов. Наблюдательность, внимание и память. III—245.
 В. Хетагурова. На Дальний Восток. III—189.
 В. Ходаков. Комсомол и Красная Армия. X—178.
 Тих. Холодный. Академик Т. Д. Лысенко. VII—189.
 М. А. Цявловский. Экспромт А. С. Грибоедова. IV—276.
 М. А. Цявловский. Пушкин и «Слово о полку Игореве». V—260.
 Проф. А. В. Чапыгин. «Большая Волга». III—229.
 Проф. П. Ю. Шмидт. На грани жизни. III—209.
 Л. Якобсон. А. Н. Веселовский (к столетию со дня рождения). IV—261.

БИБЛИОГРАФИЯ:

Проф. П. Анохин. Проф. Х. С. Коштоянц. «Повесть из жизни акад. Павлова». XI—286.
 С. Б. «Как мы били японских самураев», сборник статей и документов. XI—276.

П. Березов. «Героические будни». Очерки о Красной Армии. VI—283.
 П. Березов. Вл. Саблин и З. Фазин «Чрезвычайный комиссар». VIII—266.
 П. Березов. М. Шкапская. «Человек работает хорошо» (Дальний Восток). XI—278.
 П. Березов. Юрий Жуков «Граница» XII—280.
 С. В. Генрих Манн «Юность короля Генриха IV». IV—282.
 С. В. «Коллективные охоты». IX—285.
 К. Е. Ворошилов. Сталин и Красная Армия. II—284.
 С. Востокова. Вилли Бредель «Твой неизвестный брат». IV—281.
 С. Востокова. Ричард Райт «Дети дяди Тома». XI—281.
 М. Гершензон. С. Михалков «Мои стихи». VIII—269.
 Гр. Горьев. М. Горький и А. Чехов. Переписка, статьи, высказывания. VI—281.
 В. Жданов. А. Полежаев, стихотворения. III—280.
 Ф. Кельни. Антонио Руис-Вилаплана «Я свидетелствую». V—285.
 М. Кессель. Романсеро о гражданской войне. VI—284.
 М. Клеветский. М. Щедрин (М. Е. Салтыков). Полное собр. соч. том. VIII. Критика и публицистика (1868—1878). VI—286.
 Б. Козьмин. М. А. Антонович. Избранные статьи. X—286.
 Б. Козьмин. Н. П. Огарев «Избранные стихотворения и поэмы». XI—279.
 Г. Левин. Горький на родине, сост. А. Елисеев. VI—280.
 Н. Любимов. Осип Колычев «Пулеметная лента», стихи. VII—284.
 Н. Любимов. Вл. Лидин «Большая река». VIII—267.
 Г. Мерлинский. И. М. Москвин «Творческие беседы мастеров театра». XII—279.
 М. Нинес. Глеб Успенский. IX—281.
 П. Попов. С. Голубов «Бестужев-Марлинский». IV—284.
 Ив. Розанов. Вас. Лебедев-Кумач «Книга песен». V—283.
 Ив. Розанов. Илья Френкель «Моряки». Стихи. VII—286.
 Вл. Рубин. Жозефина Джонсон «Теперь в ноябре». V—286.
 Вл. Рубин. Джордж Мильбэрн «Прейскурант». VIII—271.
 П. С. «Крылья Испании», очерки о летчиках республиканской Испании. IX—284.
 С. Севастьянов. В. В. Стасов. Обзоры. Выставки. Poleмика. III—284.
 Б. Сенин. Горький в Самаре, рассказы, фельетоны, воспоминания. VII—280.
 О. Слуцкая. Густав Реглер «Посев». XI—283.
 Шалва Сослани. Песнь об Арсене. X—286.
 И. Стариков. Всеволод Рязанцев «Светлая тьма». Роман в трех частях. VII—283.
 Х. Херсонский. Рождение художественного образа в театре кукол. XII—271.

СОДЕРЖАНИЕ

ВКЛАДКА — портрет С. М. Кирова.

	Стр.
ПОД ЗНАМЕНОМ СТАЛИНСКОЙ КОНСТИТУЦИИ.	3
О ПОСТАНОВКЕ ПАРТИЙНОЙ ПРОПАГАНДЫ В СВЯЗИ С ВЫПУСКОМ «КРАТКОГО КУРСА ИСТОРИИ ВКП(б)».	9
Постановление ЦК ВКП(б).	21
ПЛАМЕННЫЙ БОРЕЦ ЗА КОММУНИЗМ.	22
МАМЕД РАГИМ. — Бессмертный герой (Киров), стихотворение, перевод с азербайджанского М. Алигер и П. Антоколь- ского.	25
М. МАТУСОВСКИЙ. — Траурный марш, стихотворение.	26
В. ДЕРЖАВИН. — Памяти героя, стихотворение.	27
С. ГУРЕВИЧ. — У гроба Чкалова, стихотворение.	28
М. ЗЕНКЕВИЧ. — Валерий Чкалов, стихотворение.	30
И. РАХИЛЛО. — Великий летчик нашего времени.	35
АЛ. МАЛЫШКИН. — Гражданин, киноповесть.	62
А. КОПШТЕЙН. — Застава, стихотворение.	63
Е. ЮНГА. — Портовые рассказы.	76
В. ЗВЯГИНЦЕВА. — Стихотворение.	77
МИКОЛА БАЖАН. — Узбекистанские стихи, перевод с украин- ского П. Антокольского.	81
ФЕДОР ГЛАДКОВ. — Энергия, роман, окончание.	132
П. КУСТОВ. — Конь, стихотворение.	133
И. ЭРЕНБУРГ. — Рассказы.	141
В. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ. — Парк в городе Пушкина, стихо- творение.	143
В. ЛОСЕВ. — Молодой человек, роман, окончание.	
ЛЮДИ И ФАКТЫ	
П. МАНУЙЛОВ. — Героини-летчицы.	172
ИВ. ЗЫКОВ. — Зимний берег.	
НАУКА И ТЕХНИКА	
Проф. М. НЕМЕНОВ. — Радий и его применение.	198
ЕСЛИ ЗАВТРА ВОЙНА	
Полк. В. ТЕРЕЩЕНКО. — Танки.	208
Полк. С. ГУРОВ. — Разгром Врангеля.	
ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО	
Ф. КЕЛЬИН. — Октябрь в испанской литературе.	218
П. НОВИЦКИЙ. — А. А. Остужев.	238
ИЗ ПЕРЕПИСКИ А. П. ЧЕХОВА и О. Л. КНИППЕР.	257
БИБЛИОГРАФИЯ	
Х. ХЕРСОНСКИЙ. — Рождение художественного образа в театре кукол (о книге С. В. Образцова «Актер с куклой»)	271
Г. МЕРЛИНСКИЙ. — И. М. Москвин. «Творческие беседы масте- ров театра».	279
П. БЕРЕЗОВ. — Юрий Жуков. «Граница».	280
СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА «НОВЫЙ МИР» за 1938 год.	283

Редакция: Ф. В. Гладков

Ответственный редактор В. П. Ставский

Л. М. Леонов

А. Г. Малышкин

В. П. Ставский

Редакция: Москва. 6. Пушкинская площадь, 5.

Издательство: «Известия Советов депутатов трудящихся СССР»

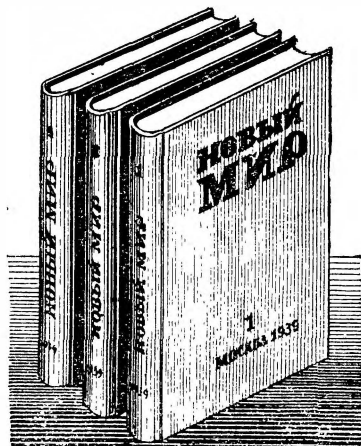
ИЗДАТЕЛЬСТВО „ИЗВЕСТИЯ СОВЕТОВ ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ СССР“
Москва, Пушкинская пл, д. 5.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1939 г.

НА ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-
ПОЛИТИЧЕСКИЙ
Ж У Р Н А Л

Н О В Ы Й М И Р

15-й ГОД ИЗДАНИЯ

Н О В Ы Й М И Р

П Е Ч А Т А Е Т :

Произведения советской художественной литературы народов СССР.
Произведения большевистской критики по вопросам художественной литературы, театра, музыки, кино, живописи, архитектуры и культуры.
Статьи и очерки о строительстве социалистического хозяйства и социалистической культуры.
Сборники и статьи о политической, экономической и культурной жизни капиталистических стран.

Третья (мартовская) книга журнала за 1939 год будет посвящена 125-летию со дня рождения Т. Г. ШЕВЧЕНКО. В книге будет помещен многокрасочный портрет Т. Г. Шевченко художника И. Е. Репина.

★
В ЖУРНАЛЕ
ПЕЧАТАЮТСЯ
И Л Л Ю СТРАЦИИ
И МНОГОКРАСОЧНЫЕ
ВКЛАДКИ
ЛУЧШИХ МАСТЕРОВ
СОВЕТСКОЙ
ЖИВОПИСИ.
★

Десятая (октябрьская) книга журнала за 1939 год будет посвящена 125-летию со дня рождения М. Ю. ЛЕРМОНТОВА. В книге будет помещен многокрасочный портрет М. Ю. Лермонтова (автопортрет

Условия подписки на 1939 г.

БЕЗ ПЕРЕПЛЕТА:	
12 мес.	36 руб.
6 мес.	18 руб.
3 мес.	9 руб.
В ПЕРЕПЛЕТЕ:	
12 мес.	60 руб.
6 мес.	30 руб.
3 мес.	15 руб.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ всюду на почте, почтальонами, сборщиками подписки на предприятиях и в учреждениях и отделениях КОГИЗ'а